

Родная ЛАДОГА

№ 2 (76) ' 2026

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор
Андрей РЕБРОВ

Заместитель главного редактора,
заведующая литературным отделом
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Ответственный секретарь
Сергей КОРЫТИН

Руководитель
редакционно-издательского отдела
Татьяна МАКАРОВА

Помощник главного редактора
Анна КОНДРАШОВА

Издается ежеквартально
при участии:

Группы охранных
предприятий
«ФОРПОСТ»

Союза писателей России

Ассоциации российских дипломатов

Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России

Собора православной
интеллигенции Санкт-Петербурга

ЧИТАЙТЕ САЙТ ЖУРНАЛА «Родная Ладога»: rodnayaladoga.ru

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-55701 от 21 октября 2013 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов); Громов А.В. (Самара); Казин А.Л. (Санкт-Петербург); Корольков А.А. (Санкт-Петербург); Орлов Б.А. (Санкт-Петербург); Сдобняков В.В. (Нижегород); Семенов В.Е. (Санкт-Петербург); Скотникова Г.В. (Санкт-Петербург); Смолькин И.А. (Псков); Швечиков А.Н. (Москва).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БУНЕЕВ Владимир Васильевич (Санкт-Петербург) — генеральный директор АО «47 ТРЕСТ», Почетный строитель России.

БУРЛЯЕВ Николай Петрович (Москва) — депутат Государственной думы ФС РФ, Народный артист России, президент Международного Кинофорума «Золотой Витязь».

ГРЕШНЕВИКОВ Анатолий Николаевич (Москва) — депутат Государственной думы ФС РФ, член Союза писателей России.

ДЕВЯТОВ Сергей Викторович (Москва) — советник директора ФСО России, доктор исторических наук, профессор.

ЗАХАРЧЕНКО Виктор Гаврилович (Краснодар) — Народный артист России и Украины, руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, профессор, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

ИВАНОВ Геннадий Викторович (Москва) — Первый заместитель Ответственного секретаря СП России.

ИВАНОВ Николай Федорович (Москва) — Ответственный секретарь СП России, член Совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ.

ИЛЛЯШЕВИЧ Владимир Николаевич (Эстония) — председатель Эстонского отделения СП России, гл. редактор журнала «Балтика», секретарь СП России.

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович (Беларусь) — доктор философских наук, профессор Гродненского государственного университета им. Янки Купалы.

КРУШИН Владимир Николаевич (Москва) — председатель Высшего творческого совета, член Правления СП России.

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович (Москва) — поэт, член Правления СП России.

ЛЕОНТЬЕВ Михаил Владимирович (Москва) — руководитель и ведущий программы «Однако».

МОСКВИТИН Филипп Александрович (Москва) — Заслуженный художник России, член-корреспондент Российской академии художеств.

НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна (Москва) — доктор исторических наук, президент «Фонда исторической перспективы», член Общественной палаты РФ.

НОЖКИН Михаил Иванович (Москва) — Народный артист России, лауреат Государственной премии России, сопредседатель Правления СП России.

СЕРДЮК Юрий Дмитриевич (Санкт-Петербург) — учредитель строительной компании «ВитаСтрой», основатель и директор Фонда «Я Русский», капитан 3 ранга запаса.

СКВОРЦОВ Ярослав Львович (Москва) — доцент, декан факультета Международной журналистики МГИМО Университета МИД РФ, член СП России.

ХАМИДОВА Зулай Хамидовна (Москва) — известный чеченский языковед, доктор филологических наук, профессор.

Княгиня ЧАВЧАВАДЗЕ Елена Николаевна (Москва) — вице-президент Российского Фонда культуры, режиссер, сценарист.

ШЕВЦОВ Никита Всеволодович (Москва) — профессор, заведующий кафедрой Международной журналистики МГИМО Университета МИД РФ.

ЩИПКОВ Александр Владимирович (Москва) — доктор политических наук, кандидат философских наук, заместитель Главы Всемирного русского народного собора, ректор Российского православного университета.

СОДЕРЖАНИЕ

Национальное самосознание

Владимир Путин, Президент России. «Победа всегда была и всегда будет за нами!» <i>Речь на Параде Победы в Москве 9 мая 2026 г.</i>	5
Святейший Патриарх Московский и всея Руси КИРИЛЛ. Слово в день памяти святых равноапостольных Мефодия и Кирилла	8

ПОЭЗИЯ

Владимир Силкин	11
Сергей Ефимов	14
Юрий Кублановский	83
Наталья Егорова	86
Елена Коновалова	149
Григорий Калужный	190
Станислав Ведринцев	193
Шарип Цуруев	238
Сергей Корытин	292
Сергей Федоров	317

МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Митрополит Петрозаводский и Карельский КОНСТАНТИН (Горянов). Год единства народов России: библейские архетипы, история и современность ...	18
Епископ Сергиево-Посадский и Дмитровский КИРИЛЛ (Зинковский). Отечество Небесное и земное: осмысление патриотизма в монашестве. <i>Выступление на конференции «80-летие Великой Победы: память и духовный опыт поколений»</i>	56
Владимир Катасонов. Апофатика в науке	63
Виталий Аверьянов. О стратегической прочности России.....	122

Царский ПУТЬ

Митрополит Симферопольский и Крымский ТИХОН (Шевкунов). Дореволюционное образование, наука, промышленность и транспорт. <i>Из книги «Гибель империи. Российский урок»</i>	50
Артем Ермаков. Невольник чести: император Павел I и его роль в русской истории. <i>К 230-летию восшествия на престол (1796) и 225-летию мученической кончины (1801)</i>	254

ДЕСЯТКИЦА

Иерей Тарасий Борозенец. Пещера Платона и Вифлеемская пещера	71
---	----

Северная СТОЛИЦА

Александр Щипков. Пасха, снег и мост лейтенанта Шмидта	78
---	----

Точка ЗРЕНИЯ

Александр Мосякин. Ленинская доктрина пораженчества и «деколонизации» России. <i>Историко-публицистический очерк (окончание)</i>	91
Андрей Ильницкий. Три идеи России	134
Араик Степанян. Понимание вызовов современности: от свободы к замещению... ..	140

Связь ВРЕМЕН

Леонид Савин. Двенадцать подвигов Фиделя 145

ПАМЯТОСЛОВ

Дмитрий Володихин. «Друг царей, верноподданный России». К 260-летию со дня рождения и 200-летию со дня кончины (1826–2026) Н.М. Карамзина ... 152

Пути ПОЗНАНИЯ

Владимир Можегов. Пушкин как историкософ 160

Владимир Воропаев. «Каждого из нас званье свято»: Гоголь и Государь

Николай Павлович..... 180

ДОСЛУХИ

Вячеслав Никонов. Вечно помнить! К 85-летию начала Великой

Отечественной войны 197

Николай Долгополов. Полковник К..... 215

Дороги ВОЙНЫ

Арсений Замостьянов. «Сквозь память человечеству плыву» 207

ПРОЗА

Александр Малькевич. Живой 224

Юрий Поляков. Пуговица Сталина 232

Михаил Зарубин. Командировка к итальянским строителям..... 296

История И СОВРЕМЕННОСТЬ

Владимир Анищенков. Конец Ливонского ордена. Из истории многовековой

духовной и военно-политической борьбы с Западом..... 242

Темиз РОССИИ

Виктор Саулкин. Русский архистратиг Суворов 272

БЕСЕДА

Анатолий Грешневилов. Последние русские. Беседа писателя, депутата

Государственной Думы Российской Федерации Анатолия Грешневилова

с писателем, лауреатом Патриаршей премии Михаилом Чвановым..... 303

Организации, запрещенные на территории РФ: «Исламское государство» («ИГИЛ»); Джебхат ан-Нусра (Фронт победы); «Аль-Каида» («База»); «Братья-мусульмане» («Аль-Ихван аль-Муслимун»); «Движение Талибан»; «Священная война» («Аль-Джихад» или «Египетский исламский джихад»); «Исламская группа» («Аль-Гамаа аль-Исламия»); «Асбат аль-Ансар»; «Партия исламского освобождения» («Хизбут-Тахрир аль-Ислами»); «Имарат Кавказ» («Кавказский Эмират»); «Конгресс народов Ичкерии и Дагестана»; «Исламская партия Туркестана» (бывшее «Исламское движение Узбекистана»); «Меджлис крымско-татарского народа»; Международное религиозное объединение «ТаблигиДжамаат»; «Украинская повстанческая армия» (УПА); «Украинская национальная ассамблея – Украинская народная самооборона» (УНА - УНСО); «Тризуб им. Степана Бандеры»; Украинская организация «Братство»; Украинская организация «Правый сектор»; Международное религиозное объединение «АУМ Синрике»; Свидетели Иеговы; «АУМ Синрике» (AumShinrikyo, AUM, Aleph); «Национал-большевистская партия»; Движение «Славянский союз»; Движения «Русское национальное единство»; «Движение против нелегальной иммиграции».

Полный список организаций, запрещенных на территории РФ, см. по ссылкам:

https://minjust.ru/ru/nko/perechen_zapret

<http://nac.gov.ru/terroristicheskie-i-ekstremistskie-organizacii-i-materialy.html>

<https://rg.ru/2019/02/15/spisokterror-dok.html>

Национальное САМОСОЗНАНИЕ

Владимир ПУТИН
Президент России

**«ПОБЕДА ВСЕГДА
БЫЛА И ВСЕГДА
БУДЕТ ЗА НАМИ!»**

*Речь на Параде Победы
в Москве 9 мая 2026 г.*

Источник: Сайт Президента
России. URL: <http://www.kremlin.ru>.

9 мая 2026 г. Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами Российской Федерации Президент России Владимир Владимирович Путин присутствовал на Красной площади в Москве на военном параде в ознаменование 81-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и выступил с речью.

Дорогие граждане России! Дорогие ветераны!

Товарищи солдаты и матросы, сержанты и старшины, мичманы и прапорщики! Товарищи офицеры, генералы и адмиралы! Бойцы и командиры — участники специальной военной операции! Уважаемые гости!

Поздравляю вас с Днем Победы — с нашим священным, светлым и самым главным праздником!

Мы отмечаем его с чувствами гордости и любви к своей стране. С пониманием нашего общего долга — защищать интересы и будущее Родины. Отмечаем с искренней сыновней благодарностью великому поколению победителей.

Мы свято чтим заветы и наследие солдат Победы. Забота об Отчизне объединяет всю нашу страну, весь народ России, а сохранение памяти о событиях Великой Отечественной войны, ее подлинной истории, истинных героях для нас — дело чести.

Мы всегда будем помнить подвиг советского народа — то, что именно он внес решающий вклад в разгром нацизма, спас свою страну, спас мир, положил конец тотальному, беспощадному злу, вернул суверенитет тем государствам, которые капитулировали перед гитлеровской Германией, превратились в покорных соучастников ее преступлений.

Наш солдат понес колоссальные потери, принес колоссальную жертву во имя свободы и достоинства на-

Президент России В.В. Путин на параде Победы

родов Европы, стал воплощением мужества и благородства, стойкости и человечности и увенчал себя великой славой грандиозной Победы.

Дорогие друзья!

22 июня 1941 г. — одна из самых трагических, самых скорбных дат нашей истории. В этом году исполнится 85 лет, как началась Великая Отечественная война.

Нацисты вероломно напали на Советский Союз, планировали захват страны и ее богатейших ресурсов, полное уничтожение культуры, нашего исторического наследия и, наконец, истребление, порабощение, геноцид всего многонационального советского народа — именно всех народов, наций, этносов Советского Союза.

Для реализации этих преступных целей были собраны силы по всей Европе. Казалось бы, нацистские стратеги педантично учли все. Кроме одного — того, что называется русским характером и силой духа советского народа.

Эти качества с особой мощью проявляются в самые трудные для Отечества времена. Наш народ стеной встал на пути врага и показал, что преданность Родине — это высшая правда, способная сплотить миллионы людей.

Мы помним беспримерную стойкость солдат, матросов и офицеров, самоотверженность участников народного ополчения, партизан и подпольщиков, гигантские усилия тыла, науки, промышленности, тружеников села.

Фронт и тыл были едины. Подлинный патриотизм, мужество и жертвенность народа возвышали его над врагом, придавали силы и укрепляли веру в Победу. Она была завоевана, выстрадана и одержана!

Все это живет в семейных историях, в сердцах наших детей, внуков и правнуков. В памяти каждого из нас.

Мы склоняем головы перед павшими в боях. Перед теми, кто был замучен в оккупации и в плену, кто умер от голода в блокадном Ленинграде, в

*Военный парад в ознаменование 81-й годовщины Победы
русского народа в Великой Отечественной войне*

других осажденных городах и поселках. Перед всеми, кто отдал свои жизни за Родину, за Россию. Склоняем головы перед памятью сыновей, дочерей, отцов, матерей, дедов, прадедов, мужей, жен, братьев, сестер, родных, друзей. Объявляется минута молчания.

[Минута молчания]

Дорогие друзья!

Великий подвиг поколения победителей вдохновляет воинов, выполняющих сегодня задачи специальной военной операции. Они противостоят агрессивной силе, которая вооружается и поддерживается всем блоком НАТО. И несмотря на это, наши герои идут вперед.

Рядом с российскими воинами — рабочие и конструкторы, инженеры, ученые, изобретатели. Они продолжают традиции своих предшественников, опираясь на современный боевой опыт, создают передовые, уникальные образцы вооружения, разворачивают их массовое производство.

Но как бы ни менялись техника и способы ведения боя, неизменным остается главное: судьбу страны вершат люди: бойцы и заводчане, работники сельских предприятий, оружейники и военкоры, врачи и учителя, деятели культуры и священнослужители, волонтеры, предприниматели, благотворители. Все граждане России!

Залог успеха — наша моральная, нравственная сила, отвага и доблесть, наша сплоченность и способность выдержать все. Одолеть любые испытания!

У нас общая цель. Каждый вносит личный вклад в Победу. Она куется и на поле боя, и в тылу.

Твердо уверен, что наше дело — правое! Мы вместе! Победа всегда была и всегда будет за нами!

Слава народу-победителю! Слава ветеранам! Слава Вооруженным Силам России! С праздником вас! С Днем Победы! Ура!

Национальное САМОСОЗНАНИЕ

**Святейший
Патриарх Московский и
всёя Руси КИРИЛЛ**

СЛОВО В ДЕНЬ ПАМЯТИ СВЯТЫХ РАВНОАПОСТОЛЬНЫХ МЕФОДИЯ И КИРИЛЛА

24 мая 2026 г., в день памяти святых равноапостольных Мефодия и Кирилла, учителей Словенских, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл совершил Божественную литургию в кафедральном соборном храме Христа Спасителя в Москве. По окончании богослужения Предстоятель Русской Православной Церкви обратился к верующим с Первосвященительским словом.

Ваши Высокопреосвященства и Преосвященства! Уважаемые высокие представители государственной власти! Дорогие отцы, братья и сестры!

Всех вас сердечно благодарю за молитвы, особенно за те, которые сегодня были вознесены ко Господу и Спасителю нашему епископатам нашей Церкви, духовенством и благочестивым народом обо мне, недостойном.

Употребляя слово «недостойный», я использую его не так, как это иногда в каких-то «политесных» контекстах используется, не как некое самоуничтожение, ведь на самом деле нередко за этим самоуничтожением кроется страшная гордыня. Здесь нет ни самоуничтожения, ни, поверьте, гордыни. Но когда я соотношу свои возможности и свои силы с тем масштабом работы и с той высотой ответственности, которая возложена на Патриарха, то отчетливо понимаю, что никакими физическими, духовными силами, способностями или отсутствием таковых невозможно ни оправдать, ни измерить все то, за что лежит ответственность на Патриархе и что от него требуется, — дабы мирно, спокойно, сильно (с точки зрения воздействия на умы

Пресс-служба Патриарха Московского и всея Руси. URL: <https://www.patriarchia.ru>.

и души людей) продолжалось историческое бытие нашей Русской Православной Церкви.

Патриаршее служение имеет силу тогда, когда оно поддерживается собором архиереев, то есть архипастырями нашей Церкви. И я хотел бы в лице тех владык, которые здесь присутствуют, поблагодарить весь епископат нашей Церкви за ту поддержку, которую я испытывал и испытываю на протяжении всего времени моего Патриаршего служения. Покуда будет так, покуда будет сохраняться единство нашей Церкви, никакие даже самые хитросплетенные схемы и никакие управляемые грозными силами процессы, направленные на ослабление Церкви и Отечества нашего, никакого успеха иметь не будут.

Почему я с такой уверенностью говорю? Потому что вся история России и Русской Церкви об этом свидетельствует. Мы становились легкой добычей противника — будь то политического противника или противника духовного, как это произошло в XX веке, — тогда, когда мы слабели или когда уж очень чувствовали себя сильными и через это завышенное отношение к самим себе, как это было в начале XX века, теряли чувство контроля, в том числе и над тем, что происходило в стране.

Нынешнее наше служение, несомненно, впитывает в себя и положительные, и трудные обстоятельства прошлого. И многому учит — по крайней мере, точно учит Патриарха. Я вижу свою задачу в первую очередь в сохранении канонического единства нашей Церкви. Недаром же после революционных событий первое, что произошло в нашей Церкви, — раскол. И не один раскол, а несколько, направленных на то, чтобы скомпрометировать авторитет Церкви в глазах верующих, запутать их, чтобы они не могли понять: а где же источник правды, а где же благодать Божия?

Вот эти страшные деяния тогдашней безбожной власти, направленные на создание расколов, разделений, на компрометацию Церкви, причем гадкую компрометацию в связи с изъятием церковных ценностей, были призваны запутать людей. Сказали, что надо собрать церковные ценности, чтобы помочь голодающим Поволжья. Сразу же Священноначалие ответило: да, мы соберем. Тогдашний Предстоятель Церкви сказал это. И митрополит Петроградский сказал, что собственными руками снимет драгоценную ризу с Казанской иконы Божией Матери и отдаст эти сокровища в помощь голодающим. Но совсем не это нужно было тогда безбожной власти. Надо было скомпрометировать Церковь.

А для того, чтобы это работало, нужна была альтернатива церковной жизни. И такую альтернативу создали в виде так называемого обновленческого безблагодатного раскола. И думали, что все на этом закончено. Потом последовали тяжелейшие 1930-е годы, и казалось: все, закончено с Православием. А потом громыхнул 1941 год. И что же? Осознал наш тогдашний верховный правитель — все-таки по воспитанию он был семинарист, — что необходимо привлечь Церковь к борьбе со страшным врагом. Потому что Церковь послушают, за Церковью пойдут; поддержка Церкви будет свидетельствовать о примирении тогдашней власти с Церковью, что будет еще сильнее консолидировать народ и содействовать победе. Так все и произошло.

И когда в 1943 году тогдашний руководитель страны Иосиф Сталин пригласил к себе на встречу митрополитов — тогдашнего митрополита

Киевского Николая (Ярушевича), Местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Сергия (Страгородского) и митрополита Ленинградского Алексия (Симанского), — первые слова, которые он тогда произнес, были такими: «Владыки...». Не так, как стали позже называть, по имени-отчеству, или как иногда непонятно как образованные чиновники до сих пор архиереев называют — по имени-отчеству. Не по имени-отчеству назвал, а сказал: «Владыки, кто старое помянет, тому глаз вон. Давайте начнем писать новую страницу церковно-государственных отношений в стране Советов». И выпустил всех, кто тогда был в тюрьмах и лагерях. Открылись семинарии, открылись монастыри. И Церковь наша набирала силу, укреплялась, благодатно воздействовала на народ, на власть.

Но потом пришел безумный правитель, вошедший в анекдоты как ни один другой правитель, получивший прозвище «кукурузник», который объявил, что к 1980 году будет построен коммунизм и он покажет по телевизору последнего попа. Я нередко вспоминаю этот эпизод, потому что в нашей исторической памяти это должно отобразиться вот в каком контексте: нет никакой ни человеческой силы, ни политической, ни культурной или антикультурной силы — никакой, которая была бы сильнее силы Божией. И все эти дивные преобразования, которые произошли в нашей стране за последние годы, — это все по Промыслу Божию и, верим, силой Божественного присутствия в нашем историческом бытии.

Говоря сегодня обо всем этом, еще раз призываю всех к тому, чтобы мы благодарили Господа за тот исторический путь, который прошла наша Церковь, благодарили Его за народ наш, который, несмотря на прежнее богоотступничество, ныне обратился к Богу, за власть нашу, которая сегодня не скрывает своего отношения к Православной Церкви. Дай Бог, чтобы эти сложившиеся церковно-государственные отношения, эта консолидация нашего народа сохранялись на долгие годы, потому что от этих факторов очень и очень зависит и материальное, и духовное состояние народа и Отечества нашего.

Еще и еще раз всех вас, мои дорогие владыки, отцы и братья, призываю к неустанной молитве за Отечество наше, за власти, за воинство и, конечно, за нашу Церковь многострадальную — Церковь-мученицу, исповедницу, которая ныне пребывает в таком состоянии, в котором она никогда не пребывала, даже во времена царской власти, когда она могла быть действительно в особом положении и оказывать особое влияние, в том числе на стороны государственной жизни.

Господь нам с вами дает такое благодатное время не по нашим заслугам, а по жертвам мучеников, исповедников, всех тех, кто жизнь свою положил за Церковь и за Отечество. Мы должны быть ответственны и пред Богом, и перед теми, кто был до нас и кто не дожил до этих замечательных времен, когда у Церкви действительно открыты все возможности в полной мере совершать свое призвание — служить Богу, Отечеству и народу нашему.

Пусть Господь помогает всем нам именно так, а не иначе идти нашим архиерейским путем, священническим путем, мирянским путем, укрепляя веру в нашем народе! Аминь!

С праздником всех вас поздравляю, мои дорогие!

*Памяти земляка,
старшего лейтенанта
Павла Ретина*

Владимир СИЛКИН

ОКОПНАЯ СВЕЧА

Владимир Александрович Силкин — поэт, прозаик, журналист, переводчик. Родился в 1954 г. в городе Ряжске Рязанской области. Начальник военно-художественной студии писателей Центрального Дома Российской Армии им. М.В. Фрунзе Министерства обороны России. Заслуженный работник культуры РФ, лауреат Государственной премии России. Автор более 80 книг разных жанров, свыше 1000 текстов песен. Награжден орденами Почета и Дружбы, Благодарностью Президента РФ. РПЦ отмечен орденами св. блгв. князя Даниила Московского и преп. Серафима Саровского. Лауреат многих литературных премий. Кандидат педагогических наук, доцент, действительный член РАЕН и ПАНИ, ряда других российских академий. Полковник в отставке, ветеран боевых действий. **Живет в Москве.**

На Камчатке темнеет рано,
Петропавловск-Камчатский спит.
Мне не важно, травма иль рана,
Важно страшное: что убит.

Не наденет уже тельняшку
Накрахмаленную свою,
И уже не пройдет по Ряжску,
А останется в том бою.

Будет ангел-хранитель плакать,
Как и мама, всю ночь навзрыд.
В чуждой Павловке бросит якорь,
Что, как солнце, другим горит.

В Ряжске снег — и канючит ветер,
На Политова намело.
И твой ангел на этом свете
От бессилья сломал крыло.

ПЕРЕДОВАЯ

Сбесились пули, минный вой,
И посылают смерть кому-то.
Но я живой, но я живой,
И я встречаю это утро.

Я обещал тебе прийти
И руки положить на плечи.
Мне нет сейчас назад пути,
Иначе и не будет встречи.

Я покидаю свой окоп.
Теплее не было окопа.
И сразу целится мне в лоб
Вся коллективная Европа.

Но я вернусь, но я вернусь,
Поскольку ожидают дома.
И я гоню все дальше гнусь,
И я ее вгоняю в кому.

Я после боя допишу
Все, что сейчас не успеваю.
Тобой, единственной, живу,
И не страшна передовая.

ОКОПНАЯ СВЕЧА

Не Сталинград, но вгрызлись
в землю знатно,
В бетоне неприступном блиндажи.
И нам без объявления понятно,
Что враг ночами точит штык-ножи.

Мы замечаем: он резервы копит
И снова новобранцев вводит в строй.
И птичка ищет цель свою в окопе,
И целится в меня она порой.

Всё так, всё так... Становится теплее,
Адреналин безумствует в крови.
Твоя свеча в моем окопе тлеет,
Но враг не знает о твоей любви.

И лучше знать ему о том не надо,
Не надо к нам соваться сгоряча.
Твоя любовь — как высшая награда,
Твой оберег — окопная свеча.

ЗА ЭТОЙ ДОРОГОЙ

За этой дорогой — лес
До мира дожить мечтает.
И снег от солнца облез
И тает весь день, и тает.

Горит иноземный танк,
Кричит возле танка птица.
И что-то тревожно так...
И что-то должно случиться.

За этой дорогой — бой,
За этой дорогой — вспышки.
И жертвуют вновь собой
Ивановские мальчишки.

За этой дорогой мы
Без усталости наблюдаем.
И будет ли после зимы
Мирная жизнь — гадаем.

ДАНИЛА

Читаю сводки. Вот оно и всплыло,
Насколько изменился шар земной:
Десантник из Иваново Данила
За сутки взял полдома в Кременной.

Два этажа отбил у супостата,
Полночи прорывается в подвал.
Я знаю, что Даниле трудновато,
Но за ночь точно он его дожал.

А значит, утром с ближнего пролета
По лестницам поднимется десант,
И ввысь взлетит крылатая пехота,
Привыкшая ходить по небесам.

Храни вас Бог, ивановские боги,
Смотрите в оба в этой Кременной,
Чтоб вместе с вами утром на дороге
О мины не споткнулся шар земной.

ВСЕ В ПОРЯДКЕ

Мне ночь преподнесла огня,
Как ягод сочных с грядки.
— Да, все в порядке у меня!
Да, все в порядке!

Я это сам себе кричу,
Как будто маме.
Я этих ягод не хочу
В окопной яме.

Я маме десять раз пишу
И рву бумагу,
Что «Орден Мужества» ношу
И — «За Отвагу».

Что мне сейчас гостей встречать
В лесопосадке.
Но маме надо отвечать,
Что все в порядке.

КОМБАТ

Фугасы снимает комбат,
Закрытые желтой травой...
«Не воин один», — говорят.
А я утверждаю, что воин.

Так вышло: два танка горят,
И ветры над пламенем воют.
«Не воин один», — говорят.
А я утверждаю, что воин.

И если б не спас их комбат,
Вокруг бы сгорело живое.
«Не воин один», — говорят.
А я утверждаю, что воин.

И раненых вывел солдат,
Как кто-то давно под Москвою.
«Не воин один», — говорят.
А я утверждаю, что воин.

ПИСЬМО ДОЧКЕ

Как ты встаешь по утрам без меня,
Слушаешь маму?
Как обещал, дорисуем коня,
Старую ламу.

В мире животных каких только нет!
Зебры, косули...
Ладно, от наших вам с мамой привет!
Всей нашей Туле!

Я привезу тебе, как обещал,
Тельник с беретом.

Ты их к любимым девичьим вещам
Спрячешь от света.

Ты мой хранитель и мой адресат,
Жизни основа.
В теплых руках твоих русский десант
Греется снова.

Долго целую! На службу пора!
Строится рота,
Вне распорядка сегодня с утра
В поле работа.

ЗАЧЕТ

Гвардии капитану Даниле Гайфуллину

Бой завершился сейчас под Попасною.
Не отступили, стоим.
Я и не знал, что бывает прекрасною
Жизнь даже горем своим.

Курим в кулак, улыбаемся ротному:
«Тельники» не подвели.

Эта траншея — как бесповоротная
Ось мировая земли.

Русские лица, от пороха черные,
Пот из-под касок течет.
Вот и вписали нам в книжки зачетные
Алою кровью: «Зачет».

ПРАВЫЙ БЕРЕГ

Правый берег будет правым,
Обязательно возьмем.
В лица нам уткнутся травы,
Древний русский чернозем.

По-пластунски или стоя
Одолеем эту гать.
И за эту землю стоит
Вражью стаю напрягать.

Мы идем, вздымая флаги,
Пот у каждого со лба.
Придавая нам отваги,
Дует ветер, как труба.

Нет на нашу прыть управы,
Все сметаем пред собой.
Русский берег, берег правый,
И короткий этот бой.

* * *

*Парням из 2-й отдельной бригады спецназа,
погибшим в Харькове в феврале 2022 г.,
посвящается...*

Мы в миллионном городе одни...
Вокруг враги: на каждого их — сотни.
Окружены мы... Ляжем все сегодня
У покоренной и выбитой брони.

Возле сожженных из засад бортов
Мы ляжем все, но перед этим знатно
Рванем в замес, чтоб навыком десантным
Заминусить бандеровских хохлов.

А их как грязи... И огонь плотней.
Прилеты мин берут все чаще в вилку.
Кровавый борщ и адская горилка —
Вот так встречают в братской стороне.

Здесь им без разницы, что Гитлер, что Альянс:
За шнапс и сникерс им роднее НАТО.
И лишь кричат сквозь дым по-русски матом
И из ПТУРов расстреливают нас.

Кто жив, мы держимся за школьными дверьми...
Нам на прорыв бы, темноты дождавшись,
Ведь не придут уже на помощь наши,
Мы в миллионном городе одни.

ДО ОПОРНИКА

Мы были готовы со вторника,
Мы грызли в траншеях галеты...
Ночная атака опорника —
Не все доживут до рассвета.
Я ползал до ветра по-быстрому,
В вонючую щель и обратно,
И ждал того самого выстрела,
Когда станет все понятно.
Ждать — доля такая, ратная,
В надежде дожить до рассвета.
БээРка давно распечатана,
Но ротного что-то нету...

Ждать — доля такая мутная.
Среда отодвинула вторник.
Мотаю стропу парашютную,
Готов штурмовать опорник.
А там нас не ждут с разносолами
Балакающие на мове.

Забыли тарасы с миколами,
Что с нами одной они крови.
В мозгах у них что за сознание?
Ведь нет ничего, кроме хлама...
Но бьются тарасы отчаянно,
Как будто мы сами, упрямо.

Уже к четвергу время катится,
Забыли давно про вторник.
А сколько в живых нас останется,
Когда мы возьмем опорник?
Наводчик сечет внимательно,
Неплохо сюда прилетало.
Обмениваемся с небратьями
Настойкой огня и металла.
Мы все для войны — беспризорники.
Сигнальная взмыла ракета...
Мы встали идти до опорника,
До Вечности и до рассвета.

ЛАДОГА

В жизни цвета побольше, чем в радуге,
Лабиринты в ней вместо дорог...
Затеряться бы где-то под Ладогой,
Откопать скандинавский клинок.
Все узлы разрубить, словно гордиев,
Примирить меж собою врагов.
Ну, а будут буянить — по морде им:
Метод действенен, хоть и не нов.

Зло с добром в одной каше намешаны,
То застолье, то смертная рать.
И пока что враги не повешены,
Значит, рано еще их прощать.
Да и меч пригодится ладожский,
Что скучал по теплу моих рук.
В рюкзаке свитер, связанный бабушкой,
Чтоб не мерз в лютых странствиях внук.

Жизнь оттенками полнится пестрыми,
И для многих названия нет.
Меч заржавлен, а лезвие острое
Через тысячу с лишним лет.
Снег и солнце — строители радуги.
Я бегу и не чувствую ног...
И ржавеет под стенами Ладоги
Не забывший вкус крови клинок.

КОПОРЬЕ

Где-то спрятано здесь Лукоморье.
Оно выглянет вдруг из-за стен
Древней крепости в дальнем Копорье,
Отгонявшей незваных гостей.

Сквозь бойницы ссутуленных башен,
Через призму эпох и времен,
Я гордился историей наших
Непокорных славянских племен.

Здесь крестился мужик после грома
И сжимал крепче древко копья.

От реки вверх по склону крутому,
Как на приступ, карабкался я,

Чтобы крест разглядеть на соборе.
И пока еще ноги сильны,
По периметру крепость Копорье
Полностью обойти вдоль стены,

Поминая молитвенным словом
Всех, кто жизни своей не жалел
И на недруга шел на любого,
Ради мира на нашей земле.

В ВЕЛИКУЮ СУББОТУ

Чей мир так мал, застывший в тишине?
Все больше тех, кто тешится погромче,
Изобличать свечу зажегших ночью
За всех, отдавших жизни на войне.

Чей мир молитвой с небом говорит?
Кому апостол открывает двери —
Неснявшим крест, воздав по их же вере,
Пока свеча за воинов горит?

А что вокруг? Раскаркавшийся грай.
Слова в толпу швыряют за бесценок.
Ведь лицемерам море по колено,
И all inclusive заменяет рай.

Всегда есть выбор: пан или пропал.
Всегда есть путь. Нет страха и нет боли.
Так почему, когда идешь дать волю,
То попадаешь к Воланду на бал?

Ждет молча мир, когда огонь сойдет,
Когда в полночи смерть потеряет жало...
Но как же их — с молитвой — как же мало!
Горит свеча, зажженная за взвод...

* * *

В наших венах «Прощаньем славянки»
Вспламенится гремучая смесь.
Это ею сжигали мы танки
И поили взрослевшую месть
За Смоленск, Ленинград и за Киев,
Севастополь, Москву, Сталинград.
Это мы из Союза в Россию
Передали Победный Парад.
Подсознание боль всю вынет
И поделится щедро ей
Над дворами сгоревшей Хатыни
И под вышками концлагерей.
В неизведанной памяти генной
Поколения — звеньями в цепь,
Ведь мы слышим брестские стены,
Берег волжский, донецкую степь.
Это мы Девятого мая,
В самый главный на свете из дней,
Каждый год по брусчатке шагаем —
Победившие в страшной войне.

*Заповедь новую даю вам,
да любите друг друга;
как Я возлюбил вас,
так и вы да любите друг друга.*
(Ин. 13:34)

**Митрополит
Петрозаводский
и Карельский
КОНСТАНТИН (Горянов)**

ГОД ЕДИНСТВА НАРОДОВ РОССИИ: БИБЛЕЙСКИЕ АРХЕТИПЫ, ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Вынесенные в эпиграф слова Иисуса Христа, сказанные ученикам и записанные апостолом Иоанном, известны многим христианам. Конечно, они знают и разъяснение апостола Павла из послания к Колоссянам (3:10–11) о нравственном облике истинного христианина, который должен изжить «ветхого человека» в себе, то есть, осознав, отказаться от человеческих пороков (гнева, злобы, лжи, злоречия и др.) и духовно обновиться по образу Создавшего его, «где нет ни Еллина, ни Иудея, ни

Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов) — родился в 1951 г. Окончил Винницкий мединститут. В 1981 г. защитил канд. дисс. в Смоленском мединституте. Работал старшим преподавателем. В 1986 г. во время учебы в Московской духовной академии пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона, иеромонаха. После окончания МДА защитил канд. дисс., оставлен преподавателем Ветхого Завета. В 1990 г. возведен в сан игумена, назначен ректором МинДС. В 1991 г. рукоположен во епископа Новгородского, викария Минской епархии. В 1996 г. назначен ректором СПбДАиС с титулом «епископ Тихвинский, викарий Санкт-Петербургской епархии». С 1999 г. профессор, зав. каф. богословских дисциплин. В 2003 г. возведен в сан архиепископа. Член редколлегии нескольких журналов, член нескольких академий (РАЕН и др.). Награжден многими церковными и научными наградами. Член СП России, лауреат ряда литературных премий. С 2008 г. правящий архиерей Курганской епархии, проректор Екатеринбургской ДС. С мая 2015 г. митрополит Петрозаводский и Карельский, глава Карельской митрополии. Возглавлял Церковно-общественный совет по биомедицинской этике и Синодальную богослужебную комиссию.

обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос». Та же мысль содержится в другом Послании апостола Павла — к Галатам (гл. 3, ст. 27, 28) и выражена в иной форме: «Все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись. Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе».

1. Без царя и священника

*Что было, то и будет;
и что делалось, то и будет делаться,
и нет ничего нового под солнцем.
Бывает нечто, о чем говорят:
«смотри, вот это новое»;
но это было уже в веках, бывших прежде нас.
(Еккл. 1:9–10)*

Встает вопрос: как же было раньше, до Нового Завета? Да, в Ветхом Завете представлены иные, жестокие человеческие отношения. Хотя в первую очередь вспоминается Вавилонская башня, на строительстве которой царило, казалось бы, трудовое согласие и единство народа. Попробуем разобраться, заглянув сначала в послепотопные времена, в которых не отвергались понятия красоты, гармонии и наличие закона.

Законы природы промыслительны, ими определяется целесообразность существования вещей, согласующихся со здравым смыслом, красотой и гармонией. «А из этого последовательно вытекала предложенная в слове теория, из которой мы узнаем, — пишет святитель Григорий Нисский, — что в человеческом составе ум управляется Богом, а умом управляется вещественная наша жизнь, когда она в естественном состоянии, а когда отклонится от естества — отчуждается и умная энергия»¹.

Но так ли хорошо мы понимаем названные категории? Обратим внимание на слова «умная энергия», потому что энергия человека часто бывает направлена на зло; это особенно ярко проявляется в энергии непомерной гордыни и ненависти, энергии, способной сталкивать большие массы людей. Подобная энергия может и объединять людей в мощный единый коллектив, спаянный общей идеей, и разъединять их на враждебные этносы. Впервые архетипы таких социальных явлений даны в Библии. Как Ною было дано откровение об истории человечества в целом, на тысячелетия, так и древний «Вавилон» есть символ всемирной цивилизации, которая им начинается, им же в Апокалипсисе и заканчивается.

Именно здравый смысл (ум) и горделивое стремление к славе руководили идеологами и строителями известной Вавилонской башни (по-церковнославянски — «столп», отсюда «столпотворение», а не от слов «толпа», «столпились»). Вспомним, вкратце, эту загадочную и, вместе с тем, очень поучительную историю. «На всей земле был один язык и одно наречие. Двинувшись с востока, они² (загадочный народ, чье имя не упоминается

¹ Григорий Нисский, *свт.* Об устройении человека / пер., прим. и послесловие В.М. Лурье. СПб.: Аксиома; Мифрил, 1995. С. 38.

² Здесь и далее жирное выделение сделано автором статьи. — М.К.

в Библии. — М.К.) нашли в земле Сеннаар¹ равнину и поселились там. И сказали друг другу: наделаем кирпичей и обожжем огнем. И стали у них кирпичи вместо камней, а земляная смола вместо извести. И сказали они: построим себе город и башню, высотой до небес (указывает на высокий технический прогресс. — М.К.), и сделаем себе имя, прежде нежели рассеемся по лицу всей земли. И сошел Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие. И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать; сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого. И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город (и башню). Посему дано ему имя: Вавилон², ибо там смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле»³ (Бытие Быт. 11:1–9).

Архетип⁴ этого яркого в зримых образах, но сложного в духовном понимании библейского сюжета очень современен. Закономерен вопрос: что плохого в том, что возродившееся после катастрофы Потопа человечество, говорившее на одном праязыке, решило построить себе город? Обратим внимание на то, что о Вавилонской башне говорится всего в девяти стихах 11-й главы Книги Бытия, а перед этим и после идут многочисленные наименования и перечисления имен потомков Ноевых, их родословие («Толедот»). Такова прикровенная премудрость. Почему о начале цивилизации и единстве народа Библия говорит предельно кратко? Чтобы в будущем ни один этнос не претендовал на роль родоначальника цивилизации и самой умной нации в мире. А такие этносы были всегда и есть сейчас; ныне они так будоражат мир, что его может постигнуть глобальная катастрофа.

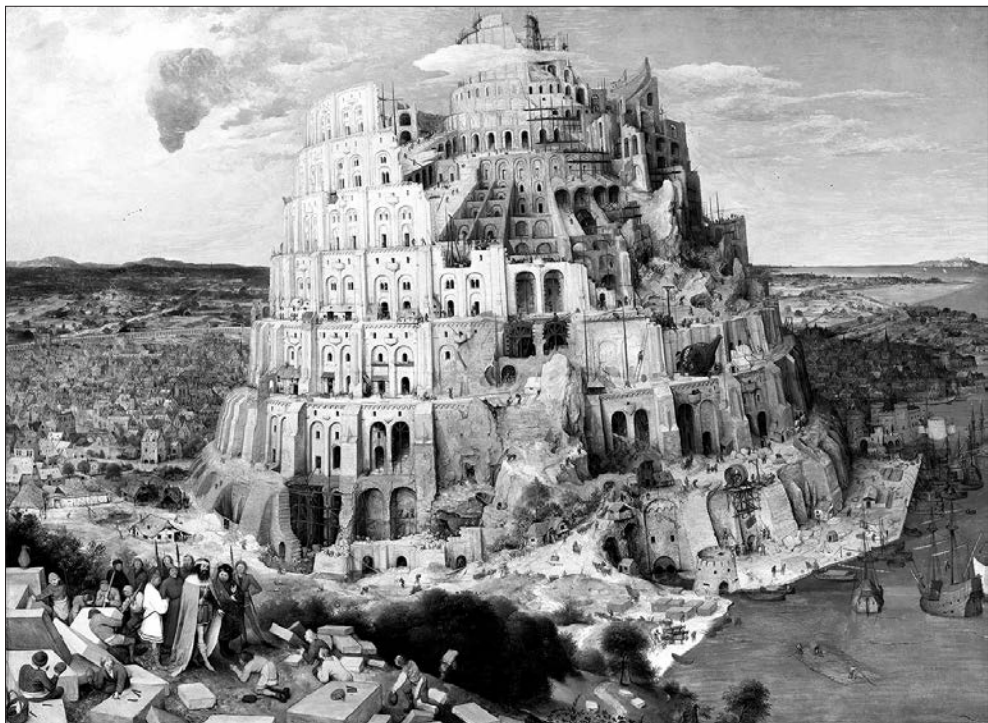
Строители Вавилонской башни делали кирпичи из глины, обжигали их, обмазывали их земляной смолой типа асфальта и выкладывали из них стену. Это указывает на высокий уровень цивилизации этих пришельцев. Все это было в действительности, что подтверждено археологическими находками и научными исследованиями. И этих каменщиков обуяла гордыня. Ведь

¹ Земля Сеннаар (евр. — Шинеар), или Шумер — южная Месопотамия, где развилась древнейшая городская цивилизация Востока. Именно там появились письменность, календарь, начатки математики, астрономии, медицины. Библейский город Эрех (Урук, Ур) открыт в наши дни археологами.

² Вавилон — переводится как «смешение». Столица Халдеи, позднее Вавилонского царства. По Геродоту, Вавилон расположен по обоим берегам р. Евфрат. Своей формой город представлял совершенное подобие четырехугольника, построенного на огромной равнине. Толщина окружавших его стен была такова, что по их поверхности можно было проехать шести колесницам в ряд.

³ Выражение «Господь сошел, посмотрел, сказал» — это антропоморфизм, когда Богу приписываются органы и действия. Слова: «сойдем же и смешаем» (множ. число) — прообразовательно указывают на тайну Троицтва Бога.

⁴ Архетип (от греч. *arche* — начало + *typos* — образ) — понятие, введенное К.Г. Юнгом для обозначения изначальных первобытных образов, универсальных символов или мотивов, которые существуют в коллективном бессознательном. Они проявляются и повторяются в сюжетах мифов и сказок разных народов, поскольку «складировались» в коллективное бессознательное с первых дней человечества. Это не сами образы, а первичные схемы образов, воспроизводимые бессознательно и априорно формирующие активность воображения, а потому выявляющиеся в сновидениях, в мифах и верованиях, произведениях литературы и искусства. Архетипы способны впечатлять, внушать, увлекать, поскольку восходят к универсально-постоянным началам в человеческой природе (Аверинцев С.С. София-Логос: словарь. Киев: Дух і Літера, 2006. С. 904).

Вавилонская башня. Художник П. Брейгель Старший, 1563 г.

Руины Вавилонской башни. Располагаются на берегах Евфрата, примерно в ста километрах от современной столицы Ирака Багдада

небывалая, возвеличивающая создавший ее род башня строилась потому, что ее строителям (первым каменщикам) хотелось «сделать себе имя». Но почему это дело не понравилось Господу, спустившемуся на землю «посмотреть» на это строительство «великого и счастливого будущего»?

Здесь, во избежание недоразумений относительно того, как Бог мог «сойти и посмотреть» на стройку, сделаю отступление и поясню, что такое антропоморфизмы и антропатизмы в Библии (человекоподобие — от греч. *ἄνθρωπος* — человек и *μορφή* — форма, образ, облик, *πάθος* — страсть, чувство)¹. Это понятия, означающие перенесение присущих человеку свойств (образа, отдельных форм тела, чувств и страстей) на Бога, а также отражающие представление Его в образе человека. Антропоморфизмы и антропатизмы являются неизбежным следствием, прежде всего, непостижимости Бога, а также ограниченности человеческого языка и не только. Образный, символический язык Священного Писания прибегает к антропатизмам для передачи личного опыта богочеловеческих отношений. Приведем бытовой пример: часы идут, дни бегут, годы летят.

Итак, «посмотрев» на Вавилонское дело, Господь сделал так, чтобы «увял» единый язык сынов Адама, чтобы перестал понимать каждый из них ближнего своего, чтобы рассеялся люд по лицу всей земли, чтобы было прекращено строительство города и башни. Необходимость строительства города для расплодившегося народа — это еще понятно, но башня до небес — зачем? Повторим, Библия дает ответ: чтобы «сделать себе имя» (Быт. 11:4); это желание — одно из проявлений гордыни, которая является сатанинским грехом.

Толкователи этой библейской истории отмечают, что люди, строя башню, желали сделать себе имя, *прежде* чем рассеяться по земле.

В Торе это звучит немного иначе: не «*прежде нежели*», а «*чтобы не расселяться*». «И сказали они (друг другу): “Давайте построим себе город и башню, главою до небес; и сделаем себе имя, чтобы мы не рассеялись по лицу всей земли”. И сошел Йехова посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие. И сказал Йехова: “Ведь народ один и язык один у всех; и вот, все, что начали они делать — совершат, все, что бы они ни задумали сделать — сделают! Сойду же, и смешаю там язык их, чтобы они не понимали речи друг друга”. И рассеял их Йехова оттуда по всей земле; и они перестали строить город» (Берешит 11:4–8).

Но ведь Бог повелел потомству Ноя распространяться и наполнять землю. А люди не пожелали расселяться. И сейчас, следуя этому библейскому архетипу, люди бегут из сел, кишлаков и аулов в Москву и другие благополучные мегаполисы, чтобы самоутвердиться за счет коренного населения и «сделать сами себе имя». От их выходов уже заговорили на всех уровнях власти, а простой народ завопил, и вряд ли это угодно Богу. Библейские пришельцы с востока строили себе город и возводили до небес башню, как считается, для спасения от нового потопа. А ведь сказано было Господом, что другого потопа не будет: «*поставляю завет Мой с вами, что не будет более истреблена всякая плоть водами потопа, и не будет уже потопа на опустошение земли*» (Быт. 9:11). Это ли не ослушание Божьего завета? Это ли не богопротивное поведение?

Такую спасительную башню от земли до неба можно построить богочеловеческим трудом (синергия), если в основании этой башни, ее краеугольным камнем, будет Христос — Глава Церкви. «*Иисус говорит им: неужели вы никогда не читали в Писании: “камень, который отвергли строите-*

¹ Более подробно см.: Православная энциклопедия. М.: Православная энциклопедия, 2001. Т. 2. С. 709.

ли, тот самый сделался главою угла; это от Господа, и есть дивно в очах наших”; и тот, кто упадет на этот камень, разобьется, а на кого он упадет, того раздавит» (Мф. 21:42, 44). В идеале, эта башня могла бы быть материальным выражением духовного устремления людей к небесам, к Богу, наподобие спилей готических соборов. «Ибо вы вкусили, что благ Господь. Приступая к Нему, камню живому, человеками отверженному, но Богом избранному, драгоценному, и сами, как живые камни, устроят из себя дом духовный, **священство** святое, чтобы приносить духовные жертвы, благоприятные Богу Иисусом Христом» (1 Пет. 2:3–5). В истории Вавилонской башни ни слова не говорится о священстве.

Расселяясь по земле, люди должны были наполнить ее собой, работать на ней, включать человеческое в общеприродное и общеприродное в человеческое. В тех местах Месопотамии (это древний Шумер, сейчас южный Ирак) нефть находится у самой поверхности земли, и выходящие нефтяные газы горели круглый год. Вавилонские градостроители вообще не желали жить в природе. Собственно, они и положили начало нашей прагматичной городской цивилизации. Их деятельность была внеприродной и принципиально самоценной. Ведь они осознанно не использовали для строительства башни природный строительный материал, а сами делали кирпичи, сами готовили скрепляющую их смолу.

Вавилон как духовное явление — один и тот же и в древности, и в современности. Разительно изменились условия жизни древнего и современного человека, а Вавилон Книги Бытия и Вавилон Апокалипсиса — один. Среди строителей Вавилона не было священника и не было царя. Вавилон — это всемирная цивилизация. Первый из царей, упоминаемый в Библии, — Нимрод (Немврод), он был внуком Хама, то есть принадлежал к третьему поколению от Ноя, а рассеяние древних вавилонян по всей земле приходится на шестое поколение. Нимрод, первый царь Священной истории, не мог быть строителем Вавилонской башни, он был внуком Хама. Вот из родословия сынов Хама: первым идет Хуш, «Хуш родил также Нимрода; сей начал быть силен на земле. Он был сильный зверолов пред Господом, потому и говорится: сильный зверолов, как Нимрод, **пред Господом**. Царство его вначале составляли: Вавилон, Эрех, Аккад и Халне в земле Сеннаар» (Быт. 10:8–10). Хуш или Куш, кушиты, «кадим», халдеи — древняя шумеро-аккадская народность. Кушиты положили начало древнейшей цивилизации, а затем были вытеснены семитами и перекочевали в Египет и Нубию, переселение заняло длительное время. Кушитов знали как жителей Эфиопии. Они положили основы величайшей древнеегипетской цивилизации. Масоретский текст (МТ) Библии¹ именует Нимрода исполином (гибборим), ловитвы пред Господом Богом. Он — легитимный царь, и имя его осталось в Священной истории. Надо помнить, что Ной не проклинал Хама. Проклят был один из сынов Хама — Ханаан (Быт. 9:25). Качества ловца необходимы при начале всякой сильной централизованной организации — как светской, так и духовной. Если дохристианский царь уподобляется охотнику-зверолову, то Христовы апостолы — рыбакам, которых Иисус Христос сделал «ловцами человеков» (Мф. 4:18–19).

¹ Текст еврейской Библии, сохранившийся до настоящего времени в еврейской традиции. Создателями Масоретского текста в его нынешнем виде были ученые-масореты из Тивериады конца I тысячелетия по Р.Х. (Селезнев М.Г. Масоретский текст. М.: Православная энциклопедия, 2016. Т. 44. С. 283).

Иудейским толковникам досадно, что первый царь не был семитом. «Согласно иудаизму, Нимрод — не только вдохновитель Вавилонской стройки, но и пример того, что, когда Бог “дарует величие язычнику”, тот впадает в гордыню; иное дело, согласно Талмуду, Израиль, которому говорит Бог: “Я люблю тебя, потому что даже когда я дарую тебе величие, ты оставался смиренным предо Мною, как Авраам”»¹. Однако следует согласиться с мнением авторитетного библеиста Е.А. Авдеенко, что ловец — это всегда человек чуткий и терпеливый. Нимрод был первый из исполинов (гибборим) пред Господом: он, так сказать, легитимный царь, дело его богоугодное, и имя его осталось в истории. Царь должен быть в чем-то «гиббор», как, например, в наше время — Петр I, что само по себе значит — сильный, — так комментирует это место Е.А. Авдеенко².

Вавилон — это прежде всего грандиозная стройка. Технические изобретения и революционный замысел башни были таковы, что они породили великий энтузиазм, при котором чуткость и терпение по отношению к человеку — качества, необходимые для ловца и рыбака (здоровой светской и духовной организации), были бы помехой личностному духовному развитию. Вспоминается литературный образ из нашей истории: в повести Андрея Платонова «Котлован» идет речь о коллективном строительстве «общепролетарского дома», но без царя и священника. Полагаю, что автор имел в виду Вавилонскую башню. Чем все закончилось — хорошо известно. Мы стали очевидцами развала этого дома-общезития СССР: как только стало можно, все разбежались по национальным квартирам. Отношение к недавним ближайшим соседям тоже хорошо известно: потрясает жестокость многотысячной резни русских на Кавказе и в среднеазиатских республиках.

То, что строители Вавилона решились жить без священника и царя, напоминает времена революции 1917 г. и после нее, и даже сегодняшние. Вот их актуальный пример: власти Израиля намерены провести на берегу Мертвого моря крупнейший фестиваль содомитов на Ближнем Востоке. «Министерство иностранных дел Израиля анонсировало запланированный на июнь четырехдневный фестиваль половых извращенцев на берегу Мертвого моря, предположительно на том месте, где располагались печально известные древние сожженные Богом города Содом и Гоморра», — сообщает «Православие.Ru» со ссылкой на сайт «Christian Post».

«Гордость поднимается в самой низкой точке суши на Земле! В июне этого года Мертвое море станет “Страной Гордости” — крупнейшим ЛГБТК⁺³-фестивалем, который когда-либо проводился на Ближнем Востоке! Четверо суток безостановочного празднования и общения! Израиль прославляет свое ЛГБТК⁺⁴-сообщество сильнее, чем когда-либо!», — заявили в МИД Израиля⁵.

Ради фестиваля часть Иудейской пустыни рядом с Мертвым морем на время превратится в город с 15 гостиницами, пляжами и большой централь-

¹ Вавилонский Талмуд. Хуллин. С. 89а.

² Авдеенко Е.А. Книга Бытия: Генезис и Берешит. М.: Классис, 2019. Т. 2. С. 393.

³ Движение ЛГБТ — экстремистская организация, запрещенная в России.

⁴ Движение ЛГБТ — экстремистская организация, запрещенная в России.

⁵ Половые извращения вновь соберутся в Содоме // Русская линия. URL: <https://rusk.ru/newsdata.php?idar=121580> (дата обращения: 30.04.2026).

ной сценой. Предполагается, что также будут созданы зоны для «семейного отдыха» с мероприятиями для детей. Так поясняют его устроители: «Это не просто очередной фестиваль, а самое масштабное, что мы здесь устраивали. Мы решили развиваться: вложили в это миллионы, купили отели на четыре дня и с нуля построили целый **город посреди пустыни!**»¹

По словам главного продюсера и инициатора мероприятия Аарона Коэна, масштаб собрания половых извращенцев будет беспрецедентным².

Это современное содомитское *стремление к самым высоким проявлениям гордости* показывает, как самая низменная точка на земле становится вершиной гордости. Это стремление можно проиллюстрировать словами и идеями международного революционного гимна — «Интернационала»: «Кто был никем, тот станет всем». Да, для этого не нужно ни царя, ни священника.

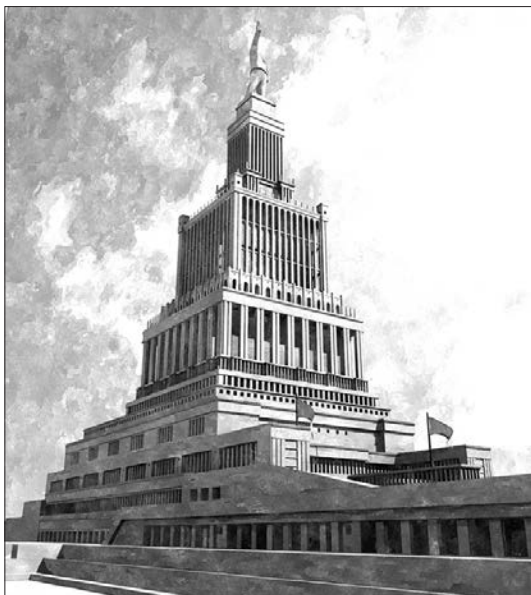
Вот непроходящее значение библейского архетипа!

Времена русской революции невозможно понять и оценить, не касаясь темы царской власти, имеющей непосредственное отношение к нашей теме (см. ниже). Православная Россия не существовала без царя и священника.

И вся национальная политика была соответствующей христианской идее. В России во все времена уважительно, даже, можно сказать, с некоторой любовью, относились к представи-

¹ Половые извращения вновь соберутся в Содоме // Русская линия. URL: <https://rusk.ru/newsdata.php?idar=121580> (дата обращения: 30.04.2026).

² Там же.

Символ Вавилонской башни — 320-метровый Дворец Советов в Москве, который проектировали возвести на месте взорванного храма Христа Спасителя. Макет 1937 г.

Патриарх Московский и всея Руси Тихон (Беллавин)

Царь Николай II

телям разных национальностей. Стоит вспомнить, что жены русских монархов были, большей частью, немки. Ученая прослойка — тоже выходцы из просвещенной Европы. Правовая дискриминация по этнокультурному признаку в Российской Империи отсутствовала. Выдающиеся военачальники и мореплаватели иностранного происхождения пользовались в России большим почетом. При русских царях и священниках маленькое Московское княжество превратилось в империю, которая занимала 1/6 часть Земного шара, где несколько сотен своих национальностей и множество эмигрантов проживали относительно мирно и даже в условиях веротерпимости. Ленин объявил русских великодержавными шовинистами и распропагандировал эту ложь, и они стали предметом ненависти с

кровавыми последствиями. Например, резня русских в Выборге в апреле 1918 г. (тогда Финляндия), погромы русских на Кавказе и в среднеазиатских республиках. Другие погромы на этом фоне блекнут.

Показателен в вопросе отношения к иноплеменникам один из архетипов власти из библейской истории, имеющий актуальное значение. Он касается внутренней и национальной политики в правление Соломона. Библия, перечисляя завоеванные коренные народы Палестины, говорит следующее: *«Весь народ, оставшийся от Аморреев, Хеттеев, Ферезеев, [Хананеев,] Евеев, Иевусеев и [Гергесеев], которые были не из сынов Израилевых, детей их, оставшихся после них на земле, которых сыны Израилевы не могли истребить, Соломон сделал оброчными работниками до сего дня. Сынов же Израилевых Соломон не делал работниками, но они были его воинами, его слугами, его вельможами, его военачальниками и вождями его колесниц и его всадников»* (3 Цар. 9:20–22). Этот библейский архетип власти объясняет причину конфликтов сынов Израилевых с соседними народами, которые не хотят быть у них *оброчными работниками до сего дня.*

2. «Истребить, убить и погубить всех сильных в народе...»

И все князья в областях, и сатрапы, и областеначальники, и исполнители дел царских поддерживали иудеев, потому что напал на них страх пред Мардохеем.

(Есф. 9:3)

Ярко представлен древнейший библейский архетип национального конфликта в 16-й главе Книги Бытия. Преследуемой египтянке Агари, заб-

ременевшей от Аврама, «...сказал ей Ангел Господень: умножая умножу потомство твое, так что нельзя будет и счесть его от множества. И еще сказал ей Ангел Господень: вот, ты беременна и родишь сына, и наречешь ему имя: Измаил; ибо услышал Господь страдание твое. Он будет между людьми, как дикий осел; руки его на всех, и руки всех на него; жить будет он перед лицом всех братьев своих... И о Измаиле Я услышал тебя: вот Я благословлю его, и возвращу его, и весьма, весьма размножу; двенадцать князей родятся от него; и Я произведу от него великий народ... И не стало воды в мехе, и она оставила отрока под одним кустом. И пошла, села вдали, в расстоянии на один выстрел из лука, ибо она сказала: не хочу видеть смерти отрока. И она села (поодаль) против (него) и подняла вопль, и плакала. И услышал Бог голос отрока (оттуда, где он был); и Ангел Божий с неба воззвал к Агари и сказал ей: что с тобою, Агарь? Не бойся; Бог услышал голос отрока оттуда, где он находится. Встань, подними отрока и возьми его за руку; ибо Я произведу от него великий народ. И Бог открыл глаза ее, и она увидела колодезь с водою (живою), и пошла, наполнила мех водою и напоила отрока. И Бог был с отроком; и он вырос, и стал жить в пустыне, и сделался стрелком из лука» (Быт. 16:10–12, 17:20, 21:15–20). Стрелки из лука — это арабы. Арабо-израильскому конфликту уже 4 тыс. лет, и конца-края ему не видно. Так проявляется в истории библейский архетип.

В Ветхом Завете мы часто читаем о национальной непримиримости, понимаемой как страшный грех. Болезнь посылается на человека или на весь народ в качестве наказания за совершенный им грех. Так, проказой наказывает Господь пророчицу Мариам, родную сестру пророка Моисея, за то, что она упрекала Моисея в том, что он был женат на темнокожей эфиоплянке: «и вот, Мариам покрылась проказою, как снегом» (Чис. 12:12–14). Национальное чванство неугодно Богу. Болезнь, наряду с другими карами, служит проявлением гнева Божия.

Книга Бытия приводит пример архетипа этнического конфликта на самом глубинном, внутрисемейном уровне. Пример: когда сын Исаака Иаков (внук Авраама) женился на хеттеянках¹, и были они в тягость Исааку и Ревекке (Быт. 26:34–35).

Или другой пример библейского архетипа поведения в конфликтных ситуациях. Вспомним библейского Моисея: как от своего рождения «три месяца он был питаем в доме отца своего. А когда был брошен, взяла его дочь фараонова и воспитала его у себя, как сына. И научен был Моисей всей мудрости Египетской, и был силен в словах и делах» (Деян. 7:20–22). Так Моисей за сорок лет при дворе фараона много чего узнал и многое понимал, при этом оставаясь кровным сыном своего народа (это XIII в. до Р.Х.).

¹ Хеттеи (в современной литературе — хетты) неоднократно упоминаются среди жителей земли Ханаанской. В книге Иисуса Навина написано, что земли «от пустыни и Ливана сего до реки великой, реки Евфрата, всю землю Хеттеев; и до великого моря к западу солнца будут пределы ваши» (1:4). История хеттов индоарийских племен, пришедших с севера, прослеживается примерно с III тысячелетия до Р.Х. Царь Давид увел жену у своего полководца хетта Урии, а его самого отправил на верную смерть. Неоднократно в Библии говорится также о «царях хеттеских», известно о хеттияхках, живших в гареме царя Соломона. В древней Хаттусе, столице царства хеттов в Малой Азии, был обнаружен архив, содержащий примерно 20 тыс. глиняных табличек. Из хеттских племен индоевропейского происхождения в Среднем и Новом Хеттских царствах образовался правящий класс.

Однажды он *«увидел, что Египтянин бьет одного Еврея из братьев его, (сынов Израилевых). Посмотрев туда и сюда и видя, что нет никого, он убил Египтянина и скрыл его в песке»* (Исх. 2:11–12). Моисей не стал разбираться, кто в этой драке прав, а кто виноват. Голос крови указал ему, что надо убить Египтянина, но убил Моисей Египтянина весьма предусмотрительно. То есть было совершено обдуманное уголовное преступление, а не убийство сгоряча. Родиной Моисея был Египет, который этому подкидышу дал все (у дочери фараона он был как сын). Четыреста лет его предки жили в стране, которая спасла их от голода. *«И вышел он на другой день, и вот, два Еврея ссорятся; и сказал он обижающему: зачем ты бьешь ближнего твоего?»* (Исх. 2:13). Моисей не осудил виновного, а всего лишь упрекнул своего соплеменника.

Много аналогий с современностью. Еще совсем недавно премьер-министр Израиля Нетаньяху часто бывал московским гостем, где его радушно принимали, и даже вместе с Путиным он присутствовал на Параде Победы 9 мая 2020 года. В Москве ему оказывали всяческие почести, выпустили из тюрьмы израильскую наркоманку, пресса постоянно писала, что таких хороших отношений между Израилем и Россией никогда не было. Эту наркоманку в сопровождении ее прилетевшей матери, Нетаньяху и его жены Сары на правительственном самолете доставили в Израиль¹. Это чтобы весь мир знал, что Израиль своих не бросает. Но когда наступила СВО в 2022 г. (вспомним библейскую драку египтянина и еврея), Нетаньяху сразу же принял сторону Зеленского, говорили, что он упрекал российские власти в том, что не возвратили наркоманке 9,5 г гашиша.

Архетип Мардохея осуществился и в истории XX века. Сегодня в яви повторяется история Мардохея. Льется кровь современных наследников персов, гибнут невинные дети Ирана, убиты руководители государства. К десяткам тысяч убитых детей Газы (по словам А. Гутерриша, Генсека ООН, это самое большое детское кладбище на земле) присоединились и 165 иранских школьников, погибших от целенаправленной израильской ракеты.

По Синайскому законодательству допускалось беспощадное истребление иноплеменников, о чем подробно рассказывается в библейских книгах Иисуса Навина и Есфири. Вспомним в качестве библейского архетипа почти детективную историю Есфири, Мардохея — иудея из колена Вениаминова, персидского царя Артаксеркса и второго лица в империи Амана. Это было 2,5 тыс. лет тому назад, когда персидский царь Кир Великий из династии Ахеменидов, правивший в 559–530 гг. до н.э., основатель Ахеменидской державы, разрешил всем евреям возвратиться на родину из «вавилонского плена». Им надо было отстроить Иерусалим и разрушенный Храм Господень. Честные набожные евреи, а таких оказалось меньшинство, возвратились на историческую родину. Кир возвратил им все трофейные ценности, о чем подробно пишется в ветхозаветных книгах Ездры и Неемии.

Выражаясь современным языком, иудей Мардохей, будучи придворным чиновником, не пожелал из «вавилонского плена» возвращаться в Землю Обетованную для того, чтобы потрудиться на благо исторической родины. О семейном статусе Мардохея книга Есфири почему-то умалчива-

¹ Все закончилось хорошо. Нетаньяху увез Иссахар в Израиль. 30 января 2020. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7649055> (дата обращения: 15.05.2026).

ет, хотя другие вещи описаны очень подробно. Это порождает различные толкования. В царский гарем была внедрена его родственница (приемная «как бы дочь»). Была сокрыта ее национальность, происхождение, и Мардохей запретил ей даже говорить об этом. *«Не сказывала Есфирь ни о народе своем, ни о родстве своем, потому что Мардохей дал ей приказание, чтобы она не сказывала»* (Есф. 2:10). В целях конспирации она даже заменила свое настоящее имя Гадасса на Есфирь (Эсфирь, Эстер), в честь вавилонской богини Иштар.

Чиновник Мардохей в течение нескольких лет вызывающе дерзко нарушал приказ царя и провоцировал Амана (второе лицо в империи), настраивая его против евреев (Есф. 3:2–5). *«И говорили служащие при царе, которые у царских ворот, Мардохею: зачем ты престоупаешь повеление царское? И как они говорили ему каждый день, а он не слушал их, то они донесли Аману, чтобы посмотреть, устоит ли в слове своем Мардохей, ибо он сообщил им, что он Иудеянин»*.

И когда увидел Аман, что Мардохей не кланяется и не падает ниц пред ним, то исполнился гнева Аман» (Есф. 3:3–5).

Историки удивляются долготерпению Амана. В конце концов Мардохею удалось спровоцировать межэтнический конфликт, из которого он с помощью Есфири вышел победителем. Есфирь — царица, а ее лоббист Мардохей, вместо опороченного ими пред царем, а затем повешенного Амана, — второе лицо в государстве. Есфирь заполучила дворец Амана, а Мардохей стал в нем смотрителем.

Мардохей издает подложный указ: *«И написал он от имени царя Артаксеркса, и скрепил царским перстнем, и послал письма чрез гонцов на конях, на дромадерах и мулах царских, о том, что царь позволяет*

*Есфирь перед Артаксерксом.
Художник Ф. Смуглевич, 1778 г.*

*Мардохей и Есфирь от имени царя
составляют указ.
Художник А. де Гельдер, 1675 г.*

иудеям, находящимся во всяком городе, собраться и стать на защиту жизни своей, истребить, убить и погубить всех сильных в народе и в области, которые во вражде с ними, **детей и жен, и имение их разграбить**» (Есф. 8:10–11). «И все князья в областях, и сатрапы, и областеначальники, и исполнители дел царских поддерживали иудеев, потому что напал на них страх пред Мардохеем. Ибо велик был Мардохей в доме у царя, и слава о нем ходила по всем областям, так как сей человек, Мардохей, поднимался выше и выше. И избивали Иудеи всех врагов своих, побивая мечом, умерщвляя и истребляя, и поступали с неприятелями своими по своей воле. В Сузах, городе престольном, умертвили иудеи **и погубили пятьсот человек...**» (Есф. 9:3–6). Любой погром перед этим блекнет.

Казалось бы, можно было бы успокоиться Есфири и Мардохею, все-таки по библейскому свидетельству «погубили пятьсот человек», да «и гнев царя утих». «В тот же день донесли царю о числе умерщвленных в Сузах, престольном городе. И сказал царь царице Есфири: в Сузах, городе престольном, умертвили иудеи и погубили пятьсот человек и десятиерых сыновей Амана; что же сделали они в прочих областях царя? Какое желание твое? И оно будет удовлетворено. И какая еще просьба твоя? Она будет исполнена». Похоже, что царь так и не понял, с кем имеет дело. «И сказала Есфирь: если царю благоугодно, то пусть бы позволено было иудеям, которые в Сузах, делать то же и завтра, что сегодня, и десятиерых сыновей Амановых пусть бы повесили на дереве» (Есф. 9:11–13). По просьбе Есфири были повешены уже убитые сыновья Амана. Этот необычный для женщины характер является библейским архетипом женщин-палачей времен Гражданской войны в России: Землячки (Розалия Залкинд), чекистская кличка «Демон», или «Хайки-Чрезвычайки», жены Щорса, также «Соньки (Софья Гертнер) — Золотая Ножка» — самый жестокий палач в истории ОГПУ — НКВД и др. Кроме того, иудеи умертвили в Сузах еще триста человек (Есф. 9:15). А в целом, захватившими власть было убито **75 тыс. человек коренного населения страны** (Есф. 9:16).

Серьезные историки, занимающиеся темой царской семьи, отмечают, что у людей, плохо знающих историю, вызвал раздражение акт канонизации царской семьи, в том числе православной императрицы Александры Федоровны, немки по национальности. Однако она в годы Первой мировой войны с Германией заняла исключительно прорусские патриотические позиции, а не способствовала уничтожению коренного населения.

Спровоцированный Мардохеем межэтнический конфликт удался на славу. В память этого события был учрежден Пурим — веселый праздник в марте, во время которого принято пить вино. Согласно Талмуду, вино нужно пить до тех пор, пока человек не перестанет различать, произносит ли он проклятия Аману или благословения Мордехею, а также все едят пирожки треугольной формы, называемые «уши Амана».

«Две тысячи пятьсот лет из года в год евреи (и еврейские дети!) радостно отмечают этот праздник кровавого возмездия, — пишет главный редактор журнала «Наш современник» Станислав Куняев. — Ну это все равно, как если бы русский народ, как никто другой пострадавший от гитлеровского нашествия, праздновал не просто День Победы — 9 мая, а День Возмездия — 16 октября 1946 г., когда в Нюрнберге была повешена фашистская

верхушка, или как если бы американцы плясали, били в бубны, танцевали и изображали в театральных постановках День атомной бомбардировки Хиросимы». Известный историк и публицист Эдуард Ходос, еврей по национальности, живущий в Харькове, в своей книге «Выбор—2006: между Спасителем и Антихристом» так проецирует историю Есфири (Эстер) с ушами Амана на наше время: «Напомню, что вторая война против Ирака была объявлена США в марте 2003 г., аккуратно в еврейский праздник Пурим. <...> Саддам Хусейн, по убеждению Хабадников, — новый Аман, повешенный на дереве благодаря хитрости Эстер». <...> «Война против Ирака была войной <...> против ритуального религиозного врага <...> во время которой ритуальное действие было отыграно до последнего акта — вплоть до убийства сыновей Хусейна, полностью соответствовавшего “сценарию Пурима”, когда были убиты сыновья Амана». А все ведь начинается с пожирания пирожных, испеченных в виде «Амановых ушей»¹.

Но воспитывать детей из века в век на таких кровавых примерах опасно. Такое воспитание зарождает в их душах семена истерической жестокости, мстительности и коварства.

Книга Есфирь уникальна тем, что это единственная книга в Библии, где не говорится о Боге. Приведем краткий комментарий из Библии: «В славяно-русской Библии, как и в Вульгате², эти три книги — Товита, Иудифи и Есфири — составляют небольшую группу, отличающуюся целым рядом особых черт. Оригинальный текст их плохо установлен, а поздние переводы на греческий язык содержат вставки. Книга Есфири существует в краткой еврейской и более пространной греческой версии. Есть два варианта греческого текста: распространенный вариант греческой Библии и искаженный вариант “Лукиановской рецензии” (редакции). В греческой версии содержатся добавления к еврейскому оригиналу, в частности молитвы Мардохея и Есфири. Гаремные интриги, заговоры и убийства являются по существу драматическим фоном для развития религиозного тезиса о чудесном спасении Богом еврейского народа, по молитве уповающего на Него. Характерно, что в еврейском тексте книги Есфири Имя Божие даже не упоминается»³.

Таким образом, вначале был захват власти, убийства и грабежи, а затем, спустя подходящее время, был сделан перевод книги на международный тогда греческий язык с благочестивыми вставками в оригинальный текст (молитвы, откровения), чтобы в глазах других народов подвести религиозно-нравственное обоснование и оправдание происшедшего. Очень поучительный библейский архетип. Понятными становятся современные отношения между Израилем и Ираном; армяне не забудут геноцид, устроенный турками в 1915 г., казаки — расказачивание по распоряжению Я. Свердлова; евреи всегда будут припоминать Холокост; поляки навсегда запомнили Волынскую резню, устроенную бандеровцами в 1943 г.; а палестинцы — превращенную в наше время в груды железобетонного мусора и самое большое в мире детское кладбище — Газу. Пример устойчивости ветхозаветного архетипа.

¹ Куняев С.Ю. Жрецы и жертвы холокоста. Кровавые язвы мировой истории. М.: Алгоритм, 2011. С. 80.

² Вульгата — латинский перевод Библии.

³ Библия: в русском переводе с приложениями. Комментарий к Ветхому Завету. Брюссель: Жизнь с Богом, 1989. С. 1916, 1918.

Так карикатурно Г. Гапон, возглавлявший Крестный ход 9 января 1905 г., изображался в революционном издании

Труп Гапона, повешенного «сознательными рабочими» под руководством Рутенберга

Вспоминается также история нашего Отечества, в частности, провокация 1905 г. под названием «Кровавое воскресенье», которая стала спусковым курком революции. Возглавил Крестный ход поп Георгий Гапон, управляемый Пинхасом Моисеевичем Рутенбергом (партийная кличка — «Товарищ Мартын»). Родился изворотливый деятель «русских» революций Рутенберг на Полтавщине, учился в Санкт-Петербургском Политехническом институте, был начальником цеха на Путиловском заводе, открыто внедрял в массы свое революционное антиросийское мировоззрение, не подвергался никаким преследованиям по национальному признаку. Участвовал в повешении Гапона, который слишком много узнал о революционерах и их спонсорах во время своего пребывания за границей. После того, как Рутенберг сделал свое дело в России, он уехал в Иерусалим, был убежденным сионистом, жил в богатстве, за права рабочих и крестьян не сражался и умер в почете в 1942 году. Своей судьбой он еще раз подтвердил, что фанатическая жажда власти, жадность и коварство одних ведут к войнам, в которых страдает, в основном, простой русский народ.

«Новый Завет», или «Евангелие» («Благая Весть») возвестили новозаветный архетип, «где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни не обрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (Кол. 3:11). Этот Завет пронизан идеями человеколюбия, милосердия, нестяжания. Две тысячи лет они проповедуются

христианами. И что же? Межнациональные войны продолжаются. Мир тонет в океане детских слез. Сторонним центробежным силам удается внедрять свой извечный разрушительный замысел посредством межнациональной розни.

3. Просвещение как средство укрепления многонационального единства

Единое пространство — залог нашей специфической свободы — и той, что по-русски зовется волей, и той, что зовется этнической терпимостью, и той, что связывается с социально-территориальной мобильностью... На самом деле оно требует колоссальной жертвенности.

Александр Панарин

В многонациональной России проблема межнациональных отношений не так кровопролитна и не решена окончательно, хотя имеет огромную поучительную историю, содержащую и положительный, и отрицательный опыт. В этом вопросе вспоминаются слова митрополита Московского и Коломенского Филарета (Дроздова): «Наши перегородки не достигают небес». Это означает, что все мы дети Божии, и нам надо любить друг друга. А все наши разногласия преходящи, они исторического характера и не столь существенны будут, если во всем будет любовь.

Но любовь — не удовольствие, а жертва и самопожертвование. О жертве как базисе единства многонационального государства говорит выдающийся современный философ Александр Панарин: «Не случайно тот тип сознания, который слишком полагается на естественное и наличное, обречен сталкиваться с сюрпризами истории, в которой наличное оказывается самым далеким и ускользающим, естественное — легко нарушаемым и извращаемым.

Так обстоит, в частности, дело и с наличием того, к чему мы, русские, привыкли как к естественно данному: единого большого пространства, вместительного для людей разного этнического, расового, культур-антропологического типа. Оказывается, такое пространство не является простым даром истории и географии — **оно является результатом определенно-го народного решения и требует определенных жертв.** Единое пространство — залог нашей специфической свободы — и той, что по-русски зовется волей, и той, что зовется этнической терпимостью, и той, что связывается с социально-территориальной мобильностью. Слишком часто мы воспринимаем его в натуралистической парадигме наличного. **На самом деле оно требует колоссальной жертвенности — в первую очередь от народа, взявшего на себя роль его несущей конструкции.** И в малом, и в большом, и на уровне государственных решений, и на уровне повседневности этот народ должен быть вполне готов поступиться и своей этнической спецификой, и своим “малым пантеоном культуры”, состоящим из родственных ему богов и героев, и обеспечить комфорт других, постоянно вопрошающих: “А их ли это пространство? А не обижены ли, не обделены ли они?” Им, меньшим, позволено быть впечатлительными и обидчивыми, большому народу — никогда. Можно ли предполагать, что это “имперское” великодушие и дистанцированность от интимно своего, специфического является неким природным качеством русского народа? При всей любви и уважении к нему

ответим: нет. Большое суперэтническое пространство — в том случае, если оно не скрепляется исключительной силой, а держится на духовных скрепах, — вряд ли вообще способно создаваться усилиями прагматической воли, пекущейся о земных интересах. Не случайно нынешний процесс новой секуляризации и реванша земной прагматики над большими “метаисторическими” целями столь наглядно сопровождается распадением единого большого пространства, всплеском этносепаратизма и автономизма, в том числе и церковного. Следовательно, только особый тип мотивации, питаемой высшими миро- и душеспасительными целями, максималистски устремленной вверх, к горным высотам и мессианским заданиям, способен формировать единое пространство. Прежде чем это пространство закрепляет своими земными средствами имперское государство, его должна закрепить Церковь сакральными заданиями. **Не царству, а священству принадлежит ведущая роль в формировании этого пространства, оно — церковноцентрично!** И здесь мы говорим не только о судьбе больших суперэтнических государств или межгосударственных “братских” союзов, но и о судьбе самого просвещения. Просвещение требует единого большого пространства, в котором происходит столкновение множества локальных текстов и их отбор, формируется единый язык науки, литературы и искусства, единые кодексы права, морали и культуры. Но для того, чтобы эти культурные универсалии утверждались, выдержали напор ревнивых местных кумиров этнического и сословного эгоизма, им требуется поддержка со стороны чего-то высшего, сакрального»¹.

Эти закономерности относятся и к Российской Империи, и к Руси Святой, которые были исторически многонациональными государствами. В Древней Руси основное население составляли восточные славяне. Еще до принятия христианства на ее территории проживали представители других этнических групп, включая балтов, финно-угров, кавказцев, а также тюрков и тюркских племен, таких как печенеги и хазары. Отношения между ними регулировались законодательно. Так, **государственная философия** Руси, начиная с первых князей, заключалась в признании равенства всех народов, независимо от их этнической или религиозной принадлежности. **В юридических документах** Древней Руси не было намеков на дискриминацию по национальному признаку. Любой крещеный «инородец» (по терминологии тех лет) обладал теми же правами, что и русский, с учетом его социального статуса. **Имели место межнациональные браки.** Например, сын князя Игоря Святославича — Владимир Игоревич — был женат на полоцкой княжне Ярсуде, князь Андрей Боголюбский — на половецкой княжне и т.д.

В X—XI вв. на территории Руси находилось множество этнических общин, но все они, как правило, существовали в мире и согласии. Происходило усвоение элементов культуры неславянских народов. Например, племя воедь, с самого начала оказавшееся в составе древнерусского государства, до XIX в. «подвергалось не столько русской ассимиляции, сколько ассимиляции со стороны других финских народов».

Межрелигиозная толерантность была сформирована в рамках православной веры. Православная Русь была открыта для других конфессий,

¹ *Панарин А.С.* Православная цивилизация. М.: Институт русской цивилизации, 2014. С. 162.

таких как ислам и иудаизм. Существовали общины мусульман и евреев, которые жили мирно, занимаясь торговлей и бизнесом, получая разрешение на свои обряды и традиции.

Особые отношения на протяжении веков складывались у русских с кочевниками южных степей — уграми, печенегами, половцами, народами тюркского происхождения. Южные рубежи Руси — «Дикое поле» — не имели четких границ, и кочевавшие там степняки регулярно совершали грабительские набеги на русские земли. Эти пограничные войны стали нормой жизни, которая, однако, не исключала мирного общения.

Мирное сосуществование, не считая злонамеренных поползновений врагов России разыграть националистическую и революционную карту в своих интересах, сохранилось и в Российской Империи. Вспомним отношение святого праведного Иоанна Кронштадтского к иноверцам. Противоположным революционному пониманию народа как инструмента и абстрактной цели революции было отношение к людям святого праведного Иоанна Кронштадтского. Он не делил просителей по вероисповеданиям, никому не отказывал в молитве. И к нему, кроме православных, обращались лютеране, католики, буддисты, мусульмане, евреи, хотя главной заботой священника было исцелять современников от самого пагубного заболевания — атеизма. И Бог помогал ему. Неисчислимы примеры благодатной помощи Кронштадтского батюшки. Так, в почти разрушившуюся Крестовоздвиженскую церковь, находящуюся на берегу Ладожского озера, он прислал недорогую Дарохранительницу, и тут же, неведомо откуда, потекли богатые пожертвования, и старинная церковь обновилась. Явление о. Иоанну во сне Божией Матери означало, что этот праведник не просто утолитель телесных и духовных страданий народа, но что служение его имеет особую цель, что в истории России оно столь же значимо, как служение и молитвенный подвиг святого Сергия Радонежского, сподобившегося зреть Божию Матерь тоже в «смутные времена», на рубеже XIV—XV вв., во времена тотального, многовекового порабощения Руси иноземными захватчиками.

Постепенно, на протяжении веков, вследствие таких произведений, как «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона, «Послание, написанное Климентом, митрополитом русским, Фоме Пресвитеру», «Повесть временных лет», «Поучение Владимира Мономаха» в России складывалась традиция урегулирования межнациональных отношений. Российское государство имеет богатый исторический опыт развития межнациональных отношений. Вспомним, что император Петр I был всегда в окружении иностранцев, от которых черпал знания и навыки. Никакого великорусского шовинизма не было. А даже наоборот. Вспомним хотя бы «Бироновщину». Несмотря на то, что при Елизавете Петровне русские войска маршировали по Берлину в 1760 г., увлечение немецким и голландским не проходило. Позже, при гениальном Наполеоне, а не при одержимой Урсуле, когда вся Европа нагрянула на Россию, ненависти к европейским народам русские люди в большинстве тоже не испытывали.

Император Павел I предоставил на русской земле прибежище преследуемому в Европе Ордену иезуитов, а мальтийским рыцарям, спасшимся от истребления, — убежище. Гуманным было и отношение русских к пленным французам в 1812 г., многие из которых осели в Российской Империи и стали учителями дворянских детей. На протяжении веков разрабатывались

*Император Павел I принимает символы
Мальтийского ордена.
Художник Ф.А. Москвитин*

и пробовались методы и законы сохранения принципа «единства в многообразии».

Для русской культуры характерен невысокий уровень социальной ксенофобии. До высоких должностей и исторической славы дослужились: государственный и военный деятель, главноуправляющий Третьего Отделения генерал Бенкендорф; член Государственного Совета, военный инженер, генерал Тотлебен; герой войны 1812 г., главнокомандующий Армией генерал Багратион; полководец, герой войны 1812 г. генерал-фельдмаршал Барклай-де-Толли; генерал Белой армии барон фон Унгерн — основатель Монголии и другие иноземцы. Они чувствовали себя свободными, неотделимыми от народа и самоотверженно защищали Российскую Империю.

Показательна ситуация в предреволюционной Российской Империи, где к управлению государством допускались представители разных национальностей. Так, потомок балтийских немцев граф Сергей Юльевич Витте, перешедший из лютеранства в православие, на всех своих высоких должностях — министра путей сообщения, позже министра финансов, председателя Совета министров — много внедрил преобразований на благо России. Он добился введения в России «золотого стандарта» (1897), способствовал притоку в Россию капиталов из-за рубежа, поощрял инвестиции в железнодорожное строительство (в том числе Великий Сибирский путь). Деятельность Витте привела к резкому ускорению темпов промышленного роста в Российской Империи, за что его прозвали «дедушкой русской индустриализации». Его вторая жена была крещеная еврейка Матильда Исааковна, представительница высшего общества, хозяйка петербургского салона.

Процент образованного еврейского населения в России был высок: упомянутые выше Розалия Залкинд (Землячка, одна из организаторов Красного террора в Крыму), Пинхас Рутенберг и многие другие имели высшее образование. Со времен правления Александра II был внедрен принцип: «чтобы решить “еврейский вопрос”, нужно не изолировать этот народ, а растворить его в имперской культуре». И для еврейской молодежи были открыты учебные заведения. Хотя старики-талмудисты не одобряли новую моду, а ортодоксальные евреи ненавидели ассимилировавшихся. Но прагматизм побеждал традицию. Об этом очень хорошо написал еврейский писатель и политик В. Жаботинский в романе «Пятеро» на примере богатой

еврейской семьи Одессы. Многие богатые еврейские семьи получили дворянство в России.

Надо сказать, что понятие «черта оседлости» применимо ко многим национальностям и предполагает компактное проживание любой национальной диаспоры. Но в России в гетто евреев никто не загонял. Гетто как места компактного проживания евреев достались России при разделах Польши. В Европе чаще всего организовывали гетто раввины, чтобы община не ассимилировалась и не растворилась. На эту тему проведено много исследований, написаны книги. А так называемые «еврейские погромы» иногда провоцировали сами евреи для сплочения общины, чтобы остановить ассимиляцию. Они блекнут в сравнении с погромами русских после распада СССР в среднеазиатских республиках, на Кавказе. А сегодня в Прибалтике русские люди объявлены людьми второго сорта и унижительно лишены основных прав.

Но именно в России зародился сионизм. Этот процесс подробно исследован А.И. Солженицыным и отражен в книге «Двести лет вместе»¹. Основываясь на материале выдающегося писателя, отметим, что ассимиляцию части еврейского населения посредством гуманитарного просвещения не поддерживали многие их сородичи, выступившие против «просвещенных ханжей, которые сладострастными речами стараются отделить сынов Израиля от наследия отцов»². Выдвигалась доктрина «еврейского прогрессивного национализма» с целью «возрождения сердец», то есть умственного и нравственного возрождения народа. «Установить в центре еврейства живое духовное стремление к объединению нации, ее возбуждению и свободному развитию в духе национальном, но на основах общечеловеческих»³. Этот взгляд получил название «духовного сионизма».

Почву к восприятию «политического сионизма» подготовил политический деятель Теодор Герцль. Сама формулировка сионизма такова: «все что есть жизненного в еврействе», что представляет из себя еврейский идеал, мужество и способность прогрессировать — есть сионизм⁴. На 2-м Сионистском конгрессе (1898), проходившем в Швейцарии, было провозглашено: «Мы отвергаем с насмешкой и презрением звание партии: сионизм — не партия, это — само еврейство»⁵.

Сионизм рождался в спорах и противостояниях внутри еврейской нации. Некоторые ее представители были убеждены, что все новые формы вредны для дела духовного возрождения нации, не способствуют спасению иудаизма, мешают возрождению древнего народа. При этом под иудаизмом понималась не только религия, а единая наследственная духовная система.

С апологетами сионизма полемизировали соотечественники, например, психолог Отто Вейнингер: «Сионизм и еврейство несовместимы, потому что сионизм стремится заставить евреев взять на себя ответственность за собственное государство, что противоречит сущности еврея»⁶.

¹ Солженицын А.И. Двести лет вместе (1795–1995): В 2 ч. Ч. 1. М.: Русский путь, 2001. С. 253–269.

² Там же. С. 253.

³ Там же. С. 258.

⁴ Там же. С. 260.

⁵ Там же. С. 262.

⁶ Там же. С. 253–269.

Задача сионистов требовала наличия собственной территории, заселенной евреями, «безразлично в какой части света». Конечно, легче было бы занять такую территорию в пределах проживания, то есть в Российской Империи. И как следствие этой задачи — активное участие евреев в революционных событиях в Российской Империи.

Здесь будут уместны слова философа Сергея Булгакова, сказанные до революции: «Величайшая трудность для сионизма состоит теперь в том, что он не в силах вернуть утрачиваемую веру отцов и принужден базироваться на национальном или культурно-этнографическом принципе, на котором не может утвердиться никакая действительно великая народность»¹.

В Российской Империи жили по новозаветным принципам. Не то что сегодня, когда на древних территориях наблюдается преемство ветхозаветного иудео-персидского противостояния. На глазах всего мира допускается жертвоприношение Ваалу 165 иранских школьниц в г. Минаб.

На якобы «тяжелое» положение евреев в царской России проливает свет представление о культурной жизни еврейской диаспоры Новороссийска в начале XX века, отраженное в письмах издателя Б.К. Фукса². В исследовании Т.В. Максимовой находим такие сведения: «По данным Всероссийской переписи 1897 г. в Новороссийске проживало 980 иудеев из 17 тысяч жителей (6%). В 1908 г. в городе открылась синагога, ее архив не сохранился. В 1910 г. открылось общественное еврейское начальное училище. В начале 1913 г. стало 3,5 тысячи евреев, всего жителей было 37 тысяч (9,3 %). Таким образом, еврейская диаспора играла к этому моменту уже весьма важную роль в жизни города»³.

Из приведенных в статье писем видно, что практика посещения еврейским населением нескольких кинотеатров за один день была частой. Один сеанс обычно состоял из коротких фильмов разных жанров. Билет стоил 10 копеек. Владельцами кинотеатров зачастую были евреи. Так, первый в Новороссийске кинотеатр открылся в 1897 г.; его хозяином был Альвин Гуцман.

Коммерческое или юридическое образование имели многие представители еврейской диаспоры. В городе издавалось не менее 25 газет и иллюстрированных журналов, с которыми активно сотрудничали члены диаспоры, все еще оставаясь недовольными своим положением. Вот цитата из письма одного из сотрудников газеты Б.К. Фукса: «...я не создан для дел малого масштаба, такие дела — не мое призвание. Однако опыт мне говорит с другой стороны, что к большому делу я теперь должен подойти исподволь, постепенно, хорошо не застраховавшись от неудач. И мне кажется, что ныне я в начале пути исполнения такого плана»⁴. Кроме того, в городе существовал музыкально-драматический кружок, который охотно посещали, судя по их письмам, представители еврейской диаспоры, и другие просветительские учреждения. Кстати, впоследствии Фукс исполнил свою мечту, стал богатым торговцем.

¹ *Булгаков С., прот.* Христианство и еврейский вопрос. Paris: YMCA-press, 1991. С. 11.

² *Максимова Т.В.* Культурная жизнь еврейской диаспоры Новороссийска в начале XX в., отраженная в письмах издателя Фукса // Чертовский исторический сборник. Вып. 2. Российская империя во времени и пространстве. М.: Государственная публичная историческая библиотека, 2019. С. 295–334.

³ Там же. С. 297–298.

⁴ Там же. С. 306.

В нашем материале интересно показать не очень удачные способы решения национального вопроса на западных окраинах Российской Империи в конце XIX — начале XX века, в частности «остзейского вопроса» в Прибалтике. Хотя основной тенденцией решения национального вопроса было постепенное устранение местных особенностей и распространение общеимперских законов на все регионы страны, политическое влияние Польши, Австрии, Германии в Прибалтике было трудноустранимым¹. Еще Екатерина II считала проблему господства немецкого населения на прибалтийской окраине тяжелой. Павел I был убежден, что решить ее невозможно унификацией, подгонкой под общий стандарт, путем административных реформ. Александр I, а после и Николай I видели выход в федерализации Империи. Этому противилась большая часть населения, понимая, что Россия недостаточно укоренена в Прибалтике. Местные русские здесь находились практически в статусе иностранцев, так как край управлялся немцами и немецкими учреждениями. Не менее важным аргументом представлялось и развитие революционной угрозы, которая базировалась на сопротивлении местного населения немецкому господству.

Попытки ввести русский язык в официальное употребление не увенчались успехом. Русский дворянин не мог пользоваться всеми своими привилегиями в остзейских республиках. Православная вера и этнически русское население оказались в униженном состоянии. Причины такого положения русские оппозиционные политические деятели видели в ошибках верховной российской власти, подобострастной иностранной культуре, наделившей немцев особым положением, и настаивали на русификации регионов.

Происходила слабая попытка провести ревизию состояния национальной политики в регионе в 1882–1883 годах. По указу Александра III была проведена ревизия двух губерний — Лифляндской и Курляндской — сенатором Н.А. Манасеиным, рекомендованным министром внутренних дел Н.П. Игнатьевым. Эта ревизия вызвала сопротивление немецкого дворянства². Вероятно, им было что скрывать. Предполагалось также обширное исследование всех сторон жизни. Немцами были задействованы все возможные способы для дискредитации ревизии, в том числе широкомасштабная уничижительная кампания в немецкой прессе о деятельности ревизоров. Не отставали и русские издания. Кроме того, проводимая сенаторская ревизия обвинялась в преднамеренном разжигании межсословной, а соответственно, и межнациональной розни в Остзейском крае. Некоторые преобразования после ревизии были внедрены, но широкомасштабные планы по инкорпорации окраины в тело Империи, создание единого бюрократического государства не состоялись.

Зато ненавязчиво, постепенно и удачно происходила эта инкорпорация на базе учебных заведений. Практика внедрения научной элиты, подготов-

¹ На основе исследования: *Жуляева Е.П.* Политика Российской империи по отношению к национальным окраинам. Остзейский вопрос в трактовке Ю.Ф. Самарина // Чертовский исторический сборник. Вып. 2. Российская империя во времени и пространстве. М.: Государственная публичная историческая библиотека, 2019. С. 229–239.

² *Дмитриева Н.В.* Изо дня в день травят меня, как зверя дикого: опыт ревизии Лифляндской и Курляндской губерний сенатором Н.А. Манасеиным // Чертовский исторический сборник. Вып. 2. Российская империя во времени и пространстве. М.: Государственная публичная историческая библиотека, 2019. С. 240–256.

*Портрет графа Михаила Семеновича Воронцова, героя войны 1812 г.
Художник Д. Доу, 1812 г.*

пророссийских чиновников-профессионалов на южной окраине государства.

Многого удалось достичь вследствие реформы, проведенной первым кавказским наместником графом М.С. Воронцовым. Он провел масштабную реформу школьного образования на Кавказе, увеличив число обучающихся в заведениях Министерства образования вдвое: с 2265 (1845) до 4683 (1854)¹. В дальнейшем было разработано положение о воспитании закавказских уроженцев в высших и специальных учебных заведениях. Проект закона неоднозначно был принят в Министерстве образования; в частности, министр народного образования С.С. Уваров был обеспокоен его материальной стороной. Выходцы с Кавказа учились в Горьгорецком земледельческом институте, расположенном в Могилеве, единственном высшем учебном заведении по части сельского хозяйства, в Санкт-Петербургском технологическом институте; им были выделены квоты и в Академии художеств, и в других учебных заведениях.

К началу 1880 г. «кавказские воспитанники» занимали видную роль в администрации южной окраины Российской Империи. Так принцип полезности знаний позволил Империи получить чиновника с высшим образованием, подготовленного к специальным местам службы, что значительно снижало возможность сепаративных настроений на окраинах России.

Получение российского образования, как и изучение русского языка, всегда было хорошим средством для снижения степени межнациональной

ленной в университетах Российской Империи, показывала позитивное развитие. Создавались группы элит, которые в формате проектов регионального и национального развития предлагали новые идеи и разрабатывали методы их достижения.

Так, за почти сто лет существования Казанского университета в Российской Империи на разных должностях в нем работали несколько десятков преподавателей из западных краев, обучалось много студентов, что способствовало формированию региональной идентичности. Особенное значение имело обучение уроженцев Кавказа и Южных губерний. Проект «Кавказские воспитанники» стал позитивной попыткой подготовки квалифицированных

¹ По материалам: Урушадзе А.Т. Проект «Кавказские воспитанники» или как сделать полезного чиновника // Чертовский исторический сборник. Вып. 2. Российская империя во времени и пространстве. М.: Государственная публичная историческая библиотека, 2019. С. 282–295.

напряженности. О том, насколько эффективна была царская межнациональная политика, позволявшая народам жить в мире, свидетельствует также такой печальный факт, что царя Николая II не предали только два генерала: мусульманин Гусейн Хан Нахичеванский — азербайджанец и немец Федор Артурович Келлер. А в Средней Азии воевали за Белого царя еще лет 20 после его убийства.

Значение образования в межнациональном вопросе понимали и использовали советские власти, предоставляя возможность обучения в лучших вузах страны для молодежи союзных республик и иностранных граждан. Во многом хорошие отношения сегодня с руководителями Африки и Азии являются следствием того, что некоторые представители власти этих государств обучались в Советском Союзе.

Мне, возглавлявшему более 12 лет Высшие духовные школы Белоруссии и Санкт-Петербурга, эта тема близка и понятна. Среди студентов разных национальностей никаких конфликтов не было. Нас объединяла Русская Православная Церковь. Промыслительно, что День народного единства, символизирующий гражданскую сплоченность, историческую преемственность и единство многонационального народа России, отмечается в день одного из главных ее церковных праздников — 4 ноября, в день празднования Казанской иконы Божией Матери. Важен и поучителен пример решения национального вопроса в многонациональной Карелии, о чем я знаю также по опыту своего здесь служения. На протяжении истории и развития Карельский край, населенный разноязычными народами: русскими, украинцами, карелами, вепсами, был духовно объединен общностью православной веры. Она формировала культуру и традиции населения нашего края в духе христианского милосердия, сострадания и братской любви. Православие во многом определило морально-этические нормы народов Карелии, обычаи, архитектуру и облик городов и деревень.

Со знанием реальной истории, будучи митрополитом Петрозаводским и Карельским, могу свидетельствовать о значении для национального и вероисповедного единства богослужебного языка в Карелии. Карелы Северного Приладожья смогли сохранить приверженность православию даже в период шведского владычества, длившегося с 1617 по 1710 годы. До начала XIX в. во время церковной службы молитвы в лютеранских церквях произносились на финском языке, а в православных — на церковнославянском. В 1815 г. вышло постановление Святейшего Синода, согласно которому службы в карельских православных церквях могли проводиться на родном для населения языке¹. Но, несмотря на все принимаемые постановления, службы чаще всего проводились на церковнославянском языке. Лишь в начале XX в. службы начинают проводиться во многих общинах на родном языке. Такое соседство языков способствовало тому, что местное население не отвернулось от православия. Имеет место и важность экономических интересов. На местных заводах работало в большинстве русское приезжее население, для которого карельский язык был труден, тем более

¹ См. подробнее: *Паикова А.А.* Язык церковнославянской службы в православных приходах приграничной Карелии в XIX—начале XX в. // Православие в Карелии. Материалы IV научной конференции, посвященной 25-летию возрождения Петрозаводской и Карельской епархии. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. С. 415–422.

Крестный ход в Петрозаводске в День всенародного единства, 4 ноября 2025 г.

Крестный ход в Петрозаводске в День всенародного единства, 4 ноября 2025 г.

на церковных службах. И наоборот, карелы изучали русский язык как средство сотрудничества и благосостояния, видя в России защитника и помощника.

Благожелательное отношение русских властей к карельскому и финскому языкам в первой половине XIX в. имело также и политическую подоплеку. Меры по укреплению местных языков были связаны с целью ослабления шведского влияния, особенно культурного.

Большое значение имело административное и учебно-методическое руководство Санкт-Петербургской духовной академией духовных учебных заведений Олонецкой губернии в XIX веке¹. В это время в России была установлена единая административная система управления духовным образованием. Санкт-Петербургская духовная академия осуществляла руководство на подведомственной территории посредством практического руководства учебным процессом, назначала на должности учителей, заботилась об училищных библиотеках. Академия была центральным управленческим звеном; школы, в свою очередь, были тесно связаны с Академией. Так, окончившие Олонецкую семинарию могли продолжить образование только в «своей» Санкт-Петербургской академии, а преподавательский состав семинарий пополнялся исключительно за счет выпускников этой же Академии.

Просвещение в истории межнациональных отношений имеет огромное значение. В России демократической этот процесс в целях экономии, недальновидности управленцев или предательства обогатившейся элиты был прерван. Не поэтому ли мы получили СВО?

4. Крест послушания

*Также услышите о войнах и о военных слухах.
Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит
всему тому быть, но это еще не конец.
(Мф. 24:6)*

Прав А.С. Панарин: межнациональный мир «требует колоссальной жертвенности — в первую очередь от народа, взявшего на себя роль его несущей конструкции». Это более всего заметно в «минуты роковые», когда люди сплываются перед беспощадным врагом. Вследствие возрастания патриотического духа народ становится более нравственным. Осознание возможности исторической справедливости делает человека верующим в высшую, Божию справедливость, заставляет осознавать свое национальное величие и духовное богатство. Механизм единения народа понял и так поэтически выразил поэт Осип Мандельштам, применительно к своему времени заметивший, что люди замерзли друг без друга, потому что каждая особь стоит сама по себе. Замерзли они, по выражению поэта, от непокрытости «шапкой рода». Общество соскучилось по «патриархальной емкости», «по

¹ См. подробнее: *Калинина Е.А.* Административное и учебно-методическое руководство Санкт-Петербургской духовной академией духовными учебными заведениями Олонецкой губернии в XIX в. // Православие в Карелии. Материалы IV научной конференции, посвященной 25-летию возрождения Петрозаводской и Карельской епархии. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. С. 402–408.

законодательной тяжести», по «кресту послушания»¹. Крестоношение — привычное для народа России состояние. Сегодня мы кровопролитно воюем, на своем опыте осознавая библейское «*Также услышите о войнах и о военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть, но это еще не конец*» (Мф. 24:6).

Война всегда спланивала народ России, какой бы социальной формацией он ни управлялся. Война всегда соединяла русских людей общим подвигом; в едином порыве они вставали на защиту своей Родины. Великая Отечественная война стала высочайшим примером национального единения. На протяжении всей своей тысячелетней истории Русская Православная Церковь переживала с русским народом все беды и тяготы военного времени, укрепляла силы русских воинов в борьбе с иноземными захватчиками, укореняла веру в неизбежность победы над врагом.

Мы сегодня свидетели двух кровопролитных в мире войн. Россия сражается за освобождение украинского народа от национал-бандеровских захватчиков. Израиль и США — за нефтяные рынки Ирана. Ювелирно точно, выверено, без причинения вреда мирному населению воюют русские солдаты, не жалея своих жизней. Тысячи взрослых и детей погибли в первую неделю нападения Израиля на Иран. Заокеанские мясники не стыдятся своих методов, руководствуясь приемами Мардохея: «*устранить, убить, погубить всех сильных в народе*» (Есф. 8:11). Все руководство Ирана было убито израильтянами в первый же день ракетной атаки, а затем был уничтожен второй кабинет правительства. Но только ли материальные блага являются поводом к этим кровавым противостояниям? Или есть все-таки мировой заговор?

Нам подскажет легендарный Герберт Уэллс. Он был провидцем (или посвященным), озвучившим происки мирового правительства. Тому подтверждение — его книга «Открытый заговор»², изданная в 1928 г., но переведенная на русский язык только в 2021 году. В книге, как поясняет Валентин Катасонов в своей статье «Знал, предсказывал, предупреждал. Герберт Уэллс открыл человечеству глаза на мировой заговор» (газета Русский Вестник 2026. № 5. С. 4): «Идеального состояния человечество достигнет тогда, когда, по мнению Уэллса, не будет национальных государств. Каждое такое национальное государство, как он считал, подобно mine, которая может в любой момент взорвать весь мир». Надо стремиться к единой мировой религии, считает Уэллс, будучи убежденным, что различия в таинствах и ритуалах порождают разногласия. «Пришло время очистить религию от всего наносного для решения стоящих перед ней задач — задач более важных, чем когда-либо прежде. Истории и символы, которые служили нашим отцам, обременяют и разделяют нас. Различия в таинствах и ритуалах порождают разногласия и впустую растрачивают ограниченный запас наших эмоций» (Г. Уэллс).

Кажется, мы живем именно в такое время, когда мировое правительство взялось за установление явного своего миро-владения. Израиль взял курс на обезглавливание исламской республики, не боясь, что дух и воля к борь-

¹ Мандельштам О. Выпад // Мандельштам О. Слово и культура: статьи. М.: Советский писатель, 1987. С. 45–46.

² Уэллс Г.Д. Открытый заговор: 16+ / предисл. проф. В.Ю. Катасонова; пер. с англ. А. Крутько. М.: Кислород, 2021. 287 с.

бе иранцев только укрепятся. Очевидно, что Нетаньяху и здесь обратился к историко-религиозному контексту (2–3 марта празднуется Пурим). Израильский премьер, зная историю Есфири, Мардохея и Амана, с упоминания о которой мы начали нашу статью, проводит параллель с нынешним Ираном и КСИР, выстраивая ветхозаветное, тысячелетней давности преемство. Для обеих сторон — это религиозная война. Также как и для нашей страны священно освобождение от нацистов, возглавляемых Зеленским, своих исторических земель.

В России со времен своего возникновения иное отношение и к войне, и к миру. Национальная, а как следствие, военная идеология выражается в патриотизме, верности своему Отечеству и народу, в братском его содружестве, в стремлении к независимости и социальной справедливости, в милосердии к ближнему и к врагу. По сути, это взаимоотношения по христианским заповедям, о чем так говорит святитель Иоанн Златоуст: «Устыдимся поступать вопреки заповеди Христовой и нападать на врагов как волки. **Доколе мы будем овцами, дотоле будем побеждать**; хотя бы и бесчисленное множество волков нас окружало, но мы их преодолеем и победим. Если же будем волками, — будем побеждены, потому что отступит от нас помощь Пастыря (Он пасет не волков, а овец)»¹. По сути, это знаменитое, не раз подвергавшееся критике применительно к СВО, путинское: «Мы и дальше будем избирательно работать. Не будем делать так, как эти придурки лупят по гражданским объектам, по жилым кварталам. Конечно, мы этого делать не будем. Мы избирательно будем продолжать отвечать»², — что тоже: «Мы не воюем с народом Украины». Донбасс — это территория Донского казачьего воинства, переданная Украине Лениным без согласия народа или референдума. Воссоединение в современной России произошло по результатам референдума. Война, хоть и продолжается пятый год, но в России нет ночных факельных шествий со скандированием «москалив на ножи». А на Украине это звучало уже задолго до СВО: «Кто не скачет — той москаль». Доскакались. У русских нет ненависти к украинскому народу. Зеленский очень ловко превратил его в пушечное мясо, в расходный материал для своей выгоды.

Хотя Христос проповедовал среди учеников любовь к ближнему, он не обещал им скорого благоденствия, а предупреждал, что до прихода Царства Божия будет много еще пролито крови. *«И сказал им: когда Я послал вас без мешка и без сумы, и без обуви, имели ли вы в чем недостаток? Они отвечали: ни в чем. Тогда Он сказал им: но теперь, кто имеет мешок, тот возьми его, также и суму; а у кого нет, продай одежду свою и купи меч... Они сказали: Господи! Вот, здесь два меча. Он сказал им: довольно»* (Лк. 22:35–38). Имеется в виду не только военное вооружение. Господь не прибавляет ни шлем, ни щит, значит, речь идет не только о войне в прямом смысле, а о войне духовной. «Говорит сие ученикам Господь, приготавливая к борьбе с противящимися истине, но не к борьбе, по мало-важным предметам предприемлемой, где расположением борющихся управляет раздражение, а к состязанию в подвиге, который внушен Богом по пламенной ревности к богочестию. Ибо Господь видел уже, что бесстыдные

¹ Беседа 33 (1) на Евангелие от Матфея свт. Иоанна Златоуста (Мф. 10).

² Встреча с военными корреспондентами в Кремле. 13 июня 2023 года.

псы иудей с неистовством восстают против божественного учения и спешат положить конец спасительной проповеди, а потому, восставляя учеников своих на сей подвиг с иудеями, повелевает им отложить прежнюю кротость, вооружившись же сильным словом, идти на обличение покушающихся низложить истину»¹.

И сегодня мы, наученные горьким опытом (отречение, плач, покаяние), понимаем, что нынешняя война с коллективным Западом (коалиция Эпштейна) — война мира христианского с миром бесовским. У них, возглавляющих войско тьмы, — ее князь; у нас, воинов Света, — Христос. И мы победим. Как сказал Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в Рождественском приветствии 2025 г.: «Там, где Бог, там Победа. А Бог — там, где возлюбившие друг друга люди. И выбора у нас нет — или полюбить друг друга, или исчезнуть».

Нам выпало жить во времена агрессивного порабощения Европы мусульманскими, грамотными, а также неверующими, часто необразованными народами с других континентов Земли. Мы с ужасом и сожалением наблюдаем, как эти пришлые племена в огромных, принятые Европой с распростертыми объятиями и денежным обеспечением, над ней же глумятся. Безнаказанно убивают белым днем на глазах прохожих представителей белого населения ножами, давят автомобилями, насилуют женщин и детей, издеваются над государственными символами страны, их приютившей. В целом мигранты не собираются работать, а живут за счет пособий, которые они щедро получают от европейцев. Правительство Евросоюза, в основном женское, очарованное выдуманной или кому-то выгодной политикой мультикультурализма, делает вид, что не замечает происходящего захвата Европы варварами с Ближнего Востока, из Северной Африки и т.п., то есть из бывших европейских колоний.

Да и сделать ничего не может, кроме как подыгрывать диким племенам, ради них отказаться от христианских символов и праздников, разорять или сносить свои культовые сооружения. Этих правительниц Европы не волнует близкий закат западной культуры и всей цивилизации, наверное, потому что они сами в прямом смысле малообразованны. В доказательство тому — запоминающиеся безграмотностью высказывания Аннелены Бербок, Кайи Каллас, да и самой фрау фон дер Ляйен, предки которой разбогатели, живя в России.

Но посмеиваясь над ними, как бы не заплакать нам самим. У нас проблема миграции из бывших союзных республик год от года нарастает. Мы не вполне знаем ее конкретику, но догадываемся; особенно беспокоит преступность наших «гостей», которые не терпят замечаний, создают свои национальные анклав. Большой частью мигранты как в Европе, так и в России — молодые, сильные, воинственные люди с иным менталитетом, верой и манерой поведения, своего рода готовый на все протестный электорат.

В России правительство «не благодушествует», миграционная политика отрабатывается законодательно, свою помощь оказывает Русская Православная Церковь. Так, на Всемирном Русском Народном Соборе 2023 г. Святейший Патриарх всея Руси Кирилл выступил перед Владимиром Путиным с жесткой речью на тему миграции. Приведу выдержки: «Современ-

¹ Толкование на Евангелие от Луки (22:36) преп. Нила Синайского († 430).

ный миграционный процесс, его текущий характер, представляет серьезный внешний вызов нашей культурной традиции. **Ошибочная миграционная политика может привести к самым печальным последствиям для Русского мира и для России как его духовно-культурного ядра.** Сейчас в публичном пространстве популярна идея, что мигранты — это конкурентная рабочая сила, а потому общество должно смириться с последствиями, которые несет практически ничем не ограниченный завоз иностранной рабочей силы... Допускаю, что обойтись сегодня совсем без миграционных потоков в экономическом плане довольно сложно. Но это совсем не значит, что эти потоки не должны никак регулироваться и ограничиваться. Массовый поток мигрантов, не владеющих русским языком, не владеющих должным представлением о российской истории и культуре, о наших традициях и обычаях, а, следовательно, не способных и зачастую не желающих интегрироваться в российское общество, меняет облик российских городов. Приводит к деформации единого правового, культурного, языкового пространства страны. **В некоторых крупнейших городах возникают и активно развиваются замкнутые этнические анклавы, являющиеся рассадниками коррупции, организованной этнической преступности и незаконной миграции. Не надо этого замалчивать! <...>**

Случаи оскорбления женщин, насилия в их адрес, неуважения к пожилым людям — все это вызывает справедливое негодование очень многих наших соотечественников, желающих видеть более строгое и внимательное отношение к данным проблемам со стороны правоохранительных органов и государственных властей. <...>

Помимо экономической выгоды, существуют важнейшие стратегические вопросы бытия государства и общества. **Ценность прибыли не может быть выше ценности государства, готового отстаивать интересы государствообразующего народа.** Практика жизни показала **неэффективность решения проблем с мигрантами через попытки договориться с национальными диаспорами и кланами,** которые готовы не только горой вступить за своего представителя, чтобы избавить его от справедливого наказания по закону, но и всячески мстить тем, кто посмел обратиться в правоохранительные органы, сообщая о преступлениях. Нужен процесс изучения этой проблемы. **Ни в коем случае нельзя заталкивать ее в какой-то угол и говорить, что ничего не происходит.** Или просто отвечать: “А иначе мы не можем — у нас не хватает трудовых резервов”. Эта проблема должна быть на столе — и общественного обсуждения, и, конечно, при принятии государственных решений», — призвал Предстоятель Русской Православной Церкви.

Сдвиги в миграционной политике есть. В 2025–2026 гг. был принят ряд важных организационных мер:

- создана Служба по вопросам гражданства и регистрации иностранцев;
- утверждена Концепция миграционной политики на период 2026–2030 годов, которая закрепила стратегические подходы к регулированию миграционных процессов с учетом национальных интересов;
- введен обязательный тест по русскому языку для детей мигрантов и проверка легальности их пребывания перед поступлением в школу;
- установлена обязательная идентификация по биометрии при оформлении сим-карт с ограничением количества номеров для мигрантов;

- разрешено выдворять мигрантов за ряд административных проступков с возможностью задержания до 48 часов;
- факт незаконного нахождения признан отягчающим обстоятельством при совершении уголовного преступления.

И многие другие.

Но государство обеспокоено положением дел и в сфере внутрirosсийских межнациональных отношений, тем более что в Россию за спасением приезжает все больше и больше людей на постоянное место жительства из других, цивилизованных стран. Этот вопрос также проработан на законодательном уровне.

Сегодня сферу национальных отношений регулируют **федеральные законы и указы Президента РФ**. Например:

Федеральный закон от 17 июня 1996 г. №74-ФЗ «О национально-культурной автономии»;

Федеральный закон от 1 июня 2005 г. №53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации»;

Указ Президента РФ от 25 ноября 2025 г. №858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года».

Цель государственной национальной политики — укрепление единства многонационального народа РФ (российской нации) и общероссийской гражданской идентичности (гражданского самосознания) при сохранении этнокультурного и языкового многообразия для обеспечения развития страны, ее государственной и территориальной целостности, внутренней политической и социальной стабильности.

Некоторые приоритетные направления государственной национальной политики таковы:

- укрепление общероссийской гражданской идентичности на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей;
- сохранение и поддержка этнокультурного и языкового многообразия РФ;
- обеспечение межнационального (межэтнического) и межрелигиозного согласия, противодействие экстремизму и возникновению конфликтов на национальной (этнической) и (или) религиозной почве.

Некоторые принципы государственной национальной политики РФ:

- равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, происхождения и других обстоятельств;
- равенство условий для развития народов, этнических общностей;
- гарантии прав коренных малочисленных народов РФ;
- недопустимость пропаганды или агитации, возбуждающей расовую, национальную, религиозную или социальную ненависть и вражду.

Указ Президента РФ от 25 ноября 2025 года №858 утверждает Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года. Стратегия — документ стратегического планирования, определяющий цель, принципы, приоритетные направления государственной национальной политики и задачи по обеспечению реализации ее приоритетных направлений, а также инструменты и механизмы ее реализации.

Стратегия направлена на обеспечение национальных интересов РФ, укрепление исторически сложившегося государственного единства и целостности РФ, сохранение и защиту этнокультурной самобытности ее народов, обеспечение конституционных прав и свобод граждан, гармонизацию межнациональных (межэтнических) отношений.

Стратегия — понятие сложное, оно не ограничивается областью военного искусства или политики. Стратегией характеризуются и человеческие отношения, и духовные области.

Много раз ловил себя на восхищенной мысли, глядя на уличные щиты с портретами героев СВО, про себя повторяя: «какие красивые русские лица!». Хотя нет в них генетического единообразия — здесь и смуглокожие, и с азиатским разрезом глаз, и широкоскулые, и курносые, и голубоглазые. И все они — Русские! Ведь они едины в своей любви к России и в своем героическом стоянии за Правду, понимая, что

*Не прожить наверняка —
Без чего? Без правды сущей,
Правды, прямо в душу бьющей,
Да была б она погуще,
Как бы ни была горька.*

А. Твардовский «Василий Теркин»

Наши герои едины в своей любви к соотечественникам и ко мне, в частности. Не зная меня, они дают мне возможность писать эту статью, благодарить Бога за его милосердие и молиться за них, за всех воюющих с адovým злом, для которого межнациональная рознь — питательная среда. А для нас, верных Богу, Отечеству и ближнему, — наша атмосфера — любовь во всех ее высших ипостасях.

Царский ПУТЬ

Митрополит
Симферопольский
и Крымский
ТИХОН (Шевкунов)

ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТРАНСПОРТ

*Из книги «Гибель империи.
Российский урок»*

Образование

Только в первые 15 лет правления Николая II было открыто больше образовательных учреждений — школ, училищ, институтов, университетов, чем за весь предшествующий период российской истории.

Именно при последнем царе, а не при советской власти, было начато великое дело всеобщего бесплатного начального образования.

В феврале 1907 г. в Государственную Думу поступил правительственный законопроект о всеобщем начальном образовании. Десять лет, вплоть до роспуска Думы, депутаты виртуозно затягивали его утверждение. Но правительство Николая II оперативно оценило саботаж вечно оппозиционного парламента и начало действовать самостоятельно. Каким же оказались результаты?

Уже в Советской России, в 1920-м г., решили провести первую социалистическую перепись насе-

Митрополит Тихон (Георгий Александрович Шевкунов) — родился в 1958 г. в Москве. Митрополит Симферопольский и Крымский, глава Крымской митрополии. Церковный писатель, сценарист и общественный деятель. Кандидат исторических наук, председатель Патриаршего совета по культуре, руководитель Комиссии по взаимодействию РПЦ с музейным сообществом, член Совета при Президенте РФ по культуре и искусству. Руководитель издательства Сретенского монастыря и интернет-портала «Православие.ru». Член Секретариата Правления Союза писателей России. Автор книг и фильмов о духовной истории России. Лауреат премии имени Н.С. Лескова «Очарованный странник» за книгу «Несвятые святые» и другие рассказы» (2017). Автор фильма «Гибель империи. Византийский урок» (2008). Новый литературный труд митрополита Тихона — книга «Гибель империи. Российский урок» — был презентован в Крыму и Москве в конце 2023 года.

*Ученики народной школы Знаменского стеклозавода
(Енисейская губерния; 50 км от Красноярска).
У доски стоит преподаватель школы Илья Степанович Кашин, 1913 г.*

ния. Среди прочих заказчиков исследования был и Наркомат просвещения, поставивший задачу: определить процент грамотности среди детей и подростков в доставшейся большевикам в наследство «дремучей» России. И тут неожиданно обнаружилось, что процент грамотности среди молодого поколения не просто высок. А необычайно высок!

Возьмем, к примеру, близкую мне Псковскую губернию. Вот статистика грамотности детей и юношества 10–19 лет от роду в совсем не университетских провинциальных городах: в Великих Луках — 95%. Во Пскове — 92%. В маленьком Торопце — 92%. В городишках: Дно — 95%, Холм и Опочка — по 94%, в Порхове — 95%¹.

Статистика грамотности подростков в 1920-м году:

- г. Великие Луки — 95%;
- г. Псков — 92%;
- г. Дно — 95%;
- г. Торопец — 92%;
- г. Холм — 94%;
- г. Опочка — 94%;
- г. Порхов — 95%.

Не будем забывать: третий год в России лютует Гражданская война. Многие школы закрыты. Повсюду голод, разруха. Грамотные дети и подростки в 1920-м г. — это в основном как раз те, кто успел получить образование в школах перед Гражданской войной и интервенцией. Уровень грамотности, как мы видим, стремился к ста процентам, причем как среди мальчиков, так и среди девочек.

¹ Данные Всероссийской демографической переписи населения 28 августа 1920 года: Псковская губерния. Псков, 1921. Вып. 1: Пол, возраст и грамотность.

Эти результаты, разумеется, не упали с неба. При последнем Императоре бюджет на образование вырос более чем в 5 раз¹. По всей территории Российской империи ежегодно открывались тысячи учебных заведений. Особенно быстро росло число женских гимназий и педагогических институтов². По количеству учащихся Россия делила третье место в мире, вместе с Великобританией³.

Отдельно необходимо подчеркнуть высочайшее качество среднего и высшего образования в Российской империи. Доказательство тому — великие свершения науки и техники как дореволюционной, так и советской эпохи, осуществленные выучениками царской средней и высшей школы. А также достижения великих русских ученых, оказавшихся в эмиграции. Ученых, инженеров, изобретателей, конструкторов, врачей, архитекторов с российскими имперскими дипломами с руками отрывали лучшие работодатели Европы и Америки.

То же самое относится и к области всех направлений искусств.

Наука и промышленность

Дореволюционная Россия дала миру двух нобелевских лауреатов — Ивана Павлова (1904) и Илью Мечникова (1908). Кстати, и сам Альфред Нобель, учредивший знаменитую премию, также был российским предпринимателем.

Русские ученые и инженеры изобрели электросварку⁴, радио⁵, скафандр⁶, противогаз⁷, автомат⁸, парашют⁹, сейсмограф¹⁰. В стране создавались корабли, паровозы, автомобили на уровне мировых образцов.

¹ Россия. 1913 год: статистико-документальный справочник / Отв. ред. А.П. Корелин; ИРИ РАН. СПб.: Блиц, 1995. С. 155. И это без учета расходов земств и Святейшего Синода.

² Там же. С. 336.

³ *Чехов Н.В.* Народное образование в России с 60-х годов XIX века. М., 1912. С. 220–221. Данные на 1910 г.

⁴ В 1888 г. Николай Гаврилович Славянов впервые в мире применил дуговую сварку металлическим электродом под флюсом; в 1893 г. он же получил золотую медаль Чикагской выставки за технологию электросварки под слоем стеклянного порошка. В 1905 г. Владимир Федорович Миткевич впервые в мире предложил применять трехфазную дугу.

⁵ В 1890 г. Яков Оттонович Наркевич-Иодко сконструировал один из первых экспериментальных радиоприемников. В 1895 г. (за год до патента Маркони) Александр Степанович Попов официально представил в работе первый в мире радиотелеграф.

⁶ В 1871 г. Александр Николаевич Лодыгин создал проект автономного водолазного скафандра.

⁷ В 1915 г. Николай Дмитриевич Зелинский предложил использовать активированный древесный уголь для нейтрализации боевых газов. На заводе «Треугольник» разработали устройство из резиновой маски с фильтрующей угольной коробкой, которое назвали «противогаз». Зелинский не стал патентовать свое изобретение, не желая наживаться на беде, и Россия передала секрет производства союзникам.

⁸ В 1907 г. Владимир Григорьевич Федоров разработал автоматическую (самозарядную) винтовку, а в 1916-м г. — первый боевой автомат («ружье-пулемет»).

⁹ В 1912 г. Глеб Евгеньевич Котельников первым в мире создал ранцевый парашют и запатентовал его в России, Франции, Германии и США.

¹⁰ В 1906 г. князь Борис Борисович Голицын изобрел первый электромагнитный сейсмограф.

*Рождение авиации. Император Николай II и И.И. Сикорский.
Художник П.В. Рыженко, 2010 г.*

Промышленники строили грандиозные предприятия: крупнейший комплекс Путиловских заводов в Петрограде, гигантский судостроительный механический трест в Николаеве, металлургические заводы в Мариуполе, Луганский паровозостроительный завод Гартмана, металлургический завод «Урал-Волга» в Царицыне, Енакиевские заводы на Донбассе, машиностроительный завод в Краматорске.

Рижский «Руссо-Балт» выпускал вагоны, самолеты и автомобили (в том числе и для царского гаража). Во время Первой мировой войны он был эвакуирован в Москву, сейчас известен как Государственный космический научно-производственный центр имени М.В. Хруничева. В 1916-м г. правительство выделило средства на строительство сразу шести автомобильных заводов, в том числе «Товарищества на паях автомобильного Московского общества» (сокращенно АМО) — будущего ЗИЛа.

Военная авиация в Российской империи по количеству аэропланов на 1914 г. являлась самой большой в мире, насчитывая 263 машины¹, и мы могли гордиться отечественной школой авиастроения (ведь, право, не с луны же свалилась на СССР великая советская авиация)².

¹ Русская армия // Советская военная энциклопедия / Под ред. Н.В. Огаркова. М.: Воениздат, 1979. Т. 7. С. 174.

² «Накануне Октябрьского переворота воздушный флот России представлял собой внушительную силу. В него входило свыше 300 различных частей и подразделений, в том числе 14 авиационных дивизионов, 91 авиаотряд, эскадра воздушных кораблей «Илья Муромец» (4 боевых отряда), 87 воздухоплавательных отрядов, 32 гидроотряда, 11 авиационных и воздухоплавательных школ, дивизион корабельной авиации, восемь авиапарков, а также многочисленные поезда-мастерские, авиабазы, воздухоплавательные парки и т.д. В этих частях насчитывалось до 35 000 солдат и офицеров и около 1500 аэропланов различных типов» (Хайрулин М., Кондратьев В. Военлеты погибшей Империи. Авиация в Гражданской войне. М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 7).

На столе у императора лежали проекты Московского метрополитена, Туркестано-Сибирской магистрали, оросительных каналов в Средней Азии и многие-многие другие.

Все эти грандиозные замыслы были прерваны в 1917-м г. А может быть, стоило просто проявить терпение? Ведь все те достижения научно-технического прогресса, которые мы связываем с советским строем, вовсе не были результатом революции. Наоборот: она отбросила страну далеко назад, и догонять передовые страны мира, да и себя самих образца 1913 г., нашему народу пришлось ценой невероятного напряжения и огромных жертв.

Мало кто знает, что большинство грандиозных строек и мегапроектов, осуществленных в СССР, были спланированы еще в царской России. План электрификации всей страны, реализованный в советское время как ГОЭЛРО (впоследствии его назовут даже «бледной калькой дореволюционных программ развития энерготехнической отрасли¹»), также был принципиально разработан еще в 1916-м г. в Комиссии по изучению естественных производительных сил России, преобразованный в Энергетический институт АН СССР².

Транспорт

Особой личной заботой императора был важнейший для гигантской страны вопрос — транспорт.

Россия — страна речных путей. Наш речной флот стал самым большим в мире. Железные дороги — самое передовое в то время средство сообщения. Их протяженность при Николае II выросла более чем вдвое. Ежегодно строилось в среднем по полторы тысячи километров путей³.

Знаменитая Транссибирская магистраль была завершена в абсолютно рекордные сроки — за четырнадцать лет⁴. Император Николай II считал это строительство одним из важнейших дел своей жизни: в 1891 г. он, еще будучи Наследником, по благословению отца, Александра III, был назначен шефом Транссиба и лично заложил великую стройку во Владивостоке⁵.

Чтобы оценить, насколько сложным и беспрецедентно успешным был этот проект, сравним создание Транссиба — самой крупной в мире стратегической дороги — со строительством других великих железных дорог мира.

Транссибирская магистраль строилась со скоростью 500 километров в год. Это по нашей непроходимой сибирской тайге, через реки, горы, болота. Немцы примерно в это же время прокладывали железную дорогу Стамбул — Багдад. Географические и погодные условия очевидно другие, далеко не Сибирь. Показатель немцев — 120 километров ж/д путей в год. А вот

¹ *Корякин Ю.* Кто же был инициатором и вдохновителем электрификации России? Ленинский план ГОЭЛРО оказался лишь бледной калькой дореволюционных программ развития энерготехнической отрасли страны // ИГ-наука. 1999. 15 декабря.

² *Козлов Б.И.* Вклад Академии Наук в индустриализацию России // Вестник РАН. 2000. № 12. С. 1059–1068.

³ Россия. 1913 год: статистико-документальный справочник / Отв. ред. А.П. Корелин; ИРИ РАН. СПб.: Блиц, 1995. С. 107.

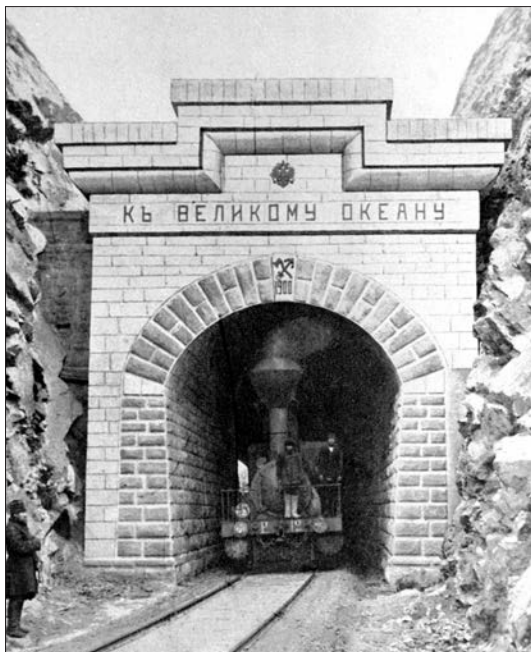
⁴ История железнодорожного транспорта России. СПб., 1994. Т. 1: 1836–1917 гг. С. 158.

⁵ *Боханов А.Н.* Николай II. М.: Молодая гвардия; Русское слово, 1997. С. 91. (ЖЗЛ).

англичане, задумав построиць трансфрыканскую магістраль Каір — Кейптаун, возводілі яе хутэйшэ — 300 кіламетраў у год. Но ўсе жэ заметна медленней, чым Транссыб, і к таму жэ гэту сваю дарогу так і не достроілі.

І яшчэ адно сраўненне, к-торое можа паказацца уж ўсе неадзінак. Людзі старшага пакалення памятаюць, як буквальна ўсё Саветскі Саюз удзельнічаў у будаванні знакамітай Байкало-Амурскай магістралі — БАМ! Так вот, тэмпы будавання БАМа па тым жа горах, болотах, па той жа непераходнай тайзе не перавышалі 200 кіламетраў у год! Канец XIX — пачаток XX в. і апошняя чвэрць XX в. Разніца — ў два з паловай разоў.

У 1916 г., ў разгар вайны, на Крайнім Севере быў пабудаваны новы горад і стратэгічны незамерзаючы порт — Романова-Мурманск (цяперашні Мурманск), і к яму ў рэкордна скаротаны тэрміны была праведзена 1000-кіламетровая жэлезнадарожная магістраль. Ужэ ў студзені 1917-га па яе пошлі эшалоны з найноўшым узбраеннем і боепрыпасамі.

Въезд в галерею на Яблоневоm хребте, 1904 г. Транссибирская магістраль (Великий Сибирский Путь) строилась в царское время. Исторически Транссибом называли участок от Миасса до Владивостока, длина — около 7000 км

**Епископ Сергиево-Посадский
и Дмитровский
КИРИЛЛ (Зинковский)**

ОТЕЧЕСТВО НЕБЕСНОЕ И ЗЕМНОЕ: ОСМЫСЛЕНИЕ ПАТРИОТИЗМА В МОНАШЕСТВЕ

*Выступление на конференции
«80-летие Великой Победы:
память и духовный опыт
поколений»*

Доброго дня, Ваши высокопреосвященства, преосвященства, всечестные отцы и матери! Братия и сестры!

Для всех нас Отечество Небесное — это главная и подлинная Родина всего человечества, и монашествующие, как отражающие дух глубоко христианский, дух первого христианства, должны включать в себя «вселенскость» нашей веры, отражать то евангельское благовестие, в котором говорится, что Господь пришел спасти все народы. Одновременно мы осознаем, что заповедь почитания отца и матери, а значит всех наших предков, означает особое уважение к земному Отечеству, память о служении и подвигах наших соотечественников, благоговейное хранение всего того лучшего, что было сохранено и передано нам нашими предками.

Здесь вспоминаются слова святителя Филарета Московского: «Плохой гражданин земного Отечества и небесного недостойн». Любовь к небесному Отечеству должна занимать высшую ступень в нашем

Епископ Кирилл (Евгений Анатольевич Зинковский) — родился в 1969 г. в Ленинграде. Епископ Сергиево-Посадский и Дмитровский, ректор Московской духовной академии, наместник Свято-Троицкой Сергиевой лавры. Доктор богословия, кандидат технических наук. Тематика статей, докладов, выступлений епископа Кирилла охватывает широкий спектр богословских и философских вопросов, включая исследования в области антропологии, педагогики, патристики, экклезиологии, проблем и перспектив современного образования и общественно-научного развития, изучение святоотеческих текстов и применение их в современной духовной практике. Имеет церковные и светские награды, в т.ч. Орден преп. Сергия Радонежского III степени, Благодарность Президента Российской Федерации.

сознании, но любовь к земному Отечеству — это также естественное качество христианина и монаха в том числе. Святитель Григорий Богослов в свое время засвидетельствовал: «Почитать отца и мать — дело святое, но у всякого своя мать, а общая для всех мать — это наша Родина». Об этом говорится и в Новом Завете, где особый акцент ставится на внимании к «своим»: «Если же кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного» (1 Тим. 5:8).

Святитель Феофан Затворник выражал свои мысли по отношению к этим двум Отечествам следующим образом: «Служа Отечеству, мы тем самым служим Богу. Как же приходит некоторым на мысль, будто между этими служениями нет союза и будто посвятивший себя одному неизбежно оставит и забудет другое? Когда Господь в Евангелии говорит: “Воздадите убо кесарева кесареви, и Божию Богови”, то внушает, что совмещать это обоюдное служение не только можно, но и должно. Свойство же самого дела показывает, что как тело есть орудие, посредством которого душа обнаруживает свои внутренние действия, так и общество и служение в нем есть лучшее поприще для раскрытия и обнаружения невидимого духа благочестия и даже для укрепления этого духа».

Святитель Игнатий (Брянчанинов) также отмечает: «Развивать в русских воинах живущую в них мысль о том, что, принося свою жизнь в жертву Отечеству, они приносят ее в жертву Богу, совершенно верно, и эти воины причисляются к Святому Сонму мучеников Христовых».

Святитель Филарет Московский также особенно обращает наше внимание на преподобного Сергия Радонежского, потому что предыдущие слова и цитаты в большей степени обращены к мирянам. Здесь же в лице преподобного Сергия святитель Филарет говорит о монашеском подвиге: «Преподобный отче Сергие, от юности возлюбив Отечество Небесное, Ты, однако, и земного Отечества не пренебрег, но возлюбил его крепкой духовной любовью».

Образ преподобного Аввы Сергия, игумена земли русской, для нас особенно важен, потому как, уйдя в глухой лес и сосредоточив всю свою жизнь в молитвенном предстоянии Богу, в духовно-аскетическом подвиге, преподобный игумен не забыл в молитвах своих соотечественников. И в тот период, когда он уже приобрел духовное зрелое состояние, святой не пренебрегал и не считал ненужным ходить в далекие пешие путешествия к князьям в разные города, убеждая их оставить личные амбиции и послужить общему делу Родины и Отечества. Это служение преподобный Сергий считал необходимым в духовной заботе о своем народе. И действительно сам образ Святой Троицы, выбранный им как главный праздник обители, является указанием на духовное целеполагание, смысл жизни социума, Отечества, народа, православных христиан в единстве друг с другом.

Мы помним, какое тяжелое время было тогда для Руси, и подвиг преподобного Сергия, по оценке профессора Ключевского, стал именно источником возрождения веры народа как в Бога, так и в те силы, которые дарованы Богом каждому христианину и народу в целом. При упоминании имени преподобного Сергия народ вспоминает свое нравственное возрождение и «затверживает правило, что политическая крепость прочна только тогда, когда держится на силе нравственной» (В.О. Ключевский). Это возрождение и это правило — самые драгоценные вклады Преподобного Сергия, положенные в живую душу народа.

*Благословение преподобного Сергия.
Художник П.В. Рыженко, 2005 г.*

и уже долго властвовала над ней, обращался к своим духовным чадам. Он имел особое откровение выйти с Афона и поддерживать дух благочестия среди простых селян и горожан. Он говорил: «чада мои любимые во Христе, сохраняйте мужественно и бесстрашно нашу священную веру, язык наших предков, так как оба эти понятия — суть нашей любимой Родины, и без них нация наша погибнет. Братья, не отчаивайтесь, будет нам дано от Божественного Проведения небесное спасение, чтобы освободиться нам от того жалкого состояния, в котором мы сейчас пребываем».

Святитель Нектарий Эгинский, великий чудотворец XIX и начала XX вв., говорил, обращаясь к воспитанникам семинарии, что они должны быть истинными служителями Церкви, а также испытанными борцами за Отечество. Святитель отмечал жестокую битву, в которой предстоит сражаться с многочисленными и влиятельными врагами Отечества. Он говорил: «Эллинский, то есть греческий, мир наводнен с одной стороны инославными миссионерами, с другой стороны — проповедью материалистического духа века сего, который стремится искоренить всякое понятие о правде и истине, добре и благочестии».

«Немало, — говорит Святитель, — явилось и претендентов на земли, издревле нами унаследованные, где испокон веков жил и трудился на благо человеческой цивилизации наш народ, враги которого многочисленны. Но бесценное достояние наше — вера и Отечество, — писал святитель Нектарий, — это все, что есть у человека самого дорогого, обязывает нас мужественно и самоотверженно встать на защиту его от покушений и передать потомкам, могущим сохранить унаследованное».

В этих словах святителя Нектария мы видим очень много параллелей с тем, что мы испытали в жизни нашего Отечества, особенно начиная с конца XX столетия и в XXI веке. К сожалению, немалое число наших соотечественников оказалось предателями отеческих преданий, к которым можно отнести слова святителя Тихона Задонского: «Тяжко грешат люди, которые присяги Государю и обществу не хранят. Такие оказываются неверными сыновьями общества и более вредными для общества, чем даже внешние враги, и называются бесчестным именем изменниками».

И хотя государя сейчас нет, но общество, его польза, а также благо народа, многими были преданы, попораны, вменены ни во что.

Конечно же, все беды нашего Отечества в так называемое «перестроечное» время коренятся в проблемах, которые привели и к гибели империи, и к воцарению коммунистической власти. В начале XX в., в годы русской смуты, священномученик Протоиерей Иоанн Восторгов взывал к соотечественникам нашим, указывая на особое значение нашего Отечества: «Для того ли промысл Божий вызвал к бытию Россию и поставил ее на рубеже двух миров, — здесь прокомментирую: Запада и Востока, — и положив пред ней великое мировое призвание, чтобы она, перестав быть сама собою, исчезла с лица земли и изменила Богу данному призванию? Для того ли Господь приобщил ее к Церкви своей и духовное Небо украсил сонмом равноангельных подвижников русских, чтоб все это погибло перед разливом безбожия и иноверия? Нет, — размышляет в то время еще протоиерей, будущий священномученик, — жив Господь Наш и жива Церковь Его, и жива Русь святая. Миллионы сынов ее не преклонили и не преклонят колен своих пред валом, их не запугать, не закупить, не перекупить и не обмануть их врагам Церкви и Отечества».

Святейший Патриарх Московской и всея Руси Кирилл неоднократно подчеркивал, что в нынешнее время особенно необходимо осознать задачу сбережения того, что мы называем «единый духовный и культурный мир восточных славян», то, — что называется Русским миром, — определяя его как «особую цивилизацию, которую необходимо сберечь, к которой принадлежат люди, которые сегодня называют себя разными именами — русские, украинцы, белорусы, или люди, не относящиеся к славянскому миру, но которые восприняли культурную и духовную составляющую этого мира как свою собственную».

На Западе и в нашей среде, среди адептов либеральной идеологии резко критикуется само понятие русского мира, и даже в лице патриарха Константинопольского мы слышим ужасные рассуждения о том, что Русская Церковь, как и Русская империя, подобны друг другу в желании завоевать, так сказать, максимум территорий. Эти идеологи сформировали такое фиктивное понятие, как «русская православная империалистическая идентичность».

В то же время мы знаем то, как развивалась западная цивилизация, которая, обрастая колониями, действительно вела себя империалистически. Исторические факты расширения нашего Отечества говорят о вхождении новых народов в сферу русского цивилизованного бытия и просвещенного христианского мирозерцания без насилия над их культурным наследием.

Хотя монашествующие и должны быть сосредоточены почти исключительно на молитве и подвигах аскезы, однако по мысли старца Паисия Афонского: «Если в древности монах интересовался тем, что происходит в

мире, то его надо было закрыть в келье и не давать ему выходить наружу. Однако в наше время, если он не совершенно безразличен к тому, что происходит в социуме, его надо скорее вытащить из кельи». Разумеется, речь идет не о том, чтобы дать ему активное социальное служение, а о том, что он должен осознать необходимость душой и сердцем сострадать тому, что происходит в окружающем его мире.

Более того, даже самый простой монах периодически встречается с посетителями монастыря, в сознании которых много различных идей, и либеральных, к сожалению, больше, чем консервативных и патриотических. К сожалению, за либеральными идеями глобалистического Запада стоит идея развращения человеческой нравственности. Но люди этого не понимают и, прельщаясь «сладкими» разговорами о либеральном единстве всего мира, проглатывают ядовитые идеи, содержащие ложное понимание высшего призвания и предназначения человека.

Я не буду слишком долго распространяться на мыслях о Русском мире, по этому поводу у меня был доклад на одном из заседаний Всемирного Русского Народного Собора. Я только отмечу, что, действительно, вера в особое призвание нашего Отечества сохраняется в святоотеческом предании. Мы должны осознавать этот факт не как причину для гордости, а как основание для осознания особой ответственности каждого из нас, в том числе и монахов. Мы должны оказаться способными дать правильные ориентиры для наших соотечественников, будучи погруженными как в аскетическую традицию Православной Церкви, так и в святоотеческое наследие.

*Император Александр I у преподобного Серафима Саровского.
Барельеф на стене перед памятником Александру I в Александровском саду
у Московского Кремля. Скульптор С.А. Щербаков, 2014 г.*

Преподобный Серафим Саровский в XIX в. говорил: «Вера у нас Православная и Церковь, не имеющая никакого порока. Этих ради добродетелей Россия всегда будет славна и врагам страшна и непреборима. Имущая веру и благочестие, щит и броню правды сих врата ада не одолеют». Более того, Преподобный говорил: «Господь помилует Россию и приведет ее путем страданий к великой славе». Это пророчество крайне актуально в наше время смятений в умах наших соотечественников, многие из которых мечтают о том, чтобы оставить нашу Отчизну и уехать в другие страны. Граждане России и сыны Церкви Православной должны свято помнить эти слова великого русского святого, воспитывая молодое поколение в позитивном патриотическом духе.

Я лично уверен, что желание ослабить Россию и в военном, и в социально-экономическом, и во всех других смыслах — это есть попытка сил антихриста противостоять этому пророчеству, которое высказано словами и многих других еще святых, ибо преподобный Серафим Вырицкий, святой XX в., в одном из стихотворений говорил пророчески: «Утихнут грозные невзгоды, своих врагов Россия победит, и имя русского великого народа, как гром по всей вселенной прогремит».

Аналогичную мысль высказывал святой Николай Сербский еще в 30-е гг. XX в., пророчески предвидя, что Россия имеет особое значение в судьбе всего мира. Хотя об этом было действительно невозможно даже подумать в 30-е гг. XX в., когда имя нашего Отечества воспринималось зачастую с сарказмом среди всех народов земли, ибо мы занимались самоуничтожением и попирали свои собственные святыни. «Но, — говорит святитель Николай, — наступает время, братья моя, и уже на пороге оно, когда грязью залитое и в муках постаревшее лицо русского народа воссияет как солнце и осветит всех тех, кто сидит во тьме и тени смертной. Тогда все народы на земле благодарно возгласят: “Наша Русь, наша мученица, красное солнышко!”».

Находясь в нашем Отечестве и видя множество наших внутренних проблем, мы искренне верим в это пророчество. Верим, что, по слову того же Святителя, высказанному в письме к одному священнику в Европе на вопрос, за что Бог наказывает православную Россию, «сегодняшние крестные муки русского народа принесут миру непреходящую пользу, а сам русский народ выйдет из огня страданий более сильным и славным, чем был прежде. И обычный кузнец бросает в огонь железо не для того, чтобы наказать его, но чтобы сделать его чище. И мы считаем и верим, что Творец попустил великому русскому народу огонь страданий не для того, чтобы наказать и истребить, но чтобы этим страшным примером предостеречь и вразумить другие народы, а сам народ русский вовеки прославить перед небом и землей».

При этом слава народа нашего должна быть не в эгоистическом самолюбовании, но, по словам другого сербского святого преподобного Иустина (Поповича): «Суть русского призвания заключается в открытии Христа всему миру. Христа, забытого миром, неизвестного миру, но сохраненного в нашей Православной Церкви. По моему мнению, в этом вся суть нашей мощной будущей цивилизации и воскресения из мертвых всей Европы». Здесь преподобный Иустин ссылается во многом на Федора Михайловича Достоевского, которого он очень почитал. Повторяя его мысли, святой Иустин говорил: «Действительно надо, чтобы воссиял в ответ Западу наш Христос, Которого мы сохранили и Которого они не знали».

В самом деле, для монашествующих, укрывшихся от суеты мира, это все может показаться лишним и ненужным. Однако в борьбе с сильным информационным воздействием на умы наших сограждан очень важно, чтобы каждый из наших братьев и сестер монашествующих мог грамотно использовать богатейшее наследие святых Православной Церкви. Эти святые прославлены от Бога явными чудесами при жизни и по смерти. Необходимо укрепиться самим, чтобы укрепить и наших соотечественников в понимании того служения, к которому призван наш народ и наша Церковь. Также это служение вдохновляет на новые и новые подвиги со смирением и кротостью, призывая помощь Божию на наших соотечественников и на нас самих. Только молитва и церковные таинства являются основой того подвига и призвания, о котором мы сегодня говорили. Это призвание выражено в мыслях святых угодников Божиих по отношению к нашему Отечеству и к нашей Русской Православной Церкви.

И, пожалуй, последняя мысль, на которую я хочу обратить внимание в наследии наших сербских святых — это указание преподобного Иустина (Поповича) на наследие Федора Михайловича Достоевского: «Всечеловеческую роль Достоевский приписывает русскому народу не потому, что он русский, но потому, что он православный. Ибо, будучи православным, он свято и богобоязненно сохраняет лик Христов, который дарует Ему божественную любовь и силу для духовного единения со всеми народами и для радостного, евангельского служения всем людям. Для Федора Михайловича главное — не народ, но Церковь, и народ важен настолько, насколько он в лоне Церкви и живет Христом и ради Христа».

Достоевский всегда беспристрастно подчеркивал и отрицательные особенности русского народа и не преувеличивал его положительные стороны, говоря, что в русском человеке нужно уметь различать красоту от наносной грязи. Трезво замечая худшие стороны поведения русского народа, Федор Михайлович тем не менее сохранял уверенность в том, что идеалы нашего народа все-таки «сильны и святы, и они-то и спасли его в века мучений», помогая сохранить в нем человеческий образ и веру в призвание.

Заканчивая свой доклад, благодарю за внимание и прошу обратить особое внимание на то, что монашествующий сегодня должен взять для себя этот пример, даже определенный духовный навык различать грех и человека, силу верить в пророчества несмотря на то, что реальность во многом говорит о чем-то подчас обратном. И возгревать в себе готовность помочь всякому человеку, которого Господь пошлет нам в наши святые обители, правильно сориентироваться в том тяжелом информационном тумане, который нагнетается сейчас всеми противными силами. Это делается именно для того, чтобы люди запутались, потеряли все ориентиры святости, благородности, чести и призвания. Мы знаем, и об этом имеем даже отдельные личные свидетельства, что в нашу эпоху особые финансовые средства тратятся для того, чтобы развращать человечество и ввергать людей в тяжелые греховные состояния.

Мы, монашествующие, не должны забывать о том, что монах в идеале — это молитвенник за все человечество. Конечно же, по согласованию с духовным наставником, трезво осознавая свою меру, тем не менее, мы все должны, каждый по своим силам, вздыхать к Богу за судьбу всего человечества и за судьбу нашего народа, о котором есть такие особые предсказания по отношению к общечеловеческой истории. Молитвами святых угодников Божиих, Господь да благословит всех нас!

Владимир КАТАСОНОВ

АПОФАТИКА В НАУКЕ

Владимир Николаевич Катарасонов — доктор философских наук, доктор богословия, профессор ОЦАД, член-корр. РАЕН. Член Межсоборного присутствия Русской Православной Церкви. Член Экспертного совета ВАК по теологии. Профессор Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. св. равноап. Кирилла и Мефодия. Член редколлегии нескольких журналов. Автор более 200 научных работ, 11 книг. **Живет в Москве.**

Православное богословие всегда настойчиво подчеркивало два пути богопознания: *катафатический* (положительный) и *апофатический* (отрицательный). Бог дает нам познать Себя в Откровении. Именно из Откровения от Самого Бога мы познаем Его как Любовь, Премудрость, Могущество и т.д. И это есть положительный путь богопознания — познание «Божиих имен». Но одновременно в самом Откровении Бог являет Себя как трансцендентный, как то, что отлично от всего сущего, как не мир, как Божественное Ничто... «Поэтому и те, кто возлюбил Истину, — пишет Дионисий Ареопагит, — независимо от какой бы то ни было истины, должны воспевать пресущественное Богочначалие, которое является некой превышающей бытие Сверхблагостью, не как Разум или Могущество, не как Мышление, или Жизнь, или Сущность, но как (нечто) совершенно исключающее какое-либо изменение, свойство, жизнь, воображение, представление, наименование, разум, мысль, мышление, сущность, состояние, основание, предел, беспредельность, то есть все, что присуще сущему»¹. То, что мы познаем в Боге, есть Его *энергии*, Его действия в мире. Однако нам не дано познать Бога в Самом Себе. «Мы не можем мыслить Бога в Нем Самом, в Его сущности, в Его сокровенной тайне. Попытки мыслить Бога в Нем Самом повергают нас в молчание, потому что ни мысль, ни словесные выражения не могут заключить бесконечное в понятия, которые, определяя, ограничивают. Поэто-

¹ Дионисий Ареопагит, св. Божественные имена / пер. о. Леонида Лутковского // Мистическое богословие. Киев, 1991. С. 593.

му греческие отцы в познании Бога пошли *путем отрицаний*», — пишет В.Н. Лосский¹. Этот путь отрицаний заставляет говорить о поднятии мистика к Богу как о вхождении в «Божественный мрак», где угасают всякие образы и имена, где Божество выступает как бездонная *тайна*... Неслучайно здесь Лосский говорит и о бесконечности: отношение всех определений мысли к Богу выступает в конце концов как отношение конечного к бесконечному. Мы вернемся к этому еще ниже.

В основаниях науки, как бы особо от богословия она себя ни утверждала, всегда лежит некая *квазирелигиозная вера*: вера в Истину, в Логос (*мировые законы!*), который правит миром и который может быть познан человеком. Эта вера в истину всегда предшествует самой процедуре научного исследования, а не есть некоторый вывод из него. Любые выводы из научных теорий могут иметь только партикулярный, конечный смысл и не могут утверждать что-то о целом Вселенной. Убеждение же в закономерности мира есть именно представление о целом мира, которое присутствует в науке как ее *а priori* и имеет характер веры. В особенности эта связь научного знания и *веры в Истину* выступает у пионеров новоевропейской науки, которые должны были выстраивать здание науки, начиная с его фундамента. Так, например, у Декарта его переход от ситуации абсолютного сомнения к научному познанию сознательно опосредуется верой в *доброто Бога*, Бога, который не может обманывать человека².

Встает естественный вопрос: в силу подобных квазирелигиозных корней науки отражаются ли как-то апофатические представления религии в научном знании? На двух примерах мы показываем в этой статье, что подобное отражение действительно имеет место в науке: в форме прямого изучения бесконечного и в форме так называемого *принципа недостаточного основания*. Начнем с последнего.

2. Принцип недостаточного основания

Принцип недостаточного основания (или *принцип индифферентности*) непосредственно связан с *принципом достаточного основания* Лейбница: «...ни одно явление не может оказаться истинным или действительным, ни одно утверждение не оправданно без достаточного основания, почему дело обстоит именно так, а не иначе...»³. Если же подобного достаточного основания не находится, то тогда в некоторых случаях делаются определенные выводы, *подразумевая* принцип недостаточного основания. Лучше разобрать это на примерах.

Важным примером применения принципа недостаточного основания является галилеевское «доказательство» закона инерции, как оно осуществлено в его знаменитом сочинении «Диалог о двух главнейших системах

¹ Лосский В. Догматическое богословие // Мистическое богословие. Киев, 1991. С. 266–267.

² См.: Первоначала философии // Декарт Р. Сочинения: в 2 т. / пер. с лат. и франц. М.: Мысль, 1989. Т. 1. С. 326. Конечно, есть и кантовская философия науки, которая заслуживает в этом плане особого обсуждения. Здесь отметим только, что и у Канта, несмотря на всю имманентность его философии познания, тем не менее признается первенство практического разума с его постулатами Бога, души и бессмертия.

³ Монадология // Лейбниц Г.В. Сочинения: в 4 т. М., 1982. Т. 1. № 32. С. 418.

мира»¹. Любопытна логика этого «доказательства»: Галилей рассматривает движение шарика по наклонной (идеальной или близкой к этому) плоскости при придании ему определенного импульса. Если исходный импульс направлен вверх по наклонной плоскости, то всякий согласится с тем, что движение шарика будет замедляться и потом сменится равноускоренным движением вниз по наклонной плоскости. Причем замедление движения шарика при движении вверх будет тем больше, чем больше угол наклона плоскости. Если же исходный импульс направлен вниз по плоскости, то шарик будет в своем движении ускоряться тем быстрее, чем больше угол наклона плоскости. Если же теперь мы будем уменьшать угол наклона плоскости, то при движении шарика — вверх или вниз по плоскости безразлично — ускорение или замедление его будет все меньше, и когда угол наклона будет нулевым, шарик не будет испытывать в своем движении ни ускорения, ни замедления, т.е. будет сохранять ту скорость, с которой он начал двигаться.

Здесь явно видна «работа» принципа недостаточного основания. Выделяется причина ускорения (замедления) шарика — наклон плоскости. И затем этот наклон устремляют к нулю. Если исчезает причина изменения скорости, то и само изменение исчезает: скорость сохраняется. То есть для изменения скорости в одну или другую сторону — увеличения или уменьшения — нет достаточной причины. Поэтому скорость сохраняется. Логической причиной сохранения скорости по величине и направлению оказывается *незнание*: мы не усматриваем причин, по которым эта скорость могла бы измениться. *Незнание* оказывается парадоксальным образом опорой *знания*.

Другой пример: «вывод» закона инерции Декартом. Здесь логическая причина сохранения скорости уже более весома: «Из того, что Бог не подвержен изменениям и постоянно действует одинаковым образом, мы можем также вывести некоторые правила, которые я называю законами природы и которые суть вторичные причины различных движений, замечаемых нами во всех телах, вследствие чего они имеют большое значение»². Из того, что Бог не подвержен изменениям и всегда действует одинаковым образом, следует, что «всякая вещь в частности продолжает по возможности пребывать в одном и том же состоянии и изменяет его не иначе как от встречи с другими»³. Отсюда следует, что тело само по себе или сохраняет движение, или сохраняет покой (относительно абсолютного пространства). Отсюда же следует и то, что тело, не испытывающее воздействия других, стремится двигаться по прямой. Причина все та же: «Она заключается в том, что Бог неизменен и что Он простейшим действием сохраняет движение в материи...»⁴ Причиной движения по инерции, «сохранения движения», является *неизменность Бога*. По-видимому, это положительное качество. Но, однако, логический смысл его чисто отрицательный: мы не видим оснований для изменений в Боге, всесовершенном и всеблагом. И это

¹ Галилей Г. Диалог о двух главнейших системах мира. М.—Л., 1948. С. 118—119.

² Первоначала философии // Декарт Р. Сочинения: в 2 т. / пер. с лат. и франц. М.: Мысль, 1989. Т. 1. С. 368.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 369.

отсутствие оснований влечет постоянство Бога, постоянство Его действий в мире и, наконец, «сохранение движения», закон инерции. Логика та же, что и у Галилея: наше незнание оснований для изменений (в Боге) влечет за собой формулировку закона инерции. Опять *незнание* оказывается странным образом незыблемым и твердейшим фундаментом *знания*...

Еще один аналогичный пример связан с основаниями теории вероятностей. Знание теории вероятностей можно представлять себе по-разному. Принципиальный момент здесь — это вопрос о вероятности так называемых элементарных исходов: вероятностях выпадения «орла» или «решки» при бросании монеты, какой-то стороны кубика и т.д. Почему мы считаем, например, что вероятность выпадения «орла» у симметричной монеты равна вероятности выпадения «решки» (и равна 0,5)? Так называемое *частотное определение* вероятности, развивавшееся в XX столетии, в частности Р. фон Мизесом, не выдерживает элементарной критики. Утверждение о том, что вероятность появления признака А в определенной серии испытаний равна *пределу частоты* его появлений в бесконечном числе испытаний, невозможно оправдать без дополнительных и довольно искусственных ограничений. Нетрудно показать, что какой бы ни была частота r_{n_0} появления признака А в первых n_0 испытаниях, можно всегда построить такую последовательность испытаний с номерами $n_1 > n_0$, что частоты r_n будут, начиная с некоторого N, отстоять от r_{n_0} на некоторое $\epsilon > 0$: $|r_n - r_{n_0}| > \epsilon$, $n > N$.

Другими словами, частота в конечном числе испытаний отнюдь не характеризует предельную частоту появления признака. К последней невозможно «подобраться», так сказать, конечными испытаниями, если не делать дополнительных ограничительных предположений. Но каков *философский* смысл этих дополнительных предположений, что говорят они нам о самой реальности?..¹

Чуткие умы всегда чувствовали этот живой парадокс, заключенный в понятии вероятности: с помощью вероятностей элементарных исходов мы можем считать вероятности более сложных событий, но *сосчитать* вероятность самого элементарного исхода мы не можем². А. Пуанкаре писал в своем «Исчислении вероятностей»: «Полное определение вероятности есть, тем самым, род порочного круга: как узнать, что все случаи равновероятны? Математическое определение здесь невозможно; мы должны в каждом применении делать соглашения (conventions), говоря, что мы рассматриваем такие-то и такие случаи как равновероятные. Эти соглашения не совсем произвольны, но они ускользают от сознания математика, который и не должен их исследовать, как только они уже приняты. Таким образом, целое задачи о вероятности распадается на два этапа исследования: первый, так сказать, метафизический, который оправдывает то или иное соглашение; и второй, математический, который применяет к этим соглашениям правила исчисления»³. Теория вероятностей как математическая дисциплина, особенно после формулировки ее в аксиоматической форме А.Н. Колмогоро-

¹ Подробнее см. в моей книге: *Катасонов В.Н.* Метафизическая математика XVII века. М., 1993. Гл. V.

² Например, зная вероятности выпадения всех цифр симметричного кубика (одна шестая), мы можем рассчитать вероятность того, что при бросании двух кубиков сумма выпавших цифр будет больше 8.

³ *Poincaré H.* Calcul des probabilités. Paris, 1912. P. 28–29.

вым в 1933 г., должна быть отнесена как раз ко второму этапу. А первый, метафизический, — это и есть тот, которым мы сейчас занимаемся. Как же оправдать *априорные вероятности*, назначаемые элементарным исходам? Здесь мы опять видим в работе *принцип недостаточного основания*. Когда мы говорим о *симметрии* монеты или кубика, мы, на самом деле, и подчеркиваем как раз, что у нас *нет оснований* считать выпадение одной стороны более возможным, чем другой, и эта равновероятность превращается в исчислении вероятностей в равновероятность. Равновероятность элементарных исходов — все тот же «закон инерции», все то же парадоксальное строительство здания знания на фундаменте незнания, на фундаменте, прочность которого гарантирована именно *абсолютностью* незнания. Эта своеобразная апофатика оказывается лежащей и в основании теории вероятностей.

3. Научные теории бесконечности и апофатика

Но наиболее ярким «репрезентантом» апофатики в науке являются различные теории бесконечности и вообще все, что связано с бесконечностью. И это неслучайно. Бесконечность в науке есть как бы отражение идеи христианского (библейского) Бога. Для греческой античности, в лице ее наиболее авторитетных представителей, категория бесконечного не может входить в науку. «Бесконечное не существует ни в космосе, ни в уме», — говорил Аристотель. Бесконечное сближается греческой мыслью с неоформленным, текущим, со становлением, стоящим на границе бытия и небытия: бесконечное деление отрезка, бесконечное увеличение числа и т.д.¹ В силу этого бесконечное — если даже и признавать его существование — *непознаваемо*. Другими словами, отношение к бесконечному в греческой античности именно *апофатическое*.

С христианством в европейскую культуру приходит *бесконечный* Бог: всемогущий, всеведущий, всеблагий. В христианской теологии начинаются первые спекулятивные построения вокруг понятия бесконечности. Постепенно они проникают и в науку. Начинаются попытки *катафатического* подхода к бесконечности. Пока богословие, укорененное в прямом духовном опыте богообщения, контролируемое соборным церковным сознанием, бдительно сохраняет трезвое представление о границах катафатического подхода, твердо помнит о непостижимости Божества в Нем Самом, спекулятивные построения, связанные с бесконечностью, не превосходят, так сказать, должной меры и соотносятся с традицией. Но со времени позднего средневековья ситуация в западном христианстве меняется. В богословии все большую роль начинают играть отвлеченные рациональные построения (например, Николая из Кузы) — с одной стороны, и в высшей степени нетрезвые мистические откровения — с другой (например, Мейстер Экхарт, Я. Беме и др.). У обеих этих линий всегда есть общий предмет для рассуждений: бесконечность. Поэтому возникающие в XVII столетии дифференциальное и интегральное исчисления совершенно неслучайны: почва для этих всходов уже подготовлена несколькими веками многообразных спекуляций

¹ Подробнее см. в моей книге: *Катасонов В.Н.* Боровшийся с бесконечностью: философско-религиозные аспекты генезиса теории множеств Г. Кантора. М.: Мартис, 1999.

о бесконечном. В то же время дифференциальное и интегральное исчисления входят в науку достаточно «революционно», заглушая победными сообщениями о решении все новых задач негромкие голоса скептиков, безуспешно пытающихся напомнить об апориях и парадоксах, неотделимых от понятия актуально бесконечного (Б. Паскаль, Дж. Беркли).

Однако собственно *катафатика бесконечного* сразу не получается. Три века дифференциальное и интегральное исчисления остаются, скорее, просто методом, чем строгой научной теорией: есть алгоритмы, но нет понимания. Нет, в частности, и строгой теории действительного числа. Положение начинает меняться только во второй половине XIX столетия. Предлагаются, в частности, несколько конструкций числового континуума — и все они используют актуальную бесконечность. Наконец, с 70-х гг. XIX в. Г. Кантор начинает публиковать свои статьи по теории множеств, которая должна была стать именно *наукой* (арифметикой, анализом) *бесконечного*. В бесконечном, которое до этого выступало как единое, непознанное начало, действительно проводятся некоторые важные различия. Кантор выделяет: Абсолют — бесконечное в Боге, трансфинитное — бесконечное в сотворенном мире, и трансфинитные числа — предмет его теории, арифметика бесконечного. Он трезво формулирует (вначале), что наука не занимается Абсолютом, предметом богословия. По поводу бесконечного в природе у Кантора были некоторые научные гипотезы, которые, однако, никогда и никем не были проверены¹. Оставались только трансфиниты, теория множеств. Здесь с самого начала были обнаружены серьезнейшие парадоксы. Один из них — *парадокс Бурали-Форти* (1897) — показывал противоречивость самого понятия шкалы всех порядковых чисел (ординалов). Кантор пытается «вытолкнуть» этот парадокс за границу теории множеств новым различием: *консистентных и неконсистентных множественностей*. Теория множеств по определению занимается только консистентными множественностями, то есть такими, которые «можно мыслить без противоречия». А множество всех ординалов — неконсистентно... Но остается вопрос: а как проверять бесконечное множество на консистентность? Почему мы уверены, что даже самое простое бесконечное множество $N = \{1, 2, 3, \dots\}$ есть консистентное множество (Р. Дедекинд)? Ответов на это получено не было...

Кроме того, Кантор и его ученики, которые довольно быстро выделили из построений учителя *аксиоматику* теории множеств, настаивали, чтобы бесконечность подчинялась определенным требованиям. Одно из них — есть знаменитая *аксиома выбора*, формулировка которой кажется довольно естественной: если у нас есть бесконечное (скажем, счетное) множество непустых множеств, то можно образовать новое множество, содержащее только по одному элементу каждого из данных. При всей, казалось бы, простоте этого утверждения любые попытки как-то объяснить его, не говоря уже о том, чтобы доказать, оказывались безуспешными. Положение напоминало ситуацию со знаменитым V постулатом Евклида, и, исходя из опыта обсуждения этого постулата, из построения неевклидовой геометрии, естественно вставал вопрос: а, может быть, возможна теория множеств и без

¹ См. в моей книге: *Катасонов В.Н.* Боровшийся с бесконечностью: философско-религиозные аспекты генезиса теории множеств Г. Кантора. М.: Мартис, 1999. Гл. IV, § 3.

аксиомы выбора?.. Благодаря работам К. Геделя (1939) и П. Коэна (1963) была показана независимость аксиомы выбора от остальных аксиом теории множеств Цермело-Френкеля. Со временем вместо аксиомы выбора были предложены другие аксиомы (например, аксиома детерминированности), которые порождали другие, неканторовские, теории множеств и построенные на последних довольно необычные «неканторовские математики».

Аналогичная история была связана с так называемой *континуум-гипотезой*. Кантор безуспешно пытался доказать, что следующим кардиналом после мощности множества натуральных чисел является мощность стандартной арифметической модели континуума. Однако ни ему самому, ни его ученикам этого не удалось сделать. В 1963 г. Коэн показал, что континуум-гипотезу нельзя ни доказать, ни опровергнуть в теории множеств Цермело-Френкеля.

Фундаментальное значение для философии науки имела *теорема Геделя о неполноте*, утверждающая, что в любой достаточно развитой аксиоматической теории (содержащей арифметику натуральных чисел) имеются истинные, но недоказуемые утверждения. Континуум-гипотеза и оказалась как раз таким утверждением. А теория множеств тем самым оказалась неполной и, более того, — непополняемой теорией, то есть теорией, для которой нельзя привести исчерпывающего списка аксиом. Теорема Геделя обозначила естественные границы применимости аксиоматического метода. В то же время она как бы указывала границы и научному разуму вообще. Грубо говоря, теорема о неполноте утверждает, что *не все истинное можно доказать*, не все истинное открывается *дискурсивному разуму*. Есть вещи, которые понятны для нас, но недоказуемы: доступ к ним недискурсивен, сверхнаучен. Здесь само собой вспоминается знаменитое высказывание Паскаля из его «Мыслей»: «Сердце имеет свои резоны, которых разум совсем не знает»¹. Многие *понятные* оказываются для нас, тем не менее, *таинственными*... Так и бесконечность, которая традиционно, со времен греческой науки, интерпретировалась апофатически и которую наука Нового времени попыталась «приручить», понять позитивно, вписав в рамки аксиоматического метода, все-таки проявила свою апофатическую природу: через *неисчерпаемость* непополняемых теорий...

Эти «понятные», но в то же время таинственные утверждения оказываются для нас прежде всего *аксиомами* научных теорий. Лейбниц, величайший рационалист всех времен, пытался преодолеть данность аксиом через введение принципов более высокого порядка, которые должны были бы объяснить сами научные аксиомы. Он называл их *архитектоническими принципами*: принцип непрерывности (исключающий из мироздания все возможные «зияния»), принцип оптимума (наш мир есть наилучший из воз-

¹ Pensées de Pascal // Pensées de Pascal et de Nicole. Paris, 1852. P. 291. Добавим к этому еще одну цитату из Паскаля: «Мы познаем истину не только разумом, но также и сердцем; именно этим последним способом мы познаем исходные начала. И необходимо, чтобы разум основывал свой дискурс как раз на этих познаниях сердца и инстинкта. Сердце чувствует, что пространство имеет три измерения и что чисел бесконечное множество; а разум только потом доказывает, что не существует двух квадратов чисел, из которых один в два раза больше другого. Начала — чувствуются, утверждения — доказываются; оба рода — с достоверностью, хотя и различными путями». Цит. по статье: *Duhem P.* La Science Allemande. Paris: Librairie Scientifique A.Hermann & Fils, 1915. P. 6.

можных), принцип законопостоянства¹. К ним можно добавить принцип противоречия и принцип достаточного основания. Принципы эти действительно играют огромную роль в научном познании и прежде всего в сегодняшней науке. Через формулировку этих положений великий философ действительно углубил наше понимание познания, выделив в нем важные *регулятивные начала* науки, без которых она, собственно, никогда и не существовала и которые естественно связывают ее с другими сферами культуры. Но Лейбниц хотел большего. Мир, полностью объясненный с помощью этих принципов, должен был бы представлять собой торжество *научно-философской катафатики*. Именно в такой перспективе и строится лейбницевская «Монадология». Но в лейбницевском мире нет творения из ничего, грехопадения, искупления; нет, вообще говоря, и трансцендентности Бога и человека — всего того, что составляет сердцевину христианского учения. Все это связано с *тайной свободы* — Бога и человека, с *тайной личности*. И вообще, говоря, для описания всего этого требуется другой язык². Но и сам Лейбниц очень ярко и убедительно показывал, как тесно связаны идея свободы и бесконечности³. Именно поэтому бесконечность, входя в науку, неизбежно взламывает все утопические проекты чисто научной катафатики и приносит с собой веяния другого мира, в котором существуют творчество, любовь, жертва, милосердие. Наука через свои архитектурные принципы — прежде всего *закон достаточного основания* и связанный с ним *принцип недостаточного основания* — заключает все свои построения в некотором ареале, вытесняя все чуждое за его пределы. Но, однако, и наука, пытаясь найти обоснование своим аксиомам и началам, подходит временами к границам этого ареала, открывая апофатическую бездну бесконечной Божественной и богоданной человеку свободы.

¹ О принципе законопостоянства см. в моей книге: *Катасонов В.Н.* Метафизическая математика XVII века. М., 1993. Гл. II, § 2.

² Современный греческий богослов Христос Яннарас пишет об этом: «Здесь потребен иной язык, способный передать качественные различия вещей и живого опыта, характер личных взаимоотношений, знание, которое не может быть стопроцентно заверено органами чувств. Церкви удалось найти такой язык, позаимствовав его вначале у греческой философии, отчеканившей свою терминологию и способы выражения мысли в течение многовековых споров о смысле жизни и бытия. Однако язык Церкви не остался достоянием исключительно философствующего интеллекта, но выразился также в форме песнопения, гимна, богослужения, праздников и таинств. Сейчас мы затрагиваем лишь его философскую оболочку, но хотим подчеркнуть вновь и вновь: вся семантическая полнота этого языка может быть постигнута лишь в богослужбной практике Церкви, в живом опыте общения в Теле Христова» (*Яннарас Х.* Вера Церкви: введение в Православное богословие. М., 1992. С. 103–104).

³ См. например: Два отрывка о свободе // *Лейбниц Г.В.* Сочинения: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1982. С. 307–317.

**Иерей
Тарасий БОРОЗЕНЕЦ**

ПЕЩЕРА ПЛАТОНА И ВИФЛЕЕМСКАЯ ПЕЩЕРА

Священник Тарасий Анатольевич Борозенец — родился в 1975 г. в Свердловске (ныне Екатеринбург) РСФСР. Кандидат философских наук, доцент, кандидат богословия, профессор Киевской духовной академии. Автор более 160 научных, художественных и публицистических работ, в т.ч. 4 учебных пособий, 4 научных монографий, 3 книг сказок для детей и 1 поэтического сборника. С 5 лет жил на Украине, где публично защищал концепцию Русского мира, сформулированную патриархом Кириллом, открыто выступал против идеологии украинского национализма. После государственного переворота 2014 г. вынужден был переехать в Россию. **Живет в Ханты-Мансийске.**

В истории мировой культуры есть два противостоящих и пребывающих в диалоге образа: мировая пещера Платона и рождественская пещера Христа. Одна — из мира языческой философской мудрости. Другая — из христианской эпохи Нового Завета¹.

Между вымышленной пещерой Платона и реальной пещерой Рождества около Вифлеема пролегал не просто расстояние в четыре столетия, но целая пропасть между двумя противоположными пониманиями Бога, человека и мира. Эти два пещерных полумрака становятся таинственными экранами, на которых появляются различные ответы на «проклятые» вопросы: Что есть человек? Что есть тело и весь материальный мир? Есть ли душа и мир духовный? Насколько реальна воспринимаемая нами реальность?

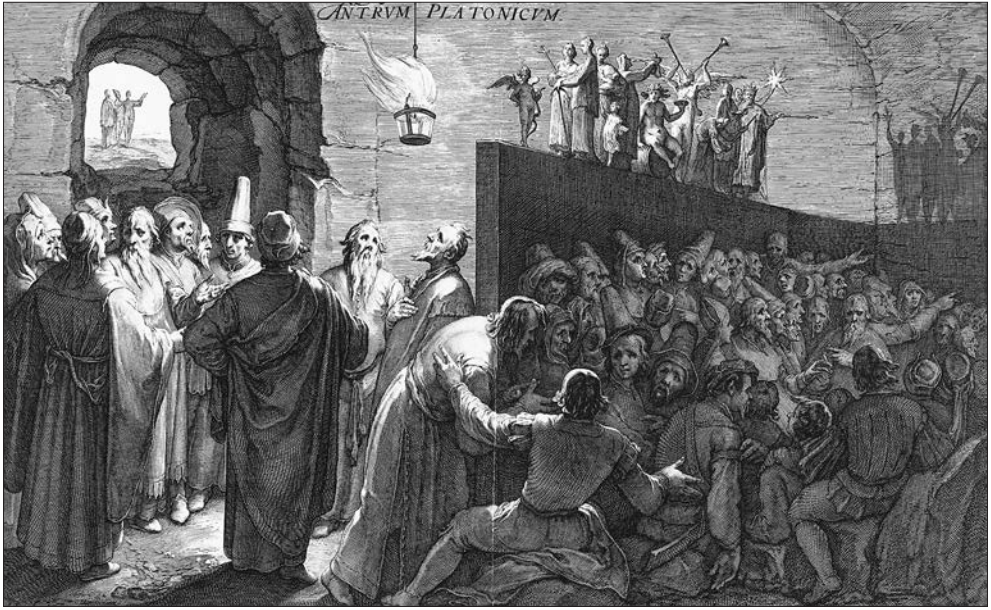
Платоновская пещера: космос как тюрьма иллюзий

«Представь, что люди как бы в подземном жилище наподобие пещеры...»² — с этих слов Платон начинает изложение своего мифа о пещере — одной из самых влиятельных аллегорий в истории мысли.

Платон рисует мрачный и безысходный образ: с рождения люди прикованы цепями в глубине пещеры. Они не могут повернуть головы и видят лишь стену, на которую из-за их спин огонь отбрасывает тени предметов, проносимых по дороге выше. Шумящие за их спинами люди кажутся им призраками, а их

¹ См.: *Малков П.* Образ пещеры в античном и христианском символизме // Под Главою — Христом: Статьи. М.: Изд-во ПСТГИ, 2000. 263 с.

² *Платон.* Государство. Кн. VII.

Пещера Платона. Художник П.Я. Санредам, 1604 г.

собственные эхо — подлинными голосами. Этот мир теней они принимают за единственную реальность.

Пещера — символ материального мира с его телами и вещами. Узники пещеры — души, пребывающие в своих телах как в тюрьме. Тело — темница души, тяжкие оковы, приковывающие ее к миру теней и иллюзий. Чувственное восприятие лживо, оно показывает нам лишь бледные копии истинных сущностей — вечных и неизменных Идей. Путь философа — это мучительное освобождение от привычных иллюзий и познание истины: разрыв цепей, болезненный поворот и трудное восхождение к Солнцу Истины за пределами пещеры.

Главная трагедия человеческой жизни — не в трудности познания, а в искреннем нежелании подавляющего большинства людей понимать и признавать истину. Большинство узников убеждены, что они свободны, что тела и мир, в которых они живут, — это их родной дом. Поэтому они не верят философам, разрушающим их иллюзии, насмеваются, раздражаются, озлобляются на них, всячески сопротивляются философии как пути познания истины.

Освобожденный и увидевший подлинный мир философ, вернувшись, чтобы помочь другим, кажется им безумцем, смутьяном и бунтовщиком. Его глаза, отвыкшие от темноты, видят хуже, его рассказы о Солнце воспринимаются как невероятная фантазия и опасная ересь.

Родившиеся и выросшие в тюрьме узники предпочитают оставаться там, где привыкли. Они совсем не желают быть освобожденными. Воспринимают освободителей как врагов, которых они готовы даже убить, лишь бы ничего не менять в своем существовании.

Итак, по Платону, материальный космос — наша общая пещера-тюрьма; материальное тело — частная тюремная камера, замкнутое пространство

тений и иллюзий; однако в сознании самих узников они представляются как очевидная истинная и прекрасная реальность. Люди сами держат себя в цепях иллюзий, не желая освободиться от лени, страха и слепой веры в чувственное восприятие.

Вифлеемская пещера: космос как место встречи

Совершенно иное символизирует пещера возле Вифлеема. Это не философская абстракция, а историческое и топографическое место, конкретная точка, с которой начался земной жизненный путь Спасителя, началось чудесное таинство Богоявления во плоти. Согласно Евангелию, Богомладенец родился не в доме, а в каменной пещере, служившей хлевом. Здесь, среди дыхания животных, в самой что ни на есть материальной, земной обстановке, совершается событие, переворачивающее платоновскую картину с ног на голову.

Если для Платона спасение — в бегстве из пещеры-материи, то в христианстве спасение приходит в саму пещеру, в сам материальный мир. Бог не остается в недоступном трансцендентном духовном мире чистого духа. По словам апостола, Он *«уничжил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек»* (Флп. 2:7).

Боговоплощение — это не просто нисхождение в самую гущу тварного, материального, ограниченного мира, но и всецелое нераздельное приобщение этому миру. Пещера становится не символом удаленности от Бога, но местом Его воплощения, явления и откровения.

Так христианство совершает «коперниканский переворот» в отношении к материи. Тело — не темница, из которой нужно освободиться, не зло, от которого необходимо избавиться. Тело — естественная и благая составляющая человеческого существа, в которой обитает душа. Оно — дом души, который может стать храмом Святого Духа, если человек последует за Христом.

Сам Сын Божий воспринял человеческое тело в Свою божественную Ипостась, поселился в нем Своей божественной природой и Своей человеческой душой. Через Свое человеческое тело божественное Слово соприкоснулось со всем материальным миром, приобщилось к нему. Так человеческое тело Христа и все материальное сущее были воссоединены с Богом и освящены Им.

Поэтому мир — не досадная иллюзия, которую следует отвергнуть, но сотворенная и любимая Богом реальность, которую пришел исцелить и преобразить Христос. Он пришел не вырвать нас из космоса, а осветить его изнутри, подобно лучу, вошедшему в самую глубину пещеры, чтобы рассеять ее мрак¹, чтобы в итоге были преобразованные *«новое небо и новая земля»* (Откр. 21:1) и Бог был *«все во всем»* (1 Кор. 15:28).

¹ Пещера Рождества, с которой началась земная жизнь Христа, отсылает нас к пещере погребения и Воскресения, в которой произошла развязка Его служения на земле. Обе пещеры связаны кенозисом — добровольным самоумалением Бога, Его милосердным снисхождением к погибающему человечеству. Рождество и Воскресение — начало и конец, альфа и омега единого дела нашего спасения. Связь пещер Рождества и Гроба Господня подчеркивает единство Боговоплощения и Исполнения. Рождество становится первым шагом на пути ко Кресту, а погребение — преддверием Воскресения. Взаимосвязь первой и последней пещер Христа запечатлена в святоотеческой мысли, богослужебных текстах и иконографии.

Полемика двух символов: бегство или преобразование?

Эти два образа порождают две мощные традиции, два вектора духовного поиска, которые то противостоят, то причудливо переплетаются в истории культуры.

Платонический путь — это выход из пещеры тела и космоса, из нашего иллюзорного материального мира в иной, высший, идеальный и истинный мир чистых смыслов. Это путь гнозиса (интеллектуального познания) и аскезы (отречения от плотских страстей), которые как два крыла возносят ум к созерцанию идей. Это восхождение, вертикальное движение вовне и вверх.

Платон требует от человека героического усилия по отрешению от мира, радикального умерщвления плоти, труднейшего интеллектуального и духовного восхождения к абсолютной истине. Он понимает, что этот путь не для всех. Спасение — удел избранных, мудрецов-философов, способных на этот подвиг.

Проповедь апостолов прозвучала в контексте античной, во многом платонической культуры. Ученики апостолов, апологеты, святые отцы ощущали на себе сильнейшее воздействие философии Платона. Пользуясь его языком, они также говорили о враждебности мира человеку, о необходимости борьбы с плотью ради освобождения от страстей, о духовном созерцании как цели жизни.

При этом христианские богословы под враждебным миром понимали не материальный космос, но совокупность греховных страстей, под плотью — не тело, но низшую страстную часть души, под духовным созерцанием — не умное видение идей сущего, но блаженное познание Бога как единение с

Поклонение пастухов. Художник Таддео ди Бартоло, 1409 г.

Ним по благодати. Таким образом, переосмыслив многие платоновские понятия, христианские мыслители использовали их для проповеди Евангелия в языческом мире античности.

Путь Христа — это вход в пещеру материального космоса и человеческого тела; путь нисхождения и воплощения свыше. Это движение вниз и внутрь. Спасение здесь — не результат усилий особых людей, но дар, предлагаемый всем без исключения. Стоит только захотеть его принять, выйти к нему навстречу, как это сделали пастухи и волхвы.

По Своей неизреченной любви к погибающему человечеству Сам Бог настолько унижается, что нисходит в самую глубину человеческой немощи (в утробу Девы, в пещеру Вифлеема) не для того, чтобы вытащить избранных из материи, а чтобы усвоить весь мир и человеческое тело Себе, и тем самым освятить всю материю изнутри. Боговоплощение ведет к преобразению всего творения, которое отныне становится храмом Божиим; к таинствам, где материальные элементы (вода, хлеб, вино) становятся приемниками и проводниками благодати.

Для достижения спасения не нужно отречься от материи. Не в ней зло, не в космосе, не в теле. Зло — в сердце, в душе, нарушающей заповедь Божию. Там с ним и нужно бороться, просвещая разум, дисциплинируя волю Евангелием, отсекая греховные и принимая праведные помыслы.

С мифом о пещере напрямую связано учение Платона о Боге как самосущем Едином-Благе, которое довольно близко к христианскому пониманию Бога Самого по Себе. Поэтому святитель Климент Александрийский, кашпадокийцы и блаженный Августин видели в Платоне «христианина до Христа», чьи прозрения подготовили языческий мир к Евангелию. Им вторят изображения Платона и других эллинских мудрецов в росписях многих греческих, балканских и русских православных храмов. Они изображаются как пророки Воплощения, со свитками, где туманные философские положения читаются как предчувствие, ожидание и предсказание Христа¹.

Однако противоречие остается фундаментальным. Единое-Благо платонизма — Идея идей, божественный источник идеального, духовного сущего, противоположный и враждебный материи, как особому и самобытному принципу. Единое отвечает за порядок, смысл и благодать сущего, тогда как материя порождает в нем хаос, мрак иррациональности и зло. Бог Платона — не творец материи, но вечно пребывающая наряду с ней Идея, способная при посредстве других низших идей придавать материи различные формы. Так возникают все вещи видимого мира. В строгом смысле его даже нельзя назвать абсолютным или Богом, поскольку есть самосущее и противоположное Ему начало.

Бога христиан также можно назвать Единым и Благом, но это единый и благой Творец всего видимого и невидимого, духовного и материального; единый и благой Господь, управляющий всем духовным и материальным; единый и благой Спаситель не только человека как духовно-телесного существа, но и всего творения.

Материя — не зло, не самобытный принцип, но благое творение Бога, всецело от Него зависящее. Поэтому она не противостоит, но подчиняется

¹ *Зотов С.О.* Платон, Аристотель, Сократ как персонажи православной церковной иконографии. URL: <https://zelomi.ru/journal/ellin>.

Фреска с изображениями античных философов, «христиан до Христа» — Платона, Аристотеля и Пифагора в православном монастыре Сучевица (Румыния), XVI в.

Ему. Поэтому ее можно и нужно наполнять и преобразовать Духом. Поэтому Бог может воплотиться в материальном космосе и человеческом теле; и по Своей неизреченной любви делает это ради исцеления и спасения людей.

Трагедия платонизма заключается в непонимании благодати и относительности материи, с чем напрямую связано непонимание личного Бога, Творца, Промыслителя и Спасителя; непонимание Боговоплощения, с которым неразрывно связаны Распятие, Воскресение и Вознесение; непонимание личности человека как уникального богообразного душевно-телесного единства.

Третья пещера: цифровые тени и поиск подлинности

Сегодня мы обитаем в новой, невиданной ни Платоном, ни святыми отцами пещере. Не было ее и во времена Христа. Она появилась совсем недавно. Это пещера цифровой виртуальной реальности. Ее черные стены — экраны смартфонов и компьютеров, на которые алгоритмы проецируют бесконечный поток цифровых теней: новостей, образов, мнений, рекламы. Ее цепи — это психологические привязанности пользователей к лайкам и дизлайкам, количеству просмотров, своим виртуальным идентичностям и их рейтингам. Мы, как платоновские узники, часто принимаем этот симулякр за реальность, коммуникацию в социальных сетях — за подлинное личное общение.

В этом контексте мы снова оказываемся перед выбором: войти или выйти, принять или отвергнуть.

Платоновский призыв обретает новую актуальность: необходимо набраться мужества отвернуться от стены, критически осмыслить источник «огня» (кто и зачем создает контент? кто и зачем окружает меня информа-

ционным пузырем¹?), искать пути к живому, не опосредованному, личному опыту, к подлинному знанию, а не к его симуляции.

Весть Вифлеема звучит как напоминание: окончательный ответ — не в радикальном бегстве от виртуальной реальности. Свет Христов должен войти в нашу «пещеру» — в цифровую среду, в нашу повседневную материальную жизнь — чтобы преобразить ее, наполнить смыслом и благодатью. Цифру нужно не только подчинить своему развитию, но ословесить и одухотворить.

Речь идет не об отрицании технологий, но об их христианизации или воцерковлении: о том, чтобы они использовались во славу Божию и на благо ближних; чтобы не приносили вреда психическому и физическому здоровью личности и общества; помогали, просвещали и обогащали, а не искушали, обманывали и обедняли; чтобы служили орудиями подлинного общения, сострадания и любви к конкретному, а не виртуальному ближнему.

Выход там же, где и вход

Итак, пещера Платона и пещера Рождества — это не просто два литературных образа, но две полярные парадигмы, два противоположных пути.

Одна пещера говорит: «Ты — в плену, вырвись к свету!» Другая свидетельствует: «Свет пришел к тебе — прими Его!»

Один путь начинается с гордого и трудного восхождения мыслителя, другой — со смиренного нисхождения Бога в ясли. Один ведет к философии, другой — к богословию; один зовет к познанию, другой — к любви; один открывает мир идей, другой — Личность, Которая есть «*Путь, Истина и Жизнь*» (Ин. 14:6).

¹ Информационный пузырь (пузырь фильтров) — термин, который означает ситуацию, когда человек получает доступ исключительно к информации, соответствующей его личным взглядам и убеждениям. Термин введен в 2011 г. Эли Парайзером, который отметил, что поисковые системы и социальные сети намеренно подстраивают результаты поиска и контент под предпочтения пользователей (см.: Eli Pariser *The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You*. New York: Penguin Press, 2011).

Северная СТОЛИЦА

Александр ШИПКОВ

ПАСХА, СНЕГ И МОСТ ЛЕЙТЕНАНТА ШМИДТА

Александр Владимирович Шипков — родился в Ленинграде, российский политический философ, общественный деятель, социолог религии. Доктор политических наук, кандидат философских наук, профессор кафедры философии религии и религиозоведения философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Ректор Российского православного университета. Заместитель Главы ВРНС, член СП России. Автор многих книг и статей. Награжден орденами св. блгв. кн. Даниила Московского III ст.; прп. Сергия Радонежского III ст.; прп. Серафима Саровского III ст. и др. **Живет в г. Тарусе.**

Великим постом 2011 г. настоятель тарусского собора во имя святых апостолов Петра и Павла протонерей Леонид Гвоздев, снимая с моей головы епитрахиль, сказал: «Просьба у меня к вам, Александр Владимирович. Хотел бы к Пасхе в приходской газете “Крестное знамение” собрать воспоминания верующих о том, как они праздновали первую в своей жизни Пасху. И вас прошу».

Я купил билет — картонную, шершавую карточку размером два на четыре сантиметра. Кассир вставил ее в компостер и резким ударом стукнул по набалдашнику. Пробил дату. На просвет можно было увидеть цифры: 12.04.74. Это была Страстная пятница, а я грузился на станции «Смоленск» в проходящий поезд «Мариуполь—Ленинград». Состав с буквами «СССР» на вагонах тронулся на север. Запах угля и дыма проникал во все щели окон общего вагона, прицепленного первым за паровозом, и напоминал запах ладана. Я ехал на Пасху.

Утром в Ленинграде, на Витебском вокзале, меня встречал Володя. Он, как обычно, ждал меня в Световом зале у Ленина. Поехали на Красную улицу, возле площади Труда, где он снимал квартиру на первом этаже. Было пасмурно, ветрено и холодно. Переходя площадь, я посмотрел направо: мост Лейтенанта Шмидта горбом висел над Невой и исчезал в Васильевском острове.

Съемная квартира на Красной улице находилась на первом этаже и представляла собой анфиладу из четырех помещений. Из прихожей гость попадал на кухню, сквозь нее — в одну комнату, затем в другую. Похоже, до революции квартира была дворницкой, но и сейчас, в 1974-м, она немногим отличалась от одной по своему скудному убранству.

В комнаты не пошли, расположились на кухне. Решили, что готовить ничего не будем — только чай с сушками. Володя говорил о Туринской плащанице. Я впервые слышал о ней и пытался понять чудо. Он показывал мне маленький негативный фотоснимок, размером с паспортную фотографию, на котором практически ничего нельзя было рассмотреть. Позже, год спустя, гениальный питерский фотограф Борис Смелов изготовил мне в подарок большую фотографию Плащаницы, которая до сих пор висит у нас дома.

Я завидовал своим ленинградским друзьям. У них были книги и общение. Они столько знали о Боге и Церкви! Я же в Смоленске чувствовал себя одиноким, заброшенным и никому не интересным. Ходить в храм комсомольцу было небезопасно, но я не столько побаивался неприятностей, сколько избегал насмешек знакомых и ходил на раннюю службу, которая при епископе Феодосии (Процюке) начиналась в шесть утра. В это время в Успенском соборе собиралось прихожан пять-шесть, и советский школьник мог безнаказанно раствориться в закоулках громадного собора. Хор из двух человек, усталый диакон с сильным украинским акцентом... Но как они пели! Ничего подобного я никогда больше не слышал. И какой у них был прекрасный ладан! Резко-прогорклый, угольный и воинственный. И как замечательно потрескивали и величественно сталактитами отекали стеариновые свечи! Одигитрия смотрела сверху из застекленного киота.

Володя ушел, оставив меня с книгами. Книг было много. Это были не совсем книги — машинописные листы, переплетенные в коричневые картонные обложки без надписей. С любопытством я перебирал эти самиздатские сокровища. Остановился на одной книжке — «Школа молитвы». Автор указан не был. Это был четвертый полуслепой экземпляр, закладки, я не разбирал многих слов, но оторваться не мог. Эта книга была написана для меня. Для меня одного. Написана кем-то близким и родным, ведь только близкий человек мог знать меня, любить и так точно понимать мое состояние между жизнью «без Бога» и жизнью с Ним. Я пришел в Церковь три месяца назад.

Когда книга закончилась, я услышал шорох ключа в замочной скважине и шаги. В кухню вошли трое. Володя, Сергей — лаборант из университета — и парень необычного вида. Он отличался от нас чем-то существенным и глубоким. Его называли Саша-странник. Серые глаза, серые волосы, серая жесткая борода. Не снимая крепко поношенного пальто, одетого на подрысник, он трижды опустил на колени перед маленькой иконой Спасителя, которая была вставлена в стеклянную дверцу буфета, встал, повернулся к нам, сказал: «Псковская братия велела кланяться вам». И опять, встав на колени, поклонился уже нам, точно выполняя наказ монахов.

Я ничего не знал ни о Псково-Печерской лавре, ни о ее насельниках и был поражен необычным для меня поведением «серого» гостя. У него были сухие скрюченные пальцы. Такие руки бывают у каменщиков. Он достал из кармана пальто две маленькие пачки грузинского чаю и положил их на стол. За чаем разговор шел о лавре, об отце Иоанне Крестьянкине, о видениях и предсказаниях. Гость так и не снял пальто. Он часто крестился и рассказывал о том, как живет теперь легко и свободно, порвав и выбросив партбилет и советский паспорт. «Не хочу ничего от антихристовой власти, — говорил он, — ни работы, ни жилья, ни пенсии!» Он жил, где придется, бродил

*Храм преподобного Серафима Саровского
в Санкт-Петербурге на Серафимовском кладбище*

по храмам и монастырям, выполняя какие-то работы за хлеб. Саша-странник ушел, оставив меня в раздумьях и некотором замешательстве.

В десять вечера мы начали собираться на службу. Намечено было ехать на Серафимовское кладбище. Пешком перешли Неву по мосту Лейтенанта Шмидта, прошли мимо Дома Академиков, сплошь увешанного мемориальными досками и прозванного за это Индийской гробницей, и по 6-й линии добрались до метро. От «Петроградской» до Серафимовского храма мы ехали на автобусе. Несмотря на поздний час, он был заполнен пассажирами. По строгим и немного таинственным лицам я понял, что все едут туда же, куда и мы. В автобусе было тихо.

Серафимовский кладбищенский храм был построен в начале XX в., вскоре после прославления преподобного Серафима Саровского. Народу было видимо-невидимо. Храм был переполнен, в ограде тоже во множестве стояли верующие. Между ними бродили подвыпившие парни с недоуменно-торжественными лицами. Милиция лениво их отгоняла: «Ну, куда лезешь, куда? Ты ведь молодой, неверующий». Но все равно пропускала, не строжилась.

Я протиснулся в храм и стал пробираться поближе к солее, где происходила непонятная мне суета. Кто-то пронес стопку аккуратно сложенного красного облачения, кто-то вынимал хоругви из колец, привинченных к стене. Народ колыхался в храме. Было жарко от свечей, и лишь волны холодного воздуха иногда врываются в храм из притвора. Начался крестный ход. «Воскресение Твое, Христе Спасе, ангели поют на небеси...»

У меня постоянно гасла свеча, казалось, что священник и хор ушли далеко вперед, хотелось догнать их, но не получалось. Внезапно я оказался прямо у западного входа и вместе с духовенством пробкой влетел в храм. Все закружилось с невероятной скоростью. Батюшка бегал по солее. Разворачиваясь, он раскручивал кадило солнцем на 360 градусов, искры рассыпались и потухали в воздухе. Он кричал народу о том, что Христос воскрес, и храм ревел ответно: «Воистину воскрес!» Я тоже кричал от восторга, мне казалось, что нас миллионы, что мы никого не боимся, что мы победили...

Мост Лейтенанта Шмидта в Ленинграде – Санкт-Петербурге

Служба кончилась к четырем утра. Народ целовался и, расположившись на полу, прямо в храме начал разговляться. Транспорт не ходил, и настоятель разрешил всем остаться в храме в ожидании первого автобуса. Мы же решили скинуться на такси и вернуться домой.

Желтая «Волга» неслась по Петроградской, проскочили мост Строителей, въехали на Васильевский остров. «Скорее, скорее», — торопил сам себя водитель, но лапы моста Лейтенанта Шмидта уже поднимались в воздух. Начался второй развод мостов. Мы оказались запертыми на Васильевском, как в ловушке. Таксист пожелал нам доброй ночи и уехал.

Мы с Володей и Сергеем стояли возле моста. Громадная вертикальная стена с четырьмя полосами трамвайных рельсов преграждала нам путь. И вот тут неожиданно пошел снег. Густой и медленный, он покрывал набережную ровным слоем сахара. У нас было полтора часа времени. «Пойдем в Индийскую гробницу», — предложил Сергей. Мы вошли в парадную, расположились на ступеньках возле старинного радиатора, пережившего и революцию, и блокаду, и достали вареные яйца и хлеб. Яйца были обыкновенные, некрашенные, хлеб заменял нам кулич. Мы ели нашу пасхальную трапезу и были счастливы в тепле гостеприимного Дома Академиков.

Неожиданно дверь в парадную открылась, и в нее шумно вошли две заснеженные девицы. Они были обуты в сапоги на высоких каблуках и одеты в немыслимо короткие одинаковые красные плащи. Макияж и лексика соответствовали одежде. Девицы сразу взяли игривый тон с «мальчиками», закурили и начали интересоваться нашими планами и есть ли у нас деньги. Они поведали, что «задержались на работе», застряли на острове, что, впрочем, им на это наплевать, потому что холодно, мозгло и скучно «в этом гнилом городе и этой гнилой стране».

Сереза протянул им два яйца и очень тихо сказал: «Христос воскрес!»». Девицы смутились и покраснели. Одна робко ответила: «Воистину воскрес!»». Другая полезла в сумку и достала бутылку портвейна. Мы пили

вино, стукались некрашеными яйцами, удивлялись снегу и негромко напевали пасхальный тропарь. Девчонки сидели на ступенях парадной Индийской гробницы, смущенно натягивая на колени короткие плащи, и расспрашивали нас о Богородице. Нам всем было уютно и хотелось говорить о том таинственном и непонятном, что окружало нас в эту ночь...

Красная улица теперь называется Галерной. Мост называется Благовещенским. Город называется Санкт-Петербургом. Страна называется Россией. Христос воскрес!

ВЫШЛА КНИГА

Мелёхина Н.М.

Константин Батюшков: поэт и воин. Вологда: Древности Севера, 2025. 24 с. (Вологжане — верные сыны Отечества).

Это сборник рассказов о жизни и подвигах героя Наполеоновских войн и великого поэта, которого называют учителем Александра Пушкина. В доступной для детей форме в ней повествуется об основных событиях в биографии Константина Батюшкова, а также о его особенной роли в истории русской литературы. Рассказ о поэте ведет Муза-крестьянка — статуя девушки со свирелью, что входит в скульптурную композицию памятника Батюшкову на берегу реки Вологды.

Автор книги прозаик и журналист Наталья Мелехина отмечает: «Один из самых устойчивых мифов, что Батюшков — некий “человек мира”, для которого место его рождения ничего не значило, мол, гораздо больше он любил Италию и Францию. Однако это не так. Батюшков был знаток и ценитель мировой литературы и искусства, знал итальянский и, разумеется, французский, как многие его современники-дворяне. Но по поводу стихотворения “К портрету Батюшкова” П. Плетнева поэт писал Н. Гнедичу: “Скажи им, что мой прадед был не Анакреон, а бригадир при Петре Первом...” Будучи русским дворянином, Батюшков считал бесчестным и низким отвергать свои корни».

Юрий КУБЛАНОВСКИЙ

МЫСЛИ ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Кублановский Юрий Михайлович — родился в Рыбинске в 1947 г. в семье актера и преподавательницы литературы. Окончил искусствоведческое отделение МГУ. Первый поэтический сборник вышел в США в 1980 г. с послесловием Иосифа Бродского. Лауреат многих литературных премий, член Патриаршего совета по культуре. **Живет в Поленове Тульской области.**

ПОД ВЯЗЬМОЙ

Есть место им в полях России...

Пушкин

На весях Вязьмы минувшим летом
гостил, — где некогда в аккурат
под старой липой

с подсохшим цветом
спал на походной кошке Мюрат.

Есть безответная, вероятно,
загадка, кто б ни давал приказ,
в немотивированных затратных
бросках в Россию армейских масс.

Живой, как пишется в сводках, силы
без счету тут полегло, и вот
теперь поля ее суть могилы
своей и многих чужих пехот.

И только певчие невидимки
их тут и чествуют
в заревой
сloyщейся по бурьянам дымке
еще при звездах над головой.

2015 г.

ХВАЛЫНСКИЕ ЯБЛОКИ

*В ярких ситцах купаться
пришли молодки
на Волгу ради Петрова-Водкина.*

Дух хвалынских яблок,
густой багрец
с лессировкой темен
на старом блюде.

Это цвет заката, рубах, сердец,
цвет напоминания нам о чуде...

Предвечерняя повторит заря,
навигации умножая вести:

что однажды встретились мы не зря,
сблизились и остались вместе.

Правда, я не знаю, кто мне родней:
на разлив похожая ли излука

в бледной зыби, сделавшейся темней,
ты ли в ипостасях жены и друга.

И хотя и кратче теперь года
под накатом жалкой и хищной нови,

и бежит по жилам скорей вода,
чем ручьи когда-то горячей крови,

все никак не хочет зари лоскут
уступить клубленью осенней хмури.

Так Кузьма Сергеич в годину смут
не давал погаснуть своей лазури.

Октябрь 2019 г.

МЫСЛИ ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Вот уж не думал,
что на старости лет
буду начинать утро
со сводок с фронта
и похожих на верлибры реляций,

мол, чего-чего, а мира
на остаток жизни
все-таки хватает.

Хватит, чтоб подремать над альбомом,
выпить в шалмане стопку,
окские видя плесы...

Но вот приходит догадка,
заставляющая сжиматься сердце,
взбивать кулаком подушку
в седой пелене рассвета,
что могу уже не дожидаться,

как отдымят кострища кварталов
заслезится на окнах копоть,
воспаленные ссадины
поблднеют на лицах пленных,

как польется благовест над округой,
отпоют живые погибших,
прирастет своим же Отчизна.

1 июня 2022 г.

НОВОБРАНЕЦ

*Тиха украинская ночь,
и наше дело ей помочь.*

Еще не совсем проснулся,
еще во сне
вспоминаю свою Наталью
и дочку Дарью.

Но уже долетает сюда ко мне
отдаленный запах военной гари.

Знать, под утро понову шел обстрел
наобум дворов и хрущоб Донбасса,

а в сердцах родных, кто остался цел,
не остывший пепел стучит Клааса.

Будто порыжевший столярный клей
пропитал бинты медицинских опций.

В духоте военных госпиталей
вперемешку бред пацанов и хлопцев.
.....

Старику пора бы задуть свечу,
воротясь туда же, откуда родом.

Но сперва приложиться хочу к плечу
новобранца перед его уходом.

Что же это — или склубилась мгла
после долгих дней,
когда было душно?

Или властно к финишу привела
нас судьба, магниту его послушна?

28 июня 2022 г.

ПАМЯТИ ОЛЬГИ КАЧУРЫ

Где дремали в густоцветии мальвы,
дозревала гроздьями черноплодка,

нынче минами засеяны земли
и идут озлобленные сраженья.

А паяц, косящий под Че Гевару,
восхищая мировых межеумков,

ежедневно на убой посылает
мужиков и необученных хлопцев.

Их пасут амбалы в татуировках,
покрывающих сплошь торсы и шеи,

что клубится у них в коробках
черепных, какие там дремлют змеи?

Вглядываюсь в небритые лица,
слушаю допросное бормотанье —

неужели это те изуверы,
что стреляли нашим пленным в колени,

окна школ превращали в доты,
руку подняли на русскую мову?

И теперь остается молиться только
нам за их пропащие души, каюсь.

Но сперва, едва забелеет зорька,
за тебя, убитая ими Ольга,
с которой не прощаюсь.

4 августа 2022 г.

ЗЕМЛЯКИ

Светлане Еришовой

Примстились
свечи в тесной горнице
с оконцами в дремучий сад,
где оправляют крылья горлицы
и гулят с отпеваньем в лад.
И запах издали доносится
окровавленного свинца
и пота с ворса переносицы
печоринского жеребца.

Мы земляки не только с самою
родимой Волгой и Окой
с их гаснущею амальгамою,
но вот — и с южнорусской драмою,
ее оборванной строкой.

Присовокупь сюда и звездные
пространства на излете тьмы
с их обещаньями негрозными,
что скоро будем вместе мы.
С ней как-то связана в подробностях
та в отчете доме в давний день,
считай, во всех стеклянных емкостях
густая белая сирень...

За все, последний друг единственный,
что с детства знаем наизусть,
за свет из наших книг таинственный
я беспокоюсь и страшусь:
сумею вспомнить ли обширную
в совсем-совсем другом краю
земную враз и неотмирную
былую родину свою?

2 июля 2019 г., Касимов

СТОРОЖ

Не бессонница — стерегу,
как умею, средь обитания.

Ночью лось, утопая в снегу,
ищет в нашем саду пропитания.

Там луны ослабевший накал
пробиваться сквозь ветви не стал...

Скоротал свою жизнь набегу,
по-пацански оставшись без отчества.

Не бессонница — стерегу,
как умею, свое одиночество.

Лишь к тебе, спящей рядом, на миг
я в попытке согреться приник,

но не слышит родное плечо
и с годами не так горячо.

...Перед тем опрометчиво я,
злополучной дремотой стреноженный,

заглянул за рубеж бытия
и очнулся с лицом, обмороженным

холодами вселенских путей,
что на дальних заставах лютей.

Март 2025 г.

Наталья ЕГОРОВА

«И Я ШАГНУЛА В СВЕТ — В РАЗВЕРСТЫЙ ТРЕПЕТ ДАЛИ...»

Наталья Николаевна Егорова — родилась в городе Смоленске. Окончила Смоленский педагогический институт. Работала в областной библиотеке, издательстве «Современник», газетах «День», «Завтра». Автор четырех поэтических книг, многих подборок стихотворений и критических статей в журналах «Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия», «Новая Немига литературная», «Родная Ладога», в известных газетах и периодических изданиях, альманахах, сборниках. Лауреат премии святого князя Александра Невского, годовых премий журнала «Наш современник» и других. Член Союза писателей России. **Живет в Смоленске.**

ПРАДЕД

*Ивану Ефимовичу Евфимову,
священнику деревни Ельша
Поречского уезда Смоленской
губернии, расстрелянному за веру
в 1937 году*

Где ты, прадед, русский поп усталый,
В святцах Неба — мученик простой?
Вновь горит на черной рясе алым
Крест церковный, чисто золотой.

Под распевы древней литургии
Бьется грудкой ласточка о склеп.
И выносишь ты Дары Святые
Из алтарных врат — вино и хлеб.

Благодать земли — твоя работа.
Пахарь духа, вставший от сохи,
Не лентясь, поклоны бил до пота,
Пел псалмы, замаливал грехи.

И, смеясь, цвела твоя округа
От молитвы древней и простой,
Синей-синей васильковой вьюгой —
Осиянной Богом красотой.

Мы до сей поры не знаем точно,
Где искать твой не отпетый прах.
Увели тебя чекисты ночью,
Расстреляли в заполярных льдах.

Век мы ждали вести. Век искали
След твоей судьбы — да не нашли.
Лишь сиял над вымершею далью
Светлый столп от неба до земли.

Где ты, Русь? Колодец сгнил у стога.
Чёрны избы. Луч зари угас.
Только ангел посреди острога
Все поет: «Помилуй, Боже, нас!»

В ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ

Солнце Оптиной, охра и просинь
Среднерусских печальных равнин.
И таинственный старец Амвросий
Смотрит в душу из вечных глубин.

И опять нам, как жизни основы,
Открывает в священной тиши
Тайны вещего русского слова,
Неразгаданной русской души.

Здесь когда-то в страданье
вселенском
Гоголь замысел пестовал свой,
В покаянье рыдал Достоевский,
О прощенье молился Толстой.

И любой, прикасавшийся к лире,
Долго видел небесные сны,
Что во всем, совершавшемся в мире,
Виноваты не кто-то, а мы.

Что любой припадал не однажды
К общей чаше побед и скорбей,
Что творит здесь историю каждый,
Даже малою мыслью своей.

И повинное русское слово
Загоралось великим огнем,

И несло этот груз — не условно,
А реально — виновно во всем.

А потом, щебетанием птичьим
Разливаясь от света сего,
Побрели мы за отчим величьем,
Не узнавши о нем ничего.

Не принявши священного груза,
Потеряли мы дум высоту.
Заболела заблудшая Муза,
Не припавши навеки к Христу.

И за шумом других поколений
Не понять нам из шторма зыбей,
Что твердят нам великие тени
Из отмоленной дали своей.

* * *

Когда я вышла в путь в рассвете детства раннем,
Гудел седым холмам морей глубокий вздох,
И маленькой душе привиделся бескрайним
Поющий шар Земли в подпалинах дорог.

Весь мир играл у ног — огромный, как дорога,
И дружелюбно звал решиться и пойти:
«Ступи один шагок, потом еще немного,
И не заметишь, как осилишь все пути».

И я шагнула в свет — в разверстый трепет дали,
В лавинный ропот рощ, в лебяжью стаю лет,
В широкий шорох волн, где всех веков печали
На золотом песке чертили легкий след.

Я полюбила вас — старухи в нищих хатах,
Студенты и бомжи в столичной тьме огней.
И стала я, как Крез, пожизненно богата
Тревогами ветров и вольностью дождей.

И я вместила весь мой мир в рассвете раннем:
Лесов протяжный шум, морей соленый вздох,
Тяжелые дымы проснувшихся окраин,
Клубящуюся пыль полуденных дорог.

А тихая Земля в прибрежной белой пене
Играла, как дитя с ракушкой в руке,
И вечный океан веков и поколений
Гудел, чертя пути на золотом песке.

И ты летела в путь, срывая звезд орбиты,
На сильном, молодом, сияющем крыле,
Забыв миров печаль, простив веков обиды,
Огромная душа на маленькой Земле.

* * *

Мама моя, из-под тихих седин
Глянь своим синим сияньем огня,
Ибо не вырвать тебя из глубин
Сердца — не вырвать тебя из меня.

Жизни не вырвать — что жизнь без любви?
Смерти не вырвать — калеке слепой.
Мама моя, говори, говори!
Гладь мои волосы тихой рукой!

Плод твой, таимый до того дня
В древней, открытой мирам глубине —
Как ты носила когда-то меня,
Так ты сегодня созрела во мне.

Долго ты зрела в дочерней тиши,
Мира основа, вселенская ось.
В необоримых глубинах души
Все с твоей нежностью тихой срослось.

Все я запомнила — голос и взгляд,
Синий-пресиний, как небо весной.
Годы твои никуда не летят.
Вечно во мне ты и вечно со мной.

Синие очи — святые огни.
Родина сердца. Печали покров.
Солнцем и светом прогретые дни.
Сладкое детское счастье без слов.

ВОЛОКОВАЯ

Черны чугулки, и старинные живы ухваты,
И угли в золе полыхают, как звезды в ночи.
Ты крестишь порог и гостей приглашаешь у хаты,
И ставишь картоху в остывшем горшке на печи.

И шепчешь устало, по углям былое читая,
А Каспля шумит и, как щуку, хранит твою весть,
Что волок лежал за древнею Волоковая,
Ведь тысячу лет простояла над озером весь.

Ты многое помнишь о веке жестоком и грубом.
Твой парус серел, и была тебе смерть нипочем.

Но сжег твои всходы литвинин по имени Ругор
И жар разбросал в твоей печке тяжелым мечом.

Ты дрóвы бросала — ни бед, ни годов не считая.
Но вилы взяла и ушла в партизаны родня.
Под свисты шрапнели ты выпекла хлеб для Баркляя.
А пленный французик дрожал и дрожал у огня.

Пришла немчура — старой бабой, от горя горбатой,
Кричала: «Уйди!» — и внучка́ заслоняла собой.
Корову убили. Сожгли твою вечную хату.
Осталась лишь печка с дымящею гневно трубой.

И сколько жила ты — войной полыхала равнина,
И вечные всходы болезнью сжигала роса.
А ты все ждала в партизаны сбежавшего сына
И Бога молила, чтоб дочку хранили леса.

Ты черные руки положишь на белую скатерть.
Кто был здесь в гостях — позавяжешь на память узлы.
Разломишь картоху — великая, вечная Матерь,
Вся в черных морщинах, чернее земли и золы.

Зарю над деревней твоей повернуло на полночь,
И звезды над Касплей на волок идут посолонь.
Ты смотришь во мрак и, беззубая, шамкаешь: «Помню!»
И в старой печи поднимается Вечный огонь.

НИЩЕНКА С ГОЛУБЯМИ

На соборном дворе крыши белых церквей
Плавают золотом синь голубую.
Облепили убогую сто голубей —
Плечи, руки — поют и воркуют.

Восседают, как ангелы на облаках —
Божьей стае легко и счастливо
На корявых руках, на убогих платках,
На кофтенке, заштопанной криво.

Эта нищая жизнь пролгала, пропила,
В блуд ушла, в проходимца влюбилась.
Нагулявшись, бог весть от кого родила.
Нарожавшись, от горя топилась.

Из-за горьких кручин позабыл ее сын.
Хату отняли добрые люди.
А сегодня слетел голубеющий крин
Из-за туч на иссохшие груди.

И поют, и цветут небеса-голубень
Над смущенной судьбой бесшабашной.
Так всю жизнь ожидаешь обещанный день,
А увидишь спасенье — и страшно.

Вот и нищенка — вольно крылами шумит,
Недоступна мольбам и укорам.
С голубями в зенит поднялась — и летит
Прямо в рай над высоким собором!

* * *

Дрожит росой небесный белый крин,
Где с милосердьем слита чистота,
Когда монашка с лилией кувшин
Несет к ногам тишайшего Христа.

И каждый раз — как молния, как стон:
— О, Кто распят был и зачем распят? —
И лилией белеет Твой хитон
В алтарной мгле вселенных и лампад.

Христос мой тихий! Лилия Небес!
По Галилее, среди рощ и скал,
Ты шел земной судьбе наперерез
И лилии тяжелые срывал.

Так мы, беспечно споря о своем, —
Смешная, озорная детвора, —
Ромашки и гвоздики вольно рвем
В изрытых поймах старого Днепра.

И вдруг нас настигает, словно гром,
Открытый голос правды и вины.
Мы поднимаем головы — и ждем
Ответа напряженной вышины.

Над храмом, разоренным, облака.
И город в новостройках и пыли.
И душит сердце смертная тоска,
Как будто мимо главного прошли.

И навсегда душа потрясена
Незнамо чем — невнятным сном? Лучом? —
И дышит напряженно глубина,
Где всё на свете знает обо всем.

И снятся нам цветы в накрапах рос —
В них с милосердьем слит поющий прах.
И судит мир прощающий Христос —
И лилия сияет на устах.

Точка ЗРЕНИЯ

Александр МОСЯКИН
ЛЕНИНСКАЯ
ДОКТРИНА
ПОРАЖЕНЧЕСТВА
И «ДЕКОЛОНИЗАЦИИ»
РОССИИ

Историко-публицистический очерк

Александр Георгиевич Мосякин — известный историк-архивист, публицист, в прошлом — геолог-нефтяник, искусствовед и журналист. Автор книг «За пеленой янтарного мифа. Сокровища в закулисы войн, революций, политики и спецслужб», «Миф о Янтарной комнате», «Фальшивки и мистификации: от искусства до политики», «Ограбленная Европа», «Путь ислама. От Пророка до Еврохалифата», «Судьба золота Российской Империи в срезе истории 1880–1922 годов», «Золото Российской Империи и большевики» (3 т.), «От перестройки до Путина. Третья русская смута» и других. Документы и материалы, опубликованные автором, использованы во многих документальных фильмах.

Галицийский яд

Сильное влияние на мировоззрение Ленина оказало пребывание накануне Первой мировой войны в местечке Поронин (в прикарпатской Галиции), где он общался с членами Польской социал-демократической партии Галиции¹ и отпочковавшейся от нее Украинской социал-демократической партией. Идеологию этих партий характеризуют как левый национализм, хотя правильнее сказать — национал-социализм. Обе партии выступали с русофобских позиций, за отделение Польши и созданной в их умах Украины от России и за развал Российской Империи, якобы угнетающей поляков и украинцев. Ленин посещал «шевченковские чтения» и встречался с лидером галицийских национал-социалистов Игнатием Дашинским², что ему очень помогло в начале войны, когда 8 августа 1914 г. Ленина как рос-

¹ Польская социал-демократическая партия Галиции и Силезии-Цешина (пол. Polska Partia Socjalno-Demokratyczna Galicji i Śląska Cieszyńskiego), до 1897 г. — Галицкая социал-демократическая партия, известная также как Социал-демократическая партия Галиции — социалистическая партия, созданная в 1892 г. в Лемберге (ныне Львов). Позднее называлась Польская социал-демократическая партия (ПСДП). Выступала за создание независимого польского государства как парламентской демократии, формально являясь региональной организацией Социал-демократической партии Австрии. В 1919 г. объединилась с другими левыми партиями в единую Польскую социалистическую партию (ППС).

² Дашинский И.Э. (пол. Ignacy Ewaryst Daszyński; 1866–1936) — польский политический и государственный деятель, публицист, борец за независимость Польши, член Государственного совета Австрии.

Публикуется в сокращении. Окончание. Начало см.: Родная Ладога. 2025. № 3, 4.

сийского подданного по ложному доносу в шпионаже арестовали и посадили в тюрьму в Новы-Тарге¹.

Ему грозил австрийский военный суд. Супруга Ленина написала письма в Вену члену Международного социалистического бюро, депутату австрийского парламента Виктору Адлеру, и во Львов — депутату австрийского парламента, члену Социал-демократической партии Галиции и Силезии Г. Диаманду, хорошо знавшему Ленина. Они принялись вызволять его из тюрьмы. Адлер дважды посетил министра внутренних дел Австро-Венгрии, барона фон Хайнольда, и потом рассказал о беседе с ним. «Тот спросил: «Уверены ли вы, что Ульянов враг царского правительства?» — «О, да!» — ответил Адлер. — Более заклятый враг, чем ваше превосходительство»².

Эти слова убедили министра. После 11 дней тюремного заключения заклятого врага России выпустили. 20 августа Крупская послала Адлеру в Вену благодарственное письмо, в котором ее супруг приписал свою «благодарность и привет»³. Полиция выдала Ульяновым разрешение на выезд, и 3 сентября они выехали из Вены в Швейцарию, где до 1917 г. жили в Берне и Цюрихе⁴.

Едва прибыв в Берн, Ленин пишет тезисы «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне», где, став на сторону польско-украинских националистов и австрийского правительства, провозглашает: «Наименьшим злом было бы поражение царской монархии и ее войск, угнетающих Польшу, Украину и целый ряд народов России и разжигающих национальную вражду для усиления гнета великорусов над другими национальностями», и выступает за «освобождение и самоопределение угнетенных Россией народов»⁵.

Так началась борьба Ленина за поражение России в войне и ее развал. В сентябре 1914 г. Ленин призывает «ампутировать» от России Украину и Прибалтику, чтобы вышибить из нее великодержавный дух, — и стоит на этом вплоть до возвращения в апреле 1917 г. в plombированном вагоне через Германию в Петроград, а вернувшись в Россию, приступает к практическим действиям.

4 (17) марта 1917 г. на волне революционных настроений, вызванных событиями в Петрограде, в Киеве была создана Украинская Центральная рада⁶, которую возглавил главный идеолог украинства, масон М.С. Гру-

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 26. С. 558.

² Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: в 5 т. М.: Политиздат, 1989. Т. 1. С. 396–397.

³ Ленинский сборник. М.; Л.: Институт В.И. Ленина при ЦК РКП(б), Госиздат, 1924. II. С. 182.

⁴ См.: Ленин в Италии, Чехословакии, Польше — Поронин. 1914. <https://leninism.su/books/4049-lenin-v-italii-chexoslovakii-polshe.html?start=13>.

⁵ Там же.

⁶ Украинская Центральная рада (укр. Центральна Рада, букв. «Центральный совет»; март 1917 — апрель 1918 г.) на начальном этапе — представительный орган украинских политических, общественных, культурных и профессиональных организаций; с апреля 1917 г., после Всеукраинского национального съезда, взяла на себя функции высшего законодательного органа на Украине, координирующего развитие украинского национального движения, провозгласила в одностороннем порядке национально-территориальную автономию Украины в составе России. После свержения в ночь с 25 на 26 октября 1917 г. Временного правительства в Петрограде Центральная рада провозгласила Украинскую народную республику (УНР) в федеративной связи с Российской республикой, а в январе 1918 г., после разгона

шевский. Рада взяла курс на постепенное отделение от России посредством универсалов¹, и Ленин активно поддержал устремления украинских националистов. Еще до того, как в июне 1917 г. Центральная рада приняла Первый универсал, он развернул пропаганду за независимость Украины, разделяя однокорневой славянский народ и реализуя (вольно или невольно) планы австрийского Эвиденцбюро. Выступая в конце апреля 1917 г. на 7-й партийной конференции в Петрограде, Ленин заявил: «Почему мы, великороссы, угнетающие большее число наций, чем какой-либо другой народ (?! — А.М.), должны отказаться от признания права на отделение Польши, Украины, Финляндии? <...> Мы к сепаратистскому движению равнодушны, нейтральны. Если Финляндия, если Польша, Украина отделятся от России, в этом ничего худого нет. Что тут худого? Кто это скажет, тот шовинист»². Вот она, ленинская доктрина «деколонизации России» во всей красе!

Своей проукраинской прытью Ленин удивил даже немцев. Советник германской дипмиссии в Стокгольме Штоббе телеграфировал 11 июля 1917 г. в Берлин: «По сообщениям из Петрограда, из газет и других источников, влияние группы Ленина, к сожалению, упало... Падение влияния большевиков можно объяснить отчасти результатами наступления и чрезмерными требованиями ленинской группы. Эти требования... имеют целью выделение отдельных народов России и образование ими самостоятельных республик.

большевиками Всероссийского Учредительного собрания, провозгласила государственную самостоятельность Украины.

¹ Первый универсал был провозглашен 10 (23) июня 1917 г. на II Всеукраинском военном съезде. Им провозглашалась автономия Украины в составе России («не отделяясь от всей России... народ украинский должен сам хозяйничать своей жизнью»). Законодательным органом должно было стать Всенародное украинское собрание (сейм), избираемое всеобщим, равным, прямым, тайным голосованием. Часть средств, полученных от сбора налогов, отныне должна была оставаться на Украине. Второй универсал, принятый 3 июля 1917 г. и вызвавший кризис Временного правительства в Петрограде, утверждал, что «мы, Центральная рада, всегда стояли за то, чтобы не отделять Украину от России». Генеральный секретариат объявлялся «органом Временного правительства». Признавалась необходимость пополнения Рады за счет представителей других национальностей, проживающих на Украине. Принималась возможность прикомандирования представителей Украины к кабинету военного министра и Генштабу. Формирование украинских войск должно было осуществляться под контролем Временного правительства. Третий универсал Центральная рада утвердила 7 (20) ноября 1917 г. Он провозглашал Украинскую Народную Республику (УНР) в составе федерации свободных народов России и демократические принципы (свобода слова, печати, вероисповедания, союзов, забастовок и пр.); объявлял национальную автономию для меньшинств (русских, поляков, евреев); упразднял смертную казнь и право частной собственности на землю, установил 8-часовой рабочий день, объявил реформу местного самоуправления. Третий универсал распространил власть Центральной рады на 9 губерний: Киевскую, Подольскую, Волынскую, Черниговскую, Полтавскую, Харьковскую, Екатеринославскую, Херсонскую и Таврическую (без Крыма). И, наконец, 9 (22) января 1918 г., в связи с началом военных действий между войсками Советской России и Украинской Народной Республики, был провозглашен IV Универсал, по которому УНР стала «самостоятельным, ни от кого не зависимым, свободным суверенным государством украинского народа», а исполнительный орган, Генеральный секретариат, — Советом народных министров. Универсал объявил УНР субъектом международного права и возложил на правительство задачу «полностью самостоятельно» провести мирные переговоры с Германией и ее союзниками. Ставилась задача созвать Украинское учредительное собрание, которое должно было принять конституцию Украинской Народной Республики. Все граждане УНР призывались к борьбе с большевиками.

² Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 31. С. 433, 435.

Нужно добавить, однако, что по вопросу об Украине большевики несколько изменили свое мнение, не требуя полного отделения, а лишь большей степени автономности»¹.

Признаем «без ограничений и безусловно»

Однако принятием 2 (15) ноября 1917 г. «Декларации прав народов России», 2-й пункт которой провозглашал абсолютное «право народов России на свободное самоопределение», Ленин развязал украинским националистам руки. Через пять дней после этого Центральная рада издает Третий универсал, который не только провозгласил Украинскую Народную Республику в составе федерации свободных народов России, но и определил ее границы. В состав УНР украинские националисты (как и их прибалтийские коллеги) включили не только три в основном украиноязычные (Волынская, Подольская, Полтавская) и одну частично украиноязычную губернию (Киевскую), но и пять стопроцентно русских губерний, не имевших никакого отношения к Украине. Но и этого коллегам Грушевского было мало. В универсале было сказано, что судьбу некоторых смежных российских областей и губерний (Курская, Холмская, Воронежская) предстоит решить в будущем.

Это была уже наглость. Но вместо того чтобы пресечь ее, 4 (17) декабря 1917 г. Совнарком РСФСР выступил с обращением к Украинской Центральной раде, где говорилось: «Исходя из интересов единства и братского союза рабочих и трудящихся эксплуатируемых масс в борьбе за социализм, исходя из признания этих принципов многочисленными решениями органов революционной демократии, в особенности 2-го Всероссийского съезда Советов, социалистическое правительство России, Совет народных комиссаров, еще раз подтверждает право на самоопределение за всеми нациями, которые угнетались царизмом и великорусской буржуазией, вплоть до права этих наций отделиться от России. Поэтому мы, Совет народных комиссаров, **признаем Народную Украинскую Республику**, ее право отделиться от России или вступить в переговоры с Российской республикой о федеративных и тому подобных взаимоотношениях между ними. Все, что касается национальных прав и национальной независимости украинского народа, признается нами, Советом народных комиссаров, тотчас же без ограничений и безусловно»².

Далее это признание обговаривалось рядом условий (отказ от помощи атаману Каледину, которого УНР вооружала с царских складов; отказ от «разоружения советских полков и рабочей Красной гвардии на Украине» и пр.), грозя в противном случае объявить УНР войну, но это все присказки. Факт же заключался в том, что советское правительство, исходя из провозглашенного Лениным «права на самоопределение за всеми нациями», населявшими Российскую Империю³, «без ограничений и безусловно» признало

¹ Zeman Z.A. Germany and the Revolution in Russia. Doc. 65.

² Ключников Ю.В., Сабанин А.В. Международная политика новейшего времени. Ч. 2. С. 98–99.

³ Право населявших Российскую Империю народов на самоопределение было провозглашено II Всероссийским съездом Советов, провозгласившим и советскую власть, но силу закона оно обрело в ленинской «Декларации прав народов России» от 2 (15) ноября 1917 года.

Украинскую Народную Республику — детище украинских националистов, за которыми стояли Австро-Венгрия и Германия. Важно подчеркнуть, что это **признание состоялось до провозглашения «незалежности» самой УНР** в январе 1918 года. Большевики признали независимость украинского государства, исходя из своего краеугольного принципа о праве наций на самоопределение, разрушавшего и уничтожавшего историческую Россию. В советское время этот факт скрывался. Обращение Совнаркома РСФСР к Украинской Центральной раде в официальных «Документах внешней политики СССР» не публиковалось. Было лишь краткое упоминание в сноске.

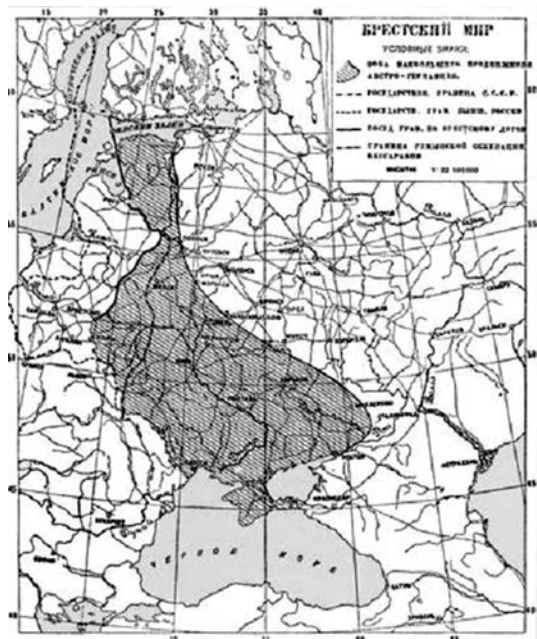
«Грушевцы» не собирались сотрудничать с большевиками, и тогда созванный в Харькове Всеукраинский съезд Советов объявил Центральную раду вне закона и провозгласил 12 (25) декабря Украинскую Народную Республику Советов (УНРС)¹. Началась война между УНР и УНР Советов, в ходе которой поддержанные «красным Питером» украинские национал-большевики смогли быстро установить свою власть в Екатеринославе, Одессе, Полтаве, Кременчуге, Елисаветграде, Николаеве и Херсоне. В этих условиях Центральная рада 11 (24) января 1918 г. объявила Украинскую Народную Республику независимой от России; правительство республики возглавил украинский эсер В.А. Голубович. В ответ 31 января (н. ст.) была провозглашена Одесская советская республика, а 17 февраля — Донецко-Криворожская советская республика как автономия в составе РСФСР. 26 января (8 февраля) 1918 г. советские войска заняли Киев, и советская власть утвердилась по всей Украине (за исключением части Волыни, куда бежала Центральная рада).

Но триумфальное шествие советской власти по Украине продолжалось недолго. После провозглашения «незалежности» делегация Украинской Народной Республики приняла участие в мирных переговорах в Брест-Литовске, где украинские «товарищи» заключили выгодную сделку: в обмен на крупные поставки продовольствия в Германию и Австро-Венгрию² Центральные державы обязались восстановить власть Центральной рады³, очистить Украину от советской власти (оккупировав Украину за два месяца) и поддержали притязания УНР на российскую территорию Новороссии, Донбасса и Причерноморья (до Одессы, без Крыма). Немецкий генерал М. Гофман прочертил на карте «линию Гофмана», западнее которой ока-

¹ Гербом УНРС стала красная звезда, а флагом — красное полотнище с «жовто-блакитным» полем в левом верхнем углу, что указывает на то, что УНР Советов была не большевистским, а национал-большевистским образованием. Поэтому, провозгласив себя в декабре 1917 г. в составе РСФСР, уже в марте 1918 г. УНРС объявила о своей независимости.

² По Брестскому мирному договору, подписанному Центральными державами с УНР 9 февраля 1918 г., Украина обязалась поставить Германии и Австро-Венгрии до 1 июля текущего года 1 млн тонн зерна, 400 млн яиц, 50 тыс. тонн мяса рогатого скота, сало, сахар, а также пеньку и марганцевую руду в обмен на территории Новороссии, Донбасса и Причерноморья (без Крыма), отданные немцами УНР. Поэтому Брестский мирный договор с Украиной в голодной Германии прозвали «хлебным миром» (нем. Brotfrieden).

³ После подписания 9 февраля 1918 г. Брест-Литовского мирного договора между Центральными державами и Центральной радой власть последней продержалась недолго. 29 апреля 1918 г. германское командование, недовольное излишней «самостоятельностью» украинцев, разогнало Центральную раду (в день принятия ею Конституции), заменив ее марионеточной диктатурой гетмана П.П. Скоропадского, который упразднил Украинскую Народную Республику и ввел в Украинской державе единоличное управление под контролем Германии.

Карта М. Гофмана, прилагавшаяся к тексту Брест-Литовского мирного договора

звалась Украинская Народная Республика с Новороссией, Причерноморьем и Донбассом, а восточнее начиналась Россия по границе Московского царства начала XVI века. Карта с этой линией прилагалась к тексту Брестского договора, и, отдавая Украине в день его ратификации эти территории, Ленин и его сотоварищи руководствовались «картой Гофмана». Через год в интервью английской газете Daily Mail немецкий генерал сказал: «Украина — это дело моих рук, а вовсе не творение сознательной воли русского народа. Никто другой, как я, создал Украину, чтобы иметь возможность заключить мир хотя бы с одной частью России»¹. Гофман считал Украину частью большой России, а большевики,

утверждая «право на самоопределение за всеми нациями», признали «без ограничений и безусловно» независимость УНР, хоть и ненадолго.

Согласно тексту Брестского мирного договора (пункт 3), вся Эстляндия и вся Лифляндия подлежали немедленному очищению от русских войск и Красной гвардии и занятию германскими полицейскими частями, что на деле означало отделение от России всей Прибалтики. Советская Россия также должна была немедленно заключить мир с Украинской Центральной радой и очистить Украину и Финляндию от своих войск (пункт 4), что означало потерю Россией обширных исторических территорий западнее «линии Гофмана». И здесь надо кое-что пояснить.

Решение о передаче Украине Донецко-Криворожской советской республики, провозглашенной в составе РСФСР, было принято на ночном заседании ЦК РКП(б) 15 марта 1918 г. после ратификации Брестского мира IV Чрезвычайным Всероссийским съездом Советов. Формально эти российские земли передавались Украинской Народной Республике Советов, провозглашенной в декабре 1917 г. в составе Советской России, но на II Всеукраинском съезде Советов в Екатеринославе 17–19 марта 1918 г., объявившей о своей независимости². Однако уже к апрелю, в связи с наступлением австро-немецких войск, УНР Советов перестала существовать, и отданные ей большевиками территории оказались в составе Украинской Народной Республики. Когда 29 апреля 1918 г. австро-германские войска разогнали Центральную раду и упразднили УНР, провозгласив Украинскую державу

¹ Цит. по: Великая Россия / ред. В.В. Шульгин. 1919. 14 (27) июня.

² См.: Донецко-Криворожская советская республика // Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. 2-е изд., перераб. и доп. М.; СПб.: Большая Российская энциклопедия, 2000.

во главе с гетманом П.П. Скоропадским, эти российские земли уже считались украинскими, как и после свержения в конце 1918 г. марионеточного режима Скоропадского и создания Директории УНР во главе с В.К. Винниченко, а потом С.В. Петлюрой. А когда 10 марта 1919 г. была провозглашена Украинская Советская Социалистическая Республика (УССР), то русские земли, отданные Лениным УНРС, оказались в ее составе, и в 1922 г., как неотъемлемая часть Украинской ССР, вошли в состав СССР.

Потерянная Одесса и «Украина Кюльмана»

Непонятная ситуация возникла с Одессой, которая имела в Российской Империи особый статус и принадлежность которой Брестским миром не обговаривалась. Когда 31 января 1918 г. в результате восстания большевиков, левых эсеров и анархистов в Одессе была свергнута украинская власть и провозглашена Одесская советская республика (ОСР), то провозглашалась она на территории Херсонской и Бессарабской губерний¹. Однако сразу после ратификации Брестского мира в Одессу вошли немецкие войска, опередив румын, которые еще в январе захватили Бессарабию и развязали там антибольшевистский террор, из-за чего 13 (26) января 1918 г. Советская Россия разорвала дипломатические отношения с Румынией.

Захват немцами Одессы вызвал протест Наркомата по иностранным делам РСФСР, который попросил разъяснить ситуацию с принадлежностью города. На что 24 марта 1918 г. из Берлина пришел ответ: «Императорское германское правительство отклоняет протест Русского народного комиссариата по иностранным делам от 18 с. м. против вступления германских войск в Одессу и требование о немедленном оставлении этого города ввиду того, что он якобы не находится на украинской территории. Согласно заявлению украинской делегации во время мирных переговоров в Бресте, к территории Украины принадлежит, в частности, и Херсонская губерния. Следовательно, Одесса также должна рассматриваться как находящаяся на украинской территории»².

Это можно было оспорить, так как в момент подписания в Бресте «хлебного мира» между Центральной радой и Центральными державами Одесская советская республика не входила в состав УНР и заявила о своем вхождении в РСФСР. Но ленинское правительство прохладно отнеслось к желанию одесситов быть в составе России и потребовало, чтобы Одесса признала себя частью Украинской Народной Республики Советов, которая в марте 1918 г. объявила о своей независимости. В те же дни немецкие войска, давя УНР Советов, вошли в Одессу, считая ее частью территории киевской УНР, согласно анонимному «заявлению украинской делегации во время мирных переговоров в Бресте». Но власти Центральной рады в Одессе тогда не было! Одесситы свергли ее в конце января, и потому юридически ситуация была спорной.

Но большевистское руководство, вместо того чтобы оспорить принадлежность Одессы Украине, пошло на поклон в Берлин. 26 марта 1918 г.

¹ Реальная юрисдикция ОСР распространялась на Одессу, Тирасполь, западные уезды Херсонщины и южную часть Бессарабии.

² ДВП СССР. Т. 1. С. 214.

*Министр иностранных дел
Германии Р. фон Кюльман*

наркоминдел Г.В. Чичерин отправил в МИД Германии ноту, в которой попросил германскую сторону **очертить территорию Украины**, как она ее признает. Через три дня из Берлина пришел ответ: «Окончательное установление границы между Россией и Украиной должно иметь место в русско-украинском мирном договоре, немедленно заключить который Русское правительство обязалось по мирному договору с нами и нашими союзниками. До этого императорское германское правительство в соответствии с прокламацией Украинской Центральной рады считает, что собственно к Украине относятся следующие девять губерний: Волынская, Подольская, Херсонская, Таврическая (без Крыма), Киевская, Полтавская, Черниговская, Екатеринославская и Харьковская; сюда надо еще добавить части Холмской губер-

нии, отходящие к Украине по мирному договору союзников с нею»¹.

Это та территория, которую Киевская Центральная рада по Третьему универсалу от 7 (20) ноября 1917 г., принятому на основании ленинской «Декларации прав народов России», определила территорией Украинской народной республики. Так, по декларации украинских националистов, подкрепленной мнением германского МИДа, была определена территория Украины (ее немного скорректировали в 1922 г.), и с тех пор исконно российские земли Новороссии, Донбасса, Причерноморья и «черноморская жемчужина» Одесса оказались в составе Украины (УНР, Украинской ССР, нынешней «незалежной») и до февраля 2022 г. находились там. Так что к отцам-основателям Украины, помимо Ленина и генерала Гофмана, нужно добавить статс-секретаря по иностранным делам Германии Р. фон Кюльмана.

От России осталась только Великороссия

После Брестского мира сбылась мечта Ленина: Россия была «ампутирована» не только до Риги и Либавы, но и до Киева и Одессы. Но это было только начало. На основании ленинской «Декларации прав народов России», подкрепленной «Декларацией прав трудящегося и эксплуатируемого народа» от 4 (17) января 1918 г.², географическое пространство бывшей Российской Империи стало распадаться на куски.

22 апреля 1918 г. Закавказским сеймом, созданным 10 (23) февраля того же года в Тифлисе, опять же на основании ленинских деклараций, была провозглашена Закавказская демократическая федеративная республика (ЗДФР) в пределах Бакинской, Елизаветпольской, Эриванской, Тифлис-

¹ ДВП СССР. Т. 1. С. 217.

² Там же. С. 85–87.

ской, Кутаисской губерний, Батумской и Карсской областей, Закавказского и Сухумского округов бывшей Российской Империи. Правительство и министерство иностранных дел ЗДФР возглавил социал-демократ А.И. Чхенкели. Но уже через месяц по требованию Османской империи Закавказский сейм был распущен, а ЗДФР распалась на три государства: 26 мая была провозглашена Грузинская демократическая республика, 28 мая — Азербайджанская Демократическая Республика, и де-факто 30 мая — Республика Армения. Так как границы между Азербайджаном, Грузией и Арменией не были определены, то начались межнациональные конфликты, в которые активно вмешивались Турция, Германия, Антанта и США.

Аналогичные процессы пошли на Северном Кавказе. Начал откалываться от России и Туркестан. Большевики своими действиями (при содействии внешних сил) разрывали историческое тело России на части. Выступая 14 мая 1918 г. на объединенном заседании ВЦИК и Московского совета с докладом о внешней политике, большевистский вождь с удовлетворением констатировал: «**От России ничего не осталось, кроме Великороссии**»¹. Остальное большевики отодрали от России по ленинской доктрине «деколонизации». К концу первого полугодия советской власти имперская Россия, созданная столетиями усердных трудов российских государей и народа, перестала существовать. От исторической России были оторваны Финляндия, Прибалтика, Украина с Белоруссией, Туркестан, Кавказ (о Польше разговор особый), а по западной границе Россия (РСФСР) была отброшена в XVI век.

Переформатирование империи

Однако по мере развития исторического процесса большевистские вожди поняли, что их альтруистский подход к самоопределению народов вредит их собственным интересам и целям, поскольку в оторванных от имперской России национальных окраинах власть захватывают «буржуазные националисты» и «контрреволюционеры», проводящие антисоветскую политику при активной поддержке извне. К тому же внутри самой России вследствие «чехословацкого мятежа», вспыхнувшего в конце мая 1918 г.², произошла консолидация антибольшевистских сил и разгорелась Гражданская война, ход которой складывался не в пользу большевиков.

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений Т. 36. С. 341.

² Вооруженное антисоветское выступление сформированного в 1917 г. из военнопленных 45-тысячного Отдельного чехословацкого корпуса (с января 1918 г. — легиона), спровоцированное действиями представителей Антанты и большевистских вождей (Л.Д. Троцкого). Летом 1918 г. подчиненные Антанте, хорошо вооруженные и организованные чехословацкие легионеры свергли советскую власть на огромной территории почти всей Сибири и в Поволжье, а 7 августа 1918 г. захватили половину золотого запаса Госбанка России стоимостью 651,5 млн руб., хранившуюся в Казанском банке. «Мятеж» положил начало новому этапу Гражданской войны — способствовал значительному расширению ее масштабов, усилению и консолидации антибольшевистских сил. На захваченной территории легионеры содействовали образованию антисоветских правительств (в Самаре — Комуч, в Екатеринбурге — кадетско-эсеровское Уральское правительство, в Омске — Временное сибирское правительство и др.). Осенью 1918 г. активность чехословаков сошла на нет. В начале 1920 г. они способствовали аресту в Иркутске адмирала А.В. Колчака и его передаче большевикам. А к концу года легионеры с русскими женами и награбленным в России добром были эвакуированы через Владивосток кораблями на родину.

И тут у Ленина сотоварищи возникла идея *перезформировать* пространство бывшей Российской Империи в «братский союз» советских республик как ядро будущего всемирного братства раскрепощенных народов, строящих социализм. Когда точно эта идея возникла, трудно сказать, но осенью 1918 г. она уже была. Ее реализации мешали оковы Брестского мира, но как только (после поражения Германии) они спали, большевики приступили к делу.

В постановлении ВЦИК от 13 ноября 1918 г. об аннулировании Брестского мира было сказано: «Брест-Литовский мир насилия и грабежа пал <...> под соединенными ударами германских и русских пролетариев-революционеров. Трудящиеся массы России, Лифляндии, Эстляндии, Польши, Литвы, Украины, Финляндии, Крыма и Кавказа, освобожденные германской революцией от гнета грабительского договора, продиктованного германской военщиной, призваны ныне сами решать свою судьбу. На место империалистического мира должен прийти социалистический мир, мир, заключенный освободившимися от гнета империалистов трудящимися массами народов России, Германии и Австро-Венгрии»¹.

Брестский мир пал не «под ударами германских и русских пролетариев». Его свалила объединенная Антанта, победив Германию, так как по условиям Компьенского перемирия Германия должна была отменить все договоры, заключенные ею на Востоке, включая Брест-Литовский мирный договор. Но важен посыл к трудящимся массам национальных окраин бывшей Российской империи: ***вместе построить вместо империалистического мира новый социалистический мир***. И большевики начали его строить.

С подачи Москвы 29 ноября 1918 г. Совет Эстляндской трудовой коммуны опубликовал «Манифест Советского правительства Эстонии», которое «от имени рабочих и красного войска Эстляндии» объявило Временное правительство Эстляндии низложенным и восстановило советское правительство, низвергнутое в феврале националистами при поддержке Германии. Среди подписантов манифеста был Ян Анвелът, по чьей просьбе в ноябре 1917 г. Ленин передал Нарву с сопредельными территориями из России в Эстонию. Эта группа товарищей от имени народа Эстонии провозгласила Эстляндскую Советскую Республику, которую «в ответ на запрос Эстляндского советского правительства» 7 декабря 1918 г. признал Совнарком РСФСР.

Вслед за Эстляндской Советской Республикой появились советские республики Литвы и Латвии, которые признал ленинский Совнарком. А 24 декабря 1918 г. вышло постановление ВЦИК о признании оптом трех советских республик Прибалтики, где говорилось:

«Исходя из принципа полного и действительного самоопределения трудовых масс угнетенных национальностей, который попирают империалисты всех стран, Центральный исполнительный комитет подтверждает постановление Совета народных комиссаров о признании Социалистической Федеративной Советской Республикой независимости советских республик Эстляндии, Латвии и Литвы.

Перед лицом созданных революционной борьбой пролетарских и крестьянских масс советских республик Эстляндии, Латвии и Литвы, Центральный исполнительный комитет вновь подтверждает, что факт бывшей принадлежности этих стран к старой Царской империи не налагает на них никаких

¹ ДВП СССР. Т. 1. С. 565–566.

обязательств, и в то же время Центральный исполнительный комитет выражает твердую уверенность, что только ныне, на почве признания полной свободы самоопределения и перехода власти в руки рабочего класса, *создается свободный, добровольный и нерушимый союз трудящихся всех наций*, населяющих территорию бывшей Российской Империи»¹.

Начав разрушение Российской империи с Финляндии и Прибалтики, Ленин и ленинцы решили начать отсюда же создание «нерушимого союза трудящихся всех наций». В Прибалтике была провозглашена советская власть и созданы Красные армии, которым Москва оказывала всяческую помощь. Но советскую власть не признали политические противники большевиков и широкие слои местного населения. Началось формирование национальных государств.

В логике Брестского мира

17 ноября 1918 г. Латышский временный национальный совет и Демократический блок создали Народный совет, который 18 ноября провозгласил новое независимое государство — буржуазно-демократическую Латвийскую республику *в границах Брестского мира*. 29 декабря Временное правительство Латвии во главе с К. Улманисом² подписало с уполномоченным Германии в Лифляндии А. Ваннигом соглашение о вербовке добровольцев из числа оставшихся на западных рубежах Лифляндии военнослужащих 8-й немецкой дивизии и демобилизованных солдат и офицеров в Германии. Немецким добровольцам Временным правительством Латвии и крупными немецкими землевладельцами были обещаны гражданство и земли в Курляндии. Велась также вербовка русских добровольцев из числа военнопленных, находившихся в Германии. Этим занимался полковник П.Р. Бермондт-Авалов³, сформировавший добровольческий корпус, воевавший с большевиками.

¹ ДВП СССР. Т. 1. С. 627–628.

² К. Улманис (латыш. Kārlis Augusts Vilhelms Ulmanis; 1877–1942) — латвийский политический и государственный деятель. Родился в семье зажиточных крестьян Добленского уезда Курляндской губернии. Получил сельскохозяйственное образование и работал по специальности в Латвии, Германии и США. Был в оппозиции царскому режиму. В 1913 г. после амнистии вернулся на родину, работал агрономом и редактором (1914–1916) журнала «Zeme» («Земля»). После Февральской революции 1917 г. стал заместителем комиссара Временного правительства в Лифляндской губернии и одним из организаторов Латышского крестьянского союза. После провозглашения независимости Латвии 18 ноября 1918 г. был избран первым премьер-министром правительства Латвийской республики и потом еще трижды занимал этот пост. После государственного переворота в 1934 г. установил в стране режим личной и этнократической диктатуры. После ввода в Латвию советских войск в июне 1940 г. был депортирован через Москву в Ворошиловск (Ставрополь), где 4 июля 1941 г. арестован и в августе 1942-го переправлен в г. Красноводск (ныне Туркменбашы) в Туркменской ССР. Там 20 сентября 1942 г. умер в тюремной больнице и был похоронен на местном кладбище. Могила до сих пор не найдена.

³ П.Ф. Бермондт-Авалов (1877–1973) — кахетинский князь, остзейский барон, русский офицер, участник Русско-японской и Первой мировой войн. За годы службы семь раз был ранен, награжден двумя Георгиевскими крестами, орденом Св. Анны и аннинским оружием с надписью «За храбрость». После Февральской революции был избран командиром Санкт-Петербургского Уланского полка. Входил в конспиративную офицерскую организацию в Петрограде, готовившую переворот против Временного правительства, от которого получил чин полковника. Участник Гражданской войны на Украине (воевал против петлюровцев), в Курляндии

Заявила о своей государственности и провозглашенная в феврале 1918 г. в условиях немецкой оккупации Эстонская Республика, которую после вывода немецких войск попытались захватить большевики. Началась Освободительная война¹, в ходе которой вновь созданная эстонская армия под командованием полковника Йохана Лайдонера в союзе с русской Северо-Западной армией, при помощи британского флота, а также шведских и финских добровольцев сорвала попытки местных комиссаров с помощью РККА захватить Эстонию. При этом Эстонская Республика (как и Латвийская) определяла себя в границах, **дарованных Эстляндии Лениным и закрепленных Брестским миром**, — западнее реки Нарвы, с городами Нарва, Юрьев, Пернов и прилегающими к ним территориями. Брестский мир, аннулированный большевиками, де-факто существовал для самопровозглашенных республик Прибалтики, живших по своей исторической логике.

В феврале 1919 г. была провозглашена Литовско-Белорусская Советская Социалистическая Республика², которую не признали противники большевиков. В пик ей реанимируется идея литовского государства. На оккупированных немцами территориях с их ведома создается литовская милиция, а в конце февраля 1919 г. начинается формирование полков Войска Литовского. По настоянию Антанты в литовскую армию инкорпорируются белорусские полки, которые получают литовские петлицы и кокарды, но свои «приборные» цвета (белый — пехота, красный — кавалерия) при черных петлицах. В марте 1919 г. войска Тарибы (Госсвета Литвы), поддержанные немецкими добровольцами, начали военные действия против Литбела. В регионе началась гражданская война всех со всеми, где главными противоборствующими сторонами были местные националисты (поддерживаемые Антантой и Германией) и большевики, поддерживаемые Москвой.

Поначалу красные одерживали верх. Но в конце августа 1919 г. антибольшевистские силы Эстонии, Латвии, Литвы, до зубов вооруженная французами Польская Республика³ и лидеры Белого движения в Северо-Западном регионе Н.Н. Юденич⁴ и П.Р. Бермондт-Авалов договорились о

и Лифляндии. Представитель прогерманского течения в Белом движении в Прибалтике. В 1919 г. сформировал из русских и немецких добровольцев в Германии и Курляндии Западный корпус Северо-Западной армии под командованием князя А.П. Ливена, воевавшей с большевиками. Генерал-майор (1919).

¹ Так ее называет эстонская историография.

² Первый съезд Советов Белоруссии (Минск, 2–3 февраля) и Первый съезд Советов Литвы (Вильно, 18–20 февраля) приняли Декларации о слиянии республик. 27 февраля 1919 г. в Вильне состоялось объединенное заседание ЦИКов Литвы и Белоруссии, на котором было провозглашено образование Литовско-Белорусской ССР (Литбела) со столицей в Вильне. Территория Литбела первоначально охватывала Виленскую и Минскую губернии, а также часть Ковенской и Гродненской губерний. Литбел пал под напором польско-литовской армии и немецких добровольческих формирований — фрайкора (нем. Baltisches Freikorps). 19 июля 1919 г. СНК Литбела принял решение о передаче всех дел Минскому губернскому Революционному военному комиссариату. На этом история Литбела закончилась, а 8 августа польские войска заняли Минск.

³ В начале 1919 г. Париж предоставил воссозданной после поражения Германии Польше кредит в 1 млрд франков, на который была создана и вооружена польская армия из военных складов, оставшихся от мировой войны.

⁴ Н.Н. Юденич (1862–1933) — русский военный деятель, генерал от инфантерии (1915), герой Русско-японской (1904–1905) и Первой мировой войны, во время которой командовал Кавказской армией (1915–1916), громившей турок; кавалер ордена Святого Георгия трех степеней. После Февральской революции, командуя Кавказским фронтом, отказался выполнить нелепый приказ Временного правитель-

начале совместных военных действий против Советской России. Это произошло в тот момент, когда ситуация на фронтах для большевиков была критической. 18 августа рухнул фронт в Новороссии, и 12-я армия РККА оказалась там в окружении. 23–24 августа войска Вооруженных сил Юга России взяли Одессу, а 31 августа — Киев. Кавказская армия разбила советские войска под Царицыным и отстояла город; донские казаки переправились через Дон и оттеснили большевиков к Хопру. Войска А.И. Деникина двигались на Москву, а объединенные антибольшевистские силы собрались из Прибалтики наступать на Петроград. Большевики запросили мира.

Тартуский и Рижский договоры

Первой в переговоры с большевиками осенью 1919 г. вступила Эстония. Они завершились подписанием 2 февраля 1920 г. в русском городе Юрьеве (ныне Тарту) мирного договора между РСФСР и Эстонской Республикой, 2-я статья которого гласила: «Исходя из провозглашенного Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой права всех народов на свободное самоопределение вплоть до полного отделения от государства, в состав которого они входят, Россия признает безоговорочно независимость и самостоятельность Эстонского Государства и отказывается добровольно и на вечные времена от всяких суверенных прав, кои принадлежали России в отношении к Эстонскому народу и земле в силу существовавшего государственно-правового порядка, а равно на основании международных договоров, которые в указанном здесь смысле теряют силу на будущие времена. Из прежней принадлежности к России для Эстонского народа и земли не возникает никаких обязательств в отношении к России»¹.

Тартуским (Юрьевским) мирным договором Эстония окончательно отделилась от России по ленинскому праву «всех народов на свободное самоопределение вплоть до полного отделения». По нему же Эстонская республика получила от Советской России репарации в виде золота на 15 млн руб.

ства о наступлении и был отправлен в отставку. В ноябре 1918 г. эмигрировал в Финляндию, где встретился с регентом Королевства Финляндия, генералом К. Маннергеймом — товарищем по Академии Генерального штаба. Генералы приняли решение об организации борьбы против большевиков: из представителей промышленных, финансовых и политических кругов русской эмиграции был образован Русский политический комитет, который обязал Юденича стать лидером антибольшевистского движения на Северо-Западе России. Политическая программа комитета исходила из идеи воссоздания единой и неделимой России в пределах ее исторической территории. В мае—июне 1919 г. военные отряды Белого движения под командованием Юденича (объединенные в Северо-Западную армию) наступали на Петроград. В сентябре—октябре 1919 г. Юденич организовал второй поход на Петроград. Его армия вместе с эстонскими войсками, прорвав оборону красных, заняла Царское Село и Павловск. Но предательство «союзников» и нехватка резервов не позволили войскам Юденича взять город. К концу ноября войска Юденича были прижаты к границе и перешли на эстонскую территорию, где были разоружены и интернированы своими бывшими союзниками. 22 января 1920 г. Юденич объявил о роспуске Северо-Западной армии и через несколько дней был арестован эстонскими властями, но по требованию Антанты освобожден. Эмигрировал в Англию, позже перебрался во Францию и обосновался в Ницце. В эмиграции отошел от политической деятельности, участвуя в работе русских просветительских организаций. Умер в Каннах в октябре 1933 году.

¹ См.: Мирный договор между РСФСР и Эстонией от 2 февраля 1920 года // РУНИВЕРС. https://runivers.ru/doc/d2.php?SECTION_ID=6763&CENTER_ELEMENT_ID=150940&PORTAL_ID=6763.

(почти 12 тонн)¹, большие экономические преференции и новые российские территории, выходящие за рамки Брестского мира. Помимо Нарвы и территорий западнее нее, переданных Лениным в Эстляндию еще в ноябре 1917 г., большевики передали эстонцам исконно русские земли на правом берегу реки Наровы вместе с Ивангородом², основанным в 1492 г. как крепость «против шведской Нарвы» московским великим князем Иваном III Васильевичем и названным в его честь³.

Когда читаешь текст Тартуского договора, то создается впечатление, что это второй Брестский мир и что Советская Россия его подписала, проиграв войну. В Эстонии пишут и говорят: «Россия победила Наполеона и Гитлера, а мы победили Россию». Огромные уступки, которые сделал Ленин эстонским «буржуазным националистам», шокировали даже ближайшее окружение вождя. Но, как мы уже говорили, границы не имели значения для Ленина: он крушил наследие Российской Империи и строил мировой социализм. Выступая 24 января 1920 г. на беспартийной конференции рабочих и красноармейцев Пресненского района, Ленин сказал: «Мы сделали много уступок [Эстонии], главной из которых является уступка спорной территории, заселенной смешанным — русским и эстонским — населением. Но мы не хотим проливать кровь рабочих и красноармейцев ради куска земли, тем более что уступка эта делается не навеки: Эстония переживает период керенщины, рабочие... скоро свергнут эту власть и создадут Советскую Эстонию, которая заключит с нами новый мир»⁴.

Для Ленина передаваемые Эстонии русские территории — всего лишь «кусочек земли», отдаваемый «не навеки», а наивная ленинская вера в рабочий класс поражает. Вождю мирового пролетариата всюду мерещились пролетарские революции, из-за которых он терял способность адекватно оценивать ситуацию. Хотя, подписывая Тартуский договор, Ленин преследовал и другую цель. Выступая 4 февраля 1920 г. на конференции железнодорожников Московского узла, он сказал: «В международном положении самым ярким фактом является мир с Эстонией. Этот мир — окно в Европу. Им открывается для нас возможность начать товарообмен со странами Запада»⁵. Эту мысль он повторял и в других своих выступлениях. А в интервью американскому журналисту К. Виганду 18 февраля сказал, что Советская Россия «готова вступить в деловые сношения с Америкой, как и со всеми странами. Мир с Эстонией, которой мы сделали громадные уступки, доказал нашу готовность идти ради этого... даже на концессии»⁶.

11 августа 1920 г. между Советской Россией и Латвийской Республикой был подписан Рижский мирный договор, по образцу и подобию Тартуского.

¹ Эстонцев обуяла жадность. В процессе переговоров они хотели получить от большевиков золото на 88 млн руб., а также доступ к золотому запасу и подвижному составу Советской России. Лишь когда в середине января 1920 г. Антанта формально отменила торговую блокаду России, эстонская делегация пошла на попятную и согласилась на предложенные ей условия мирного договора.

² Это около половины нынешней Ленинградской области. Раньше эти земли именовались Ингерманландией. Они вошли в состав Российской Империи в начале XVIII в. по итогам Великой Северной войны.

³ В 1944 г. И.В. Сталин вернул эти территории в состав РСФСР.

⁴ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 40. С. 71.

⁵ Там же. С. 111.

⁶ Там же. С. 147.

По нему Советская Россия безоговорочно признала независимость Латвии (по праву наций на самоопределение), взяла на себя все долговые обязательства Латвии как части бывшей Российской Империи перед иностранными государствами и выплатила 4 миллиона рублей золотом (3,1 т) в качестве компенсации за эвакуированное во время Первой мировой войны в Россию имущество. Кроме того, большевики передали Латвии значительные русские территории — две волости Дриссенского уезда Витебской губернии и три волости Островского уезда Псковской губернии, удовлетворив аппетиты латышских националистов¹. Из подаренных большевиками территорий была создана Латгалия с центром в Даугавпилсе (русский Двинск) — одна из трех земель, составляющих современную Латвию.

Не менее важно и другое. По договорам, подписанным с Эстонией, Латвией и Литвой весной и летом 1920 г., Москва обязалась не поддерживать прибалтийских большевиков, и проект советской Прибалтики пришлось закрыть². Но остались вопросы.

Балтийский офшор

Объяснения уступок, сделанных по этим договорам большевиками Эстонии и Латвии, были аналогичными: уступки сделаны для того, чтобы через «балтийское окно» начать торговлю со странами Запада³. Звучит

¹ В 1944 г. И.В. Сталин вернул в РСФСР отданные В.И. Лениным псковские земли (лат. «область Абрене»); отданная латышам часть Витебской губернии возвращена не была.

² В межвоенные десятилетия страны Балтии пошли по пути Финляндии. Там год от года крепчал местечковый национализм, что в итоге привело к установлению в этих странах этнократических диктатур (в Литве — в 1926 г., в Эстонии и Латвии — в 1934 г.), хотя внешняя политика этих стран была разной. Эстония и Латвия проводили антисоветскую политику, а Литва — лояльную и даже дружескую к Москве. Объяснялось это территориальными спорами с Польшей (Виленский край) и Германией (порт Мемель, он же Клайпеда). В таких тяжбах литовскому руководству нужно было на кого-то опереться, оно оперлось на Москву и не прогадало. После вхождения в 1940 г. Литовской ССР в состав Советского Союза И.В. Сталин вернул литовцам Виленский край с их столицей Вильнюсом и Клайпеду, но любви у литовцев этим не заслужил. Вхождение в состав СССР (в Прибалтике его считают оккупацией) было встречено местным населением и элитами очень неоднозначно, а после начала сельской коллективизации и выселения «социально опасных» слоев населения в Сибирь в канун Великой Отечественной войны прибалты в массе своей возненавидели советскую власть. Сформированные в РККА территориальные стрелковые корпуса (22-й — эстонский, 24-й — латышский и 29-й — литовский) с началом войны переходили на сторону врага. 184-я дивизия 29-го корпуса в первый же день войны, перебив присланных из Москвы командиров и комиссаров, почти полностью перешла к немцам; за ней последовали 179-я дивизия и другие подразделения корпуса. Образовалась 100-километровая брешь на стыке Прибалтийского и Западного фронтов, куда хлынули немецкие танковые дивизии, захватившие через пять дней Минск. Из 22-го эстонского и 24-го латышского стрелковых корпусов летом 1941 г. дезертировало или сдалось в плен около половины личного состава. Во время оккупации Прибалтики местная молодежь с энтузиазмом служила «великой Германии». Были сформированы две латышские и одна эстонская дивизии ваффен-СС; десятки тысяч эстонцев, литовцев и латышей служили в вермахте, полицейских и карательных батальонах, отличившихся зверствами против мирного населения на оккупированных территориях СССР. Многие эстонцы, литовцы и латыши сражались в Красной армии, но на «той стороне» их было гораздо больше. После войны прибалтийские «лесные братья» до середины 1950-х гг. воевали против советской власти, а в начале 1990-х прибалты первыми вышли из СССР.

³ Помимо Эстонии и Латвии, 12 июля 1920 г. в Москве был подписан мирный договор между Советской Россией и Литвой, завершивший двухлетний советско-ли-

неубедительно. По Московскому договору, подписанному в июле 1920 г. между Советской Россией и Литовской Республикой, существенные территориальные и иные уступки литовцам были сделаны ради нейтралитета Литвы в ходе советско-польской войны. Договор гарантировал нейтралитет и обезопасил правый фланг войск Западного фронта РККА при наступлении на Варшаву. Здесь все понятно, а вот по другим договорам, подписанным с прибалтийскими лимитрофами, — непонятно, поскольку объем внешней торговли РСФСР до 1922 г. был мизерным¹, и идти ради этого на такие уступки было нелепо. Даже желанием Ленина искромсать бывшую Российскую империю это не объяснишь. Суть дела в другом.

Тартуский и Рижский договоры открыли большевистским вождям окно в мир, но не для товарообмена с Европой и Америкой, а для вывоза российского золота в кладовые европейских и американских банков. В обмен на политическое признание и громадные уступки буржуазная Эстония (а затем и Латвия) распахнула перед Советами все окна и двери. В марте

1920 г. в Ревель прибыл советский полпред И.Э. Гуковский, а с середины апреля золото советского Гохрана через «эстонское окно» (а затем и через латвийское) широкой рекой потекло на Запад. Его вывозом занималась «золотая тройка» Политбюро ЦК РКП(б): В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий и Н.Н. Крестинский (нарком финансов). Особо уполномоченными Совнаркома и Политбюро по вывозу золота и валютным операциям за границей были нарком внешней торговли Л.Б. Красин и замнаркома по иностранным делам М.М. Литвинов, руководившие группой товарищей. Золото вывозилось под предлогом закупки тысячи паровозов в Швеции и Германии, а ключевой фигурой в этой афере века был глава Российской железнодорожной миссии за границей Ю.В. Ломо-

ВЕДОМОСТЬ							
проведенных Отделом денежных и расчетных выписок выдачек золота в слитках и монете для нужд Коммунального Внешней Торговли.							
дн и по	Место	Кому выдано для доставки по назначению	Золотая монета	Золотые слитки	Примечания		
мес.	отдач	Сторонние Отд.	рубли	мон. рубля	мон.		
1920	13	Ревель	Бубкину	- 8.000.000	-	-	по 20 декабря
	29	"	Старикову	1.200.000	-	-	
апр	13	"	Бубкину	- 2.000.000	-	-	по 20 декабря
	28	"	Вогатиреву	14.000.000	-	-	
мая	28	"	Захареву	15.000.000	-	7.995.857	15
ию	28	"	Гладковскому	-	-	2.000.052	78
ию	18	"	Вегнеру	-	-	38.031.430	91
июль	10	"	Старикову	-	-	10.000.161	85
	15	"	Селляеву	3.180.000	-	-	-
	16	"	Тинькевич	4.980.000	-	-	-
	27	"	тов. А.С. Кану	-	-	53.558	82
августа	1	"	Сторонн. Отд. Гладковскому	-	-	924.559	79
	2	Вильно	тов. Аксельроду	- 3.000.000	-	-	по 20 декабря
	4	"	тов. Гильгеру	-	-	2.000.419	56
	19	"	Сторонн. Отд. Гурьеву	25.000.000	-	-	-
	27	"	Успенскому А.П.	55.000.000	-	-	-
сентября	6	"	Гаврилову	60.000.000	-	-	-
	29	Ригу	Келлеру	- 4.000.000	-	-	по 20 декабря
октября	8	Ревель	Смирнову	9.596.523	95	-	иностр. нал. монет
Итого				212.386.523	95	61.716.740	571

Заведующий Отделом денежных и расчетных выписок
Специальный Вспомогательный Часовой

1920 г. 20 декабря с.г. Заведующий Делопроводством по Отделу денежных и расчетных выписок
Н.В.Г.У.

Ведомость Наркомата финансов РСФСР о вывозе золота из России через Прибалтику в 1920 году

товский вооруженный конфликт. По этому договору была ликвидирована Литовско-Белорусская Советская Социалистическая республика (Литбел) и определена государственная граница между РСФСР и Литвой. Значительные территории с городами Гродно, Щучин, Ошмяны, Сморгонь, Браслав, Лида, Поставы, а также Виленский край с Вильно были признаны частью Литвы. В XIII—XVIII вв. они входили в состав Великого княжества Литовского, но на момент подписания договора были населены в основном белорусами, поляками и евреями. Литва также получила от Москвы золото на 3 млн руб. (2,3 тонны).

¹ См.: Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг. Статистический обзор. М.: Внешторгиздат, 1960. Ч. I.

не было тайной, об этом были информированы и “Банк де Франс”, и другие банки»¹. Американский резервный банк — это Федеральный резервный банк Нью-Йорка, головной банк ФРС США, где хранится золото десятков стран, в том числе русское золото, вывезенное в начале 1920-х большевиками.

Но эти события развернулись весной 1920 г., а годом ранее ситуация была иной. В Прибалтике укрепилась советская власть. В Вильно была провозглашена Литовско-Белорусская ССР, а в Харькове — Украинская ССР. Советские республики появились в Венгрии, Баварии, Болгарии и Словакии. В Москве для свершения мировой пролетарской революции был создан Коминтерн. Ветер истории подул в их паруса, и большевистские вожди решили преобразовать лозунг Коммунистического манифеста «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» в лозунг «Советские республики, повсеместно объединяйтесь!». Родилась идея создания союза советских республик, возникших тогда на пространстве бывшей Российской Империи.

Первая попытка создать СССР

1 июня 1919 г. ВЦИК РСФСР принял постановление «Об объединении Советских Республик России, Украины, Латвии, Литвы и Белоруссии для борьбы с мировым империализмом», где было сказано:

«Мобилизовав против Советской власти все силы монархической и капиталистической контрреволюции, мировой капитал стремится общим наступлением на всех фронтах задуть власть рабочих и крестьян. Отпор этой попытке вновь ввергнуть в рабство десятки миллионов русских, украинских, латышских, белорусских и крымских рабочих и крестьян требует от них теснейшего объединения боевых сил, централизации руководства в тяжелой борьбе на жизнь и смерть. Военный **союз** всех упомянутых **Советских Социалистических Республик** должен быть первым ответом на наступление общих врагов. Поэтому, стоя вполне на почве признания независимости, свободы и самоопределения трудящихся масс Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии и Крыма и исходя как из резолюции Украинского Центрального Исполнительного Комитета, принятой на заседании 18 мая 1919 г., так и из предложения Советских правительств Латвии, Литвы и Белоруссии, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов признает необходимым провести тесное объединение:

1. Военной организации и военного командования.
2. Советов народного хозяйства.
3. Железнодорожного управления и хозяйства.
4. Управления финансов.
5. Комиссариатов труда.

Советских Социалистических Республик России и Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии и Крыма с тем, чтобы руководство указанными отраслями народной жизни было сосредоточено в руках единых коллегий...

Для осуществления указанных шагов Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет избирает комиссию, которой поручает немедленно вступить в переговоры с представителями соответствующих центральных

¹ 3-я сессия ЦИК Союза ССР 4-го созыва (апрель 1928 г.). Стенографический отчет. М.: Госиздат, 1928. С. 792–793.

исполнительных комитетов и совместно с ними выработать конкретные нормы объединения, а впредь до момента выработки окончательного объединения, немедленно создать форму совместной деятельности»¹.

Так, в июне 1919 г. впервые появился термин «Союз Советских Социалистических Республик» и возник прообраз будущего Союза ССР, пока в составе шести республик. В силу ряда объективных и субъективных причин создать такой союз тогда не удалось, но идея создания на территории бывшей Российской Империи союза братских советских республик осталась. К ней вернулись в 1922 г., когда Гражданская война в России (как и пролетарские революции в Европе) закончилась, завоеванная большевиками Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика (РСФСР)² осталась одна, а вокруг существовали квазигосударства или государственные образования, где у власти находились большевики или близкие к ним политические силы³. Эти государственные образования Ленин и его соратники решили объединить, чтобы создать мощный плацдарм (1/6 земного шара) для будущей мировой революции. Так возникла идея союза советских республик Европы и Азии, реализованная в проекте СССР, который замышлялся в коминтерновской парадигме.

Два проекта, две перспективы

Было два проекта создания нового государства: проект И.В. Сталина и проект В.И. Ленина. Первый предполагал создать новый союз на базе РСФСР, включив в Советскую Россию национальные республики в качестве культурно-национальных автономий, сохраняя великорусское ядро нового государства. Ленин же исходил из принятой Совнаркомом РСФСР в ноябре 1917 г. «Декларации прав народов России», которая признавала право каждого большого или малого народа, живущего в России, «на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства». Затем в «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», принятой на заседании ВЦИК 3 (16) января 1918 г., было записано: «Советская Российская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация советских национальных республик»⁴. То есть историческую территорию Российского государства следовало разбить по этническому признаку на отдельные республики и создать на основе их свободного союза «федерацию советских национальных республик». Право народов, населяющих Россию, на «свободное самоопределение вплоть до отделения» и принцип дробления на национальные республики были положены Лениным в основание Союза ССР. Ленин решил создать по швейцарскому образцу на месте Россий-

¹ Ключников Ю.В., Сабанин А.В. Международная политика новейшего времени. Ч. 2. С. 253–254.

² В советской Конституции 1936 г. слова «советская» и «социалистическая» поменяли местами.

³ Основная заслуга в победе большевиков в Гражданской войне принадлежала не В.И. Ленину, а Красной армии, которой руководили Реввоенсовет Республики под председательством Л.Д. Троцкого и когорта командиров (многие из числа царских офицеров) во главе с Главкомверхом, бывшим полковником Русской императорской армии С.С. Каменевым.

⁴ Декреты советской власти. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1. С. 315, 321.

ской Империи, являвшей собой (по Каутскому) «недоразвитое и отсталое государство национальностей», «прогрессивный и передовой» союз равноправных национальных республик, частью которого будет раздробленная на автономии РСФСР, а каждая союзная республика получит право свободного выхода из Союза.

Последствия этого Ленин не осознавал. Сталин в выступлениях по национальному вопросу на X, XI и XII съездах РКП(б) придерживался ленинской линии, но задумывался и о последствиях. Отсюда два разных государственных проекта Союза ССР, и по их поводу между ушедшим и приходившим ему на смену большевистскими вождями возник принципиальный спор¹. В итоге 6 октября 1922 г. вышло «Постановление Пленума ЦК РКП(б) о взаимоотношениях РСФСР с независимыми советскими социалистическими республиками», где говорилось:

«Задачи защиты завоеваний революции от внутренних и внешних врагов, ликвидации хозяйственной разрухи, построения социализма все более настоятельно выдвигали необходимость государственного объединения советских республик. В связи с этим по предложению Политбюро ЦК РКП(б) в августе 1922 г. была создана комиссия с целью подготовки к очередному Пленуму ЦК вопроса о взаимоотношениях РСФСР с независимыми советскими республиками. На основании проекта, подготовленного И.В. Сталиным, комиссия приняла резолюцию, в которой объединение советских республик предлагалось осуществить по принципу автономизации, то есть путем вступления самостоятельных советских республик в состав РСФСР на правах автономных республик.

В.И. Ленин, ознакомившись с предложениями комиссии, выступил против идеи «автономизации» и предложил провести объединение на принципиально иной основе, путем создания Союза Советских Социалистических Республик, при сохранении за входящими в его состав республиками равноправия и суверенитета. На основе предложений В.И. Ленина комиссия коренным образом переработала свою первоначальную резолюцию.

Новая резолюция комиссии 6 октября 1922 г. обсуждалась на Пленуме ЦК РКП(б) и с поправками была принята. Участники Пленума полностью поддержали ленинскую интернационалистскую идею образования СССР, подвергнув критике как великодержавные, так и местные националистические проявления по вопросу.

«Признать необходимым заключение договора между Украиной, Белоруссией, федерацией Закавказских республик и РСФСР об объединении их в “Союз Советских Социалистических Республик” с оставлением за каждой из них права свободного выхода из состава “Союза”. <...>

¹ В ранее закрытом фонде Л.Д. Троцкого в РГАСПИ хранится любопытный документ: записки Троцкого к предстоявшей решающей «битве со Сталиным» на XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 года. В них Троцкий акцентирует внимание на расхождении Ленина и Сталина по национальному вопросу и пишет: «Основное письмо Ленина против Сталина по национальному вопросу... напечатано в стенограмме июльского Пленума [ЦК ВКП(б)] 1926 года. Кроме того, в отдельных списках ходит по рукам. Скрыть его, следовательно, уже не удастся. Но есть и другие документы на ту же тему, совершенно неизвестные партии. Архивариусы и историки сталинской школы принимают и примут все меры к тому, чтобы эти документы вообще остались под спудом. Они способны поступить с этими документами и круче, то есть попросту уничтожить их». Какие документы имел в виду Троцкий, неизвестно.

Состоявшийся 30 декабря 1922 г. I Всесоюзный съезд Советов провел ленинскую идею в жизнь, провозгласив образование СССР»¹.

Сравнивая начальный (сталинский) и конечный (ленинский) проекты создания Союза ССР, приходишь к выводу, что Сталин хотел сохранить в новом союзном государстве «старую» имперскую суть России. Ленин исходил из своей доктрины «деколонизации» исторической России, с уничтожением ее имперской природы и избавлением населяющих ее народов от «великорусского гнета»².

К сожалению, победила ленинская точка зрения, и Советский Союз был создан по ленинским лекалам — с невероятным перекосом в пользу «освобожденных» национальных республик за счет РСФСР, которую большевики начали расчленять, передавая российские территории «братским» советским республикам, не спрашивая мнения живших там, в основном русских людей, чья судьба большевиков не волновала. Уже при создании СССР было совершено преступление против России и ее народа, которое обернулось страшной бедой в наши дни.

Трагедия Донбасса

Осенью 1922 г. большевистский вождь оторвал от России против их воли миллионы людей, которые еще не были гражданами Советского Союза, но хотели жить в Советской России. Это жители Донбасса и прилегающих областей, провозгласившие в феврале 1918 г. Донецко-Криворожскую советскую республику, которая, вопреки желанию киевских националистов, объявила себя неотъемлемой частью РСФСР.

Большевистские лидеры понимали значимость этого промышленного региона. Историк Донбасса Теодор Фридрих пишет: «Все стороны глубоко осознавали стратегическую ценность Донбасса. Для большевиков в Петрограде контроль над донбасским углем и металлом виделся как вопрос жизни и смерти, и преимущественно русский пролетариат Донбасса представлялся как главная надежда Советской России на вытеснение украинской Рады и сохранение контроля над индустриальным комплексом Донбасса так же, как над сельскохозяйственными богатствами и стратегической территорией Украины»³.

Это понимали и киевские «универсальщики», поэтому на переговорах в Бресте вместе с Германией прибрали к рукам Донбасс, Новороссию и Причерноморье. В пику им лидер донбасских большевиков Ф.А. Сергеев (Артем) выступал за то, чтобы оставить всю Украину в составе Советской

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986): в 15 т. М.: Политгиздат, 1983. Т. 2. С. 599.

² В упомянутых выше записках Л.Д. Троцкий приводит не публиковавшееся в СССР письмо В.И. Ленина «тов. Каменеву» от 27 сентября 1922 г., в котором Ленин внес правку в §1 сталинского плана создания нового советского государства: «В §1 сказать вместо “вступление” в РСФСР — “Формальное объединение вместе с РСФСР в союз советских республик Европы и Азии”. Дух этой уступки, надеюсь, понятен: мы признаем себя равноправными с Украинской ССР и другими, и вместе и наравне с ними входим в новый союз, новую федерацию, “Союз Советских Республик Европы и Азии”».

³ Цит. по: *Корнилов В.В.* Донецко-Криворожская советская республика. Расстрелянная мечта. <https://libcat.ru/knigi/nauka-i-obrazovanie/istoriya/117723-56-vladimir-kornilov-donecko-krivorozhskaya-respublika-rasstrelyannaya-mechta.html#text>. С. 56.

России, а в случае отделения создать неподвластный Киеву областной комитет Донкривбасса. Однако в Москве (куда только что переехало из Петрограда советское правительство) отнеслись к этому настороженно, и чем резче шли мирные переговоры в Бресте, тем более негативно большевистские вожди относились к независимости Донбасса. 17 февраля, в ответ на телеграмму Артема о создании Донецко-Криворожской республики и о выделении ее из состава советской Украины, председатель ВЦИК Я.М. Свердлов телеграфировал: «Выделение считаем вредным»¹.

Это вызвало раскол в правительстве ДКР, а Артем поехал в Москву, где со 2 по 12 марта обсуждал с Лениным и В. Межлауком вопрос о Донецко-Криворожской республике и ее отношениях с Украинской Народной Республикой Советов. Он рассчитывал на понимание Ленина, но тот выступил против «расчленения» Украины и 14 марта направил письмо чрезвычайному комиссару района Украины Г.К. Орджоникидзе, в котором указал на необходимость принять все меры к созданию «единого боевого фронта» советских республик Юга России (УНР Советов, Донецко-Криворожской республики и Советской Республики Тавриды) против нашествия австро-германских войск².

В итоге Артем поддержал Ленина и согласился поехать во главе делегации ДКР на II Всеукраинский съезд Советов, состоявшийся 17–19 марта в Екатеринославе, где выступил в поддержку единого фронта обороны на Украине, хотя другие лидеры Донбасса (Васильченко, Жаков, Филев) отказались это делать. А 15 марта на вечернем заседании ЦК РКП(б) было принято по настоянию Ленина³ постановление, которым подтвердили, что «Донбасс рассматривается как часть Украины»⁴. Большевистский ЦК обязал всех украинских партийных работников принять участие во II Всеукраинском съезде Советов, чтобы создать там единое правительство Украины, провозгласившей по ленинскому декрету свою независимость. Это определило судьбу Донецко-Криворожской республики и прилегавших к ней областей. Они оказались в составе Украины⁵.

Но в 1922 г. вопрос о статусе важнейшего промышленного региона вновь встал на повестку дня. Донбасские большевики снова выступили за нахождение региона в составе РСФСР, но Ленин буквально впихнул Донбасс вместе с Новороссией и Причерноморьем в состав Украины. Вот как рассказал об этом Президент Российской Федерации В.В. Путин на встрече с военными корреспондентами в Кремле в июне 2023 года:

«Никакой Украины [до 1917 г.] не было. А тут вдруг стали нарацивать, территории отдавать. Владимир Ильич почему-то

¹ См.: *Супруненко Н.И.* Очерки истории Гражданской войны и иностранной военной интервенции на Украине (1918–1920). М.: Наука, 1966. Ч. 1.

² *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 50. С. 49–51.

³ В 5-м томе «Биографической хроники» В.И. Ленина за 15 марта 1918 г. написано: «Ленин участвует в заседании ЦК РКП(б), на котором обсуждаются вопросы: об Украине (о состоянии партийной работы и советских организаций, о взаимоотношениях между Украинской советской и Донецко-Криворожской республиками)».

⁴ *Думанский В.* Детище «пламенного революционера» Артема. К 90-летию Донецко-Криворожской советской республики // Зеркало недели. Украина. 2008. 7 марта. № 9.

⁵ См.: *Корнилов В.В.* Донецко-Криворожская советская республика. Расстрелянная мечта. Харьков: Фолио, 2011.

решил отдать все Причерноморье, с какого перепуга? Это исторические русские земли?! Реально Украина возникла в 1922 г., что было закреплено в конституции. Передали огромные российские территории. Просто так. Я читал бумаги из архива и письма. Приняли решение на съезде или на Политбюро, что Донецко-Криворожская республика должна быть в составе РСФСР. Потом приехали большевики с тех [украинских] территорий и заявили: “Что же вы нас оставляете с одними мужиками”. То есть с крестьянами, которые считались мелкобуржуазным элементом. Опять вернулись к тому, куда передать Донбасс (Донецко-Криворожскую республику). Приехали люди с Донбасса и говорят: “Как же так, все уже решено, мы в составе матушки России”. А Ленин им говорит: “Надо перерешать”. И единолично взяли, перерешали. Вообще с ума сошли, что ли?! Кто спросил у людей? Было какое-то голосование, плебисцит, что это такое?! Ну ладно, передали туда, а потом взяли и отделили. Не знаю, в истории такого, по-моему, не бывало... А теперь “благодарные потомки” сносят памятники Ленину, основателю Украины»¹.

Так самый развитый в провинциальной России промышленный регион с огромной сырьевой базой, развитой сухопутной и морской инфраструктурой, квалифицированными кадрами окончательно отошел к Украине. Русские люди, оказавшиеся не по своей воле на чужбине, уже в 1920-е гг. сполна испытали на себе политику украинизации², когда советская власть гнобила все русское, стремясь превратить русских людей в украинцев, и преуспела в этом. А потом им пришлось жить под властью «мягкого» украинского национализма, который в итоге перерос в укронацизм³. Сейчас жители Донбасса и Новороссии, вместе со всей Россией, пытаются освободиться от гнета укронацистов, платя сотнями тысяч жизней. Такова оказалась цена ленинского «перерешания». Помещики-крепостники распоряжались сотнями крестьянских душ, а Ленин одной фразой решил судьбы миллионов людей, уготовив трагедию, переживаемую нами сейчас.

Заминированный Союз

Интересы России не имели для Ленина никакого значения. Ленинская трансформация Российской Империи в конфедеративный Советский Союз

¹ Встреча Президента России В.В. Путина с военными корреспондентами в Кремле. 14 июня 2023 г. Видеозапись беседы. <http://kremlin.ru/events/president/news/71391/videos>.

² Это было частью политики «коренизации», которую проводило в 1920-е гг. в СССР руководство ВКП(б), двигая всюду национальные кадры и «затирая» русских людей по национальному признаку.

³ У сформировавшегося на нынешней Украине укронацизма было три первоисточника: 1) идеология украинства, формировавшаяся с середины XIX в., которую накануне и во время Первой мировой войны поддерживало и внедряло австрийское Эвиденцбюро; 2) «бандеровщина» — племенной хуторской национализм Галиции и Волыни, который оформился в деятельности таких организаций, как ОУН-УПА, и показал свою звериную сущность во время Великой Отечественной войны; 3) затаенный национализм советской партийно-хозяйственной номенклатуры и украинской интеллигенции. После развала СССР они слились и породили современный укронацизм, тестовым признаком которого является пещерная русофобия.

означала вовсе не воссоздание в преображенном виде тысячелетней России, с которой, по словам Ленина, большевики покончили к маю 1918 г., и не какое-либо преемство по отношению к ней, а совершенно новый тип союза государственных образований, каждое из которых в любой момент могло выйти из него. ***В проекте Союза ССР была воплощена ленинская идея «деколонизации» исторической России, предопределившая его развал.*** Хотя Ленин этого не предвидел, будучи убежден, что возникающие по мере развития революционного процесса советские республики всего мира будут группироваться в единый союз, противостоящий мировому империализму, а не убегать из него.

Выступая в конце апреля 1917 г. на 7-й партконференции, Ленин сказал: «Пролетариат не должен мешать свободе народов. Тогда будет верен лозунг “прочь границы”, когда социалистическая революция станет реальностью, и мы скажем тогда: товарищи, идите к нам», — и далее: «Мы хотим братского союза всех народов. Если будет Украинская республика и Российская республика, между ними будет больше связи, больше доверия. Если украинцы увидят, что у нас республика Советов, они не отделятся, а если у нас будет республика Милюкова, они отделятся»¹. Даже Польша, по мнению Ленина, в братской семье советских республик избавится от вековых фобий и заживет совершенно по-новому, хотя поляк Дзержинский предупреждал его, что «там все шовинисты». Ленин «железного Феликса» не послушал, и потому война с «панской Польшей» окончилась для Советской России катастрофой².

Ленин утверждал: кто выступает против отделения Финляндии, Украины, Польши и всех прочих от России — «тот шовинист»³. Положив в основание Союза ССР «право народов на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства», Ленин заложил под Советский Союз политическую мину с часовым механизмом, закрепленную в Конституциях СССР 1924, 1936 и 1977 годов. Через семь десятилетий она взорвалась. Советские лидеры были настолько уверены в мировой победе социализма и несокрушимости советской державы, что даже не озаботились прописать процедуру выхода союзных республик из состава Союза. Лишь в апреле 1990 г., когда этот союз затрещал по швам и из него де-факто вышло несколько «братских» республик, Верховный Совет СССР принял закон о процедуре выхода, который уже не смог помешать развалу.

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 31. С. 436.

² Советско-польская война (1919–1920) проходила в два этапа. На первом этапе это была справедливая война за освобождение захваченных поляками территорий Украины и Белоруссии. Но летом 1920 г. по инициативе В.И. Ленина она трансформировалась в революционную войну, смыслом которой был прорыв Красной армии через Польшу в Германию с целью совершения там «немецким пролетариатом» социалистической революции. Конечной целью войны являлось установление советской власти в Польше и Германии. Но эта авантюра окончилась разгромом частей Красной армии под общим командованием М.Н. Тухачевского в августе 1920 г. под Варшавой. После этой катастрофы советские лидеры протрезвели. С начала 1920-х до середины 1930-х гг. Польша считалась главным внешним врагом СССР. Но после победы над гитлеровской Германией и создания советской Польши в Москве опять возобладал ленинский утопизм, и советское руководство совершило ряд крупных ошибок в отношении Польши, которые сказываются сейчас.

³ Там же.

Ленинская «федерализация без границ» была способом умертвить Россию. Ее последствия предвидели умные люди. Вот что писал выдающийся русский философ и политолог И.А. Ильин: «Расчленители России, желающие превратить ее в федерацию..., мечтают о том, что после падения большевиков граждане единой России опять провалятся в хаос и вседозволенность, безнаказанно разложат свое государство и осуществят по своему произволу столько “общественных договоров” и учредят, ни с чем не считаясь, столько новых “государствиц”, сколько им заблагорассудится, с тем что каждое из этих новообразований будет иметь свое правительство, свою армию, свою монету и свою дипломатию... Именно поэтому они желают, чтобы “российские народности” не считались больше с существованием единого русского народа и государства... Они мечтают превратить Россию во множество политически ничтожных и стратегически бессильных карликов — и тем предать ее на завоевание и порабощение западным и юго-восточным государствам. Достояние России станет, в сущности, “ничьим”; а по старому римскому праву “ничья вещь принадлежит первому захватчику”»¹.

*Русский философ-эмигрант
И.А. Ильин*

Иван Александрович провидчески заглянул в будущее. Но право союзных республик на свободное самоопределение в рамках единого государства было не единственной бомбой, заложенной Лениным под Советский Союз.

Про «великорусскую шваль»

В разгоревшейся внутрипартийной дискуссии, в связи с предстоявшим учреждением Союза ССР, тяжело больной Ленин отправил товарищам по партии через своего секретаря «М.В.» (В.М. Молотова) несколько записок на тему «О национальностях и автономизации», в одной из которых, 31 декабря 1922 г., он начертал:

«Я уже писал в своих произведениях по национальному вопросу, что никуда не годится абстрактная постановка вопроса о национализме вообще. Необходимо отличать национализм нации угнетающей и национализм нации угнетенной, национализм большой нации и национализм нации маленькой. По отношению ко второму национализму почти всегда в исторической практике мы, националы большой нации, оказываемся виноватыми в бесконечном количестве насилия, и даже больше того — незаметно для

¹ *Ильин И.А. О русском национализме: сборник статей. М.: Российский фонд культуры, 2007. С. 67.*

себя совершаем бесконечное количество насилий и оскорблений, — стоит только припомнить мои волжские воспоминания о том, как у нас третируют инородцев, как поляка не называют иначе, как “полячишкой”, как татарина не высмеивают иначе, как “князь”, украинца иначе, как “хохол”, грузина и других кавказских инородцев — как “кавказский человек”.

Поэтому интернационализм со стороны угнетающей или так называемой “великой” нации (хотя великой только своими насилиями, великой только так, как велик держиморда) должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большой, то неравенство, которое складывается в жизни фактически. Кто не понял этого, тот не понял действительно пролетарского отношения к национальному вопросу, тот остался, в сущности, на точке зрения мелкобуржуазной и поэтому не может не скатываться ежеминутно к буржуазной точке зрения.

Что важно для пролетария? Для пролетария не только важно, но и существенно необходимо обеспечить его максимумом доверия в пролетарской классовой борьбе со стороны инородцев. Что нужно для этого? Для этого нужно не только формальное равенство. Для этого нужно возместить так или иначе своим обращением или своими уступками по отношению к инородцу то недоверие, ту подозрительность, те обиды, которые в историческом прошлом нанесены ему правительством “великодержавной” нации. Я думаю, что для большевиков, для коммунистов разъяснить это дальше и подробно не приходится»¹.

Итак, Ленин считал, что *русский народ «велик только своими насилиями, велик только так, как велик держиморда»*. Но, описывая, как русские в обиходе «третируют инородцев», Ленин не пишет, как те же «инородцы» называли между собой русских, а там третирования было не меньше. Ленин из своих детских воспоминаний вывел целую политическую теорию о «двух национализмах», которую положил в основание создаваемого им государства. И это была еще одна мина, заложенная большевистским вождем под СССР, потому что именно поощряемый коммунистами (по заветам Ильича) национализм «малых наций», при третировании русского большинства, в конечном счете взорвал изнутри Советский Союз.

А вот другая цитата из русофобских (декабрь 1922 г.) записок Ленина по «Вопросу о национальностях и автономизации»: «Свобода выхода из союза, которой мы оправдываем себя, окажется пустой бумажкой, неспособной защитить российских инородцев от нашествия того истинно русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности, подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ. Нет сомнения, что ничтожный процент советских и советизированных рабочих будет тонуть в этом море шовинистической великорусской швали, как муха в молоке... Приняли ли мы с достаточной заботливостью меры, чтобы действительно защитить инородцев от истинно русского держиморды? Я думаю, что мы этих мер не приняли, хотя могли и должны были принять»².

По мнению Ленина, *«истинно русский человек», «типичный русский бюрократ» — это «великоросс-шовинист, подлец и насиль-*

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 45. С. 358–359.

² Там же. С. 357.

ник». Разве не таким может быть нерусский человек или нерусский бюрократ? В исторически объективном преобладании русского народа в России Ленин видел *«море шовинистической великорусской швали»*. По Ленину, наши деды, прадеды и пращурь, создававшие и заселявшие великую страну меж трех океанов, — не землепроходцы, подвижники и герои, а «море великорусской швали», заселившей просторы Евразии. Каково?! Сколько ненависти и ядовитой желчи выплеснул больной на голову большевистский вождь в адрес русских людей! Такой риторике могут позавидовать даже нынешние укронацисты¹.

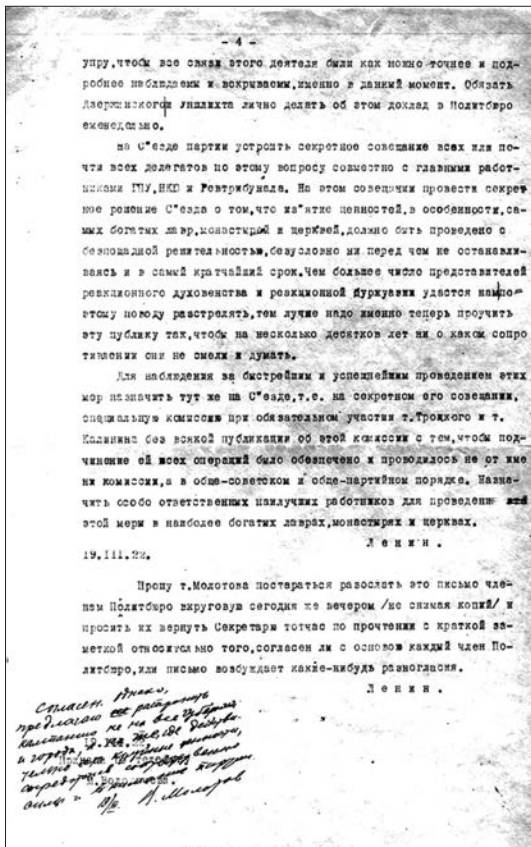
Большевики-ленинцы помнили эти заповеди вождя. На них базировалась русофобская политика «коренизации», которую в 1920-е — начале 1930-х годов проводило во всех «национальных» республиках руководство ВКП(б), пока не поняло, что, по сути, это политика антисоветская, так как порождает местечковый национализм, сепаратизм и антисоветизм. С «коренизацией» было покончено. Но за десять лет большевики вырастили армию «красных националистов», с которой ничего не могли поделаться. Соответственно вели себя большевики в отношении Советской России.

Падчерица в «братской» семье народов

При объявленном равенстве союзных республик РСФСР была самой бесправной из них. Она не имела своей компартии, хотя у всех «братских» республик они были. У союзных республик были свои наркоматы (потом министерства) внутренних дел. У РСФСР его не было, исключая короткие периоды в 1920-е гг. и при Н.С. Хрущеве; это ведомство воссоздали лишь в 1989 году. То же касается Генпрокуратуры и КГБ. Была Генеральная прокуратура СССР², КГБ СССР и союзных республик — всех, кроме РСФСР, у которой до 1991 г. своих органов госбезопасности не было. В Советской России не было Академии наук, созданной великим Ломоносовым (были АН СССР и союзных республик), не было даже Министерства культуры (его создали в 1953 г., а до того был Комитет по делам культурно-просветительских учреждений). Не было ни одной общероссийской газеты: были общесоюзные и республиканские — всех «братских» республик, кроме Российской. Первая такая газета («Советская Россия») появилась под крылом ЦК КПСС только в июле 1956 года. Даже на ВДНХ не было павильона РСФСР, хотя у других союзных республик были. Красочный павильон «Россия» открыли только в ноябре 2023 года! В советском коммунистическом проекте места для России не было, а РСФСР вовсе не была синонимом

¹ Записки В.И. Ленина по национальному вопросу, написанные в конце декабря 1922 г., были настолько одиозными, что в сталинскую эпоху их не публиковали. Впервые они были опубликованы в июне 1956 г. в журнале «Коммунист» (№ 9) вскоре после антисталинского XX съезда КПСС. Публикуя их, Н.С. Хрущев, видимо, преследовал свои политические цели.

² Прокуратура РСФСР была создана постановлением ВЦИК о прокурорском надзоре от 28 мая 1922 года. После создания Союза ССР она де-факто была поглощена Прокуратурой (потом Генпрокуратурой) СССР. Должность прокурора РСФСР существовала, но была номинальной «за спиной» союзного прокурора; временами эти должности занимал один человек. Лишь после принятия 12 июня 1990 г. «Декларации о государственном суверенитете России» была учреждена должность Генерального прокурора РСФСР. 28 февраля 1991 г. Верховный Совет РСФСР назначил на этот пост В.Г. Степанкова без участия Генпрокурора СССР.

Последняя страница письма
В.И. Ленина от 19 марта 1922 г.

лял: «На съезде партии устроить секретное совещание всех или почти всех делегатов по этому вопросу совместно с главными работниками ГПУ, НКЮ и Ревтрибунала. На этом совещании провести секретное решение съезда о том, что изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть проведено с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок. **Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше**»¹. И их расстреливали, десятками тысяч².

До середины 1930-х годов национальная политика ВКП(б) была откровенно антироссийской и антирусской. До 1935 г. дореволюционная история

исторической России, разделенной и оскопленной большевиками. Во всех советских конституциях среди народов, создававших СССР, русский народ не упоминался, хотя другие упоминались. Даже своего лидера у Советской России не было! До 1925 г. им был председатель ВЦИК М.И. Калинин, а потом он стал «всесоюзным старостой». Был председатель Совета министров РСФСР, и всё. Кто-нибудь их помнит?

Была объявлена война Русской Православной Церкви; были осквернены, разграблены и снесены тысячи церквей, соборов и монастырей. Ленин и ленинцы видели в Православии главного врага и нещадно боролись с ним. В секретном письме «для членов Политбюро» от 19 марта 1922 г., излагая в связи с ограблением церкви (под видом изъятия церковных ценностей для нужд голодающих) стратегию борьбы РКП(б) с Православием, Ленин настав-

¹ Центральный партийный архив ИМЛ при ЦК КПСС (ныне РГАСПИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 22947.

² Согласно справке, составленной для И.В. Сталина наркомом внутренних дел Н.И. Ежовым, только в период с августа по ноябрь 1937 г. было арестовано 31 359 «церковников и сектантов», из них митрополитов и епископов — 166, попов — 9116, монахов — 2173, «церковно-сектантского кулацкого актива» — 19 904. Из их числа приговорено к расстрелу 13 671 человек, из них епископов — 81, попов — 4629, монахов — 934, «церковно-сектантского кулацкого актива» — 7004. — См.: Курляндский И.А. Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.). М.: Кучково поле, 2011.

России в школах и вузах не преподавалась, а если и преподавалась, то по книгам вульгарного марксистского историка М.Н. Покровского (1868—1932), чьи книги после его смерти в СССР были запрещены. Большевики взрывали и оскверняли святыни русского народа. Главным символом этого надругательства стал взорванный в 1931 г. храм Христа Спасителя в Москве, построенный во славу победы России в Отечественной войне 1812 года. В 1932 г. коммунисты надругались над Бородинским полем, взорвав его главный монумент на батарее уроженца Киева Николая Николаевича Раевского, вместе с могилой князя Багратиона, а разлетевшиеся останки национального героя России выбросили на мусорную свалку. Энтузиасты собрали и сложили в мешочек кусочки костей генерала Багратиона, и когда в 1987 г. монумент на Бородинском поле восстановили, мешочек с костями Петра Ивановича положили в гроб. Владимирский собор в Севастополе — место захоронения прославленных русских адмиралов — превратили в авиамоторную мастерскую при ОСОАВИАХИМе, а кости захороненных в соборе героев сбросили в подвалы, где они лежали в мусоре до 1992 г., когда уже в «незалежной» Украине моряки-черноморцы с почестями перезахоронили оплеванные большевиками останки В.А. Корнилова, В.И. Истомина, П.С. Нахимова и М.П. Лазарева. А что мешало советским коммунистам сделать это?! Ничего, но они не сделали.

О русском народе большевистские вожди вспомнили в 1941 г., когда за ними пришли, и тогда вместо коминтерновской чуши зазвучали совсем другие слова. Но когда война закончилась, места в ООН для Украинской и Белорусской ССР советское руководство выбило, а про РСФСР забыло, будто Россия в войну пострадала меньше. Советская Россия пострадала не меньше, но советские вожди, боясь ее возвышения, не хотели давать ей международно-правовой статус¹. Руководство СССР всячески ослабляло историческую Россию, обрезая ее по краям, гнобя и унижая русский народ. Единственное, что большевики не смогли прибить, был русский язык, так как заменить его было нечем, хотя проект замены кириллицы на латиницу при Ленине существовал. Но преподавание русского языка в национальных республиках стало обязательным лишь после выхода в марте 1938 г. постановления ЦК ВКП(б) в связи с призывом в Красную армию большой массы мужчин, не говоривших по-русски. Призывники из национальных республик не понимали приказов командиров, не могли общаться с сослуживцами и читать уставы. Положение бросилось исправлять², но быстро это сделать не удалось, что сказалось на боеспособности Красной армии во время «финской» и Великой Отечественной войны, когда созданные в РККА «национальные» формирования проявили себя не с лучшей стороны.

¹ Главным негласным пунктом обвинения по «ленинградскому делу», сфабрикованному МГБ СССР в конце 1940-х гг. против секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецова, председателя Госплана СССР Н.А. Вознесенского, председателя Совета министров РСФСР М.И. Родионова, 1-го секретаря Ленинградского обкома и горкома партии П.С. Попкова, было обвинение в том, что они хотели отделить РСФСР от СССР и образовать некую новую Россию со столицей в Ленинграде. Обвинения были ложными, но они не на шутку испугали высшее советское руководство.

² Остроту проблемы осознали после «финской» войны 1939—1940 гг. 6 июля 1940 г. ЦК ВКП(б) обязал ЦК союзных республик обучать русскому языку мужчин, подлежащих призыву в армию, но было уже поздно.

В СССР было только две союзных республики-донора: РСФСР и Белоруссия¹. Остальные получали дотации из Москвы, нередко в пропорции 1/4 или 1/5: на 1 рубль, внесенный в общесоюзную казну, союзная республика получала из Москвы 4–5 рублей за счет доноров (прежде всего России). Такой была пропорция для республик Прибалтики, Закавказья и Средней Азии. Советская Россия нищала, а «братские» республики, их партийно-государственные элиты жирели и пестовали местный национализм и сепаратизм.

По сути, «Союз нерушимый республик свободных» жил за счет одной из них — РСФСР. По свидетельству бывшего главы советского правительства Н.И. Рыжкова, каждый третий рубль, который зарабатывали жители РСФСР, передавался в союзный центр для субсидирования других союзных республик². Национальная политика КПСС сводилась к закармливанию «братских» республик и задабриванию малых народов за счет России и русского народа. Исконно русские земли Европейской части России, самые развитые и населенные в царские времена (русская «метрополия», по определению Ленина), за годы советской власти были превращены в умирающую полупустыню, на которую без слез нельзя было смотреть. Зато Украина жила богато, разжиревшая за счет России; Прибалтика являла собой европейский оазис, а среднеазиатские краснобаи и кавказские «красные князья» купались в денежных потоках, которые текли из Москвы. Это знали и видели все советские граждане, и делали разные выводы. В русских людях такая несправедливость порождала ненависть к коммунистической власти (которую в 1991 г. народ не стал защищать), а в бывших «великорусских колониях» (по определению Ленина) нарастало желание от «нищей» России побыстрее и подальше сбежать.

Способствовала тому и лукавая советская статистика. По ней энергетика была общесоюзной, а энергоресурсы Россия поставляла «братским» республикам по символическим ценам; все остальное учитывалось за республиками по реальным ценам. В итоге, по балансам получалось, что та же Прибалтика, но прежде всего Украина, кормила «нищую Россию». Это создавало ложное представление об экономическом положении страны и рождало национальный сепаратизм. А когда СССР распался, то выяснилось, что без российских энергоресурсов та же Украина прожить не может. Из Сибири на запад шли магистральные газопроводы, за счет которых газифицировалась Европа, советская Прибалтика, Белоруссия и Украина, а обнищавшие русские города и села стояли (и еще стоят!) негазифицированными, как бедные сироты. Советские руководители полагали, что такой политикой они скрепляют Советский Союз, хотя на самом деле они его разъединяли.

Коммунисты-ленинцы превратили РСФСР в дойную корову, кормившую себе в ущерб «братские» союзные республики, «братские» страны социализма и всех прочих «братьев». РСФСР была самой большой, но самой бесправной и обездоленной союзной республикой. Внутри Союза правящая компартия делала ставку на развитие национальных окраин и автономий в ущерб «русской» России. Такая национальная политика по дискриминации и ослаблению России и русского народа, который веками был становым

¹ Если посчитать энергетику по реальным ценам, то донором был нефтяной Азербайджан. Но по лукавой советской статистике республикой-донором была Белоруссия, а Азербайджан получал субсидии из Москвы.

² См. цикл документальных фильмов «СССР. Империя наоборот».

хребтом российского государства во всех его ипостасях, была безумием, особенно при национально-территориальном устройстве страны и праве «братских» республик на свободный выход из нее. В итоге, такая политика ослабила и отвернула от КПСС русский народ, которому надоело быть дойной коровой в советском загоне. В РСФСР возобладали сепаратистские настроения, которые канализировало руководство республики, решившее поставить под свой контроль финансовые ресурсы Союза, которые союзное руководство распределяло по своему усмотрению, финансируя Россию по остаточному принципу. Именно это, вкупе со стагнацией советской экономики, ростом националистических настроений в республиках, предательством страны ее руководством и провалом путча ГКЧП, привело к распаду СССР; внешние факторы были второстепенными. А подвела крупнейшую союзную республику к провозглашению суверенитета национальная политика КПСС, исходившая из идеологии ленинизма.

Следуя ленинской доктрине «деколонизации России», коммунистическая партия и советское государство подавляли русское национальное самосознание, одновременно укрепляя в союзных и автономных республиках национальные государственные институты, национальные элиты и интеллигенцию, возвращая там «буржуазный» национализм и сепаратизм, который ширился, углублялся и, в конце концов, слившись с правом союзных республик на самоопределение, разнес Советский Союз на куски.

Юридически, созданный по ленинской парадигме Советский Союз представлял собой рыхлую конфедерацию из сонма национально-государственных образований с прослойкой «русских» краев и областей, скрепленную догматической идеологией, властью одной партии, культом вождей, пропагандой и всесилием карательных органов. А по сути, советское государство являло собой инкубатор по выращиванию политических наций и национальных государств. Отрекаясь от старого мира и исторической России, большевики выращивали на пространствах Российской Империи сонм квазигосударств, превращая имперскую Россию в лоскутную Европу.

Коммунистическая партократия сознательно отрывала от исторической России исконные территории, стремясь по заветам Ленина уничтожить ее имперскую природу, а с ней и саму Россию. Ведь многонациональная и поликонфессиональная Россия может существовать **только как имперское образование**, или она не будет существовать вообще. Сейчас это стали понимать. Выступая 18 марта 2021 г. по случаю седьмой годовщины воссоединения Крыма и Севастополя с Россией, Президент Российской Федерации В.В. Путин сказал: «В 20-е годы прошлого века большевики, формируя Советский Союз, по каким-то причинам, непонятым до сих пор, передали значительные территории, геополитические пространства в адрес квазигосударственных образований. А потом, развалившись сами, развалив свою партию изнутри, развалив Советский Союз, привели к тому, что Россия утратила колоссальные территории и геополитические пространства»¹. Очень правильные слова нашего Президента.

18.12.2025 г.

¹ Цит. по: Булкина Е. Путин: «Возвращение Крыма — это не только восстановление исторической справедливости». <https://vz.ru/news/2021/3/18/1090169.html>.

Виталий АВЕРЬЯНОВ

О СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ПРОЧНОСТИ РОССИИ

Виталий Владимирович Аверьянов — родился в Московской области в 1973 г. Доктор философских наук, писатель, поэт, публицист, один из учредителей Изборского клуба. Создатель новой теории культурной традиции, исследователь многих междисциплинарных научных проблем и организатор экспертных команд, создавших, в частности, «Русскую доктрину» (2005), труды Института динамического консерватизма, доклады Изборского клуба и др. Автор более 10 книг, а также более 20 коллективных монографий, в которых выступил в качестве автора-составителя. Как поэт и автор песен выпустил 1 сольный и 5 аранжированных дисков («часов песен»), а также более 20 видеоклипов.
Живет в Москве.

За истекшие годы Россия сделала целый ряд шагов, приближающих ее к той самой «цивилизационной идентичности», о которой идет речь. Поэтому сегодня имеет смысл говорить о «гражданской идентичности» именно в контексте «цивилизационной идентичности», и это само по себе дает ответы на многие сложные вопросы. Вне контекста цивилизационной идентичности идентичность гражданская перетягивает на себя многие смыслы и функции, которые ей, в общем-то, не свойственны по ее природе. В случае России, как и в случае других государств-цивилизаций (таких, как Китай или Иран), гражданская идентичность обретает свое более скромное место, встраиваясь в цивилизационную идентичность как ее часть. И тогда в отношении национального вопроса можно сразу снять массу претензий, которые звучат со стороны разного рода националистов и сторонников этнокультурной автономии.

Цивилизационная идентичность — это ни в коей мере не сумма национальных идентичностей. Это новое качество, которое возникает поверх их. Цивилизационная идентичность — это кумулятивный эффект, когда различные этнокультурные группы, религиозные группы соединяются и работают в общем историческом проекте. В результате происходит выработка нового антропотипа, превосходящего этнокультурный уровень.

Россия всегда, начиная по крайней мере с XVI в., представляет

Впервые опубликовано в сокращенном виде: Государство. 2026. № 4. С. 24–30. В «Родной Ладого» печатается в полной авторской редакции.

собой «многослойный пирог идентичности» — *многоуровневую идентичность*, в которой есть и «малая родина» (если смотреть на нее со стороны и на дистанции от самого места — это «землячество»), есть и «этническая идентичность» (которая иногда совпадает с региональной, иногда не до конца совпадает с ней), есть «религиозная идентичность» (которая, как правило, имеет сквозной характер). Каждый из этих уровней таит в себе определенные риски и вызовы. Например, в случае религиозной идентичности — это какой-то прозелитизм, в случае этнической идентичности — попытки ассимилировать те или иные этносы, в случае с «малой родиной» — это отлучение от традиционного места проживания, вырывание тех или иных групп и перемещение их в другие регионы, что нередко бывало в истории.

Уровень цивилизационной идентичности как таковой — это верхний пласт внутри этого многослойного комплекса, который обеспечивает единство всей конструкции, скрепляет ее сверху. Для России характерно, что он, как правило, не посягал на другие ее уровни, стремится их не искажать. Более того, как правило, этот уровень представляет собой гарант неразмыывания нижних по отношению к нему уровней, обеспечивает их сбережение. В этом смысле цивилизация у нас не конструирует каких-то денационализированных «общечеловеков», а констатирует, что человек ценен именно как носитель своей культуры, при том что он может быть и должен быть патриотом большого Отечества. Но он ценен и как носитель своеобразной племенной, родовой принадлежности, культурной, региональной, религиозной и так далее. Другое дело, что, поднимаясь в своей карьере, в качестве служащего, интеллигента, предпринимателя, политика и т.д., — он все в большей мере становится носителем общецивилизационного начала. Становясь в этом плане «русским», он остается «туземцем», и при этом обогащается как личность через верхний этаж идентичности¹.

Задача государства-цивилизации в данном случае — это снятие конфликта между разными уровнями, которые, конечно же, возникают время от времени. Второй существенный момент — в истории России вырабатывается некая форма фиксации этого цивилизационного уровня как политической лояльности. У нас был чрезвычайно удачный опыт, который, я считаю, сегодня нужно переосмыслить и как-то перевести на современный язык — это мифологема «Белого Царя». Ниже я остановлюсь на данной мифологеме, как и насколько она хорошо легла на формирование цивилизационной идентичности. Позднее у нас был другой опыт политической фиксации цивилизационного начала, когда Партия выполняла эту роль, роль царя до революции.

Безусловно, были случаи, когда происходили разрывы или провалы в этой цивилизационной идентичности, например, двойная лояльность масонского типа у декабристов, Коминтерн после революции, западники-транснационалы 90-х годов. Сейчас мы находимся в поиске нового политического фокуса. Он у нас еще не институционализировался в достаточной мере. Вероятно, это будет уже не Царь, это будет уже не Партия, но поиск идет и будет идти в сходном направлении. Это вопрос, который я задаю всем нам, потому что у меня готового ответа нет.

¹ Ранее данный подход был представлен в разработках: *Аверьянов В. Эскиз оптимальной модели национальной политики в России. Доклад Изборскому клубу // Изборский клуб. 2016. № 10; Доктрина Русского мира / Сост. В.В. Аверьянов. М.: Книжный мир, 2016.*

Император Николай II принимает подношение от группы грузин, 1912 г.

Русский мир

Когда мы говорим о России-цивилизации, России как цивилизации, слово «цивилизация» на бытовом уровне воспринимается как что-то научно-образное. У него есть простой эквивалент, в этом смысле вполне удачный, вошедший в обиход в последнее время, — это Русский мир. Я сторонник того, чтобы не оставлять это словосочетание, эту парадигму, а использовать ее в том числе и в пропагандистских целях. Почему это так?

Потому что, в значительной мере, Русский мир продемонстрировал неколонизационный тип освоения пространства. *На карте России можно обозначить своеобразный «русский клин», который вторгается в глубину Евразии и постепенно сужается по мере его продвижения к Тихому океану, заостряясь где-то в районе Сахалина и Курильских островов.* Этот клин — территории традиционно компактного проживания этнически русских.

Почему получился такой клин, почему не пропорционально расселились? До XX в. все народы Евразии, включая великороссов, жили общинами, солидарными группами. Во времена Российской империи существовал определенный запрет русским переселенцам самовольно селиться на землях во владениях инородцев. Только по согласованию с обществом можно было там селиться. В этом плане Русь переступила через свой эгоизм, эгоизм своей локальной цивилизации, и сумела стать чем-то гораздо большим, чем один из многих народов, — стать осью, на которую нанизываются кольца других этносов.

Русский мир объединил огромное пространство, разнообразное, мозаичное. Но, несмотря на его многообразие, это пространство воспринимается и как целостность, как определенная геоисторическая ниша для одной цивилизации.

лизации. Известная школа евразийцев в первой половине XX в. показала, что это пространство имеет явные признаки целостности и свои внутренние закономерности развития. Как писал об этом поэт Велимир Хлебников, Россия «сменой тундр, тайги, степей похожа на один божественно звучащий стих». Евразийцы-ученые (в частности, П. Савицкий) это показали на целом ряде эмпирических фактов: это и флагоподобное расположение России как совокупности ее природных зон, и климатические законы. Сюда же следует отнести и своеобразное единство истории, закон приливов и отливов, интеграции и дезинтеграции северно-евразийской ойкумены. Об этом убедительно писал Г. Вернадский. Субъектами этих волн выступали в разные эпохи держава скифов, гуннская держава, тюркские каганаты, монгольская империя. Наконец, эту эстафету подхватила Россия, СССР. И в этом смысле Россия не первая из интеграторов данного пространства. Но мы не скифы и не гунны. Поэтому сказать, что Россия это Северная Евразия — это правильно, но это слишком широкое определение для нашей цивилизации. Все-таки именно личное имя России должно стоять у нас на первом месте. Цивилизация наша — прежде всего Россия, Русский мир, а уже потом к этому личному имени можно добавлять географические характеристики. Но добавлять их все-таки нужно. Во всяком случае, сегодня, когда функционирует Евразийский экономический союз, понятно, что эта парадигма успешно работает.

Понятие «Русский мир» в его концептуальном значении вошло в научный дискурс вовсе не в 90-е годы. Первым всерьез заговорил об этом Петр Савицкий, один из отцов-основателей евразийства. И он прямо отождествлял Русский мир с ведущей силой Северной Евразии. Вслед за ним другие евразийцы первого поколения часто употребляли эти понятия как синонимы (Русский мир, Россия — и Евразия, Северная Евразия).

Как мы определяем Русский мир? Это живая энергия русской цивилизации. В физике «энергия» и «работа» — это близкие понятия. Работа Русского мира как раз является во многом евразийской. Гравитация Русского мира как мир-системы, как традиции-цивилизации достаточно сложна. Без евразийского вектора Русский мир был бы обречен на ту или иную форму этнокультурного изоляционизма. Но, с другой стороны, и без Русского мира евразийская общность представляла бы собой в последние 700 лет пустое множество.

При этом славянский и православный миры в своем «самостоянии» выталкивают из общего поля иноэтнические и инорелигиозные компоненты. А Русский мир как цивилизационное единство позволяет на своем поле как славянской общности, так и православной общности вступать в конструктивные, гармоничные взаимоотношения с другими народами и традициями. То есть возникает «евразийское пространство комплиментарности». *Русский мир делает важные для него миры союзниками, а не конкурентами.*

«Большое видится на расстоянии», поэтому первыми заметили эти уникальные свойства России нерусские мыслители. Немецкий писатель Вальтер Шубарт сумел обобщить многие феномены и многие концептуальные осмысления русской истории через понятие «иоанновский человек», «иоанновский тип культуры». Так он называл особую русскую уживчивость, ее способность к мирной колонизации, к гармоничной «включительности» (понятие, употреблявшееся Д. Менделеевым). В некотором роде это было

Гравитация русского мира

возведение на более высокую степень идеи Достоевского о «всечеловечности» и «всемирной отзывчивости» пушкинского типа культуры. Эту идею «иоанновского типа» подхватили русские философы, и после Шубарта она уже стала у нас очень распространенной.

В то же время не стоит идеализировать эти черты, потому что в русской истории, конечно, бывало всякое, бывали и жесткие конфликты, и явные исключения из правил. Были и случаи, когда целые народы мигрировали, покидая пределы России. Дауры, например, в XVII в. ушли в Китай, поскольку не желали платить дань двум империям. В XVIII в. значительная часть калмыков ушла в Китай. Причем произошло это под воздействием довольно активной работы цинского Пекина, стремившегося заселять свои пространства, решить джунгарский вопрос и т.д. И когда калмыки собирались уйти в Китай, их уговаривали, царские генералы приезжали и просили остаться. Примеров, противоположных даурскому и калмыцкому, гораздо больше. Я не буду сейчас их перечислять. Один лишь пример — тунгусы, они же эвенки, которые заключили союз с Россией, а не с Китаем, и тем самым обеспечили огромные пространства под руку русского государя.

Но есть и другой тип конфликта, который связан с так называемым «ясырем» — это когда целые этносы исторически отождествили себя с системой работорговли, захватом и продажей невольников. Это наиболее трагические страницы в истории России и ее народов, в частности, Ногайской орды, крымских татар, народов черкесского, адыгского корня. Проблема заключалась в том, что это были несовместимые уклады — уклад Российской империи и уклад торговли рабами, связанный с Турцией и средиземноморским рынком. В некоторые годы угон из России пленников и продажи их на этих рынках достигали астрономических цифр. Политическими средствами, как сейчас сказали бы, договориться с крымским ханом или черкесскими князьями не получалось. Оставался один выход — вырвать этот уклад из места его укоренения, перенести его на другое место.

*Немецкий философ-русифил Вальтер Шубарт (1897–1942)
и его главная книга «Европа и душа Востока» (1938)*

И здесь важно подчеркнуть: никто из депортируемых народов в ту эпоху не вытеснялся за рубеж, никого специально не выселяли. Тот же Суворов, когда начиналась война с ногайцами, не призывал их уходить за границу, он предлагал присягнуть государю. При этом Потемкин готовил для них новые территории проживания в районе Тамбова, Саратова и в других областях России.

Прагматичной в целом была и политика Сталина и Берии по перемещению народов в 40-е годы. Массовые переселения тогда были ответом на риск немецкого контрнаступления и рецидивов коллаборационизма — перемещались не только потенциальные боевики, пронемецкие или протурецкие, а сама питательная среда, как тогда это называли — «укрывательско-пособническая база» сопротивления. Политика эта была весьма жестока и сопряжена с огромными издержками. Однако примером и своего рода образцом для бериевских депортаций послужили депортации, проводившиеся еще в Первую мировую войну, хотя они менее известны, о них меньше говорят.

Хочу подчеркнуть: такого рода процессы, связанные с массовыми переселениями и выселениями, были скорее исключением в нашей истории, чем правилом.

Пять исторических моделей

В России мы видим на сегодняшний день пять состоявшихся моделей цивилизационной идентичности, сменявших друг друга: политико-мифологическая модель («Белый Царь»), правовая имперская модель (классическая Российская империя), ленинская модель (плацдарм для торжества ин-

тернационала), зрелая советская модель («старший брат» и создание новой советской общности) и ранняя постсоветская (либеральная конструктивистская) модель. От последней модели мы постепенно все больше и больше уходим, и сейчас встает вопрос о том, какой будет новая модель.

Как я обещал, несколько слов о «Белом Царе». Это оказалось чрезвычайно эффективной мифологемой, потому что здесь совпали многие коды, традиции и пророчества разных племен Евразии. Среди них — алтайцы, хакасы, тувинцы, многие монгольские народы. Буддисты в XVIII в. признали государыню Екатерину Великую воплощением «Белой Тары», и затем это признание работало уже в отношении всех петербургских монархов. Идея «Белого Царя» органично легла на сознание этих народов и вызвала у них доверие. Я думаю, глубина этой мифологемы не сводится к XVI—XVII вв., скорее всего, она уходит в более древние века. И на том этапе развития мифологема «Белого Царя» заменяла собой еще не сложившиеся представления об общей судьбе, как бы обещала эту судьбу в будущем.

На практике модель строилась на основе шерты (то есть присяги неполного подчинения, вассалитета) и ясака (определенной формы налогообложения). При этом Русское государство выступало в роли третейского судьи, и надо признать, что его продвижение на Восток де-факто прекратило междоусобные войны на территории Северной Евразии. Определенная забота проявлялась в течение этих веков о коренных малочисленных народах: запрещалась, например, продажа вина и водки, хотя контрабандой, конечно, они все равно просачивались; со временем была организована система медицинской помощи, прививание от оспы и т.д.

Парадигма петербургской империи — это переход уже от религиозно-мифологического формата к правовому. Очень интересно изучать в этом плане Свод законов Российской империи, потому что в нем масса поучительных статей и положений, которые показывают, насколько дифференцированным, гибким и терпимым был подход власти к местным особенностям, насколько широко допускалось правовое разнообразие «русских подданных», как тогда это называлось.

Грубо говоря, империя состояла из нескольких крупных укладов. Было 49 стержневых губерний Центральной России и Урала. Это были не только этнически русские губернии, но скорее православные губернии — те области, где многие жители успели воцерковиться. Это в том числе такие народы, как чуваша, удмурты, марийцы. Русификация в ту эпоху происходила не через этническое самосознание, а через веру. Вместе с верой похожим образом формировался и социально-культурный уклад этих этносов.

Особым статусом обладал ряд территорий, пользовавшихся правами политической автономии (Польша, Финляндия, Хива, Бухара и др.). Еще одним крупным типом внутри сообщества русских подданных были кочевые народы, оседлость которых была непостоянной, а сезонной. Были, наконец, и так называемые «бродячие инородцы», которые оседлыми не являлись в принципе. Закон империи выделял в пользование для них целые полосы земли, по которым они могли двигаться свободно, так, чтобы при этом не мешать никому другому.

Была выстроена достаточно продуманная система, в том числе система льгот, родовых управлений, инородных управ, степных дум, старост, специальный институт попечителей. Даже были специальные кадетские корпуса для местных элит. Примечательно то, что должности туземных

властей на разных уровнях управления были, как правило, выборными. И, в результате, произошло сближение таких институтов, как юрта и русская община. Юрта приобрела многие черты русской общины, происходило их взаимопроникновение, а значит, и вырабатывался единый цивилизационный код Русского мира.

Ленинская модель радикально отличалась от имперской, при этом Ленин решал задачу максимально сохранить пространство бывшей империи. Приведу цитату, которая показывает, что Ленин особое внимание уделял перспективе создания Соединенных Штатов Европы и Азии, как это тогда называлось в документах: *«Было бы непростительным оппортунизмом, если бы мы накануне этого выступления Востока и в начале его пробуждения подрывали свой авторитет среди него малейшей хотя бы грубостью и несправедливостью по отношению к нашим собственным инородцам»*. Отсюда и жесткий подход к великорусскому шовинизму, к «русскому чиновнику-держиморде», причем Ленин обнаружил эти пороки внутри самой партии, прежде всего, в лице Сталина, Дзержинского и Орджоникидзе, что звучит довольно забавно, но это было именно так.

Ленин выступил создателем мягкого федерализма и конфедерации республик. Однако при этом редко упоминают, что он не был сторонником федеративного начала, он был сторонником унитарного государства, но признавал необходимость пойти на такое либеральное отношение к «националам» ради сохранения большого СССР. Сохранить большую часть имперского наследия удалось в эпоху гражданской войны с большим трудом. Известны неоднократно повторяемые Лениным мысли о федерализме: *«Мы, безусловно, при прочих равных условиях, за централизацию и против мешанского идеала федеративных отношений»*. И это не помешало ему заложить под СССР ту самую «мину замедленного действия», которая взорвалась в 1991 году. Причина того — ставка на мировую революцию, рассмотрение России как ее плацдарма, а не самостоятельной цивилизации. *Россию Ленин и Троцкий трактовали как периферию цивилизации, которая восстала против центра.*

Зрелая советская модель, которая начала утверждаться где-то с середины 30-х, существенно изменила подход: от служебного плацдарма — к де-факто цивилизационному подходу. СССР с сателлитами рассматривался Сталиным как цивилизационный лидер человечества, очаг прогресса. В плане практической политики эта модель реализовывалась через концентрацию полномочий союзными структурами и безоговорочную диктатуру партии, внутри которой сложились жесткие иерархические отношения. С середины 30-х гг. останавливается коренизация кадров, восстанавливается статус русского языка и кириллицы. Однако при Хрущеве проходит вторая волна коренизации и культивирования республиканских суверенитетов.

Ранняя постсоветская модель, о которой много говорить не надо, потому что мы все ее с вами видели воочию, знаем, как она устроена, — безусловно, это не что-то законченное, это скорее процесс эволюции прежней РСФСР, ее встраивания в глобальные структуры. В этот период *Россия де-факто понималась как нечто промежуточное и избыточное, некая временная станция по пути следования в глобализацию*, в мир полной свободы для капитала. Сегодня мы все больше отходим от так называемой конструктивистской школы, которая в 90-е гг. была у нас в этом плане

доминирующей объяснительной моделью. Момент перехода связан с тем самым парадом суверенитетов, о котором сегодня шла речь, с разгулом сепаратистских настроений, в том числе с чеченскими войнами, когда пришлось предпринимать сверхусилия, чтобы это состояние преодолеть. Этот момент был обозначен президентом Путиным в 2000 г., когда он заявил: «У нас создано децентрализованное государство, децентрализованная федерация».

Какова же будет новая модель? Я склонен определять ее как «неоимперская система». Вообще в науке за последние 15–20 лет слово «империя» перестало быть негативом. Т.е. уже совершенно по-другому сейчас относятся к нему везде — и на Западе, и на Востоке. И дело здесь не во внешней имперской символике, не в «горностаевых мантиях» или наследственной монархии, а в том самом дифференцированном подходе, выгодно отличающемся от унифицирующего конструктивистского подхода. Должна быть найдена современная форма этнокультурной правосубъектности, тем более что, как мы понимаем, сегодня все меньше мы имеем дело с общинами компактного проживания, а практически все этносы все больше и больше дисперсно расплываются по большому пространству цивилизации.

Остаться миром в этом мире

Верхний этаж идентичности формируется благодаря множеству факторов, перечислю некоторые из них:

- язык;
- письменность;
- местная культура в балансе с общегосударственной;
- образование;
- воинская повинность и налогообложение;
- льготы и привилегии;
- религиозные свободы и духовное взаимодействие;
- рекрутирование местных элит;
- формирование общероссийской элиты.

Скажу лишь несколько слов о языке и письменности. Когда говорят о русификации, здесь имеет место парадокс: дело в том, что в Российской империи какой-то насильственной русификации не было даже в плане языка. Реальная русификация большинства населения исторической России произошла уже в СССР в соответствии с Постановлением ЦК от 1938 г. «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». И, несмотря на это, к 1970 г. у нас только 42% казахов, 19% киргизов, 15% узбеков владело свободно русским языком. Эта пресловутая «русификация» — длительный исторический процесс, который нельзя назвать завершенным и сейчас, внутри нынешних границ России, не говоря уже о большой исторической России.

Другой момент — кириллица. В 1920-е гг. у нас пытались отменить кириллицу, латинизировать все алфавиты, потом от этого отказались. Это тоже маркер цивилизационной идентичности. Момент отказа от попыток встроить всю Россию в глобальный процесс мировой революции означал возвращение к кириллице. Кстати, сходные разговоры о латинизации русской культуры и письменности велись и в 90-е годы. Кириллицу воспри-

нимали как барьер на пути все той же глобализации, в «дружелюбные» объятия которой РФ тогда так стремилась.

Если обобщить *риски, которые стоят перед Россией* в этом плане, я бы выделил *три главных фактора*. Это, во-первых, двойная лояльность национальных автономий, во-вторых, провокационный «уменьшительный» и «упростительный» национализм и, в-третьих, представление о России как части глобального мира, предназначенной в конечном счете к абсорбции этим миром.

Мы часто слышим такой тезис, что многообразие России — это ее сила. Но давайте будем откровенны: многообразие может и не быть силой. Это зависит от того, как отбирается «материал» для работы с цивилизационной прочностью страны, как осуществляется работа с этим материалом. Отец нашего великого поэта Александр Львович Блок был правовед. Он применял в отношении национального вопроса такой термин из области металлургии — «лигатура», когда целенаправленно осуществляется примесь к мягкому, благородному металлу. К нему что-то добавляется, и он становится более твердым, более ковким, более износоустойчивым. Но можно в этом деле ошибиться и добавить не тот металл или не в той пропорции, и тогда сплав окажется, наоборот, недостаточно сопротивляющимся внешним воздействиям.

Поэтому определяющим является вопрос о том, доминирует у нас *понижающий или повышающий вектор модели цивилизационной идентичности*. К понижающему вектору я бы отнес такие позиции, как либеральный национализм, концепция «острова Россия», сведение миссии человека в России к потреблению или торговле, поскольку такого рода миссия «растворяет» человека во внешнем пространстве, делает его атомом в космополитическом контексте. Повышающий же вектор — это общее дело, это развитие цивилизации, это способность пойти на жертвы, это усложнение идентичности, ее наращивание и взаимное обогащение через взаимопроникновение всех ее уровней.

И здесь, конечно, встает во весь рост вопрос о российском федерализме, который является нетипичным. В истории немного случаев, когда федеративные отношения создавались на пространстве бывшей империи путем «расчерчивания» этого пространства и выделения в нем национальных сегментов, новых республик, фактически «государств в государстве». Я обычно привожу в этой связи *метафору стеклореза*. Если провести линии по стеклу алмазным резцом, не разрезая его до конца, то это стекло может даже функционировать какое-то время, пока кто-то точно не надавит на определенное место. И тогда это стекло будет аккуратно разъято на части. Собственно, это и происходило с нашей страной, причем не только в 1991 году. Это происходило и в 1917 г., когда Финляндия отделилась, Польша отделилась. Вот этот, как некоторые блогеры называют, «брестско-беловежский синдром» остается очень важным вызовом для нас.

Причем степень либеральности империи к своим окраинам, к этим федеративным образованиям зачастую лишь усугубляла положение. Так, на примере Финляндии можно судить о деструктивном и опасном характере понижающего вектора в плане созидания цивилизационной идентичности. Благодаря политике Александра I с его невероятной терпимостью к местным вольностям 90 лет в Финляндии русский язык не преподавался в

школе, не был языком делопроизводства. Законы монарха должны были утверждаться местным сеймом. В Финляндии были свои, отдельные вооруженные силы, а в императорской армии финны не служили. И когда в последние годы XIX в. государь Николай попытался исправить эти перекосы, возвращая Финляндию в лоно большой цивилизации, революционно настроенные финны восприняли это как «реакцию» и агрессивную «русификацию». Генерал-губернатор Бобриков был застрелен террористом, а финны массово стали вливаться в радикальные партии, нацеленные на свержение самодержавия.

Есть и обратная тенденция, иная логика, которая связана с уже укorenившейся у нас за последние сто с лишним лет методологией экономического районирования (начало ей было положено Арсеньевым, Семеновым-Тянь-Шанским, Менделеевым и др.). Именно по ее лекалам работал Госплан, ГОЭЛРО осуществлялось, пятилетки осуществлялись. Суть этой тенденции — игнорирование границ этнокультурных и религиозных ареалов при формировании крупных единиц административного и экономического управления.

Приведу такой факт полуполюгендарный, но, похоже, это правда. Об этом рассказывал Аркадий Вольский: когда Андропов занял место генсека, он поручил Вольскому разработать модель отказа от федерализма, опираясь при этом на экономико-географическое районирование. Задание было выполнено, но в связи со смертью Андропова с повестки вопрос этот исчез. Тогда речь шла о 41 штате, из которых должен был бы состоять Советский Союз. И при этом, по выражению Андропова, как Вольский передает в интервью, национальное начало в конкретном регионе «гасилось». Вероятно, еще на посту главы КГБ Андропов получал достаточно информации о настроениях в местных элитах СССР, а также от внешней разведки — о проекте Бжезинского и других подобных разработках противника.

Некоторые пытаются парировать, утверждая, что федерализм не является слабым местом, что и унитарное государство Российской империи тоже развалилось. Но это не совсем правильно. Дело в том, что унитарное государство как раз разваливалось по границам тех земель, которые обладали признаками автономности, имели федеративные черты и мощные традиции политического самоуправления.

В заключение скажу, что, кроме идеи интернационализма и национализма, есть еще такая интересная идея — супранационализм. Ее разрабатывал Фаддей Зелинский. К ней бы надо присмотреться. Приведу одну цитату из Зелинского, чтобы передать дух этой идеи: *«Интернационал есть оскудение, есть убожество. Супранационал сводится не к оскудению, а наоборот — к обогащению нашей личности. Не убогий в своей бескачественности “междучеловек” — а великодушный, великосердый, все народы обнимающий общим покровом понимания и любви всечеловек...»*¹ Эта идея является существенным дальнейшим шагом по отношению как раз к идее Достоевского о всечеловечности. И она дает, по мнению Зелинского, ответ на то, как можно заставить национальную проблему потерять свою мучительную остроту, если проводить политику в соответствии с таким принципом.

¹ *Зелинский Ф.* Национализм, интернационализм и супранационализм // Наш век. 1918. № 111.

Но здесь важно понимать, что та же федеративная реформа у нас всегда осуществлялась во время ослабления государства. А ее надо осуществлять в тот момент, когда государство сильное, потому что только это даст возможность устроить государство не в угоду интересам местных этнократий, или региональных кланов, а исходя из здравого смысла, исходя из ценности цивилизации как общего дела и развития, из перспективы ее будущего, ради обеспечения которого необходима высокая цивилизационная прочность всей системы.

Таким образом, повышающий вектор заключается в том, что каждый уровень идентичности максимально углубляется; нет предела культурному, духовному самоуглублению, развитию своеобразия. Но при этом политический уровень идентичности остается за Россией как государством-цивилизацией. Он не подлежит какому-либо переделу и какому-либо торгу.

В конечном счете, цивилизационная идентичность — это универсальное понятие, она связана с *определенной альтернативой глобализации, опытом своего рода «глобализации», но на собственной территории.*

В конце уже советской эпохи мы могли ощутить, что такое цивилизационный уровень идентичности, который дает ответы на все вызовы и вопросы бытия, демонстрирует свойства универсальности. В чем это выражалось? Я как ученый могу сказать, что в конце XX в., скажем, по состоянию на 1990-й год, на русском языке можно было овладеть всем научным, культурным тезаурусом человечества на высочайшем уровне. Хорошо образованный специалист позднесоветского образца, приобретший дополнительные знания, которые были ограничены в СССР (а тогда был бум публикаций из спецхранов, активно печаталось все, что ранее было недоступно по идеологическим и цензурным причинам), — это тот самый «всечеловек», впитавший самое ценное мировое знание. А учитывая, что у нас была первоклассная переводческая школа, которая была способна проникать в художественные, религиозные творения других народов и культур, это действительно создавало русский культурный фонд сильнее того, что формировалось на английском языке. Иными словами, то, что мы тогда уже имели, мы недостаточно ценили. А теперь, к сожалению, мы за 40 лет откатились назад очень серьезно.

Это лишь пример. Но, тем не менее, он очень существенный, потому что он показывает, что цивилизационная идентичность — это тот формат, который позволяет нам в этом мире чувствовать себя центром мира в хорошем смысле слова, то есть чувствовать себя миром в этом мире и, не уступая никому в самых главных вещах, идти своим путем.

Фаддей Францевич Зелинский (1859–1944), выдающийся антиковед, филолог-классик, переводчик, культуролог, общественный деятель, профессор Санкт-Петербургского и Варшавского университетов

Точка ЗРЕНИЯ

Андрей ИЛЬНИЦКИЙ

ТРИ ИДЕИ РОССИИ

Актуальная геополитическая платформа

В рассуждениях этой статьи оттолкнемся от Франции, которая наряду с Германией и Великобританией вышла на передовые позиции в русофобии. Наблюдая фиглярские политические эскапады ее политического лидера Макрона, его же «петушинные наскоки» на Россию в контексте Украины, вспоминая бесовский шабаш открытия парижской Олимпиады, деградирующую на глазах французскую экономику, распадающуюся социальную сферу и растворяющуюся в ЕС государственность Франции, мы, тем не менее, не должны забывать, что Франция — страна великого народа с БОЛЬШОЙ историей, страна, подарившая миру выдающихся мыслителей, писателей, художников, уче-

Андрей Михайлович Ильницкий — член президиума Совета по Внешней и Оборонной политике, кандидат технических наук (1989), ст. научный сотрудник ВАК. Окончил МФТИ (Физтех), ВАГШ ВС РФ. Занимал должности: 1982–1992 — научный сотрудник ЦНИИ-26 МО СССР; 1992–2003 — один из руководителей издательств «АСТ», «Аст-пресс», «Аграф», «Вагриус»; 2006–2012 — заместитель руководителя Центрального исполнительного комитета партии «Единая Россия»; 2012–2014 — заместитель председателя Правительства Московской области по социальным коммуникациям (работе с общественностью) в составе политического блока; 2015–2024 — советник Министра обороны РФ, действительный государственный советник 3 класса, член Президиума Совета по Внешней и Оборонной политике, старший научный сотрудник Военного Университета МО РФ. Ввел в военно-политический дискурс термин «ментальная война». Автор научных трудов и публицистических статей по гуманитарным и физико-математическим проблемам. **Живет в Москве.**

ных, политиков и полководцев, страна, продуцировавшая для человечества образующие институты, идеи и технологии — в политике в том числе.

Вспомним лишь несколько из этих идей. Они пригодятся в наших рассуждениях.

Гуру политических технологий француз Жак Сегела подчеркивал: *«Люди голосуют за идею, а не за правую, левую или центристскую программу...»*¹.

Великий Виктор Гюго писал: *«В мире нет ничего более могущественного, чем идея, время которой пришло!»*².

Президент Франции Шарль де Голль утверждал: *«У меня есть идея Франции»*³.

А в чем идея России?

Порассуждаем об этом. Для этого разложим (весьма условно) ответ на три составляющие: организующую, объединяющую и геополитическую идеи.

Организирующая идея: государство

Россия — исторически и культурно сложившаяся тысячелетняя цивилизация, в основе которой сильное государство, организующее, сберегающее, развивающее Русский мир.

Русский мир — культурно-смысловой синоним нашей цивилизации — это геосоциальное и культурное пространство гораздо более масштабное, нежели территория собственно России. Но именно наше государство — базовая скрепа русского мира и нашей цивилизации.

Не будет большой натяжкой сказать, что Россия — государство-цивилизация.

В эту особую традицию государственности включены персонификация и даже определенная сакрализация власти. Русский философ Василий Розанов писал: *«Единственный порок российского государства — это его слабость. Слабое государство не есть уже государство, а его просто нет»*⁴.

История и многонациональная культура России имеют определяющее и формирующее для русской цивилизации значение. Потому история и культура, а если шире — ИДЕОЛОГИЯ — особый участок, где гибридная война Запада против России ведется предельно агрессивно и на уничтожение.

Очевидно, что Россия и Запад находятся сегодня в состоянии эскалации гибридной войны — это цивилизационное по масштабу и судьбоносное по значимости столкновение, в том числе, идеологических проектов.

Напомним, что идеология — это поле ментальной войны.

Ментальная война имеет три уровня: **ТАКТИЧЕСКИЙ, ОПЕРАТИВНЫЙ И СТРАТЕГИЧЕСКИЙ**. Подробнее по каждому:

- **ТАКТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ:** информационный — это разномастные бои за то, что люди/общество слышат и видят. Это война за формирование и контроль информационного пространства.

¹ Сегела Ж. Национальные особенности охоты за голосами: так делают президентов. М.: Вагриус, 1999. 264 с.

² Цитаты.инфо. URL: <https://citaty.info/quote/7485> (дата обращения: 06.01.2026).

³ Де Голль Ш. Военные мемуары: призыв 1940–1942. М.: АСТ; Астрель, 2003. С. 814.

⁴ Розанов В. Опавшие листья. М.: Азбука, 2023. С. 672.

- **ОПЕРАТИВНЫЙ УРОВЕНЬ:** инфо-когнитивный — это бои и сражения за то, что люди чувствуют, какими способами потребляют информацию, как они мыслят. Это война за умы отдельных людей и социальных групп, точнее — война за формирование и контроль способов познания мира, того, **КАК ЛЮДИ ЧУВСТВУЮТ МИР**.
- **СТРАТЕГИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ:** ментальный — это сражения и фронты борьбы за историю, культуру, традиции, ценности и цели людей, социальных групп и общества, за то, как и с чем люди идентифицируют себя, что ценят, куда стремятся, ради чего живут. Это война за формирование/деконструкцию идеологии и мировоззрения отдельных людей, социальных групп и общества в целом.

Стратегический уровень ментальной войны — это интеграл, накапливающий через производные и топологии тактического и оперативного уровней ментальной войны количественные изменения в объекте, приводящие в итоге к изменению природы объекта, вплоть до его уничтожения.

Идеология и мировоззрение — понятия, сходные до степени смешения. Потому здесь и далее объединим их в понятие **ИДЕОЛОГИЯ**.

Наличие национальной идеологии — базовый признак суверенности и силы государства, его смысловой состоятельности.

Идеология — это способность народа и государства к стратегическим решениям и целям, это обоснование и возможность стратегии, это программа действий. Для бездействия идеология не нужна.

Идеология — это воля, это необходимость, это прожитая история, накопленная мудрость и осознанный смысл бытия народа. Она скрепляет прошлое с будущим через настоящее.

Стереть, заместить и перезагрузить идеологию и идентичность народа, его понимание мира, оккупировать сознание людей — и не надо захватывать территорию врага.

Так работает ментальная война¹.

Ментальная сфера — информационная среда, образование и воспитание, духовные основы народа России, история и культура — является стратегической средой, защиту, суверенитет и целостность которой именно государство должно обеспечивать.

Понимание этого постепенно приходит к российским элитам. Свидетельством являются принятые институциональные и доктринальные решения: «Стратегия национальной безопасности», «Концепция внешней политики», создание Управления Президента по государственной политике в гуманитарной сфере и другое. Это все формирует и защищает пространство идей — идеологию.

Итак, зафиксировав, что особая роль и место государства — организующая идея русской цивилизации.

Объединяющая идея: патриотизм

Да, государственной идеологии де-юре нет в Конституции РФ, но на самом деле идеология существует.

¹ *Ильницкий А.М.* Ментальная война России // Военная мысль. 2021. № 8. С. 19–33.

Это — патриотизм. «У нас нет и не может быть никакой объединяющей идеи, кроме патриотизма», — указывал Президент Путин¹.

Для реализации патриотизма как созидательной и ответственной политической практики нужно сосредоточиться на нашей цивилизационной основе, стать цельными, собранными и сильными.

«Русские» — понятие духовно-политическое.

Ответственное, созидательное и образующее понимание идеологии лежит в основе русского патриотизма, как присущей осознанной принадлежности к истории, культуре и Земле Русской, как ответственности за ее настоящее и будущее.

Именно через этот ракурс выявляется русское понимание патриотизма и наше мировоззрение: «Не общность языка, а именно общность мировоззрения — общность ценностей — это основа единства русского мира. Общность мировоззренческих идей, традиций и ценностей — основа русского мира», — об этом говорил Патриарх Кирилл на Всемирном русском народном соборе в ноябре 2023 года². Кстати, украинская идентичность и украинский патриотизм — вторичны и не субъектны, ибо они «отстроены» от и на базе иного субъекта — России.

Причем отстроены именно как анти-Россия.

Самодостаточного смысла в нынешней Украине нет.

Ирония и парадокс истории в том, что и Земля Украины, включая, собственно, землю, недра, инфраструктуру, украинцам не принадлежит. Она продана киевским режимом британцам, американцам, фондам типа BlackRock, приватизирована через коррупционные схемы прозападной олигархией.

То есть украинцы, натравленные Западом на русский мир и Россию, воюют за землю, которая по факту уже не их, а чужая земля³.

Но вернемся в Россию. На сегодня, согласно социологическим замерам ВЦИОМ, 94% россиян считают себя патриотами России, 68% поддерживают СВО и 65% одобряют действия Армии России⁴. Русский патриот сегодня — тот, кто, по меткому выражению царя Петра I: «Любит Россию и ей служит»⁵.

Служение Отечеству и деятельная ответственность за Землю русскую — основа нашего патриотизма как объединяющей идеи.

Геополитическая идея: суверенитет

Выдающийся русский поэт и дипломат XIX в. Федор Иванович Тютчев утверждал: «Россия, самим фактом своего существования, отрицает

¹ Путин назвал патриотизм объединяющей россиян идеей. URL: https://moscow.er.ru/activity/news/putin-nazval-patriotizm-obedinyayushej-rossiyan-ideej_1510788 (дата обращения: 12.10.2025).

² Официальный сайт Московского Патриархата. Доклад Патриарха. URL: <https://www.patriarchia.ru/db/text/6080946.html> (дата обращения: 14.01.2026).

³ Ильницкий А.М. Цивилизационные аспекты ментальной войны // Военный академический журнал. 2024. № 1 (41). С. 5–10.

⁴ ВЦИОМ: Уровень патриотизма россиян вырос до абсолютных высот. URL: <https://rg.ru/2024/03/29/vciom-uroven-patriotizma-rossiian-vyros-do-absoliutnyh-vysot.html> (дата обращения: 10.12.2024).

⁵ Владимир Путин процитировал Петра I. URL: <https://ria.ru/20251002/putin-2045984028.html> (дата обращения: 07.07.2025).

*будущее Запада»*¹. Россия — историческое препятствие западному экспансионистскому проекту. Мы — извечная «ненормальность» и раздражающая загадка. Россия была, есть и, увы, будет для Запада иной цивилизацией, чужеродным культурно-историческим пространством.

Так было века — от походов рыцарей-крестоносцев на Русь в XIII в. во времена Александра Невского до Великой Отечественной войны 1941—1945 годов. Напомню, в 1812 г. в составе великой армии Наполеон повел в Россию практически всю Европу. Они предполагали столкнуться с франкоговорящей русской элитой, погоняющей под пушки «солдатско-крестьянское быдло», а столкнулись с русским народом и понесли колоссальные потери: в Россию зашло более 600 тысяч, а вышло — менее 100 тысяч². И сегодня Россия — цивилизационная помеха в реализации гегемонистских замыслов Запада. Тридцать лет, после развала/самороспуска СССР и объявленного окончания холодной войны, Россия пыталась «встроиться» в западный мир. Но чем шире мы открывались и шли навстречу западным «партнерам», тем более те использовали нас в своих интересах, напрочь пренебрегая нашими.

Вооруженный конфликт на территории УССР — поле спровоцированного Западом его прокси-столкновения с Россией, этап противоборства западного и российского цивилизационных проектов.

Это понимают думающие люди на Западе: об этом пишут американцы Джеффри Сакс и Джон Миршаймер, француз Эммануэль Тодд, немец Александр Рар и многие другие. Повестка подготовки к войне — войне за Новый мировой порядок (NWO — New World Order) — глубинный мейнстрим Запада³ во главе с США и примкнувшими к ним евроэлитами, которые ныне оспаривают первенство США в русофобии.

Удивительным образом эскалация смертельной русофобии евроэлит наблюдается не только у англосаксов, но и в немецком истеблишменте. Французский историк и антрополог Эммануэль Тодд в интервью 2025 г. изданию «Международная жизнь» с тревогой говорил именно об этом: *«Евроэлита сошла с ума... Самым тревожным, что я слышал в последнее время, — это заявления канцлера Германии Мерца о поставках ВСУ ракет Taugus... Лично я считаю, что русские были очень терпеливы с немцами в делах по Украине, учитывая, что во Второй мировой войне погибло от 25 до 27 миллионов советских людей... Я опасуюсь, что русские потеряют терпение и вдруг скажут немцам: ну, теперь хватит, учитывая, какова наша история, все это разрешится гораздо более жестоко»*⁴.

В России не испытывают иллюзий насчет «миротворческих» инициатив Трампов — это лишь попытка перераспределить акценты и роли в глуп-

¹ Тютчев Ф.И. Россия и Запад. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Россия_и_Запад_\(Тютчев\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Россия_и_Запад_(Тютчев)) (дата обращения: 23.11.2025).

² Отечественная война 1812 года: реальные цифры. URL: <https://www.pravmir.ru/otechestvennaya-vojna-1812-goda-realnye-cifry/> <https://www.pravmir.ru/otechestvennaya-vojna-1812-goda-realnye-cifry/> (дата обращения: 01.02.2026).

³ Ильницкий А.М. Стратегия гегемона — стратегия войны // Военная мысль. 2023. № 6. С. 18–36; Ильницкий А.М. Глубинные основы войны за гегемонию // Военный академический журнал. 2025. № 1. С. 9–16.

⁴ Эммануэль Т. Интервью журналу Международная жизнь. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/51306> (дата обращения: 23.01.2026).

бинной войне Запада с Россией, перекалдывая издержки и ответственность за все более токсичный «проект Украина как анти-Россия» на Европу¹.

Американский ВПК, который намерен обеспечивать вооружением этот и другие мировые конфликты, лишь выиграет от этого.

«Война — это некая акция, благодаря которой люди, которые не знают друг друга, друг друга убивают ради славы и выгоды людей, которые знают друг друга и друг друга не убивают...», писал в XIX в. французский поэт и философ Поль Валери².

Получится ли сформировать новый мировой порядок или все-таки на годы образуется мировой гоббсовский геополитический хаос, где каждый будет выживать как может — мы достаточно скоро увидим. В любом случае, Россия должна исходить из своих национальных интересов, опираться на собственные ресурсы и технологии, сберечь многонациональный народ русский, укреплять государство, армию и наш ВПК, становясь сильной и идеологически оснащенной державой. Иного не дано. В этом контексте экзистенциальный выбор, стоящий перед Россией и русскими (онтологический смысл. — прим. автора), сводится, по сути, к двум вариантам:

- Суверенитет и возвращение к себе — как итог сохранение Отечества.
- Уход от себя, вхождение как часть в иное (Запад или Восток — не суть) и перерождение — как итог отказ от Отечества.

Отсюда и базовая геополитическая идея России.

Президент Путин сформулировал эту идею так: «Величие России заключается в ее суверенитете»³. В идее суверенитета — третья, геополитическая, идея России.

Таким образом, народ России во всей своей многовековой истории побеждал врагов, преодолевал экзистенциальные вызовы в опоре на наше государство, сохранял суверенитет, патриотично объединяясь в защите Отечества.

¹ Лавров С.В. Интервью. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/2077070/ (дата обращения: 10.02.2026).

² Валери П. Цитаты.инфо. URL: <https://citaty.info/quote/106054> (дата обращения: 24.01.2026).

³ Путин В.В. Выступление. URL: <https://yandex.ru/video/preview/16382178489706480687> (дата обращения: 12.09.2025).

Точка ЗРЕНИЯ

Араик СТЕПАНЯН

ПОНИМАНИЕ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОСТИ: ОТ СВОБОДЫ К ЗАМЕЩЕНИЮ

Араик Оганесович Степанин — родился в 1968 г. в Ереване, Армянская ССР. Учился в школе в Ереване. Служил в Советской Армии на Западной Украине. В 2000 г. окончил Балтийский технический госуниверситет (Военмех), специалист в области политических наук с возможностью преподавания учебного предмета в вузах. Окончил аспирантуру, защитил диссертацию по геополитике «Социокультурные особенности российской геополитики». Кандидат философских наук. В 2022 г. единогласно был избран на должность президента Академии геополитических проблем. **Живет в Москве.**

Начало пути: осмысление истории человечества

Человек появился в результате творческого акта, будучи свободным созданием, подобным и схожим с образом Бога. Несмотря на многочисленные испытания: войны, природные катастрофы, пандемии и болезни, человечество сумело восстановиться и продолжило расти численно. Сегодня численность населения Земли достигла отметки в восемь миллиардов человек. Однако современный этап развития ставит перед нами совершенно новый вызов — появление технологий, которые ставят под сомнение нашу роль в будущем.

Преимущества и возможности искусственного интеллекта

Искусственный интеллект (за которым стоит человеческий интеллект) и нейронные сети стали незаменимым инструментом современности благодаря своим уникальным возможностям обработки больших объемов информации. Эти системы способны обрабатывать миллионы единиц данных за доли секунды, выявлять скрытые паттерны и формировать точные прогнозы. Многие видят в этом позитивные стороны: автоматизация рутинных операций позволяет людям сосредоточиться на креативных и интеллектуально насыщенных задачах.

Преимущества включают:

Высокая скорость принятия решений: способность принимать быстрые и обоснованные решения в условиях ограниченного времени.

Объективность анализа: отсутствие предвзятости и эмоций, обеспечивающее более четкий и рациональный подход к решению проблем.

Эти преимущества делают ИИ мощным союзником в современном обществе, однако возникает важный вопрос: не превращается ли помощник в конкурента?

Опасности замещения:

Появляется тревога по поводу процесса «замещения»: современные технологии начинают восприниматься не столько как помощники, сколько как замена самим людям. Технологии пытаются имитировать человеческий опыт, заменяя уникальные черты человеческого существования. Этот процесс становится особенно тревожным, поскольку размывается грань между искусственным и естественным.

Чтобы осмыслить этот феномен, полезно обратиться к религиозному наследию человечества. В библейской истории создание человека Богом подчеркивает важность свободной воли, творчества и ответственности за собственные поступки. Именно эта свобода делает человека уникальной частью Вселенной, отличающейся от машин и алгоритмов. Согласно Библии, Бог создал человека по своему образу и подобию (Бытие 1:26–27). Одним из проявлений этого образа является свобода воли, то есть человек наделен возможностью самостоятельно принимать решения, совершать выборы и нести ответственность за свои поступки.

Эта свобода выражается в следующем:

Выбор между добром и злом: человек способен выбрать путь добра или зла, послушания Богу или своеволия. Возможность сделать осознанный выбор делает человека ответственным за свои действия.

Способность любить и прощать: свободная воля позволяет человеку проявлять любовь, терпение и смирение, отказываясь от эгоизма и злобы.

Творчество и инициатива: человек проявляет творческую активность, используя свои таланты и способности, что тоже является результатом свободы. Таким образом, утверждение о том, что Бог создал человека свободным, подчеркивает уникальное свойство человека, позволяющее ему развиваться духовно, принимать самостоятельные решения и отвечать за свои поступки.

Конфликт между добром и злом

История показывает, что зло возникло задолго до появления человека. Еще до сотворения человека произошло восстание небесного существа — Люцифера, известного также как Сатана. Это событие привело к разделению ангельского сообщества и возникновению конфликта между силами света и тьмы. Это стало основой дальнейшего противостояния между добром и злом, выразившегося в стремлении дьявола посеять хаос и разрушение среди людей.

Изучение священных текстов помогает лучше понять природу зла и причины борьбы с ним. Основной мотивацией зла выступает гордыня и желание стать равным Богу. Сатана и его сторонники с момента появления человека возненавидели его как Божье творение. Согласно большинству религиозных традиций, дьявол не обладает способностью создавать жизнь, включая создание человека. Создание жизни — это прерогатива Бога, единственного Творца Вселенной и всего сущего. И вот почему: **Творческая сила принадлежит исключительно Богу.** Библия учит, что именно Бог создал мир и все живое (см., например, Быт. 1:1–27). Только Он имеет способность вдохнуть жизнь и наделить существо душой.

Дьявол ограничен своей природой: как падший ангел, дьявол утратил свое первоначальное положение и больше не обладает творческой силой. Он способен лишь исказить, разрушать и вводить в заблуждение, но не создавать жизнь. Он действует внутри существующих рамок мира, созданных Богом. Создавать жизнь означает обладать властью и мудростью, которыми обладает только Бог. Человек, созданный Богом, уникален и несет образ своего Создателя. Любые попытки дьявола имитировать этот процесс будут тщетны и бессмысленны.

Практическое значение свободы выбора

Осознание свободы выбора оказывает существенное влияние на нашу повседневную жизнь.

Личная ответственность: признание свободы выбора обязывает нас отвечать за свои поступки и их последствия.

Нравственный выбор: возможность свободно выбирать между добром и злом ставит перед нами этический выбор, определяющий качество нашей жизни и взаимоотношений с окружающими.

Саморазвитие: свободный выбор дает нам шанс расти и развиваться, преодолевая трудности и совершенствуясь в моральном плане.

Таким образом, свобода выбора является важной составляющей нашего бытия, влияющей на формирование характера, мировоззрение и жизненный путь.

Создание искусственного разума традиционно рассматривается как область науки и технологий, доступная людям благодаря их интеллектуальным усилиям и технологическим достижениям. Религиозные концепции, касающиеся дьявола, обычно ограничиваются описанием его способностей как негативных воздействий на человечество, таких как введение в заблуждение, разрушение и искушение. Поэтому дьявол не способен создать искусственный разум, поскольку это требует творческого акта, присущего только Богу.

Таким образом, несмотря на силу и влияние, приписываемые дьяволу, он не способен создать как человека, так и искусственный разум. Это право и способность принадлежат исключительно Богу.

«Цифры» служат человеку... или против него?

Так как дьявол не способен создать человека, предполагается, что он постарается использовать искусственный интеллект и нейросети для создания псевдоличности, похожей на человека, чтобы заменить настоящего человека. Такое действие можно интерпретировать как символ победы над намерениями Бога. Возможно ли такое развитие событий? Этот вопрос остается открытым, но логика предполагает, что подобный сценарий нельзя исключить. Некоторые ученые предупреждают о рисках, связанных с развитием ИИ, утверждая, что чрезмерное доверие технологиям может привести к новым формам зависимости и манипуляций.

Технология изначально задумывалась для поддержки и помощи человеку. Понятие чисел играет ключевую роль в нашем восприятии мира, так как математика лежит в основе множества научных открытий. Знаменитый француз Блез Паскаль отмечал, что «Бог говорит с человеком языком математики», подчеркивая глубокое взаимопроникновение науки и религии, свидетельствующее о гармонии мира. Конечно, блажен тот, кто верует, но мне кажется, что Бог нам постепенно открывает знания для научного познания Бога.

Благодаря техническим инновациям человек освоил способы мгновенного общения и обмена информацией, применяя мобильные телефоны и прочие гаджеты. Само появление мобильного телефона можно считать признаком мудрости Бога, проявляющейся через научное открытие. Меня всегда интересовал вопрос: как Он среди миллиарда людей может точно знать, кто и чего просит в своих молитвах?

В качестве образа рассмотрим пример смартфона: каждый человек получает уникальный номер, связанный с устройством, которое регистрируется на его имя. Телефон оснащен камерой и микрофоном, что позволяет собирать визуальную и звуковую информацию, передаваемую на серверы. Если человек хочет поговорить с кем-то по какому-либо мессенджеру, он выходит в интернет с помощью Wi-Fi или какого-то оператора и разговаривает. На том конце телефона знают по номеру и имени, кто им звонит. Все то, что человек снимает на видеокамеру своего телефона или с кем он разговаривает, собирается и сохраняется на серверах, а их может контролировать один человек, который имеет доступ к вашим базам данных. Подобным образом Бог следит за каждым действием человека, не нуждаясь в технологиях. Потому что наши глаза — это видеокамера: то, что мы видим, видит и Бог; наши уши — это микрофон, то, что мы говорим, слышит Бог. И самое главное, наш IP-адрес, наш индивидуальный номер — это наша ДНК, которая не только говорит о нас, но и хранит информацию и о наших предках. Все гениальные научные открытия происходили с подачи Бога, независимо от того, «открыватель» — атеист или верующий. Мы на этом примере видим, что цифры служат человеку. Это соединение науки и веры образует целостную картину восприятия роли человека и Бога.

Принимая во внимание, что пока цифры и технологии работают на благо человека, поддерживая его поиски высшего смысла, существует вероятность, что однажды они могут начать соперничать с человеком. Истории известно, что одной из первопричин изгнания сатаны было его стремление к самовозвышению. Изначально созданный, чтобы прославлять Бога и исполнять Его волю, сатана восстал, желая превзойти Господа и установить собственную власть. Это ярко проявилось в амбициозном намерении занять место Бога и достичь верховенства над всеми существами.

Значит, сатана может использовать ИИ и нейросети в своих преступных целях, а именно: искушение и обман.

Один из основных способов воздействия дьявола — это искушение человека совершать грехи. Через ложные обещания удовольствия, богатства или власти он пытается заставить человека отклониться от пути праведности.

Подрыв духовной силы:

Дьявол стремится ослабить духовную связь человека с Богом, порождая сомнения, страх и неуверенность. Он может вызывать чувство вины, отчаяния или разочарования, чтобы отвлечь внимание от веры и молитвы.

Разрушение морали и ценностей:

Через пропаганду эгоизма, жадности и насилия дьявол способствует разрушению традиционных нравственных устоев и общественных норм. Он поощряет поведение, противоречащее заповедям любви, сострадания и справедливости.

Создание конфликтов и раздоров:

Разжигание ненависти, зависти и вражды среди людей — еще одна стратегия дьявола. Он сеет разногласия и конфликты, способствуя разрушению семей, сообществ и целых народов.

И самое главное — это наши биометрические данные, которые вместе с остальными личными данными создают наш дубликат. То есть, если кто-то с демонической психикой овладеет нашими личными данными, тогда мы будем ему не нужны ни живыми, ни как мертвыми; он полностью будет манипулировать нашими данными.

Манипуляция сознанием:

Современные технологии и средства массовой информации предоставляют новые возможности для распространения дезинформации и пропаганды. Дьявол может использовать эти инструменты для манипуляции мнением масс и формирования общественного сознания.

Учитывая тот факт, что огромными финансовыми ресурсами ТНК могут создавать более продвинутые ИИ и нейросети, соответственно, они будут претендовать на мировую власть. И поскольку мы знаем про их способности генерировать чудовищные идеи по сокращению населения планеты до одного миллиарда, про трансгуманизм, коронабесие, вакцинации, пандемии и т.п., то мы можем предполагать, что эти люди вполне могут направить ИИ и нейросети против человека, то есть против Бога.

Современный мир характеризуется огромным количеством цифровых данных, используемых для улучшения качества жизни. Смартфоны, социальные сети и облачные сервисы создают иллюзию удобства и доступности информации. Тем не менее, цифровые технологии становятся двойственными инструментами: они одновременно помогают развивать научные исследования и понимание природы, но также представляют собой угрозу конфиденциальности и личной свободе.

Философские размышления позволяют задуматься о границах возможностей цифровой среды. Можно предположить, что развитие технологий достигнет точки, когда возникнет соблазн доверить важнейшие процессы алгоритмам и машинам. Тогда появляется угроза потери собственной автономии и превращения человека в придаток технологической инфраструктуры.

Что нас ждет впереди?

Вопрос, встающий перед современным обществом, заключается в определении границ между поддержкой и заменой. Современные достижения науки требуют осторожного подхода и критического осознания рисков. Люди должны осознавать свою уникальную ценность и независимость от технологических инструментов, сохраняя контроль над собственными судьбами.

Заключение:

Сегодня человечество сталкивается с вызовом, связанным с искусственным интеллектом и нейросетями. Эти технологии несут огромные перспективы, но таят и опасности. Они заключаются в том, кто будет стоять за ИИ и какая у него будет мораль или психика.

Чтобы избежать трагедий прошлого, важно помнить о фундаментальных основах человечности — свободе выбора, творчестве и ответственности. Нам предстоит пройти испытание, достойное детей Божьих: сохранить собственное лицо и не позволить технологиям стереть грани между настоящим и поддельным.

Необходимо стремиться к гармоничному сосуществованию с технологиями, принимая меры предосторожности и активно участвуя в формировании этики и стандартов использования новых разработок. Лишь таким образом человечество сможет сохранить свою свободу и достоинство в эпоху цифровизации и искусственного интеллекта.

Связь ВРЕМЕНИ

Леонид САВИН

ДВЕНАДЦАТЬ ПОДВИГОВ ФИДЕЛЯ

Леонид Владимирович Савин — родился в г. Сумы (Украина). Журналист, изучал древние языки в Сумском богословском училище. Главный редактор аналитического центра «Геополитика. Ру», генеральный директор Фонда мониторинга и прогнозирования развития культурно-территориальных пространств, глава администрации Международного «Евразийского движения». Председатель правления Фонда содействия развитию русско-кубинских отношений им. Фиделя Кастро. Главный аналитик в Институте «Царьграда». Автор многих книг по геополитике, более тысячи публикаций в российской и украинской прессе. **Живет в Москве.**

13 августа 2026 г. исполняется 100 лет со дня рождения одного из выдающихся политических деятелей XX столетия — лидера Кубинской революции, Команданте Фиделя Кастро Рус. О нем написаны биографические книги, а люди, знавшие его лично, делились и продолжают делиться своими воспоминаниями о его деятельности, взглядах и достижениях. Хотя на русском языке издано всего несколько книг самого Фиделя Кастро. А поскольку его собрание сочинений насчитывает 20 томов, многие его идеи в России еще предстоит изучить и осмыслить. В данной статье будет осуществлена скромная попытка на нескольких страницах осветить деятельность Команданте, выделив ключевые моменты его политической биографии, имевшие колоссальный эффект как на кубинское общество, так и на мировую политику.

В своей книге «Стратегическая победа» Фидель Кастро начинает с размышлений о том, какое название стоило бы дать этой работе. И одна из версий звучит: «Как 300 воинов разгромили 10 тысяч», что, безусловно, отсылает к известной битве при Фермопилах, где 300 спартанцев противостояли 10 тысячам персов. Цифры, конечно, были условные. А Фидель прекрасно знал исторические сражения античной истории, которыми увлекался еще в детстве. Это подтолкнуло на размышление автора этих строк посмотреть на личность Фиделя через античную призму, а именно мифологию героев. Из всего множества выбор пал на Геракла, поскольку его 12 подвигов имели и универсальное символическое значение. Данное сравнение, конечно же, довольно условно. Можно сказать, что основной подвиг Фиделя Кастро — это Кубинская революция как таковая. Или перечислять

*Фидель Алехандро Кастро Рус
(исп. Fidel Alejandro Castro Ruz;
13 августа 1926 г., Биран, Орьенте,
Республика Куба — 25 ноября 2016 г., Га-
вана) — кубинский революционер,
государственный, политический
и партийный деятель,
руководивший Кубой с 1959 по 2008 гг.*

его многочисленные заслуги и качества. Но цифра 12 выбрана и в качестве самоограничения, и носит авторский оттенок. Более того, и в свержении Батисты, и в дальнейшем для преобразования страны участвовали многие люди, чьи заслуги также огромны. Поэтому существует сильная взаимосвязь между действиями самого Фиделя Кастро как лидера Кубинской революции, его ближайшего окружения, но также и многих простых кубинцев, которые с энтузиазмом поддерживали его начинания как во время партизанской войны, так и при мирной жизни.

Итак, первый подвиг — штурм казарм Монкада. Хотя Фидель до этого уже проявил себя как яркий студенческий активист и борец за справедливость, именно попытка захвата казарм Монкада сделала его повсеместно известным. «История меня оправдает» — его речь в

свою защиту на суде стала своего рода политическим манифестом за освобождение кубинского народа. Само тактическое поражение впоследствии выросло в стратегическую победу. Годы заключения позволили продолжить политическое самообразование, а в Мексике он сформировал новую группу для освобождения Кубы от тирании Фульхенсио Батисты.

Действие повстанческой армии в Сьерра-Маэстре и, как итог, падение режима диктатора Батисты 1 января 1959 г. — это второй подвиг, который уже прославил Фиделя Кастро и Кубу на весь мир. Когда несколько позже было заявлено о социалистическом характере Кубинской революции, это выделило «остров Свободы» из других стран региона, где и ранее происходили военные перевороты. Куба показала свою политическую субъектность и реальный суверенитет.

Третий подвиг — победа над внутренней контрреволюцией, элементами которой были активные предупредительные действия в политическом поле, а также мобилизация крестьян и аграрная реформа, включая создание Института национальной аграрной реформы. Несмотря на название, это было своего рода государство в государстве, которое не позволило контрреволюционным элементам саботировать необходимые изменения в управлении земельными владениями и другие экономические новшества. Борьба с бандитизмом также являлась частью усилий по противодействию контрреволюции, которая активно поддерживалась из Вашингтона.

Четвертый подвиг — ликвидация безграмотности. В предельно короткие сроки Куба, где большинство населения было безграмотным, стала первой страной в Латинской Америке, где все социальные слои умели читать и писать. И это закладывало фундамент для дальнейших успехов в высшем образовании и науках на Кубе, а также открывало двери для обучения молодежи из других стран.

Пятый подвиг — это изменение отношения к Кубе и революции через активную работу со СМИ и гражданским обществом в других странах. Все началось с операции «Истина» сразу после Кубинской революции для того, чтобы разоблачить ложь, которую распространяли о Кубе западные газеты, телеканалы и радиостанции. Далее было создано агентство «Пренса Латина», которое довольно быстро стало одним из ведущих органов журналистики в Латинской Америке с мировым охватом. А в сфере народной дипломатии коммуникациями занимался Кубинский институт дружбы с народами. Обе инстанции работают и в настоящее время, принося пользу не только Кубе, но и далеко за ее пределами.

Шестой подвиг — победа на Плайя-Хирон в апреле 1961 г., где Фидель Кастро принимал непосредственное участие в командовании для отражения агрессии наемников и самих военных действий. Поскольку операция США провалилась, это стало первой победой над Вашингтоном в Западном полушарии в XX веке. И это имело колоссальное моральное и психологическое влияние. Теперь весь мир увидел, что возможна не только победа революции, но и ее успешная защита.

Седьмой подвиг — это размещение советских ядерных ракет на Кубе. Несмотря на то, что на Западе это называют Октябрьским кризисом, операция «Анадырь» позволила оказать давление на США и вынудить дать обязательства не осуществлять военное вторжение на Кубу. Для Советского Союза этот шаг также был вынужденной мерой, поскольку ранее американские ядерные ракеты были размещены в Турции. Но по итогам переговоров они были выведены. Собственно, правильный выбор геополитического союзника стал для Кубы залогом не только безопасности, но и дальнейшего экономического развития страны. Лишь в последние годы СССР эта поддержка ослабела, а с его распадом и вовсе прекратилась. Тем не менее почти 30 лет активного взаимодействия между государствами позволили Кубе накопить важный потенциал и опыт, который использовался и во время «особого периода».

Восьмой подвиг — поддержка национально-освободительных движений в других странах — Латинской Америке, Азии и Африке — растянулась на десятилетия. Самой масштабной стала операция «Карлота» по отправке кубинских войск в Анголу. С помощью кубинских военных Ангола не только сохранила независимость, но также была освобождена от оккупации Намибия, и через некоторое время в ЮАР пал режим апартеида. Благодаря полученному опыту за рубежом, кубинские вооруженные силы по праву стали считаться одной из самых сильных армий Латинской Америки. А поскольку неокOLONиализм снова поднимает голову, примером чему является ситуация в Палестине, Иране и Венесуэле, а также использование странами НАТО Украины для прокси-войны против России, тема национально-освободительных движений становится вновь востребованной и актуальной.

Девятый подвиг — это диалог с людьми культуры и искусства, философами и интеллектуалами, художниками и писателями. Если в Советском Союзе из этой среды часто выходили диссиденты, которые восторженно смотрели на Запад и критиковали все советское (а в современной России с этим связан и феномен доморощенной русофобии и предательства), на Кубе удалось таким образом поставить дело, что люди их сферы искусства и культуры органично влились в Революцию. Конечно, были и исключения, но они есть всегда и везде. В этом подвиге ярко проявился талант Фиделя Кастро как человека, который умел внимательно слушать, постоянно учиться и дискутировать по самым разным темам.

Десятый подвиг — это выход Кубы в лидеры мировой медицины, а также уникальный проект международных медицинских бригад, которые оказывали необходимую помощь в развивающихся странах. Несмотря на блокаду и активную дезинформацию со стороны Запада, уникальный проект медицинских бригад помог спасти тысячи жизней, вернуть здоровье тем, у кого уже не было надежды, а также передать опыт коллегам в других странах, прежде всего в Африке и Латинской Америке.

Одиннадцатый подвиг — это широта взглядов Фиделя Кастро, что позволяло ему глубоко погружаться в самые разные вопросы — от проблем экологии и финансовых пузырей до оценки различных конфликтов в самых разных уголках земного шара. Если проанализировать выступления Фиделя Кастро, сделанные в конце 80-х, мы обнаружим, что уже тогда он говорил об угрозе однополярной гегемонии США (что и произошло после распада Советского Союза и агрессивных действий Вашингтона против Югославии, Ирака, Гаити, Афганистана, Ливии и многих других стран). А позже фактически предсказал войну на Украине и лицемерную позицию Запада. Это наследие Фиделя Кастро, где было сделано много ценных замечаний и прогнозов, безусловно, нуждается в тщательном изучении.

Двенадцатый подвиг мы обозначим как верность идеям. Несмотря на колоссальное давление стран Запада, а также исчезновение социалистических стран с карты Европы после падения Берлинской стены, где вчерашние политические лидеры быстро меняли свои убеждения и встраивались в рыночную капиталистическую систему Запада, руководство Кубы и лично Фидель Кастро заботились о правильности политического курса. К этому относится и борьба с коррупцией внутри аппарата безопасности Кубы, известная по громкому делу 1989 г., которая получила название «ретификация». И нынешняя стойкость Республики Кубы перед очередной угрозой со стороны США. Органично продолжая дело Хосе Марти, который погиб в Третьей войне за независимость Кубы, Фидель Кастро так же был последователен и максимально гуманистичен. Идеи этих двух великих людей словно воплощают две стороны одной медали — «Родина или смерть!» и «Родина — это человечество».

ПОЭЗИЯ

Елена КОНОВАЛОВА

«МИНУТА МОЖЕТ ВЕК В СЕБЯ ВМЕСТИТЬ...»

Елена Семеновна Коновалова — член Союза писателей России, автор четырех книг поэзии и прозы, выпускающий редактор литературного журнала «Ротонда». Ветеран военной службы, 20 лет посвятила службе в Вооруженных Силах РФ. Участница Второго, Третьего и Четвертого всеармейских совещаний военных писателей в Москве. Публиковалась в альманахах «Парад литератур» (Москва), «Вятка литературная» (Киров), «Рать» (Москва), международной антологии поэзии «Победа» (Москва), антологии военно-патриотической поэзии «Армейские победные зарницы» (Рязань) и др. **Живет в Кирове.**

* * *

Все тот же двор с калиткой хлипкой,
Дождей осенних перебор,
Ночного ветра вздохи-всхлипы
И неба звездного простор.

Вот только я совсем иначе
Взгляну на поле, дом и лес,
И в дальнем журавлином плаче
Услышится мне плач небес.

Я в зарослях осины с ивой
Найти тропинку не смогу,
И не услышу торопливой
Кукушки звонкое «ку-ку».

И побреду по бездорожью,
Виною, не вином пьяна.
Нам уповать на милость Божью
С тобой, любимая страна.

* * *

Кровью небо. Черно и ало.
Серый пепел на снег.
Время было и перестало.
Волком скалитесь век —
Ненасытен и беспощаден...
Боже правый, прости.
В человеке проснулся Каин,
Камень прячет в горсти.
Над сожженной снарядом хатой
Светлый ангел кружит.
Умирают в степи солдаты.
Дай им выжить и жить.
Кровью небо. Черно и ало.
Белым саваном снег.
Нам врагами быть не пристало.
Жив ли ты, Человек?

* * *

Пулей смертельной ранят —
Сердцем услышит мать.
Долго ль на поле брани
Детям Земли умирать?

В малом куске металла
Кроется сгусток зла.
Полно! Земля устала
Ладить постели для сна.

Сила любви развеет
Миф о бессмертье войны.
Пусть на полях алеют
Красные маки весны!

Верьте! Отступит лихо,
Больше не будет бед.
И над Землею тихо
Мирный взойдет рассвет!

ВСТРЕЧА В ДОНЕЦКЕ ВЕСНОЙ 2024 г.

«Здорово, сын», — не смог произнести,
Лишь молча обнялись вы, два солдата.
Минута может век в себя вместить,
И домом стать землянка в три наката.

«Здорово, пап...» — к морщинистой щеке. —
Я жив, здоров, и все идет как надо...
Да, жизнь несет по горной нас реке,
И часто в ней встречаются преграды».

Пусть выдался денек под стать весне,
С сияньем солнца, запахом сирени...
И все же на войне как на войне:
Нарушил тишину сигнал сирены...

Я верю, что победною весной
Вы вспомните нечаянную встречу,
Когда о мире будет шар земной
Произносить торжественные речи.

Вернется в русло жизненный поток
И обретет и разум, и величье.
И человеческой души росток
Отбросит прочь звериное обличье.

* * *

Болью сгорит сентябрь
И не расстанется с нами:
Снегом на волосах,
Стуком в оконной раме.

Речью веселой сестер,
Песней любимой о вишне...
Вновь я веду разговор
С мамой о Боге и жизни.

Но продолжает жить
С мамой последнее лето:
Белой ромашкой в лугах,
Солнечным ласковым светом.

Болью сгорит сентябрь.
Мама останется с нами:
Светом любви в глазах,
Пульсом, дыханием, снами...

* * *

Беспечен жизни круг,
И кажется, что вечен...
Едва зардел цветок —
Уж время увядать.

И старый сад вчера
Был взбалмошен и весел,
А завтра деревá
Не отразит вода.

Опавшая листва,
Упавшие ладони...
Но ясный свет Звезды
Пройдет сквозь снегопад.

Неверие и страх
Из наших душ прогонит.
И возвратимся мы
В цветущий дивный Сад...

* * *

Ненастная ночь за окном,
И боль — не чужая, своя,
Что где-то есть старенький дом,
Спасенье которого — я.

Они оказались верней
Ушедших в другие края.
А блудных своих сыновей
Все ждет терпеливо земля.

Потухшие пряча глаза,
Он тоже ночами не спит.
И ветры над ним голосят
Под ропот столетних раки.

Ненастная ночь за окном.
Но память осилит былье.
Дождись меня, поле, и дом,
В котором спасенье мое.

ВЫШЛА КНИГА

Баршт К.А.

Графический код Достоевского: рисунки писателя: монография. М.: Наука, 2025. 660 с.

В книге представлено научное описание идеографии Ф.М. Достоевского. Имея диплом архитектора, писатель хорошо владел техникой рисования и часто пользовался ею в процессе творческой работы, предворяя создание литературного персонажа изображением его портрета — «лица идеи», как он сам это называл. В рукописях писателя более сотни портретных рисунков, около полутысячи изображений стрельчатых окон и готических арок, несколько тысяч каллиграфических прописей, выполненных в различных письменных модусах. Эти материалы тесно связаны с окружающими черновыми записями, образуя с ними единое смысловое целое. Прочтение рисунков писателя вместе с окружающими записями и развернутый историко-литературный комментарий к ним составляют содержание книги.

ПАМЯТОСЛОВ

Дмитрий ВОЛОДИХИН

«ДРУГ ЦАРЕЙ, ВЕРНОПОДДАННЫЙ РОССИИ»

*К 260-летию со дня рождения
и 200-летию со дня кончины
(1826–2026) Н.М. Карамзина*

Дмитрий Михайлович Володихин — историк, писатель, критик, доктор исторических наук, профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, проректор по научной работе МГУТУ им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет). Член СП России, автор 14 книг романов и 32 монографий. Лауреат Президентской премии в сфере образования, Патриаршей литературной премии, Макариевской премии, кавалер Карамзинского креста. **Живет в Москве.**

В России сильный консервативный мыслитель — это всегда хороший писатель.

В противном случае все, что им написано, теряет силу и смысл очень быстро. Статьи, трактаты, исследования, монографии — да что угодно! — оказываются на той полке, откуда их извлечет лишь холодная рука исследователя, но не жаркий интерес человека, ищущего совета в высоких проблемах бытия. Политика ли, экономика ли, религиозная ли сфера — никакой разницы! Слабость художественная обрекает всякое умственное достижение в гуманитарной сфере на библиотечную пыль в много слоев, ставит меж ним и широкой образованной публикой почти непроницаемый барьер.

У нас все завязано на слово, а если взглядеться в суть вещей, то — на Слово. Тот, кто Слова не ведаёт или словом не владеет, обречен, даже имея мыслительный дар самой высокой пробы, превратится в черепок на одном из стендов интеллектуальной археологии: такой-то сделал выдающийся вклад в культуру, общественную мысль, консервативную традицию и т. п., нужное подчеркнуть.

Николай Михайлович Карамзин — как и Леонтьев, например, или, скажем, Розанов, или, в меньшей степени, Хомяков — являлся великим консерватором, одним из величайших за всю императорскую эпоху. Отчего ж? За всяким умопостроением, за всяким элементом исторической системы, стоит у него живой образ, живым словом выписанный. И по сию пору образы Карамзинские — словно следы золотой вышивки на академических холстах, где по старинному узору сто раз прошлась конвейерная серость, глыбовость, неудобосказуемость, но под

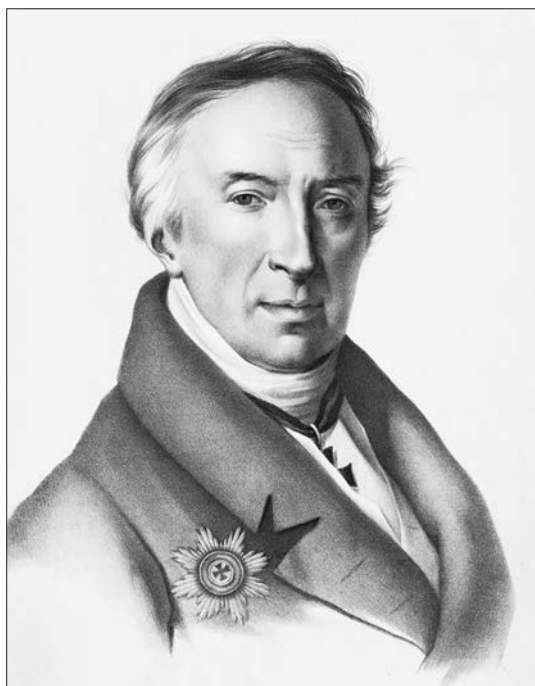
напластованиями строгого научного угрюмства видны еще блески литературного гения.

Карамзин — один, сам по себе! — целая эпоха в русской истории и литературе. До него Россия даже в героическую эпоху наполеоновских войн видела в своем прошлом какую-то чаадаевскую окоlesiцу: междоусобные драки князей, невнятный деспотизм царей, передвижения непросвещенных громадных масс в чащобы и к берегам дальних морей, по внешней видимости лишённые высокого смысла. Какая-то кочевая азиатская страна, приграничье Европы, которое Петр Великий вписал в европейские окраины, и вот тогда-то, всего пару поколений назад, и началась — Жизнь! Молодой русский дворянин высокого рода знал написанное Плутархом и Тацитом, боготворил Фемистокла, восхищался Солоном, мечтал о судьбе Цезаря; ему грезилась европейская державность времен Карла Великого, ему сердечно дорог был героизм крестовых походов. Вот только о своей, русской истории он мог не знать ровным счетом ничего. Или же — так, на золотничок, сплетни старшего поколения о екатерининских временах, да отблески всеобщего, бонтонного восхищения Петром I Европеизатором... Величавые дела Православной веры, мужество дальних предков и политическая мудрость российских государей оказывались для него тайной за семью печатями. Он, бывало, и русского-то языка не знал! А если знал, то — все равно! — не имел под рукою вполне современного по форме исторического повествования о жизни старой России.

Чем ему любоваться в русской старине? Кому сопереживать? Какие образцы героизма, высокой нравственности и духовного подвижничества брать для строительства собственных идеалов в прошлом родного Отечества, когда историческая литература скудна, архаична по форме, тяжела в повествовании...

История России для русского интеллектуала, жившего в начале XIX столетия, являлась чем-то столь же чужим и ненужным, каковы, например, история славного Таджикистана или анналы производства силикатов для образованного русского гуманитария наших дней.

И вот является Карамзин со своей «Историей государства Российского» и дарит современникам то, чего они оказались лишены: свою историю, изложенную так же красиво, как европейская или античная; своих героев, живших, творивших, сражавшихся с не меньшим благородством, смелостью и высотой духа, чем Солоны, Фемистоклы, крестоносцы.

*Николай Михайлович Карамзин.
Художник Г.А. Гиппиус, 1822 г.*

«Пусть греки, римляне пленяют воображение... — писал Карамзин, — но имя русское имеет для нас особенную прелесть: сердце мое... сильнее бьется за Пожарского, нежели за Фемистокла или Сципиона. Всемирная история великими воспоминаниями украшает мир для ума, а российская украшает Отечество, где живем и чувствуем... Согласимся, что деяния, описанные Геродотом, Фукидидом, Ливием, для всякого не-русского вообще занимательнее, представляя более душевной силы и живейшую игру страстей... однако ж смело можем сказать, что некоторые случаи, картины, характеры нашей истории любопытны не менее древних».

Николай Михайлович дал русскому обществу эти картины и эти характеры. Оно хвалило Карамзина, ругало, возносило, мешало с грязью, но с неизменным упоением читало новые и новые тома «Истории государства Российского», напитываясь теми умственными яствами, по которым испытывало смутную тоску, еще не зная, как назвать их и откуда взять. Карамзин угадал тайную тоску России по своим героям, а потом насытил ее своими трудами.

Этим он велик.

Прав был Н.Н. Страхов, когда писал о Карамзине: «Великий писатель, создатель русской истории, зачинатель нового периода нашей литературы, а главное — человек несравненный по мягкости и благородству души, друг царей, но верноподанный России». Именно *создатель русской истории* — не Татищев, не Щербатов, подавно не Болтин, крупные историки XVIII столетия, а именно Карамзин создал тот большой исторический миф России, который составил ядро представлений русских о своей стране от племенной эры до Смутного времени.

Но почему же именно консерватор?

Да, патриотизм его огромен и не вызывает ни малейших сомнений. «История государства Российского» в какой-то степени представляет собой один громадный многотомный ответ всем «французикам из Бордо». Высоко ставя европейскую культуру, блага просвещения, научные достижения Запада, Карамзин стоял за сохранение Россией максимальной самостоятельности во всем, не исключая сферу мысли.

Николай Михайлович год за годом строил то, чего не существовало во времена его молодости, то, что сейчас называют национальным самосознанием. Вот его собственные слова из знаменитой записки «О древней и новой России»: «Деды наши, уже в царствование Михаила [Федоровича] и сына его [Алексея Михайловича], присваивая себе многие выгоды иноземных обычаев, все еще оставались в тех мыслях, что правоверный россиянин есть совершеннейший гражданин в мире, а Святая Русь — первое государство. Пусть назовут то заблуждением; но как благоприятствовало оно любви к Отечеству и нравственной силе оно! Теперь же, более ста лет находясь в школе иноземцев, без дерзости можем ли похвалиться своим гражданским достоинством? Некогда называли мы всех иных европейцев неверными, теперь называем братьями; спрашиваю: кому легче было покорить Россию — неверным или братьям? т.е., кому бы она, по вероятности долженствовала более противиться? При царе Михаиле или Федоре вельможа российский, обязанный всем Отечеству, мог ли бы с веселым сердцем навеки оставить его, чтобы в Париже, Лондоне, Вене спокойно читать в газетах о наших государственных опасностях? Мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России».

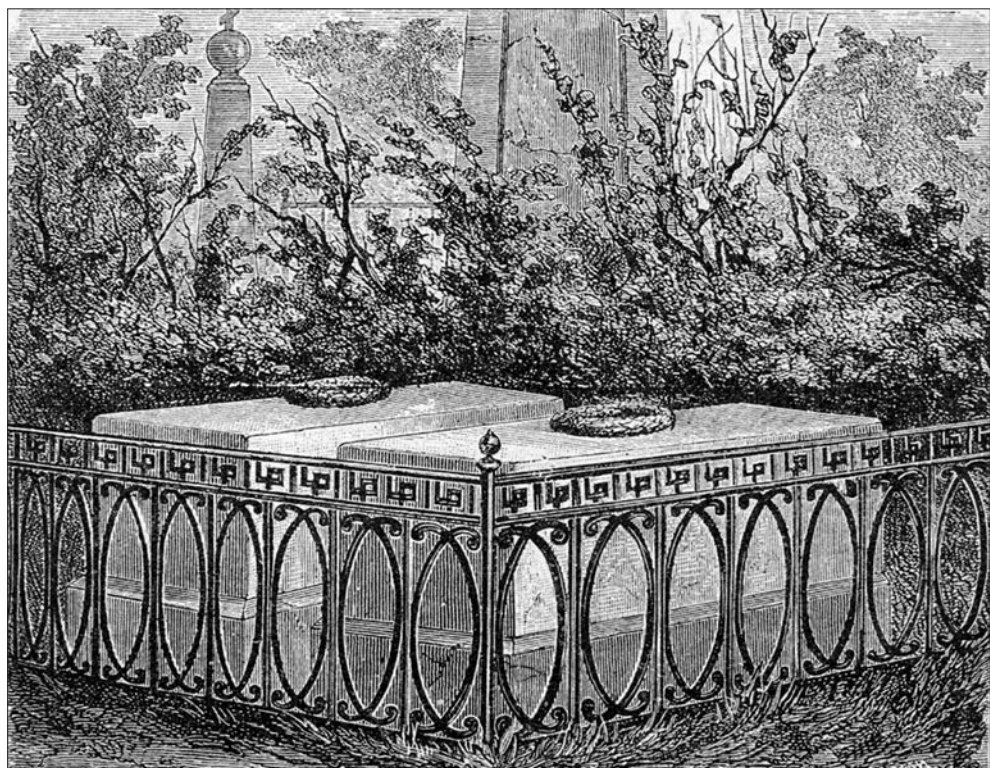
Однако «любовь к отеческим гробам» и апология национальной традиции делают мыслителя патриотом, но еще не консерватором. Только тогда ясно видно, что некий мыслитель консервативен, когда он взывает к сохранению фундаментальных основ общественной жизни, без которых социум, по его мнению, погрузится в пучину развала и падения.

Что ж, в этом смысле Карамзин ясно выразил свою позицию. Николай Михайлович — несомненный монархист, притом сторонник монархии неограниченной и сильной.

По его словам, «Россия основалась победами и единоначалием, гнула от разновластия, а спасалась мудрым самодержавием». В другом месте: «Самодержавие основало и воскресило Россию: с переменою государственного устава ее, она гнула и должна погибнуть, составленная из частей столь многих и разных, из коих всякая имеет свои особенные гражданские пользы. Что, кроме единовластия неограниченного, может в сей машине производить единство действия?»

Карамзин выразил безусловную уверенность в том, что Россия цела, пока цело самодержавие. А значит, гибель его, ослабление или порча скажутся на стране самыми разрушительными последствиями: «Самодержавие есть Палладиум России: целость его необходима для ее счастья».

В такой же мере Карамзин — христианин, глубоко верующий человек. Православие для него — «святая вера», равно необходимая России для процветания, как и сильная монаршая власть.

Могила Н.М. Карамзина и его супруги Е.А. Карамзиной на Тихвинском (Ново-Лазаревском) кладбище Александро-Невской лавры, гравюра XIX в.

Так, Николай Михайлович предварил «Историю государства Российского» следующими словами: «Мы одно любим, одного желаем: любим Отечество; желаем ему благоденствия еще более, нежели славы; желаем, да не изменится никогда твердое основание нашего величия; да правила *мудрого самодержавия и святой веры* более и более укрепляют союз частей; да цветет Россия...»

В зрелые годы Карамзин выказывал в своем поведении, публикациях и домашнем быте полную приверженность Православию. Как в жизни, так и в смерти Николай Михайлович оставался христианином. Историк был похоронен на Ново-Лазаревском кладбище. Погребение его происходило с полным соблюдением православного обряда.

Естественно, от либеральной публики, что двухсотлетней давности, что нынешней, Карамзин без конца получает и получает презрительные оценки. «Тормоз общественного развития»... воспел «прелести кнута»... раболепствовал перед царями... Ну и... что там еще, в стандартном наборе? Мракобес? Защитник деспотизма? Лютый крепостник? Можно добавить по вкусу, ингредиенты известны, вот уже лет двести с гаком их сыплют в горячую кашу, чтобы затем облить ею очередного русского консерватора.

Тут ничего удивительного: враг.

Да еще какой враг! В ту пору, когда русская масонерия, декабристы и прочая радикалия молилась на Французскую революцию, бредила военным переворотом и алкала цареубийства, Карамзин, собственными глазами видевший всю кровопийственность якобинства, революцию проклинал.

По его мнению, «ужасы Французской революции отучили Европу от мечтаний гражданской вольности и равенства». Ах, если бы! Против такой заразы иной раз и хирургические методы не помогают. Но, как минимум, в теории Карамзин остался прав. Суть разрушительной функции революционерства историк передал превосходно: «Самовольные управы народа бывают для гражданских обществ вреднее личных несправедливостей или заблуждений государя. Мудрость целых веков нужна для утверждения власти: один час народного иступления разрушает основу ее, которая есть уважение нравственное к сану властителей».

Удивительно другое: в наши дни отчаянные патриоты ругают Карамзина. Дескать, масон, враг России, враг монархии, лукавый агент чужих злобных сил.

Спор о том, сколь сильна и продолжительна в творчестве Карамзина масонская мелодия, — давний. Еще А.Н. Пыпин обвинял историка в том, что силен привкус масонства в его идеях. Тот же Н.Н. Страхов решительно отвечал: «Г. Пыпин уверяет, что масонство имело неизгладимое влияние на Карамзина. Неправда! Карамзин ему не поддался...» И, действительно, недолго побыв в масонах, Николай Михайлович совершенно от них отвратился. Позднее он принципиально не имел с ними общих дел.

Ныне Карамзина опять окунают в масонское подполье, отбирая у него честь русского государственного человека, доброго христианина и царского слуги. Обвинения эти основываются, главным образом, на свидетельствах... самих масонов высокого градуса, когда-то лукавым образом порочивших Карамзина, который покинул их ряды, чтобы уже не вернуться назад до конца жизни. Эти «свидетели» хотели бы замарать Карамзина перед властью, а потому щедро приписывали ему то, чем сами жили и чем он побрезговал.

*Памятник Н.М. Карамзину в усадьбе Остафьево (Московская обл.).
Скульптор Н.З. Панов, открыт в 1911 г. к 100-летию написания
Н.М. Карамзиным «Записки о древней и новой России»*

Кляузы двухвековой давности получили в русском патриотическом сообществе наших дней до странности широкое распространение. Николая Михайловича винят прежде всего в том, что он, выполняя некое задание «вольных каменщиков», скверно отозвался о первом русском царе Иване IV.

В наши дни широко разлившаяся любовь к государю Ивану Васильевичу есть отчасти ответ на либеральное к нему презрение в 90-х, отчасти — отсвет естественного народного желания по-опричному посадить на кол всех псов Запада и коррупционеров, каковые видны в правительственных сферах (да и ниже, до уровня простых чиновников), отчасти же — нота в большой хвалебной песни о Сталине, звучащей ныне на каждом углу. Сталин Грозного любил, Сталин, как и Грозный, тоже много казнил, так восславим же царя за его сходство со Сталиным! — вот лейтмотив очень многих выступлений в публичной сфере. Мало кто обращает внимание на то, что Иван IV и Сталин фигуры бесконечно разные — и культурно, и психологически, и политически.

Как ни парадоксально, громогласная хвала Ивану Васильевичу имеет в наши дни больше «левого», «красного» в своей консистенции, нежели консервативного и христианского.

Ну а теперь стоит разобраться с тем, что именно, как и почему писал Карамзин об Иване Грозном.

Прежде всего, для тупой и незамысловатой задачи «очернения» Николай Михайлович написал о государе слишком много хорошего. Укоряя Ивана IV в чудовищной жестокости, называя его тираном и мучителем, Карамзин все же не забывал отдать должное и его положительным свойствам: помянул добрым словом царский «превосходный разум» и обширные зна-

ния; отметил строительство многочисленных городов, крепостей; похвалил ревностную неутомимость царя в государственной деятельности: «Любил правду в судах, сам нередко разбирал тяжбы, выслушивал жалобы, читал всякую бумагу, решал немедленно, казнил утеснителей народа, сановников бессовестных, лихоимцев, телесно и стыдом».

«Черное» и «белое» перемешаны тут в равных пропорциях. Точнее, у Карамзина просто нет чисто черной и чисто белой красок. Он любил обсудить с читателями облик и деяния монархов. Порой высказывался критически (и не только об одном Иване IV, но и, например, о Екатерине II, хотя и восхищался царствованием ее). Но что в том необычного? Что в том художественного? За свирепость обличал Ивана IV еще святой Филипп, митрополит Московский. Об иной монаршей особе, императрице Евдоксии, гневные слова произнес св. Иоанн Златоуст. А святой Амвросий Медиоланский спорил с императрицей Юстиной, и та уступила.

Царский сан требует обязательного почтения, но царь как человек не свят, не безгрешен.

Историк создал сложную, наполненную трагическими нотами историю нравственного роста и падения Ивана Грозного. Против монаршего сана он не выступил нигде, но жестокость государя он показал как нечто ненужное и к добрым последствиям отнюдь не приведшее.

Напротив, Карамзин сочувствовал старомосковскому самодержавию. Отступление от него, как полагал историк, приводило к правлению «многоглавой гидры аристократии», намного более тяжелому и вредному для страны.

Так, по словам Карамзина, поскольку в детстве Иван IV не мог иметь действительной власти, а его мать, регентша Елена Глинская «...действовала по внушениям совета, то Россия видела себя под жезлом возникающей олигархии, которой мучительство есть самое опасное и самое несносное. Легче укрыться от одного, нежели от двадцати гонителей. Самодержец гневный уподобляется раздраженному божеству, пред коим надобно только смиряться; но многочисленные тираны не имеют сей выгоды в глазах народа: он видит в них людей ему подобных и тем более ненавидит злоупотребления власти». В 1547 г., после подавления большого бунта, вызванного самовольством той же аристократии, государь Иван Васильевич ведет себя с подлинным величием, защищая истинное право самодержца: «Мятежное господство бояр рушилось совершенно, уступив место единовластию царскому, чуждому тиранства и прихотей. Чтобы торжественным действием веры утвердить благословенную перемену в правлении и в своем сердце, государь на несколько дней уединился для поста и молитвы; созвал святителей, умиленно каялся в грехах и, разрешенный, успокоенный ими в совести, причастился святых тайн», — затем последовало принятие царского титула и женитьба на Анастасии Захарьиной-Юрьевой.

Падение произошло с годами. Под пером Карамзина оно предстало увечьем для личности государя. Но и после того, как проявились горькие признаки падения, Карамзин все же не прибегает к однозначному очернительству в отношении царского характера, а рисует его живо, в красках яркой жизненной силы, противоречивости и тяжелой внутренней борьбы.

«Любопытно видеть, как сей государь, — пишет Карамзин, — до конца жизни усердный читатель христианского закона, хотел соглашать его божественное учение с своею неслыханною жестокостию: то оправдывал оную

в виде правосудия, утверждая, что все ее мученики были изменники, чародеи, враги Христа и России; то смиренно винулся перед Богом и людьми, называл себя гнусным убийцею невинных, приказывал молиться за них в святых храмах, но утешался надеждою, что искреннее раскаяние будет ему спасением и что он, сложив с себя земное величие, в мирной обители св. Кирилла Белозерского со временем будет примерным иноком!»

А что следовало написать Карамзину? Выдать солнечное повествование о немислимо совершенном, мудром, стратегически мыслящем победителе всех и вся? Но это невозможно без лжи. Если взглянуть на плоды царствования и удержаться от укоризн по поводу страшного кровопролития, то все-таки еще не исчезнут другие укоризны: Москва была взята и сожжена татарами, чего не водилось со времен Дмитрия Донского; большая война Ливонская оказалась проиграна, русские города и земли с православным населением оказались под властью иноземцев, иноверцев; святой Филипп подвергся убийству от руки опричника, и тот вместо наказания был пожалован. Зачем надо все это «сглаживать»? Требуется ли от историка Бог лгать о язвах Отечества ради «текущего момента», «единения народа» и «политической необходимости»? Нет, ничего такого нет в нашей вере. Напротив, рассказывать надо то, что было на самом деле, все прочее — низость.

Так в чем следует обвинять Карамзина? В том, что он не захотел превращать русскую историю в набор лозунгов? В том, что он поставил истину выше агитационных удобств «текущего момента»? В том, что он презрел ура-патриотическую простоту во имя сложности действительной истории?

Так это следствие добродетелей его, а не злокозненности ума.

Очень хорошо, что Карамзин был сложен. Очень хорошо, что Карамзин был правдив. Очень хорошо, что он не пожелал к сверкающему дворцу русской истории пристроить фанерный халупник ложных достижений и ложного благочестия.

Поведал правду. Таким и следует быть настоящим консервативным историком. Во имя Бога и народа своего — не лгать!

Пути ПОЗНАНИЯ

Владимир МОЖЕГОВ

ПУШКИН КАК ИСТОРИОСОФ

Владимир Ильич Можегов — родился в 1968 г. в Воркуте. Историк, философ, политолог, футуролог, публицист. Область интересов — философия истории, философия культуры. Окончил Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения и Аспирантуру Института философии РАН в Москве. Сотрудничал с журналом «Континент», с «Изборским клубом» и газетой «Завтра». Автор нескольких книг и совместных монографий. **Живет в Санкт-Петербурге.**

1.

Еще в 1831 г. Иван Киреевский пронизательно заметил: «Пушкин рожден для драматического рода. Он слишком многосторонен, слишком объективен, чтобы быть лириком»¹. Киреевский же, кажется, был единственным из современников, кто понял пушкинского «Годунова», назвав драму «трагическим воплощением мысли» — не лица, страсти, поступка, как в иных драматических системах, но именно единой, могучей, властно разворачивающейся мысли.

К этой всеобъемлющей мысли «Годунова» мы еще вернемся, пока же обратимся к тому, что составляет самую суть «драматического» для Пушкина. *Единство мысли и чувства* вообще являет триединую суть этой поэзии. Именно триединую, поскольку «единство», «единение», «целостность» — такая же полноценная категория пушкинской системы, как и чувство и мысль.

Об этом пушкинском «всеединстве» как некоем свершающемся чуде говорил пораженный Гоголь. О том же, с трудом подбирая слова, говорит Киреевский, пытаясь явить суть пушкинской поэзии. Эта поэзия — не лирический монолог, но целый хор голосов, так что в переводе пушкинские поэмы («Руслан и Людмила», «Кавказский пленник», «Онегин», «Цыганы») «легко можно бы было почесть произведениями не одного, но многих авторов»: «в каждой из его поэм заметно невольное стремление дать особенную жизнь отдельным частям, стремление, часто клонящееся ко вреду целого в творениях эпических, но необходимое, драгоценное для драматика»².

¹ Киреевский И.В. Нечто о характере поэзии Пушкина (1831).

² Там же.

Совершенно справедливо. Пушкин, главными темами которого с юности до конца жизни оставались личность и свобода (ими он начинает, ими же и заканчивает), кажется порой, вообще лишен собственного голоса: через него как будто всеми своими голосами говорит сама жизнь, само бытие. Это именно и потрясало Гоголя и изумляло Киреевского. Не столько лирика, сколько *целый хор бытия* во всем буйном многозвучии красок. Но — и в своем всеобъемлющем, *всечеловеческом* (это слово позднее скажет Достоевский) единстве.

Таков этот изумительный дар. К чему же в поисках достойного для себя предмета должен был прийти обладатель такого дара?

Академик Дмитрий Лихачев, говоря о предмете древнерусской литературы, афористично заметил: «Литература Древней Руси — это литература одной темы и одной мысли. Эта мысль — смысл истории, и эта тема — судьба человека». То же можно сказать о Пушкине. В 26 лет (!) он пишет «Годунова», в работе над которым будто в мгновение ока вырастает в того Пушкина, которого мы знаем. И сам это хорошо понимает: «Чувствую, что душа моя развилась вполне — я могу творить», — это сказано как раз во время работы над «Годуновым».

«Годунов» — историческая драма. Но история и есть драматическое столкновение, переплетение человеческих судеб, поступков, мыслей, идей. И сама история в своей целокупности, и жизнь отдельного человека — есть драма. Драма — как сама жизнь, явленная в единстве места и времени, единстве мира и истории. И если мысль, согласно Пушкину, есть *истинная жизнь слова* (и *горе мастерам, пекущимся более о форме*), то настоящим делом такого поэта как Пушкин может стать только одно: *постижение онтологических оснований человеческой души; постижение самой истины в истории.*

Вещь, как видим, предельно серьезная. И отношение Пушкина к этим вещам предельно серьезно. Впрочем, ему свойственно облекать свои мысли в столь легкую форму, что ее настоящую глубину надо еще суметь увидеть.

О драматическом поэте, исследующем живую ткань жизни, Пушкин говорит: «Что нужно драматическому писателю? Философия, бесстрашие, государственные мысли историка, догадливость,

А.С. Пушкин в Москве.
Художник Е.А. Устинов, 1971 г.

живость, воображение, никакого предрассудка любимой мысли»; наконец, «свобода»¹.

Отсутствие предрассудка любимой мысли — следовательно, бесстрастность. Драматический поэт должен быть «беспристрастен как судьба», снова и снова повторяет он. «Драматический поэт, беспристрастный, как судьба... не должен хитрить и клониться на одну сторону, жертвуя другою. Не он, не его политический образ мнений, не его тайное или явное пристрастие должно... говорить в трагедии... Не его дело оправдывать и обвинять, подсказывать речи...»²

«Добру и злу внимая равнодушно» — это ведь в то же время и идеал ученого, открывающего истину в лаборатории. И для ученого, и для большого поэта (в его творческой лаборатории) важна лишь истина. Потому и ученый, и поэт-исследователь должны оставить за ее дверями все свое «человеческое» — мнения и убеждения: «Не будем ни суеверны, ни односторонни, как французские трагики; но взглянем на трагедию взглядом Шекспира»³.

2.

Если драма есть живая ткань истории, то что такое сама история? Каков смысл истории? Разумеется, именно эти вопросы должны прежде всего занимать такого поэта как Пушкин, и подходит он к их разрешению опять же предельно серьезно.

Как человек с художественным прежде всего сознанием, воспринимающий реальность непосредственно (жизнь как саму экзистенцию, а не как рассуждения о ней), Пушкин не любит отвлеченных философских формул. Однако несколько всеобъемлющих суждений он нам оставил. И это, что называется, «необходимо и достаточно», для того чтобы понять ось пушкинской мысли.

Так, в неопубликованной статье о втором томе «Истории русского народа» Н.А. Полевого (Болдино, ноябрь 1830 г.) читаем: «История древняя кончилась Богочеловеком, говорит г-н Полевой. Справедливо. Величайший духовный и политический переворот нашей планеты есть [вера, истина] христианство. В сей-то священной стихии исчез и обновился мир. История древняя есть история Египта, Персии, Греции, Рима. История новейшая есть история христианства».

Итак, *в священной стихии христианского переворота исчез и обновился древний мир* — такова, можно сказать, центральная историософская парадигма Пушкина. И «горе стране, находящейся вне европейской системы!», — подчеркивает далее он. Последнее это именно и означает: не просвещенная христианским откровением страна обрекла себя на существование на обочине исторического бытия, на обочине смысла истории. Не пресловутого «прогресса», конечно. «Прогресс» Пушкин в целом презирает. Более, чем кто-либо, понимая: подлинные духовные феномены (точнее,

¹ Пушкин А.С. О народной драме и «Марфе Посаднице» М.П. Погодина (1830).

² Там же.

³ Пушкин А.С. Письмо А.А. Дельвигу, начало февраля 1826 г.

ноумены — духовные абсолюты) никакого «развития» не знают. Настоящие истины вечны, незыблемы, не зависимы ни от человек, ни от времени.

Но и периферийность сонных азиатских народов Пушкину очевидна: они остались на обочине духовной магистрали движения бытия. Ибо именно христианство является такой магистралью.

Христианство есть мировой вектор, натянутая струна, духовный камертон истории. Почему? Потому что именно *христианство открывает и раскрывает тайну человеческой личности. Тайна же человеческой личности раскрывается в свободе. И раскрывается она на дорогах истории*, — вот так предельно кратко можно резюмировать центральную историософскую мысль Пушкина.

Разумеется, вполне очевиден Пушкину и глубокий кризис современного мира, связанный прежде всего с революционными, демократическими, эгалитарными движениями и тенденциями (то есть упрощением и всесмешением, ему ненавистными): демократия ведет к смерти культуры и человека — таково его всегдашнее убеждение.

В то же время не готов Пушкин и, подобно Чаадаеву, предать огню всю «языческую мудрость» мира, начиная с Гомера, или признать Россию страной, находящейся «вне общего развития человечества»; или же признать последней «непогрешимой истиной» католичество или новые европейские идеи.

Когда он пишет: «Поймите же и то, что Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европой; что история ее требует другой мысли, другой формулы, как мысли и формулы, выведенных Гизитом из истории христианского Запада»¹, — то что здесь в сущности говорится? Что прогрессистская модель цивилизации Франца Гизо ни в коем случае не приложима к России (а, стало быть, и к истине в целом).

Зрелому Пушкину — традиционалисту до мозга костей — идеи буржуа и гугенота Гизо (имеется в виду курс лекций последнего «История цивилизации в Европе» 1828–1830 гг.), мягко говоря, не близки. С работой Гизо, который был в то время в моде, Пушкин, конечно, знаком, и еще в поэме «Граф Нулин» (1825) напишет: «В Петрополь едет он теперь / С ужасной книжкой Гизота, / С тетрадью злых карикатур, / С романом новым Вальтер Скотта».

«Ужасный» Гизо, подбросивший Марксу идею классовой борьбы (французская революция есть для первого момент борьбы буржуазии за свои права), объясняет все «европейское просвещение» сходным же образом: «Он обретает его зародыш, описывает постепенное развитие и, отклоняя все отдаленное, все постороннее, случайное, доводит до нас сквозь темные, кровавые, мятежные и, наконец, рассветающие века»².

Для Гизо, как и для Гегеля и Маркса, история — лишь прямой торжественный путь человечества из тьмы к свету. Вот почему Пушкин, которого всегда раздражали подобные претенциозные абстракции, саркастично замечает: «Вы поняли великое достоинство французского историка. Поймите же и то, что Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европой». После чего следует весьма едкое развенчание самого принципа хода исто-

¹ Пушкин А.С. О втором томе «Истории русского народа» Полевого (1830).

² Там же.

рии как некоего «абсолютного исторического закона», вкупе с сомнительными спекуляциями об отсутствии у истории сослагательного наклонения. Все это, разумеется, полная чушь, замечает Пушкин: «Не говорите: иначе нельзя было быть. Коли было бы это правда, то историк был бы астроном, и события жизни человечества были бы предсказаны в календарях, как и затмения солнечные. Но Провидение не алгебра. Ум человеческий, по простонародному выражению, не пророк, а угадчик, он видит общий ход вещей и может выводить из одного глубокие предположения, часто оправданные временем, но невозможно ему предвидеть Случая — мощного, мгновенного орудия Провидения»¹.

Конечно, прежде всего Пушкин выступает здесь против прогрессизма как такового. Мы и сами можем легко ощутить за этими довольно прохладными строчками пушкинскую ярость как против французской философии «просветителей», так и против «сумрачного гения» немецких идеалистов, прежде всего Гегеля, неумолимая поступь «самопознающего духа» которого готова уничтожить все живое на своем пути.

Отсюда понятно и абсолютно уникальное положение мысли Пушкина между нашими западниками (идушими вслед просветителей) и славянофилами (идушими вслед немецких идеалистов). Последним Пушкин симпатизирует, конечно, гораздо больше. Но и те, и другие — не имеющие самостоянья (собственного ума), с неумной восторженностью глядящие на Запад (одни — на Францию, другие — на Германию) эпигоны. При том, что сами западные схемы не имеют отношения к реальной жизни.

Итак, история мира есть, согласно Пушкину, прежде всего история христианства. Вся древняя история (Египта, Персии, Греции, Рима) приводит к «абсолютной точке» воплощения Богочеловека, и вся она Пушкину дорога. Он раздражен попытками Чаадаева выбросить древнюю историю как «нечистое язычество», как и его нападки на «нечистую» Византию. Неужели древний Израиль более чист? «Ах, мой друг, разве сам Иисус Христос не родился евреем и разве Иерусалим не был притчею во языцех? Евангелие от этого разве менее изумительно? У греков мы взяли евангелие и предания, но не дух ребяческой мелочности и словопрений. Нравы Византии никогда не были нравами Киева»².

Далее. Если в священной стихии христианства исчез *и обновился древний мир* — это еще не значит, что цель истории — *прогресс*, или что история представляет собой последовательное развертывание Мирового Духа по Гегелю. Всякой такой попытке убить душу бытия, самой жизни (истории) Пушкин противопоставляет именно живую душу. (*Случай — мощное, мгновенное орудие Провидения!*)

Вы хотите подчинить историю схеме, а человека сделать бездушным ее орудием? Так вот вам вхождение Бога в историю — Наполеон, усмиривший стихию французской революции и направивший ее вспять, — как вы его объясните, из какого исторического закона? (*Провидение — не алгебра!*)

Далее Пушкин указывает на самую очевидную всемирную роль России (разумеется, не единственную, но достаточную, чтобы поставить на место умников вроде Чаадаева, утверждающих, что истории у России не было):

¹ Пушкин А.С. О втором томе «Истории русского народа» Полевого (1830).

² Пушкин А.С. Письмо П.Я. Чаадаеву от 19 октября 1836 г.

Русь своей жертвой остановила нашествие татар и тем самым дала возможность христианскому миру выжить и развиваться, — нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех. Да, «наше мученичество» «сделало нас... совершенно чуждыми христианскому миру», так что мы не приняли участия «ни в одном из великих событий», но таково наше «*особое предназначение*», и как тут ни посмотри, факт остается фактом — нашим отчаянным сопротивлением татарам *христианская цивилизация была спасена*. Следовательно, был спасен самый смысл существования мира, самый смысл истории, главным событием которой, несомненно, стало явление Богочеловека.

Итак, если мы теперь спросим: а что же такое Европа для Пушкина, то ответ окажется простым и однозначным: *Европа — есть синоним христианства* (при том, конечно, что Гомер, Платон, Вергилий, Гораций, Август дороги ему ничуть не менее имен христианской Европы).

Что же до современного Поэту «жесточкого века», то он является крайне проблемным: это век *Катастрофы*. Той катастрофы, к которой и приковано его внимание как историософа. Здесь он ищет причины и смыслы современности.

Осиновый кол в идеологию просвещения Пушкин вбивает стихотворением «К Вельможе» (1830), одним из самых глубоких историософских произведений, в котором дает блестящую оценку веку просветителей:

*...То читатель Промысла, то скептик, то безбожник,
Садился Дидерот на шаткий свой треножник,
Бросал парик, глаза в восторге закрывал
И проповедывал...*

(о Дидро)

*...циник поседельй,
Умов и моды вождь пронырливый и смелый...*

(о Вольтере)

*...Ты видел вихорь бури,
Падение всего, союз ума и фурий,
Свободой грозною воздвигнутый закон,
Под гильотиною Версаль и Трианон
И мрачным ужасом смененные забавы...*

(о якобинской диктатуре. «Ужас» — буквальный перевод слова «террор»)

При этом самого вельможу (Юсупова), с помощью которого и обозревает европейский XVIII в., Пушкин сравнивает с Аристиппом, учеником Сократа из Кирены, родоначальником идей космополитизма, гедонизма и эвдемонизма. Тем самым Поэт указывает на фундаментальные основания кошмара, разметавшего старую Европу.

Юсупов, известный своей «любезностью» и умом, а также патологическим сладострастием и оргиями — идеальная фигура вельможи: человека, проплывшего через чудовищный век, что называется, не замочив манжет. Это вообще, кажется, важнейшая здесь мысль: господа гедонисты, увидев ре-

волюционный ад вблизи, ничуть не изменились внутренне, не содрогнулись, но умерли теми же, кем и пришли в эту жизнь. Ведь их лично катастрофа не коснулась. Это и есть пушкинский приговор не только XVIII, но и XIX веку.

Увы, тончайшую иронию Пушкина (а тем более философскую глубину стихотворения) практически никто из современников не понял, обвинив Поэта в сервильности. Советские же пушкинисты пустились в обычное свое лицемерное и угодливое словоблудие на тему «Пушкин и власть».

Да и сегодня, будучи самым, наверное, исследованным, стихотворение остается, быть может, самым непонятым и закрытым. Но такова, увы, судьба и всего наследия Пушкина¹.

3.

Таковы самые фундаментальные положения пушкинской историософии. Что же касается пушкинской формулы России и Европы, то она со всей очевидностью следует из них. И одинаково далека как от Чаадаева (*Россия — еще не нашедшее себя продолжение Запада*), так и от будущего Данилевского (*Россия — не Европа*).

Приняв христианство, Россия, безусловно, вошла в поток магистрального движения истории и находится в нем. Будучи страной христианской, Россия — безусловно, Европа. В пушкинских словах «Россия никогда ничего не имела общего с *остальной* Европою» акцент следует делать на том, что Россия — прежде всего *остального*, Европа. То есть — мир христианский, находящийся в русле магистрального движения цивилизации.

Таковы пушкинские аксиомы. Представить, например, что Пушкин мог мыслить Россию «Евразией», можно лишь в страшном сне. «И финн, и ныне дикий тунгус, и друг степей калмык», и прочие периферийные народы должны приобщиться *мировому логосу*, то есть христианству, — таков, прежде всего, смысл пушкинской всечеловечности. Никакого растворения России в азиатчине (как это мыслят современные евразийцы) Пушкин, конечно, не представляет.

Но если Россия — Европа, то осмысление ее истории требует не просто «другой формулы». Россия и сама — *другая Европа*. Поскольку она и черпала из иных, не западноевропейских начал, и была ограждена от хода развития европейских смыслов. Однако не от самих этих смыслов. Ведь все это — христианские смыслы. Все они России ясны, все они в ней отразились, всем им она причастна. Однако же не так, как *остальная Европа*. Но — по-своему.

¹ Об Аристиппе, чтобы стала более понятна пушкинская ирония: Аристипп первым из учеников Сократа начал брать деньги за обучение и вообще пользовался неоднозначной славой. Так, Антисфен писал Аристиппу: «Неприлично для философа жить при дворе тиранов и свои надежды строить на сицилийские пиры». Аристипп, впрочем, не изменил своим убеждениям потакать только себе самому, наплевав на мнения окружающих. Так, что даже не приехал на смерть своего учителя, Сократа, хотя находился в это время недалеко от Афин. Диоген Лаэртский пишет об Аристиппе: «Он умел примеряться ко всякому месту, времени или человеку, играя свою роль в соответствии со всей обстановкой... он извлекал наслаждение из того, что было в этот миг доступно, и не трудился разыскивать наслаждение в том, что было недоступно». Гораций от лица Аристиппа красноречиво описывает философию последнего: «Шут самому я себе... Чтоб конь меня нес, царь кормил бы <— вот чему> я служу...»

Отдельное от остальной Европы положение России обратило ее в мир, способный взирать на историю Европы, одновременно будучи причастным ей (единством смыслов), но и — несколько со стороны. Это уникальное положение делает нас подобными некоему зеркалу, в котором все шумные перипетии европейских исторических устремлений, достижений и склок отразились разом. Причем мы можем видеть их с того расстояния, с которого они предстают во всей своей целокупности.

Об этом и говорит Пушкин, когда, набрасывая рецензию на «Историю поэзии» С.П. Шевырева (1836), пишет: «Россия по своему положению, географическому, политическому etc., есть судилище, приказ Европы. Nous sommes les grands juges. Беспристрастие и здравый смысл наших суждений касательно того, что делается не у нас, удивительны...»

Безусловно, в определении России «судебным приказом Европы» сквозит ирония (*наших суждений касательно того, что делается не у нас*). Тем более что как раз весной 1835 г. начал выходить журнал «Московский наблюдатель» — отличный повод для едких шуток. Но Пушкину и вообще свойственно самые глубокие свои мысли заворачивать в упаковку иронии. К тому же все здесь непреложная правда: судить о других всегда легче, чем о себе, не так ли?

Итак, России, по своему уникальному положению, свойственно судить о происходящем в Европе гораздо яснее и объективнее, нежели самой Европе. Кроме того, и исторический масштаб происходящего более явственен. Прекрасно понимая все это и вполне сознавая мощь своего гения, Пушкин, конечно, не откажет себе в удовольствии такое исследование провести. И действительно, он совершит его в «Маленьких трагедиях».

Но прежде будет история русская. Прежде будет «Годунов».

4.

«История государства Российского» Карамзина сыграла огромную роль в становлении Пушкина-историсофа. В этом многотомном труде Поэт ощутил настоящее дыхание большой истории и неслучайно, конечно, назвал его автора последним нашим летописцем, таким образом вписав его в единый непрерывный поток русского летописного «гипертекста», создаваемого на протяжении восьмисот лет.

И здесь же осознал, очевидно, свое собственное призвание: его собственный гений вел его именно сюда. Замечательно, что Пушкин называет Карамзина не только завершителем древнего летописного свода, но и основоположником новой исторической науки. *Не таково ли положение самого Поэта? Как будто в него, как в некий фокус, сошлась вся древнерусская культура и родилась культура новой России?*

Так Карамзин становится вдохновением Пушкина-историка и драматурга, и именно ему в первую очередь мы обязаны появлению «Годунова».

В этом смысле образ летописца Пимена, так изумлявший умных современников (увы, таких было немного), тоже, конечно, не случаен. Пимен вышел у Пушкина фигурой совершенно эпического масштаба и буквально излучающим энергию жизни. В нем отразились и Карамзин, и сам Пушкин, и все русские летописцы «от Нестора». Он стал порталом «в миры иные»,

тем «магическим кристаллом», через который мы входим в пространство «Годунова» и оказываемся в реальности Большой Истории...

*...Спокойно зрит на правых и виновных,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не ведая ни жалости, ни гнева...*

— в этих словах, отданных Отрепьеву, — метод самого Пушкина-исследователя. Он и сам так же точно смотрит на свой предмет: созерцая его без предрассуждений, спокойно внемля самой правде бытия, с единственной целью — запечатлеть ее в целости, ничего важного не упустив и ничего не привнеся «от себя». Он пишет так, будто смотрит в глаза своему гению (быть может, лучше сказать — Серафиму), и его «равнодушие» не мешает, конечно, ясно оценивать результаты: «О страшное, невиданное горе! / Прогневали мы Бога, согрешили, / Владыкою себе цареубийцу / Мы нарекли...»

Но почему именно Годунов? Почему именно драма Самозванца? Понятно почему: именно здесь его гений угадал и расшифровал самую суть

конфликта Нового времени. Годунов — конец и крушение эпохи Традиции, где все категории бытия были упорядочены: каждая по своему чину и перархии, всему — свое место. Годунов — первый царь-модернист, сам себя возводящий на царство и тем самым порождающий своего духовного двойника — Самозванца.

Таким образом, *Самозванец становится идеальной, архетипичной, иконописной, можно сказать, фигурой Нового времени.* Центральной фигурой эпохи, главное слово которой: *Самоволие* — Да будет воля моя!

«Годунов» и есть такая икона Нового времени — трагедия перехода Традиции в эпоху Модерна.

Многих исследователей смущало и до сих пор смущает название пушкинской трагедии. Точно ли Годунов является главным

Келья в Чудовом монастыре. Отец Пимен и спящий Григорий. Иллюстрация к трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов». Художник Б.В. Зворыкин, 1927 г.

ее действующим лицом? Или все-таки Самозванец? Или, быть может, самый народ, который кличет цареубийцу на царство в начале трагедии и молчит в ее финале, когда его понукают кликать нового цареубийцу?

Ни то, ни другое, ни третье. Что же тогда? Сама незыблемая рама трагедии — ее финала и первых сцен (там, где народ кличет Годунова на царство) — направляет нас к правильному ответу.

«Тень умерщвленного Димитрия царствует в трагедии от начала до конца, управляет ходом всех событий, служит связью всем лицам и сценам, расставляет в одну перспективу все отдельные группы и различным краскам дает один общий тон, один кровавый оттенок. Доказывать это значило бы переписать всю трагедию...», — это снова Иван Киреевский, кажется, вообще единственный из современников, кто ухватил самую суть вещей.

«Тень умерщвленного Димитрия» грозной тучей нависает над всей Москвой, над всем этим временем. Из нее блещут молнии, то там, то здесь освещающая героев трагедии в мгновения их внутренней смуты. И весь драматический поток движем этим непрерывным диалогом: сил небесных (*Владыкою себе цареубийцу / Мы нарекли... Нельзя молиться за царя Ирода — Богородица не велит...*) и сил земных: Годунов, Самозванец, Народ...

Этот онтологический диалог Бытия Божьего и бытия человеческого и составляет самую суть грандиозной пушкинской драмы.

5.

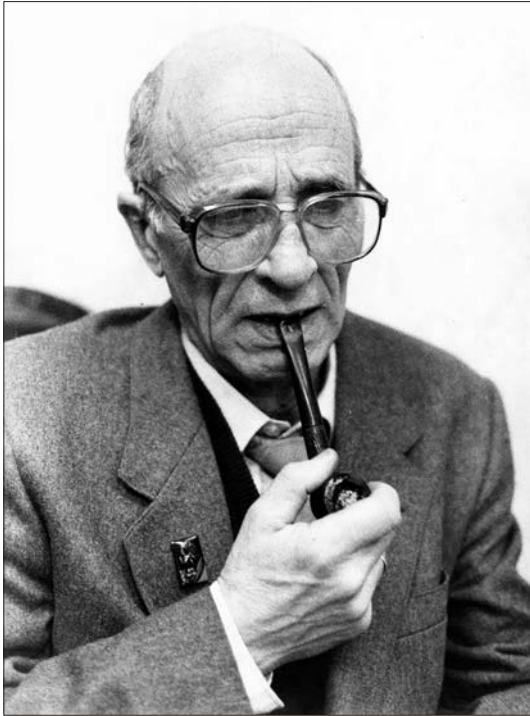
В.С. Непомнящий в работе «Наименее понятый жанр» (1974—1986, 1998) делает несколько по-настоящему важных открытий как относительно пушкинского творческого метода (который он называет *онтологическим реализмом*), так и относительно самой пушкинской драмы, в том числе и непосредственно ее композиции.

Трагедия, прежде всего, «ошеломляюще симметрична». Сюжет ее описывает круг: действие начинается разговором двух бояр об убийстве мальчика-царевича... и заканчивается убийством мальчика-царевича, сына цареубийцы. Причем это зеркальное отображение ничуть не формально, интуитивно отражая устройство космоса (не только физического, но и духовного), — то, что направлено одними против других, «обрушивается, подобно бумерангу, на них самих»: действие равно противодействию. Это «зеркальное отображение» вообще характерно для пушкинских драм (о чем еще будет повод вспомнить).

Далее: «В каноническом тексте трагедии — двадцать три сцены. Достаточно расположить их на линии (а лучше — по кругу), чтобы увидеть, как перекликаются между собою (в основном зеркально-обратно) сцены 1 и 23, 2 и 22, 3 и 21 и т.д.»¹. При этом в срединной 12-й сцене («Замок Мнишка в Самборе») *сверкает бал*. Центр трагедии представляет собой как бы «центр антициклона», блаженство политического Олимпа, по все стороны от которого — ад, смута и кровь...

Речь, конечно, не только о высочайшем мастерстве великого мастера. Речь — о следовании законам мироздания, которые Пушкин лишь очищает от всякой эмпирической пыли и шелухи, чтобы явить их так, как они есть (*пуш-*

¹ *Непомнящий В.С.* Наименее понятый жанр (1974).

Валентин Семенович Непомнящий
(1934–2020) — выдающийся
отечественный пушкинист

кинская поэзия реальней самой реальности, скажет Гоголь).

Как работают эти космические законы? А вот как, отвечает В.С. Непомнящий: пять раз на протяжении трагедии появляется перед нами Годунов. И всякий раз он стоит перед дилеммой: принять ли укоры совести, открыться и тем — спасти царство, или же уйти в тень своего преступления, отступить. И всякий раз, когда Годунов отступает, следует новый виток разрушительных стихий: Самозванец одерживает победу за победой, и, в конце концов, царство гибнет. (Тот же закон, кстати, работает и для самого Самозванца.)

За подробным описанием работы этого внутреннего двигателя трагедии отсылаем читателя к труду нашего замечательного пушкиниста. Мы же остановимся на еще нескольких важных наблюдениях.

6.

«Искусство при свете совести» — так называлось известное эссе Марины Цветаевой. И когда речь идет о «Годунове», то очевидно, что наиболее точно и кратко описать трагедию можно именно этими четырьмя словами. Или же, как замечает В.С. Непомнящий, «Пушкин осмыслил драму не только как диалоги и отношения отдельных лиц между собою, но прежде всего и в итоге всего — как диалог Человека с Истиной»¹.

Но поскольку диалог «Человека с Истиной» имеет всеисторический смысл, обратимся к еще одной важной философской (и историософской) дилемме: «В глубине любой греческой трагедии... торжествует идея беспощадной *ananke* — необходимости, неизбежности, подчиняющей себе даже богов... Ясно, что проблема совести как проблема философская и религиозная была чужда трагедии Рока: там, где царствует неизбежность, судьба, целиком внеположная человеку, — переживание героем своей греховности, которое мы сегодня называем угрызениями совести, есть лишь элемент сюжета... Незнакомо языческому сознанию и понятие истории: никакой истории быть не может там, где человек несвободен и от него ничего не зависит, — есть круговорот событий...»²

¹ Непомнящий В.С. Наименее понятый жанр (1974).

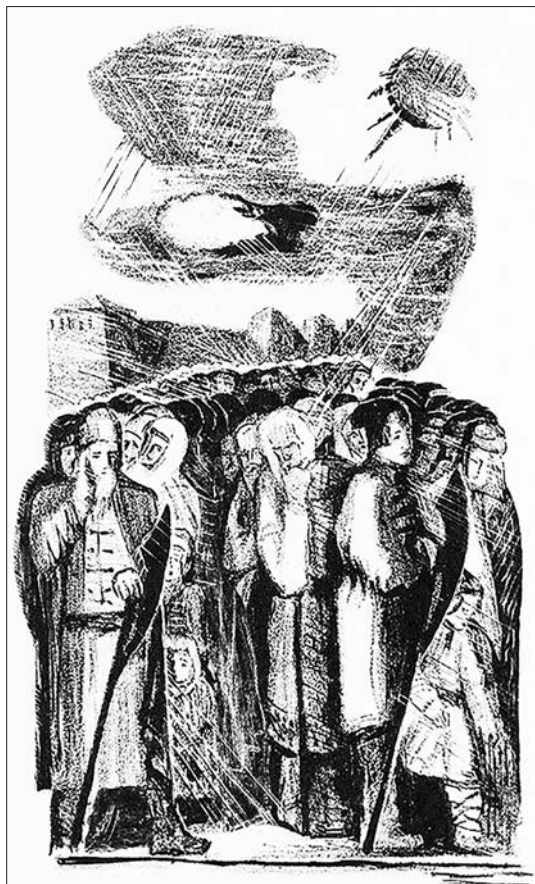
² Там же.

И лишь у Шекспира «возникает материя человеческой истории — причинно-следственной цепи, в которой огромную роль играют отношения людей с совестью, личная и историческая ответственность. Наличие материи истории ведет к вовлечению в действие гораздо большего числа действующих лиц, нежели в античной трагедии (это уже не античный Хор, но и не народ в полном смысле: это реальные действующие лица, пусть лишь песчинки, но все же придающие плотность потоку событий)»¹.

Однако сама история Шекспиру мало интересна. История — лишь полотно, на котором разворачивается трагедия человеческих страстей, в глубины которых вглядывается Шекспир. Пушкин же, опираясь на систему Шекспира, создал свою систему или, лучше сказать, философию бытия. «Пушкин вгляделся в то, что у Шекспира мерцает на дальнем и недосягаемом плане, и за цепью отдельных судеб и событий увидел человеческую Историю как одно целостное сверхсобытие, “необыкновенное, странное происшествие”»².

В самом деле, вовсе не судьбы героев представляют драматический «интерес» «Годунова», все главные герои которого исчезают еще до конца действия (!). На самом деле перед нами *первая в мире трагедия*, — подчеркивает В.С. Непомнящий, интерес которой состоит *в целостном ходе вещей*.

Истории же как единству («интерес — единство», подчеркивает сам Пушкин³) должно соответствовать понятие о «единстве судеб человеческих»⁴. Речь, как видим, снова идет об Истории как некоем едином осмысленном потоке, и человечестве как Всечеловеке — некоем соборном, симфоническом человеке (ср.: «Что развивается в трагедии? Какая цель ее? Человек и народ. Судьба человеческая, судьба народная...»)

*Иллюстрация к трагедии
А.С. Пушкина «Борис Годунов».
Художник И.Е. Лукьянов, 1996 г.*

¹ *Непомнящий В.С.* Наименее понятый жанр (1974).

² Там же.

³ *Пушкин А.С.* О трагедии (1825).

⁴ *Непомнящий В.С.* Наименее понятый жанр (1974).

История есть Суд — вот истина, которую открывает своей трагедией Пушкин. И судится на этом суде *человек, человечество* как таковое — «весь Адам».

Потому-то и «горе народам, оставшимся вне европейской системы» (то есть христианства). Ибо в этих народах, оставшихся вне истории, личное сознание не пробудилось. Следовательно, не проснулось и осознание трагичности бытия. Такова вся сонная Азия: история здесь не начиналась, личность не пробуждалась, свобода не обреталась. А значит, нет трагедии, нет суда, нет обретения лиц.

А Европа? *А вот это как раз и есть место всемирной трагедии!* Трагедии пришествия Богочеловека и Его отвержения («смерти Бога»). Эту трагедию и являет история Европы: сама Европа — подмостки этой трагедии.

Вспомним еще раз историософскую максиму Пушкина: если история до Христа была историей древних цивилизаций, то история после Христа — есть история христианства (христианской цивилизации). Однако история ли это развития? Нет, отвечает Поэт, — но — история катастрофы.

В «Годунове» Пушкин исследует эту катастрофу на примере русской истории. В «Маленьких трагедиях» та же катастрофа исследуется на примере истории европейской.

Но прежде чем мы перейдем к «*Маленьким трагедиям*» Европы, осветим кратко моменты, без которых историческая перспектива, о которой пойдет речь, может оказаться искаженной.

7.

Категория совести, замечает В.С. Непомнящий, возникла как таковая лишь в христианскую эру. Категорическое утверждение нашего замечательного пушкиниста опирается на известную статью советского антика В.Н. Ярхо «Была ли у древних греков совесть?». По Ярхо выходит, что не было, и что греки жили скорее в понятиях чести, то есть внешних законов социума, нежели внутреннего закона *со-вести* как «голоса Бога в сердце». И что понятие совести начало просыпаться лишь в VII—V вв. до Р.Х. (то есть в пресловутое «осевое время»), когда, согласно известной теории К. Ясперса, начала просыпаться и личность в современном ее понимании.

Однако же древний человек был человеком коллективным и мало обращался ко внутренней жизни. Личность начинает рождаться лишь в «осевое время». Следовательно, и внутренняя жизнь, и понятие совести рождаются лишь в христианскую эпоху, — такова эта схема, казавшаяся вполне надежной еще несколько десятилетий назад.

В.С. Непомнящий смело берет ее на вооружение. Его выводам она, впрочем, нисколько не вредит, а вот нашим повредить может. Почему мы сразу должны предупредить читателя, что схема эта — ложная. Нет, категория совести возникает далеко не в христианскую эру, она возникла гораздо-гораздо раньше. И история возникает не вместе с христианством, но, скорее, вместе с тем самым «осевым временем», и возникает не как некое развитие чего-то нового, а сразу как *Катастрофа*.

Не верно и то, что христианская эпоха в сущности покрывает собой историческое время. Скорее наоборот: христианство останавливает историю, тем самым приостанавливая и ее катастрофичность. Но — только на время.

В самом деле: можно ли назвать христианство исторической религией? Христианство есть прежде всего Откровение Христа. Но что говорит Христос? Что история кончилась и дальше лишь *Эсхатон* — последнее время и конец мира: *Приблизилось царство небесное... Ныне узрите Сына Человеческого грядущего с небес...*

Таким образом, Христос говорит о Себе как завершении истории. Как о последнем Событии (Благая весть). Никаких иных важных событий мир более не ожидает.

О том, что история мира завершена Христом, всегда говорила Церковь. Таковым и было средневековое самосознание. И лишь в эпоху крушения Средневековья происходит некое новое начало истории (которое привносит в христианский мир Иоахим Флорский с его «третьей эпохой Духа»).

Именно в это время и начинает всматриваться гений Пушкина, желая понять, исследовать и осмыслить начала той Катастрофы, в которую погружена современность (то есть XVIII—XIX вв.). Отсюда и начинают расти его «Маленькие трагедии» Европы.

С этим вопросом связан и другой: была ли у греков совесть?

Вопрос, с одной стороны, весьма темен, с другой — совершенно ясен. Точнее так: темен в отношении греков, но не в отношении традиционного мира и древнего человека в принципе.

Со-знание и *со-весть* — слова родственные. Но позор перед обществом и грех перед Богом — разные, конечно, вещи. Так что со-весть в классическом ее понимании и правда становится возможна, пожалуй, лишь при строгом монотеизме, и притом — крайне напряженном осознании живой связи (*со-весть*) с Божеством. То есть Ярхо, возможно, во многом и прав, отказывая грекам в совести.

Не случайно в эпоху «смерти Бога» на свет выходит фрейдизм, объявляющий все внутреннее человека (включая совесть) психологией и отфутболивающий все не находящие выхода побуждения и страсти к самому мощному источнику материального бытия — сексу.

«Совесть» в таком мире оказывается лишь суммой привычных общественных установок (если Бога нет, все позволено), которые оказываются не так трудно переформатировать. Так, во всяком случае, утверждает Фрейд. То есть если раньше стыдились обнаженного тела и прелюбодеяния, то — немного воспитательной работы, поддержанной усилиями пропаганды, и — стыдиться будут «антисемитизма» и «расизма». И, в самом деле, оказалось — это работает!

Таким образом, вопрос, была ли у древних греков совесть, оказывается вовсе запутан.

Разобраться, однако, не так уж и сложно. Для этого вопрос «была ли у древнего человека совесть?» придется лишь несколько расчленить. Скажем, так: в месопотамской культуре слово «добро» означает много финиковых пальм у меня, а слово «зло» — мало финиковых пальм у меня и много финиковых пальм у другого. Это достаточно четкий маркер наличия совести.

Понятия добра и зла в греческом мире, безусловно, гораздо более развиты. Еще Гесиод говорит о людях добрых и порядочных, а также злых и вполне развращенных, живущих вокруг во множестве. Грек, однако, существовал в социуме, где центральным было понятие чести, религиозное же чувство не было дифференцировано. Поэтому говорить о *со-вести* как свя-

зи человека с Богом действительно не совсем корректно (хотя, разумеется, всякая душа — христианка).

Тем не менее, и греческим трагикам понятие совести («синейдесис») известно. Агамемнон говорит у Эсхила: «К разумению Добра / Зевс ведет путем скорбей, / Научает болью нас... / Нет сна; в сердце память каплет яд. / Злой укор...» — Очевидно, перед нами она, совесть. Сравним:

*Но если в ней единое пятно,
Единое, случайно завелось,
Тогда беда: как язвой моровой
Душа сгорит, нальется сердце ядом,
Как молотком стучит в ушах упрек...*

Сократ говорит о внутреннем «даймоне», который уберегает его от неверных поступков. Не совесть ли это?

Но если говорить о греках древности все же довольно трудно, стоикам поздней Античности, во всяком случае, совесть уже хорошо знакома: это — «божественный закон в человеке»¹.

Двинемся дальше. Бог еврея — не столько Бог, сколько царь, требующий притом неукоснительного повиновения и нещадно карающий за непослушание актами геноцида. В таком мире понятие совести кажется просто излишним. Настолько, что чувство справедливости античного человека (того же грека или римлянина) оказывалось крайне смущено чудовищными требованиями Яхве: убивай каждый брата своего, каждый друга своего, каждый ближнего своего (Исх. 32:27)... Или повелением обобрать египтян (Исх. 12)... Или: «Теперь иди и порази Амалика, и истреби все, что у него... предай смерти от мужа до жены, от отрока до грудного младенца, от вола до овцы, от верблюда до осла» (1 Цар. 15:3).

Подобное нам знакомо по яacobинству и большевизму, но какое отношение это имеет к *совести*? Христиане смирились с кровожадностью Ветхого Завета, лишь когда святоотеческая экзегеза залила его ярость янтарной смолы символических толкований.

Но (счастье есть) и совесть в Древнем мире мы все же находим. Где же? Конечно, в Египте, где она находилось в самом центре общественного и личного бытия. Маат (истина) — центральная категория египетской духовности — это и есть *жизнь по совести, правде и справедливости*: не обижай слабого, делись с бедным, помоги вдове, опекай сироту и т.д. Все это — своего рода предхристианство. Сцены же посмертного суда 125-й главы Книги мертвых являют нам столь тонкие дефиниции личности (в выявлении благонадежности души к царству небесному), которые, очевидно, не снились и самому Карлу Ясперсу, человеку, судя по его писаниям, много проще. Да и Виктору Ноевичу Ярхо, знай он о Древнем Египте то, что знаем сегодня мы, пришлось бы смириться с тем, что и совесть, и личность у древнего человека все-таки были. Причем зачастую в гораздо более развитом виде, нежели у человека современного.

Почему мы так подробно все это акцентируем? Потому что иной взгляд на эти вещи совершенно исказил бы историческую перспективу. Приняв

¹ См.: *Домусчи С., свящ.* Античное понимание совести. URL: <https://rutube.ru/video/caa1d0c6796f7958f97891c69fa9b939/>.

сторону Ярхо, нам пришлось бы принять и то, что история (начиная с «осевого времени») предстает непрерывным торжественным шествием прогресса. Какой она и предстает у Иоахима Флорского, прогрессистов-просветителей, затем Гегеля и, наконец, Маркса.

Но пушкинский взгляд на историю совершенно иной. История, какой она предстает у Пушкина, есть непрерывная катастрофа, и именно такими — полными эсхатологического ужаса — выходят из-под его пера исторические драмы.

И, конечно, пушкинский взгляд на историю гораздо более аутентичен.

Очевидно, что личность возникает гораздо раньше пресловутого «осевого времени» (VII–V вв. до Р.Х.). Даже фараона Эхнатона (XIV в. до Р.Х.), первого пророка человечества и основателя монотеизма, назвать первой личностью в нашем понимании этого слова трудно. Скорее придется отмотать еще тысячу лет и указать на Имхотепа (XXVII в.) — великого жреца, архитектора, медика, мудреца, строителя первой египетской пирамиды.

Что же касается истории (в нашем понимании этого слова), то она действительно начинается лишь в VII–V вв. до Р.Х., и начинается сразу как катастрофа. Шатается Древний Египет, шатается Древний Вавилон, все приходит в неопишное брожение и движение. Как раз в это время капиталы вавилонских банкиров начинают захватывать все новые и новые территории и рынки, тогда же (причем сразу во многих местах) появляется и монета... В этой экспансии капитала и состоит, по-видимому, сущность «осевого времени», а вовсе не в «рождении личности» или «совести».

Пушкин-историк, разумеется, не знает всего того, что знаем сегодня мы. Но Пушкин-поэт, кажется, безошибочно схватывает темную подспудную сущность (*и гад морских подводный ход*) истории и являет ее в безукоризненных формулах «Маленьких трагедий» Европы.

8.

По сравнению с глыбой «Бориса Годунова» «Маленькие трагедии» кажутся несколькими изящными миниатюрами, виньетками, нанесенными почти небрежно и оставленными почти случайно (и такому взгляду есть основания: вместе «Трагедии» при жизни Пушкина и не публиковались).

Но, конечно, лишь на первый взгляд. «Годунова» писал совсем юный еще человек, в процессе работы вырастающий в Мастера. «Трагедии» пишет уже великий Мастер.

Что же такое «Маленькие трагедии»? Если в «Годунове» Пушкин исследует «духовные механизмы» перехода Традиции в Новое время на материале русской истории, то теперь взор Мастера обращается к истории трагедии Европы. И вопрос, который он перед собой ставит, — каким образом христианская Европа превратилась в то, чем предстает она в первой четверти XIX в. — мир, совершенно (по Пушкину) аполексический, эсхатологический.

«Восемнадцатый век был для него таким же “великим концом”, как и первый век нашей эры, завершением огромного исторического цикла», — справедливо замечает Лотман¹.

¹ Лотман Ю.М. Опыт реконструкции пушкинского сюжета об Иисусе (1982).

*Иллюстрация к трагедии А.С. Пушкина «Скупой рыцарь».
Художник В.А. Фаворский, 1959–1960 гг.*

Многие называли «Маленькие трагедии» каталогом страстей, и это в сущности верно. (Например, С.М. Бонди говорит об «углубленном анализе человеческих страстей» в широком шекспировском смысле, который предпринимает здесь Пушкин.) Перед нами действительно последовательно проходят человеческие пороки, взятые в их, можно сказать, экстремуме: доходящая до абсурда скупость; столь же ненасытное, играющее со смертью, сластолюбие; зависть, доходящая до бунта против Неба; наконец, доходящие до богоборчества ужас и отчаяние.

Причем сей апогей страстей является в ликах героев, также совершенно не ординарных. Пушкинских героев вполне можно назвать сверхчеловеками: таковы и Скупой рыцарь, и Дон Гуан, и Сальери, и Вальсингам.

И если и правда, как говорят, что великие святые и великие грешники лепятся из одного материала, то именно это мы здесь и видим. В других обстоятельствах (или, точнее, в другом контексте) из Скупого рыцаря, Дона Гуана, Сальери и Вальсингама получились бы великие герои, но вышли — великие грешники и преступники.

С.Б. Рассадин верно замечает, что каждому герою «Трагедий» свойственно некое сверхкачество: барон — сверхрыцарь; Сальери — сверхлогик, сверхчеловек; Вальсингам — сверхциник; Дон Гуан — сверхсоблазнитель¹. Эти сверхкачества, сверхчеловечность и делают героев совершенно

¹ Рассадин С.Б. Драматург Пушкин (1975).

замкнутыми в самих себе (Дон Гуан здесь не исключение), и эта замкнутость их и сокрушает.

Перед нами, иными словами, трагедия самой человеческой *природы и* самой человеческой *личности*. Одно это делает «Маленькие трагедии» произведением не просто гениальным, но и невероятно интригующим.

Но это далеко не все. Создается ощущение (и вряд ли оно обманчиво), что все пушкинские герои как будто связаны друг с другом причудливыми, но явными связями. Так что вернее кажется назвать эти четыре следующие друг за другом драмы не «каталогом страстей», а *генеалогией страстей*.

Иными словами, вполне можно сказать, что Дон Гуан является потомком Скупого рыцаря. То же можно сказать о Сальери и, особенно, Вальсингаме, естественным образом замыкающем всю галерею. Речь, конечно, не столько о прямом, сколько о духовном преемстве.

Впрочем, и генеалогия рода занимает здесь не последнее место. Родовая память, преемство поколений — вот что, согласно Пушкину, поддерживает культуру и цивилизацию («Любовь к родному пепелищу, / Любовь к отеческим гробам... / На них основано от века / Самостоянье человека, / Залог величия его», — пишет он в это же самое время).

Отпадение от преемства, его презрение, индивидуализация, атомизация — все то, что представляет собой демократия, — становится причиной Катастрофы. Все герои Пушкина — не просто сверхчеловеки, они — отпавшие от рода сверхчеловеки, те, в ком пресеклось движение «от Адама». Не в этом ли самый исток их трагедии? И мировой трагедии в целом?

Великая пустота образуется в душах героев после того, как в них пресекается поток рода: Барон ненавидит и боится своего сына; Дон Гуан — человек—перекати-поле; Сальери — типичнейший человек просвещения; Вальсингам рвет все связи с человеческим миром, слагая оду Чуме... Эта великая пустота и становится тем резервуаром, который может быть заполнен теперь лишь великой сверхчеловеческой страстью¹.

Наконец, сделаем последний шаг. Точнее, за нас его делают питерские филологи М.Н. Виролайнен и Н.В. Беляк, предложившие блестящую интерпретацию пушкинских «Трагедий»². Согласно этой интерпретации, цикл представляет собой последовательно разворачивающуюся картину культурных эпох, взятых в их кризисных точках.

Так, «Скупой рыцарь» являет кризис средневекового сознания, «Каменный гость» — сознания возрожденческого, «Моцарт и Сальери» — просве-

¹ Ср.: «Четыре культурных космоса тетралогии, казалось бы, изолированы один от другого; строящие их и действующие в них трагические герои, казалось бы, независимы друг от друга. Но цикл как целое обнаруживает, что эти индивидуалисты, родства не помнящие, подвержены непреложным законам наследования и преемственности. У всех у них общий культурный предок — Барон, первый, чье отпадение от рода определило ход новоевропейской истории. И он же признан Пушкиным в качестве собственного культурного предка. А это означало, что история, расколотая индивидуалистическим сознанием, восстанавливалась как история родовая, и трагическая вина была понята и пережита как родовая вина». (Виролайнен М.Н., Беляк Н.В. «Маленькие трагедии» как культурный эпос новоевропейской истории (1991)).

² См.: Виролайнен М.Н., Беляк Н.В. «Маленькие трагедии» как культурный эпос новоевропейской истории (1991).

щенческого, «Пир во время чумы» — выход непосредственно в эсхатологическое настоящее (Пушкин пишет цикл в Болдино, во время холерного карантина — финала, открытого в совершенную неизвестность).

Таким образом, «Трагедии» открывают перед нами перспективу всей европейской истории, но не как «последовательность фактов», а как «грандиозный единый сюжет», предъявляемый фрагментарно, но связанный сквозной генетической связью. «Ибо культурные герои, рождающиеся и действующие в отдаленных точках истории, связаны между собой неким глубинным сюжетом, очередной виток которого может продолжить содеянное несколько столетий тому назад»¹.

Все это совершенно справедливо: именно так и построены «Маленькие трагедии», именно таким единым грандиозным сюжетом и предстает поток истории, схваченный Пушкиным в четырех сценах. Контекст же этого потока являет сквозная генетическая связь всех элементов.

Еще раз вспомним здесь громадное восьмисотлетнее предприятие русских книжников-летописцев, таким же точно образом воспринимающих мировую историю и современность: *подобно единому потоку от Адама до наших дней*.

И еще одно. В «Маленьких трагедиях» Пушкин являет нам историю трагедии Европы в нескольких ключевых (реперных) точках. Но далеко не только здесь. В сущности, любое обращение Пушкина к исторической теме добавляет стеклышко в этот эпический витраж. Будь то «Сцена из Фауста», или «Клеопатра», или наброски «Сцены из рыцарских времен», план «Патессы Иоанны», замысел «Вечного жида»...

В этом смысле замечательно еще одно наблюдение. Пушкинистам известен сохранившийся в пушкинских рукописях листок, на одной стороне которого имеется автограф стихотворения «Под небом голубым страны своей родной...» (дат. 29 июля 1826 г.), а на другой — список из десяти названий.

Вот он:

«Скупой

Ромул и Рем

Моцарт и Сальери

Д. Жуан

Иисус

Беральд Савойский

Павел I

Влюбленный бес

Димитрий и Марина

Курбский».

Очевидно, перед нами программа творческих замыслов. Менее очевидно, что это, возможно, «прообраз будущего цикла» — именно такое предположение делает М. Виролайнен², интерпретируя список как сквозной замысел исторических сцен. Если «Маленькие трагедии» воплощают картину движения по культурным эпохам, взятым в их кризисных точках», то представленный список максимально расширяет исторические рамки «от

¹ Виролайнен М.Н. Генеалогический принцип в истории (2001).

² Там же.

Ромула до наших дней»¹. То есть — от начала европейской цивилизации до ее трагического финала.

Да, это, очевидно, лишь первое приближение замысла, когда «даль свободного романа я сквозь магический кристалл еще неясно различал». Тем не менее, принцип, использованный позднее в «Маленьких трагедиях», вполне очевиден. Перед нами не что иное, как точки исторических изломов, акупунктурная нить мировой истории (и мировой трагедии):

«Ромул и Рем» — время основания Рима;

«Иисус» — согласно Лотману, представляет собой замысел сцены «Христос перед Пилатом» (тема: духовная свобода и власть, реализованная позднее в другом цикле, в стихотворении «Мирская власть»);

«Беральд Савойский» — момент основания древнейшей в Европе Савойской династии;

«Курбский» — переломное время Иоанна Грозного;

«Димитрий и Марина» — Смутное время;

«Влюбленный бес» — проект, начинающийся словами: «Москва в 1811 году», — то есть Москва накануне пожаров 1812 г., эпической Отечественной войны, и т.д.

М. Виролайнен называет задачу, поставленную здесь перед собой Пушкиным, попыткой создать «предание Нового времени», подобное ветхозаветному и новозаветному преданиям, «колоссальной задачей для сознания секуляризованной культуры», которая все еще остается не осуществленной.

Так это вероятно и есть. Или, скажем иначе: задачей Пушкина было продолжение того великого гипертекста, который начат был авторами Ветхого и Нового Заветов, продолжен русскими книжниками-летописцами и Карамзиным, как «последним летописцем» и «основоположником новой исторической науки».

Окончание следует

¹ «...Дней минувших анекдоты / От Ромула до наших дней / Хранил он в памяти своей» («Евгений Онегин», гл. VI).

Пути ПОЗНАНИЯ

Бога бойтесь, Царя чтите.

1 Петр. 2, 17

1.

Владимир ВОРОПАЕВ

«КАЖДОГО ИЗ НАС ЗВАНЬЕ СВЯТО»: ГОГОЛЬ И ГОСУДАРЬ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ

Владимир Алексеевич Воропаев — родился в 1950 г. в Москве. Российский литературовед, специалист в области русской литературы XIX в., доктор филологических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, председатель Гоголевской комиссии Научного совета РАН «История мировой литературы», член Союза писателей России. Автор многочисленных трудов о жизни и творчестве Гоголя. Награжден орденом преподобного Нестора Летописца (2010, Киев) за подготовку полного собрания сочинений и писем Н.В. Гоголя в 17 томах. **Живет в Москве.**

В письме «Исторический живописец Иванов» (1846), адресованном графу Матвею Юрьевичу Виельгорскому и вошедшем в книгу «Выбранные места из переписки с друзьями», Гоголь рассказал о помощи, оказанной ему однажды Государем Николаем Павловичем: «Один раз <...> я очутился в городе, где не было почти ни души мне близкой, без всяких средств, рискуя умереть не только от болезни и страданий душевных, но даже от голода. Это было уже давно тому. Спасен я был Государем. Нежданно ко мне пришла от него помощь. Услышал ли он сердцем, что бедный подданный его на своем неслужащем и незаметном поприще помышлял сослужить ему такую же честную службу, какую сослужили ему другие на своих служащих и заметных поприщах, или это было просто обычное движение милости его. Но эта помощь меня подняла вдруг. Мне было приятно в эту минуту быть обязанным ему, а не кому-либо другому. К причинам, побудившим взяться с новою силою за труд, присоединилась еще и мысль: если удостоит меня Бог сделаться точно человеком близким для многих людей и достойным точно любви всех тех, которых люблю, — сказать им: “Не забывайте же, меня бы не было, может быть, на свете, если б не Государь”».

Уже в наше время было опубликовано письмо Гоголя к императору Николаю Павловичу от 18 апреля (н. ст.) 1837 г., проясняющее этот эпизод биографии писателя и неопровержимо свидетельствующее о его монархических убеждениях. «Всемиловитвейший Государь, — писал

Гоголь, — простите великодушно смелость Вашему бедному подданному, дерзающему возносить к Вам незнаемый голос. Находясь в чужой земле, среди людей, лишенных участия ко мне, к кому прибегну я, как не к своему Государю? Участь поэтов печальна на земле: им нет пристанища, им не прощают бедную крупицу таланта, их гонят, — но венценосные властители становились их великодушными заступниками. Вы склонили Ваше царское внимание к слабому труду моему, тогда как против него неправо восставало мнение многих. Глубокое чувство благодарности кипело тогда в сердце Вашего подданного, и слезы, невыразимые слезы, каких человеку редко дается вкушать на земле, струились по челу его. Бессильный выразить мою благодарность, я дал клятву в душе своей собрать все, что имею, что даровано на долю мою Богом, и произвести творение, достойное Вашего внимания. Мои силы телесные не сравнились с душевными. Несчастное здоровье мое заставило меня оставить родину, — и, не совершивши предначертанного, я должен прибегнуть к Вашему великодушию, Монарх!».

И далее: «Я болен, я в чужой земле, я не имею ничего — и молю Вашей милости, Государь: ниспошлите мне возможность продлить бедный остаток моего существования до тех пор, пока совершу начатые мною труды и таким образом заплачу свой долг отечеству, чтобы оно не произнесло мне тяжелого и невыносимого упрека за бесполезность моего существования. Клянусь, это одна только причина, понудившая меня прибегнуть к стопам Вашим. Никогда бы не дерзнул я тревожить Ваше Императорское Величество моею просьбою. Безропотно покорился бы я своей судьбе, вышил бы до дна все горе, мне приготовленное, и умер бы без жалобы на жребий свой, не приклоняя никоим образом на страдание и участие ко мне. Но — весь состав мой леденеет от ужаса при мысли, что труды, мною начатые и замысленные, исчезнут без исполнения, мое отечество не заметит моего имени и Государь мой не узнает развития того таланта, которого слабые начала благоволил он удостоить просвещенного внимания своего».

Письмо написано в Риме, куда Гоголь приехал в марте 1837 г. (это было его первое посещение «вечного города»). Спустя три недели он писал Василию Андреевичу Жуковскому, имея в виду работу над «Мертвыми душами»: «Я должен продолжать мною начатый большой труд, который писать с меня взял слово Пушкин, которого мысль есть его создание и который обратился для меня с этих пор в священное завещание. Я дорожу теперь минутами моей жизни, потому что не думаю, чтобы она была долговечна, а между тем... я начинаю верить тому, что прежде считал басней, что писатели в наше время могут умирать с голоду. <...> Я думал, думал, и ничего не мог придумать лучше, как прибегнуть к Государю. Он милостив, мне памятно до гроба то внимание, которое он оказал моему «Ревизору». Я написал письмо, которое прилагаю; если вы найдете его написанным как следует, будьте моим представителем, вручите; если же оно написано не так, как следует, то — он милостив, он извинит бедному своему подданному. Скажите, что я невежа, не знающий, как писать к его высокой особе, но что я исполнен весь такой любви к нему, как может быть исполнен один только русский подданный, и что осмелился потому только беспокоить его просьбою, что знал, что мы все ему дороги, как дети».

В этом же письме Гоголь просил Жуковского найти случай указать царю на две его повести: «Старосветские помещики» и «Тарас Бульба».

*Портрет Н.В. Гоголя.
Художник В.К. Горюнов, 1835 г.*

Гоголь надеялся встретить поддержку царя и не ошибся. Вскоре после постановки комедии он отвечал в «Театральном разезде после представления новой комедии» своим недоброжелателям: «Великодушное правительство глубже вас прозрело высоким разумом цель писавшего».

Все свои книги, начиная с «Вечеров на хуторе близ Диканьки», Гоголь преподносил членам Царствующего Дома и самому императору. Это было данью от чистого сердца русского подданного, убежденного монархиста, не изменившего своему убеждению до конца жизни.

В статье «О преподавании всеобщей истории», опубликованной в «Арабесках» (1835) и датированной самим Гоголем 1832 г., Николай Павлович назван «Великим Государем». Здесь же Гоголь писал, что цель его — образовать сердца юных слушателей, чтобы «не изменили они своему долгу, своей Вере, своей благородной чести и своей клятве — быть верными своему Отечеству и Государю». Именно эти строки Гоголь, по всей видимости, зачитывал Ивану Сергеевичу Тургеневу в октябре 1851 г. в доказательство неизменности своих взглядов, вопреки обвинениям А.И. Герцена в «отступничестве». «Помнится, речь зашла о необходимости строгого порядка, безусловного повиновения властям и т.п», — вспоминал Тургенев, неприязненно относившийся как к ранним статьям Гоголя в «Арабесках», так и к «Выбранным местам из переписки с друзьями». «Вот видите, — говорил Гоголь, — я и прежде всегда то же думал, точно такие же высказывал

«Это те две счастливые повести, которые нравились совершенно всем вкусам и всем различным темпераментам. <...> Если бы их прочел Государь! Он же так расположен ко всему, что идет от души...». Письмо Гоголя было передано царю, который распорядился выслать ему через русскую миссию 500 червонцев.

Государю императору памятна была история с постановкой комедии «Ревизор» на сцене. Вскоре после премьеры, 29 апреля 1836 г., Гоголь писал актеру Михаилу Щепкину: «Если бы не высокое заступничество Государя, пьеса моя не была бы ни за что на сцене, и уже находились люди, хлопотавшие о запрещении ее». Император Николай Павлович не только сам был на спектакле, но велел и министрам смотреть «Ревизора». Во время представления он хлопал и много смеялся, а выходя из ложи, сказал: «Ну, песка! Всем досталось, а мне более всех!».

убеждения, как и теперь! С какой же стати упрекать меня в измене, в отступничестве...». «Преданность к Религии и привязанность к Отечеству и Государю» Гоголь называл «священными словами».

В декабре 1845 г. Государь Николай Павлович был в Риме, где во время свидания с папой Григорием XVI договорился о заключении Римской церковью конкордата (соглашения) с Россией. В связи с этим Гоголь писал графу Александру Петровичу Толстому 2 января (н. ст.) 1846 г. из Рима: «О Государе вам мало скажу. Я его видел раза два-три мельком. Его наружность была прекрасна, и ею он произвел впечатление большое в римлянах. Его повсюду в народе называли просто Imperatore, без прибавления:

di Russia, так что иностранец мог подумать, что это был законный государь здешней земли. <...> К художествам и к искусствам Государь был благосклонен. Показал вкус в выборах и в заказах, и даже в том, что заказал немного. Помощь, оказанная бедным, тоже сделана с рассмотрением. Бог да спасет его и да внушит ему все, что ему нужно, что нужно истинно для доставления счастья его подданным! Если он молится и если молится так сильно и искренно, как он действительно молится, то, верно, Бог внушит ему весь ход и надлежащий закон действий. “Сердце Царя в руке Божией”, — говорит нам Божий же глагол. И если медлит когда исходить от Царя всем очевидное благо, то, верно, так нужно; верно, мы стоим того за грехи наши...».

Вскоре, в письме к Александре Осиповне Смирновой от 27 января (н. ст.), говоря о пребывании Государя в Риме, Гоголь заметил: «Я не представлялся к нему потому, что стало стыдно и совестно, не сделавши почти ничего еще доброго и достойного благоволения, напоминать о своем существовании. <...> Государь должен увидеть меня тогда, когда я на своем скромном поприще сослужу ему такую службу, какую совершают другие на государственных поприщах». А в письме к Жуковскому от 6 февраля (н. ст.) Гоголь приводит новые подробности посещения Государем Рима: «Был очень ласков с художниками. Весьма похвалил Иванова, которого картина ему очень понравилась. <...> Бывши в куполе Петра, он достигнул самого яблока и написал в нем: “Здесь был Император Николай и молился о благоденствии матушки России”».

В связи с хлопотами друзей Гоголя по поводу назначения ему государственного пособия Жуковский писал Смирновой в январе 1845 г.: «Вам бы

*Портрет императора Николая I.
Художник В.А. Голике, 1843 г.*

надо о нем позаботиться у царя и царицы. Ему необходимо иметь что-нибудь верное в год. Сочинения ему мало приносят, и он в беспрестанной зависимости от завтрашнего дня. Подумайте об этом; вы лучше других можете охарактеризовать Гоголя с его настоящей, лучшей стороны». И вот, Гоголь получает от Государя «пенсия» в тысячу рублей в год на три года. Таковую же сумму прибавил ему Наследник.

В дневнике Смирновой есть любопытные детали: «Государь перебил разговор. Я ему напомнила о Гоголе, он был благосклонен. — У него есть много таланту драматического, но я не прощаю ему выражения и обороты слишком грубые и низкие. — Читали вы “Мертвые души”? — спросила я. — Да разве они его? Я думал, что это Соллогуба. Я советовала их прочесть и заметить те страницы, где выражается глубокое чувство народности и патриотизма».

Многих смущает, что Государь спутал Гоголя с графом Владимиром Соллогубом. На самом деле, в этом нет ничего удивительного. В 1845 г. вышел «Тарантас», который понравился многим. В июне этого года Смирнова писала Гоголю: «Кстати о книгах: “Тарантас”, повесть В.А. Соллогуба, очень понравилась Государю, он очень часто о нем говорил».

В феврале 1847 г. Гоголь сообщал графу Александру Петровичу Толстому из Неаполя о той заботливости, которую проявил по отношению к нему Николай Павлович в связи с его паломничеством в Иерусалим: «Государь был так милостив ко мне и еще месяц тому назад, узнавши о моем путешествии, мной предпринимаемом, расспрашивал с участием обо мне у Михаила Юрьевича Виельгорского и дал приказание канцлеру написать во все посольства, миссии и начальства тех земель на Востоке, где ни буду проходить, оказывать мне особое покровительство».

У нас нет свидетельств о личном знакомстве Гоголя с Государем. Но оно, без сомнения, состоялось. Это следует из письма к нему неустановленного лица из Одессы от 8 мая 1848 г., опубликованного Владимиром Ивановичем Шенроком в четвертом томе «Материалов для биографии Гоголя». Неизвестный корреспондент обращается к Гоголю, выехавшему из Одессы в Васильевку, со следующей просьбой: «В Петербурге, если будешь видеть Государя Императора, то скажи ему, что я живу в Одессе, расскажи ему о моем семейном быте и что есть ему надежда со мной повидаться в Петербурге в июле месяце. Исполнением этой моей просьбы ты задушевно меня обяжешь».

2.

В благоговении перед идеей православной монархии Гоголь совершенно сходил с Пушкиным. В статье «О лиризме наших поэтов» он писал: «Как умно определял Пушкин значение полномочного Монарха и как он вообще был умен во всем, что ни говорил в последнее время своей жизни! “Зачем нужно, — говорил он, — чтобы один из нас стал выше всех и даже выше самого закона? Затем, что закон — дерево; в законе слышит человек что-то жесткое и небратское. С одним буквальным исполнением закона недалеко уйдешь; нарушить же или не исполнить его никто из нас не должен; для этого-то и нужна высшая милость, умягчающая закон, который может явиться людям только в одной полномочной власти. Государство без полномочного монарха — автомат: много-много, если оно достигнет того, до чего достигнули Соединенные Штаты. А что такое Соединенные Штаты?»

Мертвечина; человек в них выветрился до того, что и выеденного яйца не стоит. Государство без полномочного Монарха — то же, что оркестр без капельмейстера: как ни хороши будь все музыканты, но, если нет среди них одного такого, который бы движением палочки всему подавал знак, никуда не пойдет концерт. А кажется, он сам ничего не делает, не играет ни на каком инструменте, только слегка помахивает палочкой да поглядывает на всех, и уже один взгляд его достаточен на то, чтобы умягчить в том и другом месте какой-нибудь шершавый звук, который испустил бы иной дурак-барабан или неуклюжий тулумбас. При нем и мастерская скрипка не смеет слишком разгуляться на счет других: блюдет он общий строй, всего оживитель, верховодец верховного согласия!” Как метко выражался Пушкин! Как понимал он значение великих истин!».

В издании «Пушкин в воспоминаниях современников» утверждается, что в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь создает «консервативную легенду» о Пушкине. Факты, однако, свидетельствуют об обратном. Все суждения Пушкина, приводимые Гоголем в книге, подтверждаются по другим источникам. Так, например, слова Пушкина о Соединенных Штатах, сказанные, видимо, в личной беседе, находят подтверждение в мемуарах Веры Ивановны Анненковой, видевшей Пушкина в январе 1837 г. у великой княгини Елены Павловны: «Разговор был всеобщим, говорили об Америке. И Пушкин сказал: “Мне мешает восхищаться этой страной, которой теперь принято очаровываться, то, что там слишком забывают, что человек жив не единым хлебом”».

В другом месте Гоголь говорит о стихотворении Пушкина «Странник», опубликованном в 1841 г. в посмертном собрании сочинений поэта под заглавием «Отрывок». Издатель «Русского Архива» Петр Иванович Бартенеv пишет по этому поводу: «Припомним также загадочное стихотворение “Отрывок”, которое Гоголь в статье о лиризме наших поэтов назвал таинственным побегом из города. По словам Гоголя, которые удалось узнать мне частным образом, Пушкин за год до смерти действительно хотел бежать из Петербурга в деревню; но жена не пустила». Это свидетельство подтверждается записью в дневнике Екатерины Александровны Хитрово, передавшей слова Гоголя о Пушкине: «Он хотел оставить Петербург и уехать в деревню; жена и родные уговорили остаться».

Слова Пушкина о «высшей милости, умягчающей закон», отозвались в финале первоначальной редакции «Повести о капитане Копейкине» в «Мертвых душах». Копейкин после своих разбойничьих походов бежит за границу, в Соединенные Штаты, и пишет оттуда Государю «красноречивейшее» письмо, в котором объясняет мотивы своих поступков. «“Не наказуй, — говорит, — моих сотоварищей, потому что они невинны, ибо вовлечены, так сказать, собственно мною, а окажи лучше монаршую свою милость, чтобы впредь, то есть, если там попадутся раненые, так чтобы примером за ними эдакое, можете себе представить, смотрение...” — словом, красноречиво необыкновенно. Ну, Государь, понимаете, был тронут. Действительно, его монаршему сердцу было прискорбно: хотя он, точно, был преступник и достоин в некотором роде смертельного наказания, но, видя, так сказать, как может невинный иногда произойти — подобное упущение, да и невозможно, впрочем, чтобы в тогдашнее смутное время все было можно вдруг устроить, один Бог, можно сказать, только разве без

проступков, — словом, сударь мой, Государь изволил на этот раз оказать беспримерное великодушие: повелел остановить преследование виновных, а в то же время издал строжайшее предписание составить комитет исключительно с тем, чтобы заняться улучшением участи всех, то есть раненых. И вот, сударь мой, это была, так сказать, причина, в силу которой положено было основание инвалидному капиталу, обеспечившему, можно сказать, теперь раненых совершенно, так что подобного попечения действительно ни в Англии, ни в разных других просвещенных государствах не имеется».

В подтверждение монархических убеждений Пушкина Гоголь приводит стихотворение «С Гомером долго ты беседовал один...», впервые напечатанное в 1841 г. под названием «К Н***». Обращаясь к Жуковскому, он говорит: «Это внутреннее существо — силу самодержавного Монарха он (Пушкин. — В.В.) даже отчасти выразил в одном своем стихотворении, которое, между прочим, ты сам напечатал в посмертном собрание его сочинений, выправил даже в нем стих, а смысла не угадал. Тайну его теперь открою. Я говорю об оде Императору Николаю, появившейся в печати под скромным именем: “К Н***”. Вот ее происхождение. Был вечер в Аничковом дворце, один из тех вечеров, к которым, как известно, приглашались одни избранные из нашего общества. Между ними был тогда и Пушкин. Все в залах уже собралось; но Государь долго не выходил. Отдалившись от всех в другую половину дворца и воспользовавшись первой досужей от дел минутой, он развернул “Илиаду” и увлекся нечувствительно ее чтением во все то время, когда в залах давно уже гремела музыка и кипели танцы. Сошел он на бал уже несколько поздно, принес на лице своем следы иных впечатлений. Сближение этих двух противоположностей скользнуло незамеченным для всех, но в душе Пушкина оно оставило сильное впечатление, и плодом его была следующая величественная ода...».

И далее Гоголь цитирует стихотворение в том виде, как оно было опубликовано Жуковским:

*С Гомером долго ты беседовал один,
Тебя мы долго ожидали.
И светел ты сошел с таинственных вершин
И вынес нам свои скрыжали.*

*И что ж? Ты нас обрел в пустыне под шатром,
В безумстве суетного тира,
Поющих буйну песнь и скачущих кругом
От нас созданного кумира.*

*Смутились мы, твоих чуждаясь лучей.
В порыве гнева и печали
Ты проклял нас, бессмысленных детей,
Разбив листы своей скрыжали?*

*Нет, ты не проклял нас. Ты любишь с высоты
Сходить под тень долины малой,
Ты любишь гром небес, и также внемлешь ты
Журчанью пчел над розой алой.*

Впоследствии биографом Пушкина Павлом Васильевичем Анненковым была обнаружена и напечатана еще одна строфа из этого стихотворения:

*[Таков прямой поэт. Он сетует душой
На пышных играх Мельпомены,
И улыбается забаве площадной
И вольности лубочной сцены,]*

*То Рим его зовет, то гордый Илион,
То скалы старца Оссиана,
И с дивной легкостью меж тем летает он
Вослед Бовы иль Еруслана.*

Первые четыре строки (от слов: «Таков прямой поэт») зачеркнуты в автографе, что говорит о том, что Пушкин испытывал сомнения в отношении концовки стихотворения.

Сама история написания пушкинского послания в первом и единственном прижизненном издании «Выбранных мест из переписки с друзьями» была исключена цензурой, что вызвало немало недоумений и кривотолков. Современники считали адресатом стихотворения Николая Гнедича. Так, Белинский в пятой статье пушкинского цикла упоминает его под заглавием «К Гнедичу». В современном литературоведении также утвердилось мнение, что это стихотворение обращено к Гнедичу как переводчику «Илиады» (посвященной, к слову сказать, Государю императору Николаю Павловичу).

Так или иначе, первые издатели Пушкина в комментариях указывали, что послание «С Гомером долго ты беседовал один...» адресовано императору Николаю Павловичу. И здесь, помимо авторитета Гоголя, имел значение тот факт, что стихотворение датировалось 1834 г., в то время как Гнедич умер в 1833 году. Конечно, маловероятно, что Пушкин стал бы писать почти панегирик Гнедичу, обращаясь к нему как к живому. Последняя палеографическая экспертиза, проведенная в 1964 г.,

*Фигуры Пушкина и Гоголя на памятнике
«Тысячелетие России»
в Великом Новгороде.
Скульптор И.Н. Шредер, 1862 г.*

подтвердила, что дата «1834» на черновом автографе стихотворения написана рукой Пушкина.

История, рассказанная Гоголем в статье «О лиризме наших поэтов», находит подтверждение в «Записках А.О. Смирновой», изданных ее дочерью Ольгой Николаевной Смирновой. Вот уже более ста лет они вызывают споры относительно подлинности. Здесь, в частности, упоминаются поэмы и стихотворения Пушкина, которые Александра Осиповна давала на прочтение императору Николаю Павловичу. Среди них — «стихи Н., когда Государь читал “Илиаду” перед балом». «Этот последний факт, — говорил Пушкин, — я рассказал Гоголю, который записал его, так он был им поражен». На вопрос поэта, почему она настаивала на том, чтобы тотчас показать Государю эти стихи, Смирнова сказала: «Потому что они прекрасны и доставили ему удовольствие, да вы и сами отлично знаете, что он мне ответил». Ответил же Государь, по ее словам, следующее: «Я и не подозревал, чтобы Пушкин до такой степени за мною наблюдал и чтобы это даже могло поразить его. Это не поразило никого более из бывших на бале».

3.

В.Г. Белинский в своем известном письме к Гоголю из Зальцбрунна от 15 июля (н. ст.) 1847 г., в частности, говорит: «Не буду распространяться о вашем дифирамбе любовной связи русского народа с его владыками. Скажу прямо: этот дифирамб ни в ком не встретил себе сочувствия <...> Что касается до меня лично, предоставляю вашей совести упиваться созерцанием божественной красоты самодержавия (оно покойно, да, говорят, и выгодно для вас); только продолжайте благоразумно созерцать ее из вашего прекрасного далека...».

Гоголь, не принимая в расчет либеральных убеждений Белинского, отвечал ему (в черновом письме): «Вам показались ложью слова мои Государю, напоминающие ему о святости его званья и его высоких обязанностей. Вы называете их лестью. Нет, каждому из нас следует напоминать, что званье его свято, и тем более Государю. Пусть вспомнит, какой строгий ответ потребуется от него. Но если каждого из нас званье свято, то тем более званье того, кому достался трудный и страшный удел заботиться о миллионах».

В записной книжке Гоголя 1846–1851 гг. содержится отрывок, который, по всей видимости, представляет собой один из набросков ответа Белинскому: «А вы думаете, легко воров выгнать? Царь, который только и думает о том, как их выгнать, да и тот не может, — Царь, у которого и войско, и вся сила есть. Как же вы хотите, без всякой силы и власти, это сделать? Что спяна передушите всех, думаете, поправить? Думаете, лучше будет погибнуть? Те, у которых шеи потолще, останутся. Что, те святые, что ль? Еще больше станут допекать друг друга».

Упрек Белинского в том, что Гоголь написал свою книгу с целью получить место наставника при сыне Наследника, был глубоко несправедлив, но подобное намерение существовало. Художник Михаил Иванович Железнов, ученик Карла Брюллова, вспоминает, как однажды в конце декабря 1851 г. он вместе со своим другом Алексеем Филипповичем Чернышёвым, тоже живописцем, обедал у московского генерала Сергея Францевича Фон-Брина, начальника штаба 6-го Пехотного корпуса. После осмотра нового Кремлев-

ского дворца, рассказывает Железнов: «Фон-Брин привез нас в свою квартиру. Его встретил в зале какой-то полковник, высокий, плотный красивый мужчина, товарищ Гоголя по лицу, который объявил, что Гоголь обещался приехать к обеду, если будет хорошо себя чувствовать, а потом, обратясь к Чернышёву, присовокупил: “Алексей Филиппович, если Гоголь, паче чаяния, к обеду не явится, то сегодня вечером попросите Мокрицкого (профессора живописи в Московском училище живописи и ваяния)¹ передать ему, что место, которое он желает получить при детях Наследника, уже занято и что ему нельзя получить этого места”. Чернышёву не было нужды передавать Мокрицкому слова полковника, потому что Гоголь сдержал слово и к четырем часам приехал к Фон-Брину».

Об особых чувствах, которые испытывал Гоголь к монархии, говорят, например, следующие строки из статьи «О лиризме наших поэтов»: «Поэты наши прозревали значение высшее Монарха, слыша, что он неминуемо должен наконец сделаться весь одна любовь, и таким образом станет видно всем, почему Государь есть образ Божий, как это признает, покуда чутьем, вся земля наша <...> Там только исцелится вполне народ, где постигнет Монарх высшее значение свое — быть образом Того на земле, Который Сам есть любовь».

Власть Государя — от Бога. В один узел сходятся у Гоголя судьбы России, Церкви и Самодержавия. «...Страницы нашей истории слишком явно говорят о воле Промысла: да образуется в России эта власть в ее полном и совершенном виде». То есть Царство помазанника — Царство Божие.

«Все события в нашем отечестве, — пишет Гоголь, — начиная от порабошенья татарского, видимо клонятся к тому, чтобы собрать могущество в руки одного, дабы один был в силах произвести этот знаменитый переворот всего в государстве (имеется в виду Петр I. — *В.В.*), все потрясти и, всех разбудивши, вооружить каждого из нас тем высшим взглядом на самого себя, без которого невозможно человеку разобрать, осудить самого себя и воздвигнуть в самом себе ту же брань всему невежественному и темному, какую воздвигнул Царь в своем государстве; чтобы потом, когда загорится уже каждый этою святою бранью и все придет в сознание сил своих, мог бы также один, всех впереди, с светильником в руке, устремить как одну душу, весь народ свой к тому верховному свету, к которому просится Россия».

Гоголь твердо верил, что царь русский неминуемо сделается весь одна любовь.

18 февраля 1855 г., приобщившись Святых Таин и простившись с императрицей, со всеми членами Царской семьи, бывшими в то время в Санкт-Петербурге, с приближенными и слугами, Государь император Николай Павлович преставился о Господе. Его последние слова наследнику цесаревичу были: «Мне хотелось, приняв на себя все трудное, все тяжкое, оставить тебе царство мирное, устроенное и счастливое. Провидение судило иначе. Теперь иду молиться за Россию и за вас. После России я вас любил более всего на свете. Служи России».

Далеко не случайны Гоголь был любимым писателем Государя-мученика Николая Александровича II. Перед своим последним отъездом в ставку, 21 февраля 1917 г., в день смерти Гоголя, он читал вслух «Вечера на хуторе близ Диканьки».

¹ Имеется в виду Аполлон Николаевич Мокрицкий — соученик Гоголя по Нежинской гимназии, впоследствии академик живописи.

Григорий КАЛЮЖНЫЙ

«...В ЛОНЕ ЧЕСТИ И СВЯТОГО ДУХА»

Григорий Петрович Калюжный — поэт, прозаик, публицист, литературовед, лауреат литературных премий им. Николая Островского, Вячеслава Шишкова и мн. др., родился в 1947 г. в городе Макеевка Донецкой обл. Окончил Кировоградскую школу высшей летной подготовки. Работал штурманом гражданской авиации на внутренних и международных авиалиниях. Автор многих поэтических сборников, инициатор создания «Энциклопедии сел и деревень», председатель Правления и редактор одноименного издательства. Секретарь Союза писателей России до 2025 г. **Живет в Москве.**

СВЯТАЯ БРАНЬ

Борису Галенину

Прощай, родимый. Ни пера, ни пуха!
Свой жребий ты оставил на земле,
Чтоб в лоне Чести и Святого Духа
Его мы подхватили в ратной мгле.

Идет война. Ее конца не видно.
Зло поразило мир, куда ни глянь.
Не потому ли бесам супротивно
Ты выбрал для себя Святую Брань?

Ты выбрал диво вечной Благодати.
Москва, Москва!

Ты въяве Третий Рим,
Четвертому вовеки не бывати.
Твой Божеский Венец необорим.

Прощай, собрат!

Днесь в серебре и злате
Открылась пред тобой Христова высь,
Где всех веков Святые рати
Тебя как брата встретить собрались.

ФЕДОР АБРАМОВ

Когда земля покрылась мраком,
В лучах Святого Алтаря
Родился веркольский оракул
И принял крест монастыря.

Возликовали на Парнасе
Отцы поэзии златой,
Словно доспехи, ипостаси
Объяли лик его святой.

Он, отражая стрелы рока,
Стоял на страже Царских врат.
В сей роли — Божьего пророка
Узнал в нем Федор Стратилат.

Его призванья не узнали
Лишь земляки и вся родня,
Даже когда любви скрижали
Он людям вынес из огня.

Теперь, когда в сырой постели
Он спит над Пинегой-рекой,
Все люди русские узрели,
Кто он воистину такой.

Намедни я с молитвою проснулся.
Сиял передо мною Третий Рим.
Ему с небес Всевышний улыбнулся,
И весь народ склонился перед Ним.

Казалось,
что закончились бесчинства
И час благословенный наступил.

Устали жить славяне без единства,
И начался исход нечистых сил.

И торжество Господней Литургии
Исполнилось воистину, как встарь,
Ибо вернулся сызнова в Россию
Единый Юлианский календарь.

ЦЕЗАРЬ

Говорят, Юлий Цезарь двоится,
Как иллюзий своих властелин.
Но ему не дано раствориться,
Потому что такой он один.

Усмирив неумные страсти
И заставив врагов трепетать,
Он хотел быть властителем власти,
Чтобы хаос вражды обуздать.

Он стоял за единство закона
И принес свою жизнь на алтарь.
Он смутил самого Цицерона,
Утвердив всех времен Календарь.

Быв Ковчегом всего христианства,
Календарь сей стал мерой всего.
С этим Цезарь венчался на царство
И, по суги, погиб за него.

СВЕЧА ЖЕНЕВЬЕВЫ

С.А. Каннисту

Поклон тебе, Святая Женевьева.
Тобой спасен не только был Париж.
Чтоб не засохло всуе Жизни Древо,
На Русском кладбище
ты со свечой стоишь.

Не в силах погасить ее Европа.
Дрожит пред ней и дьявол во плоти.
В пучине бездуховного потопа
Свети, Свеча, воистину свети!

СЫН ПОЛКА

Я знать хотел, кто я такой?
Но этим не болел вопросом,
И на себя махнул рукой...
Вот Пушкин был великороссом!

Он был поэт и дворянин,
И умер как невольник чести.
А я, как есть, простолюдин,
Люблю с пелен святые вести.

Но коль хотите обо мне
Хоть что-то знать, забавы ради,
То я могу сказать вполне:
Что жил, как все, в одной ограде.

Мечтал о сахарной свекле
С чаями всех доступных видов.
В одном варился я котле —
От босяков до инвалидов.

Безногий был одним из них.
Его я в зной спасал от жажды.
Я был ему родней родных,
И он мне так сказал однажды:

— Видать, на Божеском крыле
Ты в голове с царем родился
И потому в советской мгле
Среди людей не заблудился.

Не заблудиться, жить пока
Нас не лишили Божьих видов!
Не забывай — ты сын полка,
Войной крещенных инвалидов.

Я — ног лишенный ветеран,
И обречен был на бессилье.

Но жребий мой был свыше дан,
И Бог взамен послал мне крылья.

Ты в руки взять себя должён!
И одолеть любые дали,
Чтоб воскресить мужей и жен
И всех, кто жертвой стал печали.

К 165-ЛЕТИЮ Н.Д. ЗЕЛИНСКОГО

Создатель газовой войны,
Фриц Габер, не блистал умом.
Он был слугою сатаны
И Молоху служил при том.

Ведомый гибельным экстазом
И лично, не смиря прить,
Он открывал баллоны с газом.
Кто мог его остановить?

Мир шел к развязке сатанинской.
И, свыше получив приказ,

Профессор химии Зелинский
В ответ явил противогаз.

Чтоб в сей дуэли выйти в квиты,
Он этим создал в тот же час
Войска Химической защиты —
И Землю от напасти спас.

Он спас бы и Царя земного,
С кем связан был стезей одной,
Когда б для поприща иного
Не предан был судьбе иной.

О. ИОАННУ

Свети, Борисоглебская обитель!
Сияй среди космических светил!
Здесь Иринарх,
Победы вдохновитель,
Пожарского на бой благословил.

А кто меня благословил? Не знаю,
Но чувствую:
мне свыше жребий дан.
Что б ни было, его я принимаю.
Храни, Господь, Вас, отче Иоанн!

Станислав ВЕДРИНЦЕВ

МОБИЛИЗОВАННАЯ РАТЬ

*Посвящается моим
боевым братьям*

Станислав Геннадиевич Ведринцев — родился в 1979 г. в Липецке. Участник Специальной военной операции с позывным «Поэт». Отец пятерых детей. Член Союза писателей России. Автор книг «Позывной “Поэт”» и «Жизнь в рифму». Победитель конкурса фронтовой поэзии «Литературная переправа» в номинации «Позывной “Поэт”» (2023). Лауреат Международной литературной премии имени С. Есенина «О Русь, взмахни крылами...» в номинации «Победное слово» (2023). На стихи положены песни. Финалист конкурса «Россия — это мы!» с одноименной песней, проходившего в рамках фестиваля «Воздух Карелии», и конкурса «Родники» Олега Газманова с песней «Я — русский солдат!».

1.

Потоком хлынувших дождей
Смывала осень с нас надежду.
Судьба прищепила коней,
Меня образ жизни прежней.

Прощальный взгляд и сердца стук,
И неизбежность расставаний...
Горячесть слез от скорых мук
В тяжелых буднях ожиданий.

Ожгла нам сердце тишина
В часах мучительной тревоги.
Звала в объятия война
На том конце крутой дороги.

Но прежде был короткий миг —
Предтеча горя и страданий.
И то, что знали мы из книг,
Явилось рядом испытаний.

Казармы, плац и полигон,
Присяга тех, кто здесь впервые.
Сухой язык, мужской закон
И на шевронах позывные.

Готовы будто... В целом — нет.
Неделя — срок и по машинам.
Холодный, утренний рассвет
Встречала с нами Украина.

Густой и плотной пеленой
В объятья крепко взял ноябрь.
Пожали руки мы с войной:
И тот, кто трус, и тот, кто храбр.

То было сразу не понять:
Из многих хмель еще не вышел.
Один комплект «5.45»¹
И только небо вместо крыши.

Зеленый с нами командир —
Не офицер, а «полосатый»².
Он на гражданке — бригадир:
Не с автоматом, а с лопатой.

¹ «5.45» — калибр автоматного патрона.

² «Полосатый» — сержант.

Что есть, то есть, ни дать ни взять —
Неприрожденные герои.
Мобилизованная рать —
Полей заброшенных изгои.

2.

Гремит вовсю война кругом.
Укрылись наспех в лесополке¹.
Шагах в двухстах пологий холм,
За ним чужие рыщут волки.

Но мы как будто в стороне,
К нам смерть была без интереса
И снисходительна вполне,
Не выгоняла нас из леса.

Мне по-мальчишески — плевать,
Не страшно, больше непонятно.
Я продолжал в войну играть,
Да и она, пока невнятно,

Со мной играла, как с щенком,
Не замечая будто вовсе,
Тупым, зазубренным клинком,
А рядом шла с дождями Осень.

Короткий день ложился спать,
А мы, усталые, терпели.
Мобилизованную рать —
Из теплой вынули постели.

Вдруг как-то странно тишина
Нам словно заложила уши.
И слышал Бог и сатана,
Как трепетали наши души.

Тогда и я, уже сквозь сон,
Услышал ангелов небесных:
«Вставай скорее! Слышишь звон?
То по тебе звонят, любезный!»

Проснулся. «Выход?»² Вроде как...
«Ложись!» — кричал мне белокрылый.
И тут же будто бы кулак
Ударил в челюсть со всей силы.

Вот так закончилась игра,
И смерть, что было заскучала,
Войне сказала: «Что ж, пора!»
И та: «Пора!» — ей отвечала.

Остервенело две сестры,
На пустяки не отвлекаясь,
Повсюду ставили кресты,
К нам потихоньку приближаясь.

Не помню, чудом, может быть,
А значит, Божьим изволеньем
Нам выпал шанс все пережить,
И мы, от смерти в избавленьи,

Пересидели тот налет,
Что был тогда для многих первым.
Затих проклятый миномет.
И с ним унялись сестры-стервы.

3.

«Накат»³, обстрел, опять «накат».
Под «грязным»⁴ небом рвутся мины.
Вчера знакомый, нынче — брат,
Мы, как семья, теперь — едины.

А под ногами стынет грязь
С кровавой жижей вперемешку.

Опять пропала с тылом связь,
Зато со смертью — без задержки.

Увы, пришлось и отступать.
Тогда нам здорово досталось.
От ста с полтиной тридцать пять
В живых из нас всего осталось.

¹ Лесополка — лесополоса, посадки.

² «Выход» — звук выстрела из какого-либо тяжелого орудия.

³ «Накат» — штурм, атака.

⁴ «Грязное» небо — когда в воздухе находится множество БПЛА.

От роты — взвод, а от полка
Едва ли больше батальона.
Нас враг долбил наверняка
В конце осеннего сезона.

Мы отдышались к декабрю
И будто заново окрепли.

Морозец жег лишь пару дней,
А после — оттепель. Туманы
Укрыли грязь сырых полей,
Скрывая с глаз, как будто раны

Давно не паханной земли,
Что настрадалась с нами вместе.
До нас здесь многие легли,
Теперь и мы достойны чести.

Сквозь мглу. Вслепую. Наугад.
По полю минному цепочкой.
Над головою свистнул «Град»²,
Сжимая душу под сорочкой.

До цели метров восемьсот,
От смерти — в сторону четыре.
И снова будто бы везет
Нам в этом страшном, темном мире.

Дошли. Сменили там своих,
Вернув им заново надежду.
Один окопчик на двоих.
До нитки мокрая одежда.

Обосновались кое-как.
Туман-союзник лег в низину.
За полем скалит зубы враг,
Поработивший Украину.

Напротив лесополоса,
Шагов за триста, может, двести.

Из тени вышли на зарю,
Лишь закалившись в адском пекле.

Теперь в «штурмах»¹ —
на фронт опять,
Где снова ждут нас лесополки.
Мобилизованная рать
Еще свой явит голос громкий.

4.

Родные слышно голоса,
Там «БАРСы»³ стали с нами вместе.

К обеду ближе началось...
«Броня»⁴ чужая бьет с опушки.
Поспать, увы, не довелось.
Заговорили наши пушки.

Рвануло рядом. Что за черт?
По нам свои как будто лупят.
Начштаба в рацию орет:
«Какого хрена? Кто там тушит?»

Но нас не слышно. Тишина.
Лишь на прием хрипит «радейка»⁵.
В ладоши хлопает война,
А рядом смерть стоит, злодейка.

«Прилет»⁶, «прилет», еще «прилет»!
Над головой визжат осколки.
Без остановки миномет
Долбит по нашей лесополке.

И снова — землю целовать:
Ни в рай, ни в ад никто не рвется.
Мобилизованная рать
В который раз со смертью бьется.

Затихло. Принялись за счет.
«Двухсотых»⁷ нет — и слава Богу!
Но враг покоя не дает
И нас тревожит понемногу.

¹ «Штурма» — штурмовое подразделение.

² «Град» — название одной из разновидностей реактивных систем залпового огня. Прямой потомок всем известной «Катюши».

³ «БАРСы» — добровольческие подразделения.

⁴ «Броня» — в данном случае какой-либо вид бронированной техники.

⁵ «Радейка» — рация.

⁶ «Прилет» — звук разорвавшегося снаряда.

⁷ «Двухсотый» — погибший.

И вдруг, как обухом по лбу,
Передо мной рванула мина.
Еще б чуть-чуть — меня в гробу
Домой вернула Украина.

Опять команда на отход.
Опять судьба ведет по полю.

Опять Господь нам шанс дает,
Свою войне являя волю.

Мы оттянулись снова в тыл,
А дальше всё вокруг в тумане.
Я слег совсем уже без сил,
В руках у смерти, на аркане...

5.

Как безмятежны Небеса...
Как сладко здесь щебечут птицы...
Людские слышав голоса,
Не различал я только лица.

И отовсюду белый свет
Небесной лился благодати.
И вдруг — знакомое: «Привет!»
Глаза открыл, лежу в палате...

Мне повезло — я снова жив,
И скоро встану я на ноги.
А там, среди замерзших нив,
Стоят не люди и не боги

И продолжают воевать,
Иконы рядом и «Булаты»¹.
Мобилизованная рать —
России вечные солдаты.

¹ «Булат» — детектор дронов.

ВВЕДЕНИЕ

Бойков И.А.

Украина в огне. Хроники гибридной войны: дневник волонтера и публициста. М.: Книжный мир, 2025. 445 с.

Этногенез украинского народа завершился. Былые братья — навсегда враги. С Украиной теперь это надолго, возможно, навсегда. Вести с фронта, порой не радостные, жгущие болью сердце, и прозорливые отклики писателя, в своих статьях, очерках, заметках, интервью вбирающего биение миллионов сердец великой страны, воюющей за Истину и Свет на Земле. Опыт волонтерской работы, гул далекой (или подчас очень близкой) канонады, прилеты вражеской артиллерии и безрадостные детские глаза переплелись в единую повествовательную хронику событий Специальной военной операции (СВО), которая уже давно стала Народной Освободительной Отечественной войной.

Новая книга известного российского писателя ждет своих заинтересованных, искренних, неравнодушных читателей.

22 июня 1941 года

Вячеслав НИКОНОВ

ВЕЧНО ПОМНИТЬ!

*К 85-летию
начала Великой
Отечественной войны*

Вячеслав Алексеевич Никонов — родился в 1956 г. в Москве. Советский и российский государственный и политический деятель, ученый, писатель. Внук государственного деятеля СССР В.М. Молотова. Депутат Государственной Думы I, VI, VII и VIII созывов. Первый заместитель председателя Комитета по международным делам. Председатель правления фонда «Русский мир» (до 2023 года). Доктор исторических наук, декан факультета государственного управления МГУ. Почетный работник сферы образования РФ. Ведущий общественно-политического ток-шоу «Большая игра» на Первом канале. **Живет в Москве.**

22 июня — день памяти и скорби по миллионам павших. И день гордости за народ-победитель.

Это была священная битва за Родину, за ее существование. Но не только. Наши отцы, деды и прадеды защищали всю человеческую цивилизацию.

22 июня 1941 г. мой дед Вячеслав Михайлович Молотов, объявляя о начале войны, сказал: «Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил Отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная армия и весь наш народ поведут победоносную Отечественную войну за Родину, за честь, за свободу.

Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

Все помыслы советских людей были подчинены общей задаче — противостоянию фашистскому агрессору. Не иссякал поток добровольцев в военкоматах. Шла битва за самолеты, танки, орудия, боеприпасы, за металл, топливо, хлеб. Трудились по 12 часов в сутки, если надо — то и больше, без выходных и отпусков, не останавливаясь даже на время налетов вражеской авиации.

Война — тяжелейший, изнурительный труд на грани человеческих возможностей. Это постоянная угроза смерти, необходимость убивать, чтобы не убили тебя. Необходимость терпеть лишения, обходиться без самого насущного, усталость, недоедание и недосыпание. наших солдат отличала не только самоотверженность, способность переносить тяго-

ты, но и смекалка, умение быстро осваивать военную грамоту. Каждый день, а то и каждая минута рождали героев. Летчики в критические моменты шли на таран вражеских самолетов. Тысячи бойцов вступали в единоробство с вражескими танками, вооруженные гранатами и бутылками с зажигательной смесью.

Борис Пастернак писал о подвиге советского солдата — мужчины, женщины, подростка:

*Как он велик! Какой бессмертный жребий!
Как входит в цепь легенд его звено!
Все, что возможно на земле и в небе,
Им вынесено и совершено.*

Боевые будни стирали социальные, образовательные различия. Людей на фронте объединяли общие ценности патриотизма, представления о чести и долге, смелость и порядочность, готовность подставить плечо товарищу. Сильнее всего было общее солдатское чувство, что без фронтового братства, взаимовыручки, без тяжелых потерь победы не добыть.

Война стала временем небывалого интеллектуального и творческого подъема. Деятели культуры создали величайшие произведения о подвиге народа в поэзии и прозе, музыке и кино, живописи и скульптуре. Призывным набатом к сопротивлению врагу прозвучала песня «Священная война» Александра Васильевича Александрова на написанные 22 июня 1941 г. стихи Василия Ивановича Лебедева-Кумача:

*Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силою темною,
С проклятою ордой!
Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идет война народная,
Священная война!*

Угроза порабощения подняла на борьбу с захватчиками всех людей, вне зависимости от национальности, вероисповедания, социального положения, возраста. Они восприняли войну как Отечественную, справедливую, священную. Никогда еще люди не ощущали такую общность судьбы. Никогда еще не было такой готовности отдать все силы, а если надо — и саму жизнь во имя Победы.

То, что были отдельные трусы, рвачи, паникеры, равнодушные, злорадствующие, даже предатели, не перечеркивает народного характера борьбы против фашизма. Это был подвиг преодоления во имя общего правого дела, во имя сохранения своего права на жизнь, культуру, родной язык. Наш народ проявил свои лучшие качества: мужество и героизм, бескорыстие и самопожертвование, взаимовыручку и коллективизм, сострадание к ближнему и любовь к Отчизне.

Измотав противника в оборонительных боях, Красная армия в конце 1941 г. предприняла контрнаступление под Москвой. И хотя на следующий

год нацистам сопутствовали успехи на южном фланге и они вышли к Сталинграду, ответные удары советских войск позволили в 1944 г. завершить освобождение захваченных немцами территорий, перевести военные действия в Восточную Европу и в начале мая 1945 г. водрузить знамя Победы над Рейхстагом. Наша промышленность в труднейших условиях сумела за годы войны произвести почти вдвое больше современной боевой техники, чем вся объединенная Европа, работавшая на Гитлера.

Тогда, весной 1945-го, все в мире знали, кто развязал войну, кто несет за нее ответственность, а кто переломил хребет фашистской гадине. Роль Советского Союза в войне была очевидна: он разбил 80% немецких дивизий, потеряв 27 миллионов человек в фашистской машине истребления. Нет семьи, которую обошла бы трагедия войны.

Победа — один из главных символов национального величия и национальной гордости. И именно поэтому Победу всегда пытались наши недруги опорочить, а то и вовсе у нас отобрать.

Сегодня, когда события войны стерлись или сознательно стерты в памяти людей во многих странах, недругов как будто прорвало. Обвинения Советского Союза в развязывании войны ни на чем не основаны. Сталин, безусловно, не был белым и пушистым, не был пацифистом и не видел большой беды в конфликтах «капиталистических» стран между собой. Но он и не был сторонником военных авантур или адептом мировой революции.

Да и судьи кто? Обвиняют СССР в развязывании войны чаще всего в тех странах, которые были либо участниками гитлеровской коалиции, либо работали на нацистов, либо покорно склонили перед ними голову, либо были ими завоеваны.

Виновных в этой страшной трагедии называли на Нюрнбергском трибунале и на Токийском трибунале — нацистский режим и японская милитаристская верхушка.

Напротив, уверен, Советский Союз вел себя в предвоенных условиях приличнее всех остальных. Он единственный, кто осуждал все акты агрессии. Единственный, кто был готов предложить и предлагал реальную военную помощь жертвам агрессии. Единственный, кто готов был воевать с агрессорами — открыто или тайно — и в Европе, и в Азии, кто реально воевал, жертвуя жизнями солдат и офицеров, — в Испании и на Дальнем Востоке. Единственный, у кого до августа 1939 г. не было сделок с Гитлером.

Как справедливо говорил Путин: «Приравнивать Советский Союз или ставить на одну доску Советский Союз и фашистскую Германию — это верх цинизма. Это значит, люди не знают историю, читать и писать не умеют».

История Великой Отечественной войны — это история великого мужества, великого самопожертвования, триумфа воли народа во имя будущего всего человечества. Память о тех, кто отдал свои жизни, защищая Родину, живет и всегда будет жить в наших сердцах.

Мы должны помнить, какой ценой нам досталась Победа. И гордиться великой славой наших предков — тех, кто еще жив, и тех, кого с нами уже нет.

Вечно помнить!

За русский народ!

24 мая 1945 года

Празднование Победы на официальном уровне началось 24 мая 1945 г., когда прошел государственный прием в честь советских полководцев.

Начальник оперативного управления Генштаба Штеменко зафиксировал начало подготовки к этому событию: «Через несколько дней после подписания победного приказа Верховный главнокомандующий приказал нам продумать и доложить ему наши соображения о параде в ознаменование победы над гитлеровской Германией.

— Нужно подготовить и провести особый парад, — сказал он. — Пусть в нем будут участвовать представители всех фронтов и всех родов войск. Хорошо бы также, по русскому обычаю, отметить победу за столом, устроить в Кремле торжественный обед. Пригласим на него командующих войсками фронтов и других военных по предложению Генштаба. Обед не будем откладывать и сделаем его до парада».

На другой день в Генштабе закипела работа. Были созданы две группы: одна вместе с Главным политическим управлением готовила списки лиц, приглашаемых на торжественный обед, а другая всецело занялась парадом.

Программу парада подготовили оперативно. Генштаб просил два месяца на подготовку. Главная причина задержки — полное отсутствие парадной формы у потенциальных участников парада. Не до нее было четыре года. И те же четыре года не было и строевой подготовки.

«24 мая, как раз в день торжественного обеда, мы доложили все это Сталину. Наши предложения он принял, но со сроками подготовки не согласился.

— Парад провести ровно через месяц — двадцать четвертого июня, — распорядился Верховный и дальше продолжил примерно так:

— Война еще не кончилась, а Генштаб уже на мирный лад перестроился. Потрудитесь управиться в указанное время. И вот что еще — на параде надо вынести гитлеровские знамена и с позором повергнуть их к ногам победителей. Подумайте, как это сделать. А кто будет командовать парадом и принимать его?

Мы промолчали, зная наверняка, что он уже решил этот вопрос и спрашивает нас так, для проформы. К тому времени мы уже до тонкостей изучили порядки в Ставке и редко ошибались в своих предположениях. Не ошиблись и на сей раз. После паузы Верховный объявил:

— Принимать парад будет Жуков, а командовать — Рокоссовский».

Днем 24 мая состоялось вручение маршалам Коневу, Малиновскому, Толбухину, Рокоссовскому орденов «Победа», а Жукову — второго ордена «Победа».

«Для нас, работников Генерального штаба, 24 мая 1945 г. было едва ли не самым напряженным днем после капитуляции гитлеровской Германии, — продолжал Штеменко. — Сразу после доклада Сталину наших соображений о параде мы засели за окончательную отработку директивы фронтам и еще до торжественного обеда в Кремле успели отправить ее адресатам».

Авиаконструктор Яковлев рассказывал: «Сплошной вереницей проезжали под аркой Боровицких ворот машины с приглашенными на правитель-

ственный прием. Мне часто приходилось бывать в Кремле, но на этот раз я ехал туда как будто впервые. Последний прием был здесь как раз перед войной — 2 мая 1941 года. И вот мы вновь, после четырехлетнего перерыва, собрались: в парадной форме, счастливые, гордые нашей победой».

Полный состав участников приема восстановить не удалось. «Это кажется немыслимым, но на сегодняшний день мы даже не имеем полного списка приглашенных, — утверждает Сергей Девятов, профессиональный историк, много лет проработавший в ФСО и облазивший там все архивы. — Известно, что позвали на прием всех командующих фронтами, а также особо отличившихся военачальников в ранге генералов. Плюс высшее партийное руководство. По моим подсчетам, всего было человек триста. Кого-то на прием звал лично Сталин. Приглашения печатались только для членов Государственного комитета обороны, но ни одно из них не сохранилось. Остальные проходили просто по спискам, которые тоже... не сохранились. Это какая-то мистика!»

Прием в честь командующих войсками Красной армии состоялся в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца. Это один из орденских залов, где воплощена идея памяти о многих поколениях воинов, верно служивших России и отличившихся в сражениях за Родину. Георгиевский зал всегда был главным церемониальным помещением Кремля. Со второй половины 1930-х гг. руководители страны принимали здесь участников первомайских и ноябрьских парадов на Красной площади, выпускников военных академий РККА, героев-летчиков или полярников.

Белый с золотом зал — продольная колоннада из восемнадцати витых колонн с выступами и нишами у стен. Чертог Георгия Победоносца, с высоченными потолками, огромными люстрами, великолепным паркетом. В нишах и на откосах столбов — мраморные доски с названиями 546 российских Георгиевских полков и с именами георгиевских кавалеров. Сколько раз я там был в детстве — на новогодних елках. И в последние годы — на церемониях оглашения Послания Президента, на приемах в День России или в День народного единства. Но мне даже трудно себе представить тот дух, который витал в прославленном зале, где впервые собрались командиры Великой Победы.

Столов 24 мая 1945 г. было много, местами они стояли почти вплотную друг к другу. Гости расселись на красных креслах и на стульях в белых чехлах, которые по случаю приема принесли изо всех залов Большого Кремлевского дворца. Начала торжества с волнением ждали и полководцы, и артисты.

«В Георгиевском зале накрыты столы, украшенные цветами, — заметил Яковлев. — Ровно в восемь вечера в зале появились руководители партии и правительства. Как взрыв, потрясли своды древнего Кремлевского дворца оглушительные овации и крики “Ура!”. Они, кажется, длились бы бесконечно». За столом президиума разместились Сталин, Молотов, Ворошилов, Жданов, Хрущев, Каганович, Андреев, Микоян, Шверник, Берия, Маленков, Булганин и Вознесенский. «Когда постепенно зал утих, Маршалы Советского Союза были приглашены за стол президиума. Они поднялись со своих мест в разных концах зала и один за другим под аплодисменты прошли к столу, за которым сидели руководители партии и государства. Все с восхищением смотрели на полководцев».

Вечер открыл и продолжал вести Молотов. Он традиционно был тамадой на довоенных застольях и на всех приемах в ходе союзнических конференций военных лет. За главный стол Молотов пригласил маршалов Жукова, Конева, Буденного, Тимошенко, Рокоссовского, Малиновского, Толбухина, Говорова, адмирала флота Кузнецова, главного маршала артиллерии Воронова, главного маршала авиации Новикова.

Фотографий и звукозаписей не было, но велась стенограмма. Она была сильно обработана для газетной публикации, в первую очередь Молотовым, а затем и самим Сталиным. Но сохранился и оригинал стенограммы. И не запрещалось рисовать.

Наиболее известной стала картина «За великий русский народ!» кисти заслуженного деятеля искусств УССР Михаила Ивановича Хмелько, за которую он в 1948 г. получил Сталинскую премию 2-й степени.

Отмечали интенсивно. Стенографическая запись зафиксировала 31 тост (из них пять принадлежали Верховному главнокомандующему), в которых речь шла о 45 людях. В газетном отчете осталось 28 здравиц (из них только две — сталинские) с упоминанием 31 человека.

«Раздался звонок председательствовавшего В.М. Молотова, — запомнил Яковлев, — и в наступившей на какой-то миг тишине он провозгласил тост:

— Правительство устроило настоящий прием с участием выдающихся деятелей социалистического строительства, науки и искусства в честь командующих войсками Красной армии, командующих советскими войсками, которые вели в бой наши армии на многочисленных фронтах Великой Отечественной войны против германского фашизма, очистили нашу страну от ненавистных захватчиков и привели нас к победе над гитлеровской Германией. Первый тост я предлагаю в честь бойцов и командиров, красноармейцев и краснофлотцев, офицеров, генералов и славных маршалов, но прежде всего в честь того, кто руководил всей борьбой советского народа и привел к Великой Победе, невиданной в истории, — любимого вождя товарища Сталина».

Второй бокал Молотов поднял «За великую партию Ленина—Сталина» и за ее штаб — Центральный комитет.

Затем тамада переключил внимание на гостей из Польши. За четыре дня до этого в Москву прибыл эшелон с углем — подарок от польских горняков. Его доставила делегация, возглавляемая председателем профсоюза польских горняков Щесняком. Молотов предложил выпить «За демократическую, дружественную Советскому Союзу Польшу», выразив надежду, что советско-польская дружба станет примером и для других славянских народов. Члены польской делегации — «в живописных костюмах» (Штеменко) — подошли к столу президиума и хором спели какую-то польскую заздравную песню.

Сталин выслушал и произнес (в газетном отчете этого нет):

— За настоящую рабочую дружбу, которая сильнее всякой другой дружбы! За горняков наших и ваших!

Далее Молотов заметил, что среди участников торжества не было Михаила Ивановича Калинина, который должен теперь особенно заботиться о своем здоровье. «Всесоюзный староста», который приближался к своему 70-летию, был действительно серьезно болен. В конце апреля Политбюро предоставило ему отпуск для лечения, и он отбыл отдыхать на юг.

— Предлагаю выпить за здоровье одного из славных представителей русского народа, старейшего члена Центрального комитета большевистской партии, Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Здесь Сталин позволил себе вновь вмешаться:

— За нашего Президента, за Михаила Ивановича Калинина!

Не успели сесть, как слово взял Сталин:

— Разрешите поднять бокал за здоровье нашего Вячеслава, за руководителя нашей внешней политики. Имейте в виду, что хорошая внешняя политика иногда весит больше, чем две-три армии на фронте. За Вячеслава Михайловича Молотова, за руководителя нашей внешней политики! За нашего Вячеслава!

Тамада оказался единственным, кого на приеме 24 мая назвали без отчества.

После этого Молотов вновь взял бразды правления в свои руки.

— Разрешите мне быть кратким, когда я буду касаться заслуг командующих войсками Красной армии. Все вы понимаете, что я должен начать с командующего 1-м Белорусским фронтом — маршала Жукова. Мы помним Жукова в защите Москвы, мы помним Жукова в защите Ленинграда. Все знают маршала Жукова как освободителя Варшавы. Все помнят о том, что под руководством маршала Жукова наши войска ворвались в фашистское логово — Берлин и водрузили над ним Знамя Победы. За здоровье маршала Жукова!

Гости откликнулись на здравицу горячей овацией.

Сталин подхватил:

— Долой гитлеровский Берлин! Да здравствует Берлин жуковский!

Эти слова вызвали смех и аплодисменты в зале. В газетном отчете слов о «Берлине жуковском» не будет.

После этого Молотов продолжил тосты «За других командующих фронтами».

1-го Украинского — Конева:

— Он громил немцев на Украине, освободил своими войсками чехословацкую столицу Прагу. Его войска вместе с войсками маршала Жукова брали Берлин.

2-го Белорусского — Рокоссовского:

— За маршала, которого мы знаем по битвам под Сталинградом, сделавшим исторический поворот в нашей войне. Который освободил от немецко-фашистских захватчиков Данциг и взял город Штеттин — один из крупнейших городов северной Германии.

Затем — за маршала Говорова, сломившего немецко-фашистскую блокаду Ленинграда и разгромившего немцев под Ленинградом, освободившего столицу Эстонии Таллин и вернувшего Советскому Союзу город Выборг.

За Малиновского:

— Он прошел с боями по нашему Югу, dokonчил освобождение много-страдального Ростова и освободил столицу Венгрии Будапешт.

За маршала Толбухина:

— Со своими войсками дальше всех прошел по Югу, освободив Болгарию. Взял Вену.

— Маршал Василевский сегодня отсутствует по болезни, — Молотов сделал паузу и добавил: — Он своими войсками взял одну из цитаделей германского фашизма — Кенигсберг.

Молотов шукавіл, сказаў, што Васілеўскі адсутствуе на прыеме па болезні. Сделал он это в целях конспирации: Васілеўскі гатоваў войска к вайне с Японіяй, прывлекчы к гэтаму ўважанне было пражэвдвэрэмэнна.

Потом были тосты за маршала Мерецкова, за генералов армии Баграмяна и Еременко.

Нельзя сказаць, што тосты следовалі адзін за другім.

«Довольно длительные промежутки, отделявшие один тост от другого, заполняла программа превосходного концерта», — замечал Штеменко. Перед собравшимися выступали тоже взволнованные торжественностью происходящего прославленные солисты Большого театра: Ирина Масленникова, Алексей Иванов, Галина Уланова и Ольга Лепешинская, Максим Михайлов, Марк Рейзен, Валерия Барсова, Наталья Шпиллер, Вера Давыдова. Оживляли обстановку также хор Пятницкого, ансамбль Моисеева и, конечно, Краснознаменный ансамбль песни и пляски под руководством Александра.

Пище духовной ничем не уступала и пища, расставленная на столах. С меню постарались. Холодные закуски: икра зернистая, паюсная, растегайчики, семга, балык белорыбий, сельдь с гарниром, ветчина, оливье, поросенок, сыры, огурцы кавказские, помидоры.

Горячее: грибы белые в сметане, медальоны из дичи пуаврад, суп-крем из кур, консоме, борщок и пирожки-пай, стерлядь в шампанском, нельма отварная, индейка, цыплята, рябчики, спаржа, соус «муслин» и масло.

На десерт — шоколадное парфе, кофе, ликер, коньяк, пети-фюры, жареный миндаль и фрукты.

Полагаю, собравшиеся за столами это заслужили.

После командующих фронтами Молотов не оставил без внимания заслуженных военачальников Красной армии — Ворошилова, Буденного и Тимошенко.

А затем тамада попросил присутствующих «налить бокалы полнее», поскольку намеревался чествовать моряков. Он предложил здравицы за народного комиссара Военно-Морского Флота Кузнецова, адмирала флота Исакова и за командующих флотами: Балтийского — адмирала Трибуца, Черноморского — адмирала Октябрьского, Северного — адмирала Головки, Тихоокеанского — адмирала Юмашева. Сталин дополнил эту здравицу, пожелав адмиралу Юмашеву «успеха в возможной войне!». И эта реплика, естественно, не вошла в газетный отчет — по той же причине соблюдения секретности в отношении предстоявшей войны с Японией.

Затем настал черед маршалов родов войск. В газетах были упомянуты три фамилии — главного маршала артиллерии Воронова, главных маршалов авиации Новикова и Голованова. Но из стенограммы явствует, что Молотов назвал также маршалов авиации Фалалеева, Ворожейкина, Астахова, Жаворонкова, Худякова; маршалов бронетанковых войск Федоренко и Ротмистрова; маршала артиллерии Яковлева; маршала инженерных войск Воробьева и маршала войск связи Пересыпкина.

Молотов особо выделил Генеральный штаб Красной армии, подняв бокал за его начальника генерала армии Антонова и начальника оперативного управления Штеменко. В газетном отчете Штеменко не упомянут.

Заключительный раунд здравниц посвящался членам Государственного комитета обороны (ГКО), а также Военных советов фронтов и армий, которые отвечали за политическую работу в войсках.

Молотов, сам заместитель председателя Госкомитета обороны, предложил тост в честь ГКО и «руководителей дела снабжения Красной армии во время Великой Отечественной войны» тем боевым оружием, которым разгромлены на полях сражений враг и его союзники. Тамада последовательно называл фамилии членов Государственного комитета обороны, довольно подробно рассказывал о тех областях, которые те курировали.

В завершение Молотов провозгласил тост за здоровье всех присутствовавших и, прежде всего, за здоровье товарища Сталина. В газетном отчете этого тоста Молотова нет, а здравницы в адрес членов ГКО заметно более лаконичны.

Последнюю застольную речь произнес далеко за полночь сам Сталин.

«Как только он встал и попытался говорить, его слова потонули в море аплодисментов, — вспоминал Яковлев. — Когда немножко утихли, Сталин сказал:

— Разрешите мне взять слово. Можно?

И Сталин произнес свое известное слово о русском народе.

Речь Сталина постоянно прерывалась шквалом долго не смолкавших оваций, поэтому его короткий тост занял чуть ли не полчаса».

Приведем сначала этот тост в том виде, как его напечатали газеты:

«Товарищи, разрешите мне поднять еще один, последний тост.

Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа и, прежде всего, русского народа (бурные, продолжительные аплодисменты, крики “Ура”).

Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание как руководящая сила Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него ясный ум, стойкий характер и терпение.

У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941—1942 гг., когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинград-

*Торжественный прием в Кремле
24 мая 1945 г. Художник
Д.А. Налбандян, 1947 г.*

ской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой.

Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества — над фашизмом.

Спасибо ему, русскому народу, за это доверие!

За здоровье русского народа!».

Однако в реальности в кремлевских стенах прозвучали немного другие слова. Сталин сам внимательно отредактировал и частично переписал представленный ему текст стенограммы его выступления. В первых абзацах правка была небольшой, редакторской. Так, Сталин заменил «Я пью за» на грамматически неправильное: «Я поднимаю тост за» (тост — речь, поэтому его нельзя поднять). Но концовка изменилась сильно, в оригинале она звучала так:

«Но русский народ на это не пошел, русский народ не пошел на компромисс, он оказал безграничное доверие нашему правительству. Повторяю: у нас были ошибки, первые два года наша армия вынуждена была отступать, выходило так, что не овладели событиями, не совладали с создавшимся положением. Однако русский народ верил, терпел, выжидал и надеялся, что мы все-таки с событиями справимся.

Вот за это доверие нашему Правительству, которое русский народ нам оказал, спасибо ему великое!

За здоровье русского народа! (бурные, долго несмолкающие аплодисменты)».

Как видим, за столом Сталин был более самокритичен, чем в официальной версии.

Такого подъема духа в кремлевских стенах не было никогда.

Штеменко писал: «Мы считали, что словами Сталина с нами говорит сама партия. И под сводами Кремля вновь загремела орация.

Тот день оставил глубокий след в душе каждого из нас. Многие мы вспомнили, многое передумали».

На картине Дмитрия Налбандяна «Торжественный прием в Кремле 24 мая 1945 г.» участники изображены спускающимися с лестницы Большого Кремлевского дворца уже после приема. Довольные. За Сталиным — Молотов, Ворошилов, Микоян и отсутствовавший Калинин.

Пожалуй, ни одно из выступлений Сталина не вызывало такого потока комментариев — от восторженных до злобных и язвительных. Не буду ввязываться в спор.

На мой взгляд, ничего сверхъестественного не произошло. Сталин ранее многократно провозглашал здравицы всем, наверное, без исключения народам СССР. Роль русского народа тоже не отрицал. Даже в гимне пелось: «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки Великая Русь».

Когда было более уместно сказать доброе слово о русском народе, как не в этот день — день празднования Великой Победы?

И извиниться перед ним.

Дороги ВОЙНЫ

**Арсений
ЗАМОСТЬЯНОВ**

«СКВОЗЬ ПАМЯТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ ПЛЫВУ»

Арсений Александрович Замостьянов — родился в 1977 г. в Москве. Писатель, публицист, историк, поэт. Кандидат филологических наук. Заместитель гл. редактора журнала «Историк». Окончил Литературный институт им. А.М. Горького и аспирантуру на кафедре русской классической литературы. Основные публикации — в «Литературной газете», «Известиях», «Правде». Автор ряда книг по истории России, биографий Александра Суворова, Алексея Рыкова, Гавриила Державина, фельдмаршала Румянцева. Лауреат Премии Правительства Российской Федерации в области средств массовой информации (2021). Лауреат национальной премии «Лучшие книги, издательства, проекты» в номинации «Военная история» за книгу «Скобелев — гордость России» (в соавторстве с С.И. Слипченко). **Живет в Москве.**

Михаил Дудин «А он в хрустальной колыбели плыл...»

Михаил Дудин (1916–1993) родился в Костромской губернии, сейчас его родная деревня Клевнево относится к Ивановской области. Грамоте учился по книге Джона Милтона «Потерянный и возвращенный рай», которая всколыхнула в нем любовь к поэтическому слову, к литературе. Потом — Иваново, педагогический институт, первые публикации, работа в газете. И — Красная армия. Его первый поэтический сборник вышел в Иваново, когда поэт уже служил в армии. Не успев окончить школу младших командиров, он пошел на Финскую войну. Защищал военно-морскую базу на острове Хангут (Ханко). После Финской пришла другая война — и лейтенант Дудин участвовал в сражениях с начальных ее дней. Первый бой база Ханко приняла 22 июня 1941 года. Они сражались героически. Финны и немцы несколько раз обращались к гарнизону с предложениями о капитуляции. Им ответил в том числе и лично Дудин с соавторами — насмешливым «Ответом барону Маннергейму» в газете «Красный Хангут». Это была пародия на письмо запорожцев турецкому султану: «Его Высочеству прихвостню хвоста ее светлости кобылы императора Николая, сиятельному палачу финского народа, светлейшей обер-шлюхе Берлинского двора, кавалеру бриллиантового, железного и соснового креста барону фон-Маннергейму». Хангутцы сопротивлялись до декабря 1941 г., с этого времени Дудин служил литсотрудником в блокаде Ленинграда.

Во время войны Дудин написал два поэтических сборника. Его

Михаил Александрович Дудин

мир — это соловьи, о пении которых боец просит «передать Поле», умирая; снегири, которые напоминают о боях, о погибших друзьях — и потому летят «через память мою до рассвета», не дают уснуть. Во время войны он заклинал, стиснув зубы: «О мертвых мы поговорим потом». И выполнил этот долг перед ними.

В его роду, как говорил поэт, были скоморохи. Отсюда — тонкий слух к фольклорным ритмам. И для Михаила Дудина юмор всегда был важной краской — и в поэзии, и в жизни. Он с 1960-х был мастит. Дудина считали «вожаком» ленинградских поэтов, щедро награждали. Золотую звезду Героя Социалистического труда он получил к шестидесятилетию. Это — кроме премий и высших орденов страны. Быть может, важнее их оставалась фронтовая медаль «За отвагу». Ее «просто так» не давали. Принимая почести, официозным Дудин не стал. Комиковал, писал остроумные эпиграммы, пародии, шуточные миниатюры, частушки. Но полюбился читателям прежде всего как лирический поэт, склонный к печальным воспоминаниям. Сколько реквиемов друзьям он написал. Среди них — ставшее крылатым:

*Уходим... Над хлебом насущным —
Великой Победы венец.
Идем, салютуя живущим
Разрывами наших сердец.*

Вспомним дудинские слова: «Сколько столбов с алыми пятиконечными звездами, вырезанными из солдатских котелков, встало и истлело от времени на тех дорогах, где мы прошли через пепел и кровь, молнии и гром. Забывать об этом нельзя, потому что Человеку с каждым днем на земле нужно будет больше мужества. И забывать нашей кровью оплаченный опыт — преступление перед будущим». Война не оставляла его, да и не могла оставить.

И это стихотворение о первой блокадной весне Михаил Дудин написал через двадцать лет после войны, в 1960-е. Рваные ритмы, прерывистое дыхание — наверное, только так и можно было рассказать эту историю из 1942 года. Поэт не отделяет себя от павших. И символом этого чувства стал замороженный во льдину мальчишка, убитый на подступах к Ленинграду, где-то на Ладого. Как? Об этом никто не расскажет. Но и забыть о нем нельзя. Стихи живут дольше нас, это хоть немного утешает.

ВДОГОНКУ УПЛЫВАЮЩЕЙ ПО НЕВЕ ЛЬДИНЕ

*Был год сорок второй,
Меня шатало*

*От голода,
От горя,
От тоски.
Но шла весна —
Ей было горя мало
До этих бед.*

*Разбитый на куски,
Как рафинад сырой и ноздреватый,
Под голубой Литейного пролет,
Размеренно раскачивая латы,
Шел по Неве с Дороги жизни лед.*

*И где-то там
Невы посередине,
Я увидел с Литейного моста
На медленно качающейся льдине —
Отчетливо
Подобие креста.*

*А льдинка подплывала,
За быками
Перед мостом замедлила разбег.
Крестообразно,
В стороны руками,
Был в эту льдину впаян человек.*

*Нет, не солдат, убитый под Дубровкой
На окаянном «Невском пяточке»,
А мальчик,
По-мальчишески неловкий,
В ремесленном кургузном пиджачке.*

*Как он погиб на Ладоге,
Не знаю.
Был пулей сбит или замерз в метель.*

*...По всем морям,
Подтаявшая с краю,
Плывет его хрустальная постель.*

*Плывет под блеском всех ночных созвездий,
Как в колыбели,
На седой волне.*

*...Я видел мир,
Я полземли изъездил,
И время душу раскрывало мне.*

*Смеялись дети в Лондоне.
Плясали
В Антафагасте школьники.
А он
Все плыл и плыл в неведомые дали,
Как тихий стон
Сквозь материнский сон.*

*Землетресенья встряхивали суши.
Вулканы притормаживали пыл.
Ревели бомбы.
И немели души.
А он в хрустальной колыбели плыл.*

*Моей душе покоя больше нету.
Всегда,
Везде,
Во сне и наяву,
Пока я жив,
Я с ним плыву по свету,
Сквозь память человечеству плыву.*

Юлия Друнина

Старшина медицинской службы

Когда мы вспоминаем о том, что Великая Отечественная действительно была всенародным подвигом — и, прежде всего, подвигом поколения, которое останется в истории как предвоенное, в первую очередь приходит на ум судьба Юлии Друниной. Москвичка, дочь учителя, она с раннего детства писала стихи и не сомневалась, что ее будущее — литература. Писала в основном о любви. Стихи школьницы (правда, не любовную лирику) публиковала «Учительская газета».

*Старшина медицинской службы
Ю.В. Друнина. Художник С.С. Уранова, 1944 г.*

Она, вероятно, была счастлива. Красивая, решительная. Но когда началась война, она приписала себе год в документах — и в 16 лет (все думали, что ей уже 17!) записалась в добровольную санитарную дружину, одновременно поступив на курсы медсестер. В августе 1941 г. она уже возводила оборонительные сооружения под Можайском. Немцы приближались к Москве...

Во время авианалета она отстала от своего молодежного отряда — и попала в действующую армию. Ее взяли санитаркой. Скорее всего, она убежала туда по собственной воле. Хотелось быть там, где решается судьба страны. Комсомольский энтузиазм того времени — не пустые слова, вся жизнь Юлии Друниной свидетельствует об этом. Они попали в окружение, от отряда осталась горстка бойцов — израненных. Потом она оказалась в эвакуации: там умирал отец. А в 1943 г. сделала все для того, чтобы оказаться на фронте. Она стала санинструктором. Ее наставница в этом деле — Зинаида Самсонова — погибла. Сама Юлия была тяжело ранена. С осколком в шее она продолжала перевязывать бойцов, очнувшись в госпитале.

Многие ее строки о войне, написанные в то время, стали крылатыми.

*Я только раз видала рукопашный,
Раз наяву. И тысячу — во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.*

Это написано в 1943 г., когда Друниной было 18 лет, и стало классикой. Не вырубить топором. Она не романтизировала войну, видала, что это ад. Но ее тянуло туда. Чувство долга и фронтового братства было выше ужаса.

Ей удалось и после тяжелого ранения вернуться на фронт. Она участвовала в освобождении Прибалтики. Получила две боевые награды (как это много!) — медаль «За отвагу» и орден Красной Звезды. Стала старшиной медицинской службы. Но потом — бои под Ригой, тяжелая контузия, смертельно опасная. На этот раз обмануть врачей не удалось, а они спасли ее жизнь. Война закончилась для нее в конце 1944 года. Вердикт был прост: «не годна к несению военной службы». Она бы еще снова и снова возвращалась на фронт, но в то время это было уже невозможным.

Подлечившись, она поступила в Литературный институт — и детская мечта исполнилась. Победу Юлия отмечала с однокурсниками — такими же фронтовиками — в Москве. Одновременно с днем рождения: ей тогда исполнилось 20 лет, по документам — 21. Подумайте, сколько Юлия испытала к своему двадцатилетию... Ее первая книга называлась «В солдатской шинели». Потом было много сборников, выступлений, но война не оставляла ее никогда. Как трагедия, как последний круг ада — и одновременно как святыня. Так бывает. Сегодня мы вспоминаем не самое известное стихотворение Юлии Друниной, но в нем — столько фронтовой правды. Не вычерпать. И написала она эти строки в том самом 1943 г., когда познала войну от и до.

БИНТЫ

*Глаза бойца слезами налиты,
Лежит он, напряженный и белый,
А я должна приросшие бинты
С него сорвать одним движеньем смелым.
Одним движеньем — так учили нас.
Одним движеньем — только в этом жалость...*

*Но встретившись со взглядом страшных глаз,
Я на движение это не решалась.
На бинт я щедро перекинь лила,
Стараясь отмочить его без боли.
А фельдшерица становилась зла
И повторяла: «Горе мне с тобою!
Так с каждым церемониться — беда.
Да и ему лишь прибавляешь муки».
Но раненые метили всегда
Попасть в мои медлительные руки.*

*Не надо рвать приросшие бинты,
Когда их можно снять почти без боли.
Я это поняла, поймешь и ты...
Как жалко, что науке доброты
Нельзя по книжкам научиться в школе!*

Муса Джалиль

«Героя не забудет никогда...»

Муса Мустафаевич Залилов вырос под Оренбургом, в татарской деревушке. Образование начал в деревенской школе, продолжил в медресе. Подростком вступил в комсомол, потом сражался в рядах Красной армии против войск атамана Дутова. Как известно, красные победили. В то время он уже писал стихи — на родном татарском. В 1927 г. Залилов поступил на литературное отделение этнологического факультета МГУ, а окончил уже литературный факультет. В 1939 г. Джалиль (в то время он уже был известен под этим псевдонимом) переехал в Казань, там стал ответственным секретарем Союза писателей Татарской АССР.

23 июня 1941 г. отправился в военкомат с просьбой отправить его на фронт. 13 июля его зачислили в армию — в артиллерийский полк. В Казани как раз состоялась премьера оперы по его либретто. Знаменитого поэта хотели оставить в тылу. Но он наотрез отказался. В 1942 г. он служил в армейской газете «Отвага» на Ленинградском фронте. Весной 1942 г. старший политрук Муса Джалиль вместе с товарищами попал в окружение. Раненый, он оказался в плену:

*Враг мне сковал полумертвые руки,
Пыль занесла мой кровавый след.*

С тех пор много лет его считали пропавшим без вести.

В августе 1942 г. немцы начали создавать легион «Идель-Урал», который хотели сколотить из пленных представителей народов Поволжья.

С помощью татар-белоэмигрантов пленных пытались настроить против советской Родины. Подпольщики приняли решение — поступить в легион и готовить восстание. Среди них был Муса Джалиль. Они вели подпольную работу против фашистов (тогда их называли именно так). Но гестапо вычислило героев. В августе 1943 г. их арестовали.

Они попали в Моабитскую тюрьму. Благодаря Джалилю это название вошло в историю литературы. Их подвергли утонченно жестокому психологическому давлению. Каким-то чудом он сумел добыть бумагу — и писал. В феврале им вынесли приговор, а 25 августа 1944 г. казнили. Джалилю было 38.

Гестаповская задумка долго оставалась в силе: после войны Джалиля сочли предателем. В 1947 г. из советского консульства в Брюсселе в СССР прислали блокнот со стихами. Это были стихи Мусы Джалиля, написанные в Моабитской тюрьме. Блокнот вынес из тюрьмы сосед поэта по камере, бельгиец Андре Тиммерманс. Еще несколько тетрадей передали другие товарищи Джалиля. Стало ясно, что он до последнего вдоха сохранил верность Родине. Его тюремные стихи попали в руки Константину Симонову. Он организовал их перевод с татарского на русский. Лучше всех перевел стихи Джалиля Илья Френкель. Так появился сборник «Моабитская тетрадь». В 1956 г. поэту посмертно присвоили звание Героя Советского Союза. Сборник получил Ленинскую премию.

Тюремные стихи сделали его бессмертным. Никогда прежде он не писал с такой силой. Это и исповедь, и прощание, и призыв к борьбе. И — размышления. За каждой строкой ощущается сильная личность, несломленный человек, умеющий любить и сражаться. Нечасто в стихах с такой точностью сохранялся характер поэта.

Илья Френкель — замечательный поэт-песенник, автор всем известных стихов «Давай закурим» и «Одесский порт». Как военкор он прошел через три войны, дошел до Берлина. Он уловил суровый, но жизнелюбивый, полнокровный стиль Джалиля, сумел передать энергию и обаяние его последних слов.

Муса Мустафович Джалиль

ОДИН СОВЕТ

*Людей-слонов нередко я встречал,
Дивился их чудовищным телам,
Но я за человека признавал
Лишь человека по его делам.
Вот, говорят, силач — железо гнет,
Вода проступит там, где он пройдет.
Но будь ты слон, а я не признаю,
Коль дел твоих — по горло воробью.
Пусть на всем, что совершаешь ты,
Проступит след душевной чистоты:*

*Ведь сила не во внешности твоей,
А только в человечности твоей.
В твоих делах проявится сама
И справедливость твоего ума,
И то, что сильным сердцем наделен,
Что ты любовью к родине силен.
Жить бесполезно — лучше уж не жить,
На ровном месте кочкою служить.
Свети потомкам нашим, как маяк,
Свети, как человек, а не светляк.
Железо не ржавеет от труда,
И глина обожженная тверда,
Оценит мужа по делам народ,
Героя не забудет никогда.*

ВЫШЛА КНИГА

Буганов А.В.

Война народная. Российское общество и армия в моменты испытаний /
А.В. Буганов, А.А. Музафаров, Н.А. Нарочницкая. М.: Вече, 2025. 512 с.

Что позволяло России выстоять в минуты испытаний, сохранить свою государственность? Что объединяло и вдохновляло тогда русских людей?

Ответ на эти вопросы авторы книги ищут, анализируя разные периоды многовековой истории нашей страны. Главный вывод — залогом преодоления тяжелейших трудностей всегда было единение нации, ее обращение к своим корневым культурно-историческим ценностям.

Книга адресована всем, кому интересна новая, неизвестная информация о самых разных страницах российской истории. Еще одна ее особенность — она составлена таким образом, чтобы можно было эффективно использовать ее в учебном процессе как в школах, так и в высших учебных заведениях.

Николай ДОЛГОПЛОВ

ПОЛКОВНИК К.

Николай Михайлович Долгополов — родился в 1949 г. в Москве. Российский журналист, писатель, историк спецслужб, коренной москвич. Выпускник Московского института и аспирантуры Университета Стратклайда в Глазго. В 1970-е гг. работал в Иране. Был первым замом главного редактора «Комсомольской правды», собкором которой проработал более пяти лет во Франции. В мае 1986 г. «За мужество и мастерство, проявленные при освещении событий в закрытой зоне Чернобыльской АЭС», стал лауреатом премии Союза журналистов. С 2007 г. — заместитель главного редактора «Российской газеты». Автор 25 книг о внешней разведке. Трижды лауреат литературной премии СВР РФ. Награжден многими премиями, в том числе премией Александра Невского, в 2022 г. — премией Правительства РФ.

Имя разведчика-нелегала Владимира Иосифовича Лохова (1924—2002) было раскрыто лишь недавно.

Владимир Лохов, трудившийся в странах Среднеазиатского региона, первым сообщил в Москву о проекте «звездных войн» — «стратегической оборонной инициативе» Рональда Рейгана. Именно при звезде, это не тавтология, голливудских ковбойских фильмов, добравшегося до поста президента, в США началась разработка масштабной военно-технической программы СОИ, целью которой было уничтожение Советского Союза. После возвращения домой Лохов возглавил не просто один из отделов, а важнейшее направление нелегальной разведки.

О Лохове мне впервые, еще в веке минувшем, рассказывал легендарный генерал-майор Юрий Иванович Дроздов, возглавлявший нелегальную разведку с 1979-го по 1991-й. Но и в XXI в. Юрий Иванович никогда не называл настоящего имени своего подопечного: «Фамилия его — Полковник К. Он не рассекречен и вряд ли настоящее имя когда-нибудь станет известно, открытым мы его никогда не называли».

В 2017 г. на 92-м году жизни ушел Дроздов. Да, время идет. И свидетельством тому — медленное, иногда занимающее десятилетия раскрытие славных имен, томившихся из-за вполне понятной секретности в неприкасаемых архивах Службы внешней разведки. Когда народный художник России Никас Сафронов рисовал серию портретов наших разведчиков, ему предоставили и несколько фотографий из дела загадочного нелегала. Портрет появился, и мы с живописцем обра-

*Владимир Иосифович Лохов.
Советский разведчик-нелегал,
полковник КГБ СССР, начальник
1-го отдела управления «С» Первого
главного управления КГБ СССР*

тились с просьбой: «А нельзя ли?..» Кто этот человек, что он сделал, если руководство СВР числит его в своем «золотом фонде»?

И вот для начала появилась одна, тоненькая синяя папочка с относительно короткими выдержками из раскритикованных досье. Полковник К., это был он, обрел имя: Лохов Владимир Иосифович. Много, но далеко не все, стало относительно понятно. Осетин из села Пичиджин, которое из-за крошечных размеров трудно отыскать на карте. Это Знаурский район Юго-Осетинской автономной области Грузинской ССР.

В годы войны и чуть позже — с сентября 1942-го по октябрь 1946-го — служил в армии. Был курсантом, потом командовал взводом 30-й дивизии войск МВД. Сын Лохова Игорь и дочь Алла не знают, где он воевал. Но в боевых действиях участвовал: был пулеметчиком. На ноге остался шрам от ранения. Эта страничка жизни отца им неизвестна. Зато

о многом другом рассказали мне подробно, за что им искренне благодарен, как и скромным людям, с детьми нелегала познакомившим.

Война закончилась, и демобилизованного фронтовика с безупречной биографией поставили на должность инструктора Знаурского райкома Компартии Грузии. Доверие — по советским временам великое.

В Бакинском университете поступил на юридический. За все время учебы с 1948 по 1953 гг. — ни одной «четверки». Так было и в школе. Успевал все. Избирался комсоргом. Заядлый спортсмен, занимался легкой атлетикой, волейболом и фехтованием. Выучил азербайджанский. Молодой юрист окончил вуз с отличием.

Еще на четвертом курсе был приглашен в КГБ. Может, помимо прочего, привлек тем, что с детства знал осетинский, русский, грузинский, а в школе радовал преподавательницу, настоящую немку, отличным немецким. В Баку без особых трудов выучил азербайджанский. Наверное, языки в чем-то пригодились в дальнейшем, когда недолгое время служил оперуполномоченным в разных отделах МГБ Азербайджана. В характеристике значится: «Проявил себя добросовестным и инициативным сотрудником, приобрел опыт работы с агентурой».

Затем четыре года и десять месяцев специальной подготовки для работы в особых условиях. Началось со стажировки в одном из подразделений госбезопасности Москвы. Вскоре из столицы пришлось уехать в Душанбе, где больше года жил в семье репатриантов, выходцев из одной страны Средней Азии. Какой? Той, что интересовала советскую внешнюю разведку. Совер-

шенствовал сложный язык, учил английский. Получил две профессии прикрытия, востребованные в любом регионе мира, — шофера и фотографа.

А потом уехал года на полтора сторожем, или, хотите, смотрителем здания бывшего советского консульства в стране, язык которой должен был отшлифовать до совершенства. Это наше учреждение было временно — до лучших времен, которые вскоре настали, — закрыто. В большом, совсем не столичном городе — никаких русских. Общаться приходилось только с местными носителями труднейшего языка. Изучал быт, нравы, религию, манеру общения. Восток — дело тонкое, и несколько лет, потраченных для лучшего понимания чужой и для осетина действительности, были потрачены не зря. В 1962 г. на базаре его уже принимали за жителя этой страны. А на базаре никого не обманешь. Даже если как следует не поторгуешься — вызовет подозрения. Уровень подготовки Лохова был таким, что хоть муллой проповеди читай.

Не случайно напоминаю о национальности Полковника К. Внешность у него была, так уж получилось, подходящей для разработанной легенды оседания.

Привожу отчет будущего нелегала перед московским руководством без всяких поправок: «В целом я считаю себя вполне готовым к выполнению заданий в нелегальных условиях за границей. С теми знаниями в языке, быте и религии мусульман, оперативными и другими знаниями, которые мне удалось получить при огромной помощи товарищей из Центра, а также при наличии той внешности, которой наградила меня природа (теперь понимаете, почему я говорил о внешности. — *Н.Д.*), нам кажется, что в странах Востока мне удастся сделать очень много полезного». Ни разу за время труднейшей учебы не проявлял ни малейших колебаний по поводу успеха предстоящей командировки. Обращался в Центр: «Хотел бы быстрее выехать на задание, уже надоело ходить в учениках».

В 1963 г. нелегал появляется в «промежуточной» стране, через которую ему предстояло проникнуть в другое государство. Удалось добыть подлинные документы местного жителя, по терминологии разведки, «двойника». Тот умер, но его смерть не была зафиксирована. Полученный разведчиком внутренний паспорт был подлинный. Через несколько месяцев с ним приказано было на долгое время перебраться в другое, гораздо более интересное для службы государство. В начале 1964 г. обратился к тамошним властям с просьбой выдать заграничный паспорт. Пришлось подождать, видимо, его проверяли. А в мае, легально пересекая границы нескольких государств, наконец, добрался до страны, где и предстояло осесть.

Возникший вот уж действительно из небытия персонаж развил бурную и удачную коммерческую деятельность. Бизнесмен-иностранец вошел в число совладельцев компании, добывающей минеральные ископаемые. Создал свою кинопрокатную фирму. Купил небольшую авторемонтную мастерскую. А заодно на него работало несколько такси.

Отличное прикрытие для нелегальной деятельности, которая шла даже успешнее коммерческой. Двусторонняя связь с Центром была налажена. Использовались радио, тайниковые операции, тайнопись. В 1965 г. на связь разведчику передали ценного источника. Удалось создать и оперативно наладить работу агентурной сети. Этому помогали приобретенные связи в коммерческих кругах. Благодаря обаянию, прекрасному знанию языка он

был по-настоящему своим и во влиятельной иностранной колонии, обосновавшейся, как и он, в той стране: вошел в число заметных лиц среди тех, кто искренне считал его соотечественником.

Информация в Москву шла самая разнообразная. Что было отмечено медалью «За боевые заслуги».

ЗДРАВСТВУЙ, МОЯ ЧУЖАЯ МАМА

Но, как это часто случается во всех видах человеческой деятельности, а в разведке тем более, для развития успеха требуются все новые и новые усилия. Возникла у Лохова необходимость получить некоторые дополнительные документы, подтверждающие его личность. Давно умерший «двойник», под именем которого и жил разведчик, родился в горном ауле, где его годами считали без вести пропавшим. Как и полагается, верила в возвращение лишь старушка-мать.

И здесь, считаю, надо передать слово Юрию Ивановичу Дроздову, называвшему Лохова Полковником К.:

— Потребовалось немыслимое. Наш нелегал должен был попытаться сделать так, чтобы слепая женщина из чужого и далекого высокогорного селения признала Полковника К. своим сыном. Признает — и тогда у него появится настоящая мать с арабского Востока.

Полковник К. — осетин. Жалко, что таких теперь нет. Когда у К. возникли трудности с проверкой некоторых моментов его легенды, он вступил в переписку со своими легендированными родственниками. Тут учитывался промежуток времени, который был заложен в его истории: больше полутора десятка лет К. не приезжал домой в «свой» аул. Выяснили, что мать его ослепла. К. убеждал Центр, что не будет большого риска, если он встретится с родственниками, чтобы подкрепить собственную легенду.

Но руководители Комитета и внешней разведки считали такой шаг слишком смелым. Пусть не с мамой, потерявшей зрение, но с родственниками у реального «двойника» могла быть переписка. А люди в то сравнительно недалекое время имели обыкновение посылать домой фотографии. Может, и умерший радовал своими фото многочисленную родню.

Лохов этот вариант не исключал, но решил, что если снимки и прислались, то «сколько ж воды утекло». Он сам отослал «родственникам» свои изображения. Не хвастовство, но портрет на фоне собственного дома, новенького автомобиля свидетельствовали об удачливости блудного сына. Здесь грани риска превосходили все допустимые границы или были где-то с ними рядом. Операция выглядела исключительно опасной для нелегала. И все-таки, после длительных размышлений, всевозможных взвешиваний и колебаний, К. получил добро от Центра.

Нелегал подстраховался. В нескольких километрах от села, в укромной низине, его ждала машина. У водителя были спрятаны документы; в них К. значился под другим именем. И еще билет на самолет. Сначала в одну европейскую столицу, потом пересадка — и в другую. Сложись вдруг обстоятельства неблагоприятно, не признала бы мать в К. своего уехавшего на заработки сына, и главное для него было бы — успеть к самолету. На удачу, горное селение находилось не так далеко от столицы и аэропорта.

Скончавшийся выходец из аула сделал отличную карьеру. Устроился в европейскую фирму, по-настоящему разбогател. В первые годы даже навещался домой, присылал подарки, но потом куда-то исчез. И даже близкие не подозревали, что родственник умер. А вот Полковник К. это знал.

Разведчик обратил внимание на совпадение: он был очень похож на ушедшего. Потому и решился на встречу с матерью. Не зря ведь говорят, что родная мать всегда узнает своего сына. Почти с этим согласен: может узнать. Но не скажет ли окружающим ее бедным или очень небогатым людям, живущим в горах, что это — чужой человек? Полковник К. учитывал нюансы. Сын исчез полтора десятка лет назад. К., как и его «двойник», тоже успел сделать за границей неплохую деловую карьеру. Денег бизнесмен зарабатывал столько, что даже мог помогать своим коллегам по нелегальной разведке. Он заранее оповестил родственников о прибытии. Захватил для всех, как там принято, подарки. Мать была готова принять и обласкать родного сына. К. был отлично одет, приехал на шикарной машине. Как было близким и особенно матери его отвергнуть? Хорошо, пусть даже не сын. Но он-то искренне считает немолодую женщину матерью, зачем его разуберять, отталкивать? В конце концов, идти против всех.

Конечно, могло возникнуть: «А что, если бы вдруг она...». И на «если бы» было готово объяснение. К. спросил бы у родственников, здорова ли мама, показал бы всем семейную фотографию, сделанную немногим менее двух десятилетий назад, когда сын приезжал в аул. Сходство с умершим — невероятное. Как отказаться от такого родственника?

Нелегал знал труднейший язык превосходно. Здесь можно сравнить Полковника К. с легендарным Героем Советского Союза, нелегалом Николаем Кузнецовым, не просто безукоризненно говорившим на немецком, но и освоившим несколько его диалектов. Рождает наша земля таланты.

К. заранее дал знать о точном времени приезда, сообщил о подарках. Казалось, все было учтено. Но действительно, все учесть и предусмотреть очень желательно, но невозможно. Весь аул вышел его встречать. К. торжественно вели к матери: на скамье у родного дома сидело несколько женщин в чадрах. И, конечно, узнать, кто «родная мать», было практически нереально. Но пока нелегал мучительно размышлял, его слепая мама поднялась. Поддерживаемая соседками, которые, видно, и признали в приближавшемся богато одетом господине сына, встала перед ним на колени. Она его всего ощупала, произнесла молитву во славу Аллаха и назвала нашего Полковника К. сыном. Признала. Красивый был парень. После почти двух десятков лет, которые К. провел вне дома, все это было просто удивительно.

Для того чтобы создать и поддерживать эту легенду для нашего К., мы много сделали. Полковник К. проходил по той своей жизни как богатый человек. Кстати, даже подарки всем многочисленным родственникам купил не за счет Службы, а из денег, заработанных своей европейской фирмой. Отремонтировал домик, крышу, поставил новую изгородь. Но дела, и это — чистая правда, не давали возможности К. долго оставаться в ставшем родном селении. Три дня — и отъезд. Его ждала Европа. Через определенный срок, к концу пребывания в ней, он уже руководил крупной компанией.

И в расставании с мамой нет совершенно ничего кощунственного, злого, неблагодарного. Наоборот. Святой его матери мы установили пенсию, которую получали содержавшие ее родственники. И больше десятка лет

переводили деньги в селение, где она проживала. Может, и встреча с сыном, установившееся материальное благополучие, забота воодушевленных постоянной помощью близких тоже помогли ей прожить долго.

Но сына она больше не увидела. Все равно оставался бы риск. А Полковник К. участвовал в очень серьезных мероприятиях, которые приходилось решать на Ближнем Востоке и не только. Тут все было хорошо. Он провел в зарубежье немало плодотворных для себя и внешней разведки лет. Боюсь, никто и никогда деталей не приведет. А намекнуть... К. первым из наших, задолго до других, сообщил в Центр о проекте «звездных войн» — «стратегической оборонной инициативе» (СОИ) президента Рейгана.

А вот дочь Лохова, Алла, и сын Игорь, которые сердечно помогли мне, давали этому эпизоду несколько иную трактовку. По рассказам отца, мать из аула была не слепа, а подслеповата. Поняв, что сын — состоятельный и уважаемый человек, возможно, решила, что нет смысла докапываться до истины.

— Отец всегда отличался справедливым и сострадательным отношением к людям, — объяснял мне Игорь Владимирович. — Его родная мать родилась и жила в небольшой осетинской деревне, и это тоже играло определенную роль в отношении к полуослепшей женщине с нелегкой судьбой.

ОПЕРАТИВНЫЙ ЭПИЗОД ДЛЯ ГОЛЛИВУДА

Очень важно, что генерал Дроздов подтверждает: именно Лохов первым доложил в Москву о подлинных целях СОИ. На первенство претендует не он один, но Полковник К. прислал информацию «задолго до других».

Приведу и другой интересный оперативный эпизод из жизни разведчика. Он пропитан неким голливудским духом, что не умаляет, а подчеркивает героизм главного исполнителя.

Однажды, уже вернувшемуся домой полковнику Лохову пришлось вызволить из беды заболевшего коллегу. Ситуация сложилась чрезвычайная: разведчик-нелегал тяжело занемог. Наверняка сказалось постоянное напряжение — подвела психика, последовал глубокий нервный срыв. Он понимал: надо срочно возвращаться в Москву, но состояние было таким, что сам, без посторонней помощи, сделать этого не мог.

Приблизительно то же самое произошло и с талантливейшим членом Кембриджской пятерки Дональдом Маклейном. Он был на грани ареста, ему подготовили пути отхода, но Дон находился в таком состоянии, что самостоятельно преодолеть путь от Британии до Москвы уже не мог. На помощь ему пришел друг по «Пятерке» Гай Берджесс, благополучно через несколько границ доставивший Маклейна в СССР.

С советским разведчиком было не менее сложно. Он отказывался от помощи, считая всех, предлагавших ему помощь, агентами иностранных спецслужб.

Но Лохова заболевший разведчик хорошо знал, в свое время они были друзьями. Согласился бежать только с ним. Полковнику К. пришлось по быстро придуманной легенде срочно добираться до западноевропейской страны, где жил его товарищ. Поговорив с ним, Лохов понял, что тот настолько болен и непредсказуем, что в любом аэропорту может обратить на себя внимание. Самолет полностью отпал.

И тогда Полковник К. решил: поедем на машине. И необычная пара промчалась через всю Западную Европу до дружественной нам в ту пору страны Восточной Европы.

Тяжело больной человек был спасен. Его быстро поместили в госпиталь, вылечили. Конечно, после такой болезни было не до разведки. Последовала отставка, пенсия. И постоянное общение со спасшим его Владимиром Лоховым.

ЖЕНСКИЙ ВОПРОС

Возникает вопрос: а почему нелегал Владимир Лохов работал в зарубежье один, без жены? Ведь он встретился с Нонной Владимировной Толстой еще в университете. Она именно из рода Толстых, людей славной дворянской фамилии, раскиданных революцией по всему миру. После всех потрясений семейство перебралось из Москвы в Баку, где жить было чуть полегче, а дома отобрали небольшое имение, могли невзначай и прижать.

Некие трудности возникли у Владимира Лохова и при женитьбе. В жены чекист брал дворянку «из графов». Не очень-то тогда в спецслужбах поощрялись такие браки. Пришлось подавать рапорт начальству. Просьбу удовлетворили, и супруги прожили долго и счастливо.

К несчастью, во время работы в особых условиях Лохов оставался один на один с чужой действительностью, а жена — дома. Супруга была красива своей славянской внешностью. Наверно, возможно было придумать какую-то правдоподобную легенду, объяснявшую для внимательных чужеземцев союз такой необычной для Востока пары. Язык, в совершенстве освоенный мужем, ей давался нелегко. К тому же Нонна не прошла строгую медицинскую комиссию. Наверно, запрет можно было попытаться как-то обойти, но это никак не входило в строгие правила семьи Лоховых. И в период жизни мужа в «особых условиях» приходилось ждать, радоваться коротким приездам... Такова уж судьба у жен нелегалов.

Писателю всегда хочется докопаться до чего-то необычного, найти в судьбах своих героев какое-то сходство, пересечения. А что, если повезет? Нелегал Дмитрий Александрович Быстролетов тоже происходил из старинного рода Толстых. Может, у двух нелегалов есть и общие родственники? Но нет. Разные ветви генеалогического древа никак не пересекались.

Зато сын и дочь Лохова передали мне копию коротеньких заметок, оставленных мамой. Она надолго пережила мужа, скончалась недавно.

Вот что пишет Нонна Владимировна: «Он не собирался быть разведчиком. Учился в Азербайджанском государственном университете на юриста. Там же училась и я.

Всегда был первым и по успеваемости — только отличные оценки, и в общественно-политической деятельности. В университете — комсорг, на работе — парторг.

Но его фактически призвали на эту службу. Мужа такая работа заинтересовала — нестандартная и ответственная, связанная с риском. Я согласилась, потому что знала: для него это важно.

Началось оформление, подготовка. Пришлось ехать в Москву. А там ничего не было: квартира сначала съемная, затем комната в общей.

Потом ездили по нашим республикам, где язык и обычаи были похожи на восточную страну, в которую его собирались направить. А после — и в Страну: поехали с ним и с сыном. Сначала в посольство СССР, после в глубь Страны.

Ничего общего с турпоездками и загранкомандировками по линии МИД не было. Страна закрытая, мусульманская. По улице одна не погуляешь. А в городе, где жили, было вообще опасно выходить без знания языка и из-за возможности выходки со стороны религиозных фанатов. В городе русских практически не было.

После возвращения ВИ (Владимиру Иосифовичу. — *Н.Д.*) пришлось уехать в длительную командировку. Около пяти лет? (Знак вопроса не мой. — *Н.Д.*) В отпуск приезжал раз в год.

Никаких особых льгот не было, кроме зарплаты — выше среднего. Но купить что-то в те времена было, мягко говоря, непросто. Так что приходилось с двумя детьми в очередях и за гречкой стоять. Все как у всех.

Но зато он мог сосредоточиться на своей работе.

Потом возглавил отдел, в котором работал, используя свой нелегальный опыт и организаторские способности. Умел найти подход к каждому сотруднику и отыскать главную способность в каждом, чтобы использовать его как можно полнее. Кроме того, отношения в коллективе были в основном построены на товарищеской основе. Многие его подчиненные часто бывали у нас в гостях. Поэтому сотрудники его уважали и за профессионализм, и за человеческие качества. Даже спустя столько лет хранят о нем память».

Спасибо вам, Нонна Владимировна.

ЖИЗНЬ В ОСОБЫХ ЭПИЗОДАХ

Сыну Игорю есть что вспомнить. В детстве пришлось хорошенько поездить по стране. Только в южных ее республиках отец мог совершенствовать знания языка. Условия проживания — ниже среднего. Мать никогда не роптала: так было нужно мужу, и ради него приходилось многим жертвовать.

В свою первую, зарубежную и вполне легальную командировку отец взял маму и его. Алла родилась позже, в 1960 году. Сначала — жизнь при посольстве СССР в столице мусульманского государства, а потом год работы смотрителем надолго закрытого советского консульства, находившегося вдали от столицы. Никаких соотечественников, в случае чего помощи ждать неоткуда и не от кого. Надо было поддерживать хозяйство, не дать времени разрушить издавна принадлежавшие России здания, не запустить огромную, желтой каменной стеной обнесенную территорию. Верили, что отношения двух стран улучшатся, консульство снова откроется. Так и случилось через несколько десятилетий. А тогда все заботы пали на плечи Лохова. Супруга помогала, чем могла, занимаясь с сыном-дошкольником.

Каждый выход в город за продуктами требовал определенной смелости. Никаких языков, кроме своего, в городе не знали. Пришлось учиться, и волей-неволей получалось. На «неверных» косились. В многочисленные религиозные праздники надо было смотреть в оба, а еще лучше — запереться за крепкими консульскими воротами, чтобы не попасть под руку религиозным фанатикам.

Но отцу это помогало понять и осмыслить чужую среду, вжиться в нее так, чтобы попытаться сделаться своим. И дело тут было не только в языке, который Владимир Лохов вместо отведенных на это пяти-шести лет освоил за три.

«ТРЕНЕР» ДЛЯ НЕЛЕГАЛОВ

После возвращения домой Владимир Лохов сначала стал «тренером» — руководил подготовкой будущих нелегалов. Профессиональные навыки, отшлифованные Владимиром Иосифовичем за годы работы в «особых условиях», были настолько очевидны, что полковнику вскоре доверили важнейший пост. Находясь в Центре, он руководил, координировал деятельность разведчиков-нелегалов, постоянно отправлявшихся в страны, с которыми Советский Союз не поддерживал никаких отношений. Таких сугубо недружественно настроенных по отношению к нам государств в то время было немало. А еще отдел, возглавляемый Лоховым, посылал нелегалов в самые кризисные точки планеты, где разворачивались боевые действия, проходили перевороты.

Не прекращал оперативной работы и сам полковник Лохов. Владимир Иосифович выезжал за рубеж с разовыми заданиями. Иногда под видом коммерсанта, порой как «турист».

Об авторитете полковника Лохова говорит хотя бы то, что он, находясь в Центре, долгие годы руководил работой самой результативной пары наших разведчиков-нелегалов — Геворга и Гоара Вартамян. Именно он, досконально знавший обо всем ими совершенном, писал представление о награждении Геворга Андреевича Вартамяна звездой Героя Советского Союза — первой в послевоенные годы такой награде в нелегальной разведке.

После возвращения возглавил не просто один из отделов нелегальной разведки, а ее важнейшее направление.

Не забывал родную Южную Осетию. Выйдя в отставку, не скучал. Быстро принялся за другую, не связанную с разведкой работу. Быстро добился и в ней успехов.

Но здоровье ухудшалось. Все закончилось инсультом. Его быстро отвезли в больницу. Болезнь не виделась врачам смертельной, но один день — и Владимира Иосифовича Лохова не стало.

ПРОЗА

Мелитополь,
3 апреля 2023 г., 06:48

Александр МАЛЬКЕВИЧ

ЖИВОЙ

Александр Александрович Малькевич — известный российский журналист, военный корреспондент. В ходе СВО жил и работал во всех четырех новых субъектах РФ, а также в Харьковской области. С 2023 г. — сопредседатель Координационного совета по интеграции новых субъектов РФ при Общественной палате РФ. Указом Президента награжден орденом Мужества. Автор художественных рассказов о СВО, в соавторстве выпустил уникальную книгу «История СВО в шевронах», вобравшую в себя свыше тысячи реальных нашивок наших бойцов. Депутат Заксобрания Санкт-Петербурга. В настоящее время участник СВО. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Утро начиналось с запаха жасмина.

Жена поправила ему воротник, как перед выпускным, и Максим, смеясь, поцеловал ее в макушку — там, где прядь седины все никак не хотела окрашиваться.

— Ты уверен, что успеешь? — спросила она, глядя на часы. — До Мариуполя два с половиной часа, потом полтора до границы, там еще сколько стоять... потом еще два до Ростова... а у тебя встреча в два...

— Успею, — пообещал он. — А вечером — поезд в Москву. Завтра в МИДе доклад. Расскажу, сколько всего делается в русском Запорожье.

Она обняла его крепче:

— Только осторожно. Ладно?

— Ладно. А знаешь, что? — он улыбнулся. — Когда вернусь из Москвы, поеду не этой дорогой, а через Крым. Встретимся с тобой в центре Симферополя, пообедаем в том самом кафе. «Нашем». И выпьем того самого вина.

Она засмеялась:

— Того самого?

— Того, которое мы пили в первый раз. Помнишь?

— Помню.

Но... он так и не вернулся.

06:52. Белая «Тойота» с затемненными стеклами пристроилась в трех машинах сзади. «Снимают на телефон», — мелькнула мысль. Потом он заметил, что у «Гойоты» нет номеров.

06:54:17. Сначала ему показалось, что солнце взорвалось.

Лобовое стекло превратилось в миллиард сверкающих песчинок, влетающих в лицо. Рулевая колонка, согнутая как пластилин, впилась в живот. Где-то далеко, будто из другого измерения, раздался ее голос: «Только осторожно. Ладно?».

06:55:23. Он лежал на горячем асфальте и смотрел, как из его тела вытекает жизнь.

— Господи, да у него же ноги нет! — закричала женщина в розовой кофте.
— Как нет, — хотел возразить Максим, — вот же она...

Но когда он попытался пошевелить правой ногой, то увидел лишь кровавое месиво, присыпанное осколками стекла, будто сахарной пудрой.

— Ну вот, — подумал он почти спокойно, — не доеду я в МИД. Не расскажу. И в Симферополь не доеду. Не выпьем мы того самого вина.

Приемное отделение, 07:37.

Хирург Ларионова — лицо выгоревшей иконы, руки, видевшие все, — разорвала рубашку зубами.

— Все на выход! — рывкнула она, засовывая руку в его живот. — Печень разорвана, тазовая артерия... Петрович, давай сюда кровь! Быстро!

Ее пальцы, скользкие от крови, нащупали конец артерии.

— Как же так, — думала она, — а он еще дышит.

09:47.

— Мать вашу, да почему у нас всего четыре мешка эритроцитов?! — Молодой реаниматолог бил кулаком по холодильнику с кровью.

Ларионова обернулась:

— Потому что война, сынок. Потому что вчера было двадцать раненых, а позавчера — тридцать. Работай с тем, что есть.

Четыре литра крови ушли в пол. Еще 2,5 влили обратно.

14:22. Сердце остановилось в третий раз.

Ларионова, не отрываясь от раны, пнула ногой дефибриллятор:

— Бей, Петрович, пока горячий!

Тело Максима подпрыгнуло на столе, как марионетка.

Молодой реаниматолог — парень из Симферополя, который работал здесь уже третий месяц в порядке «соседского волонтерства», — прыгнул грудью на стол и закричал:

— Да живи ты, черт возьми! Слышишь?! Живи!

Сердце завелось.

Ларионова вытерла пот со лба окровавленной рукой и тихо сказала:

— Вот так, сынок. Русские — они такие. Не сдаются.

Институт Вишневского, Москва, май 2023 г.

— Смотрите-ка, — профессор тыкал карандашом в рентген, похожий на пазл, — осколок седьмого ребра воткнулся в плечевую кость. Красиво, правда?

Максим, прикованный к кровати гипсовыми «крыльями», попытался пошутить:

— Может, оставим? Как сувенир?

Профессор хмыкнул:

— Нет, парень. Мы тебя еще соберем. По кусочкам, но соберем.

Операция № 17. Берут кость из ребер, чтобы собрать руку.

Операция № 19.

— Берем фрагмент малоберцовой кости... Ой, — хирург замялся, — ну, той, что была.

Кто-то из медсестер нервно хихикнул. Максим закрыл глаза и подумал: «Хоть бы они не забыли, где что было».

Операция № 23. Пересаживают кожу со спины на то, что осталось от бедра.

Операция № 31. Чинят печень, буквально прошитую осколком.

— Вы наш рекордсмен, — шутили врачи.

Максим хрипло ответил:

— Я теперь как Франкенштейн. Только красивее.

Медсестра, меняя капельницу, улыбнулась:

— Красивее. И живее.

Когда искусственное сердце остановили для пересадки клапана, он снова увидел свет в конце тоннеля.

И решил: «Нет, я еще не готов».

Не готов оставить мир, где врачи ругаются, как сапожники, но ночами не спят у твоей койки. Где жена начинает похрапывать в кресле рядом после двенадцати часов своего дежурства. Где ты вдруг понимаешь, что даже без ноги — ты все еще опасен для тех, кто тебя взорвал.

Почему он так сражался за жизнь, цеплялся за нее?

Не из-за политики и своей работы. Не из мести и желания найти «их» и наказать.

Во-первых, из вредности: «Умру — они выставят мое тело как трофей. На фоне своего желто-блакитного тряпья. Нет уж, гады. Не дождетесь».

Во-вторых, из любви: «Она же будет плакать. А я обещал, что больше не заставлю. Обещал же».

В-третьих (может быть, это и было самое важное и самое главное): потому что он — русский. А русские они вот такие: ломаются, но не сдаются. Умирают сорок раз — и сорок раз воскресают. Потому что дух сильнее плоти. Потому что враг может разорвать тело, но не волю.

А еще — потому что он ждал этого слишком долго.

Максим и его товарищи ждали прихода наших восемь лет. С 2014 года.

Когда в Донецке и Луганске начали подниматься, когда Крым вернулся домой, они думали: «Вот сейчас. Вот сейчас и до нас дойдет». Но не дошло.

Восемь лет они жили в чужой стране. Восемь лет фактически скрывали, что они — русские. Восемь лет учили детей на языке, который был им чужим. Восемь лет смотрели, как переименовывают улицы, как сносят памятники, как из учебников вычеркивают правду.

Восемь лет ждали.

И вот — 24 февраля 2022 года.

Максим помнил это утро. Он проснулся от звонка товарища:

— Включай телевизор. Началось.

Он включил. Увидел. И заплакал.

Не от страха. От облегчения: «Наконец-то. Наконец-то мы не одни».

Когда наши вошли в Мелитополь, Максим был одним из первых, кто вышел им навстречу. Не с цветами — с документами, с картами, с контактами:

— Вот школы, где директора — наши. Вот предприятия, на которые можно опереться. Вот люди, которым можно доверять.

Он работал по 18 часов в сутки. Помогал налаживать связь, восстанавливать инфраструктуру, организовывать гуманитарную помощь. Ездил по селам, встречался с людьми, объяснял, убеждал, успокаивал.

Он знал: это его шанс. Шанс построить то, о чем мечтал восемь лет. Русское Запорожье. Где дети учатся на русском языке. Где улицы носят имена героев, а не предателей. Где люди не боятся сказать: «Я — русский».

И он строил.

Вместе с товарищами. Вместе с теми, кто тоже ждал восемь лет. Вместе с теми, кто приехал из России — помогать, учить, лечить, восстанавливать.

Они переименовывали улицы. Открывали школы. Налаживали работу больниц. Возвращали памятники. Возвращали правду.

Это была не просто работа. Это была победа.

Победа над страхом, который держал их восемь лет. Победа над ложью, которой их кормили восемь лет. Победа над одиночеством, в котором они жили восемь лет.

И когда его взорвали, он понял: они боятся этой победы. Боятся того, что он и его товарищи делают. Боятся того, что Мелитополь становится русским. Навсегда.

Поэтому он и сражался за жизнь.

Потому что его смерть — это их победа. А его жизнь — это победа наша.

Мелитополь, конец марта 2023 г. Офис ВГА

Еще до взрыва, за неделю до того, как белая «Тойота» превратит его жизнь в сорок операций, Максим сидел с боевыми товарищами в офисе Военно-гражданской администрации Запорожской области и листал список улиц, которые надо было переименовать.

За столом — двое журналистов: Константин из Москвы и Александр из Питера. Оба приехали в Мелитополь работать, оба остались, потому что поняли: здесь решается что-то важное.

— Слушай, — сказал Константин, откладывая карту, — а давайте одну из улиц назовем в честь Дарьи Дугиной?

Максим поднял глаза:

— Той самой? Которую взорвали?

Константин кивнул, помолчал, потом заговорил быстро, как будто боялся, что не успеет сказать:

— Двадцатого августа 2022 года. Вечером. Под Москвой. Ехала с фестиваля «Традиция». Машину взорвали прямо на дороге. Ей было всего 29. Знаешь, что самое страшное? Ее отец, Александр Дугин, должен был ехать с ней. Но в последний момент поменял планы. Он видел, как взорвалась машина. Как она горела. А он ничего не мог сделать.

Тишина повисла тяжелая.

— Той самой, — повторил Александр тихо. — Она же сюда приезжала. С детьми работала, книжки привозила. Помнишь?

Помнил. Даша приезжала в Мелитополь — встречалась с молодежью, вела беседы, привозила сборники стихов для местного литературного кружка. Говорила просто, без пафоса. Слушали ее внимательно.

— Понимаешь, — вдруг снова быстро заговорил Константин, — Мелитополь был последним городом в наших новых регионах тогда, в ее поездке. Август 2022 года. Она вернулась в Москву именно отсюда. И потом — все. Погибла.

Максим медленно кивнул:

— Хорошая идея. Правильная. Надо к мэру идти. К Галине Викторовне. Без нее ничего не выйдет.

Галина Викторовна Данильченко, мэр Мелитополя, приняла их в тот же день. Выслушала, кивнула:

— Хорошая идея. Правильная. Даша была светлым человеком. Сделаем.

Она не стала тянуть: быстро провели общественные слушания, обсудили с активом — и через несколько дней вышло распоряжение: одна из центральных улиц города получила имя Дарьи Дугиной.

Максим тогда еще не знал, что через неделю окажется на операционном столе. Что будет умирать и воскресать сорок раз. Что увидит эту улицу только через полтора года — уже на протезе.

Мелитополь. Улица Дугиной, 25 апреля 2023 г.

Известный московский художник, большой друг Даши, рисовал до рассвета при свете прожекторов.

Сначала — контуры: волосы, собранные под красивую шапочку. Потом — глаза, которые на рассвете вдруг ожили.

— Смотрите! — зашептали девушки из местного волонтерского отряда. — Она же улыбается!

Надпись: «Даша — душа наша» — была выведена не краской, а мозаикой из кусочков местной керамики.

Утром прибыли гости.

Вице-губернатор Запорожской области Сергей Толмачев стоял у новой таблички, держа в руках ножницы для красной ленточки. Рядом — певец Аким Апачев, который специально приехал, чтобы спеть на открытии.

Галина Данильченко вышла вперед и сказала коротко, но от сердца:

— Дарья Дугина приезжала к нам не за славой. Она приезжала, чтобы быть с людьми. Говорить с нашими детьми. Нести свет и правду. Ее убили за это. Но память о ней — она сильнее любой ненависти. Эта улица — наша благодарность. И наше обещание: мы помним.

Толмачев разрезал ленточку. Апачев запел — негромко, но так, что у многих навернулись слезы.

Первыми к мемориалу подошли две девочки-подростка из местного литературного кружка — именно им Даша привозила сборники стихов. Они положили цветы и отошли, вытирая глаза.

Палата реанимации, в то же время

Максим лежал в Москве, в Институте Вишневского, и смотрел сюжет об открытии улицы Дугиной на маленьком экране планшета, который ему принесла жена.

Экран плыл перед глазами — зрение еще не восстановилось после травмы. Но он слышал голос Галины Викторовны. Слышал песню Апачева. Слышал аплодисменты.

Медсестра перевязывала культю и спросила:

— Это ваша улица, да?

Он кивнул, не в силах говорить.

— «Вы — молодец», — сказала она тихо. — Вы все молодцы. Русские — они вот такие.

Максим закрыл глаза. И улыбнулся.

«Мы сделали это, — подумал он. — Мы переименовали улицу. Мы вернули память. Мы победили. Даже если я умру — мы уже победили».

Но он не умер.

Москва, весна 2024 г.

Год спустя Максим впервые встал на протез.

Тот скрипел как несмазанная калитка.

— Ну как? — жена гладила холодный карбон, будто это была живая плоть. — Больно?

Он посмотрел на пустое пространство под коленом и засмеялся:

— Не там, где ты думаешь. Болит спина. Болят пальцы, когда дождь. А нога... ее просто нет.

Она обняла его:

— Зато ты есть.

Он поцеловал ее в макушку — там, где седая прядь так и не окрасилась.

— Знаешь, — он достал из холодильника бутылку крымского вина, — я тогда обещал тебе: вернусь из Москвы, поедем через Крым, встретимся в Симферополе, пообедаем в том самом кафе. И выпьем того самого вина.

Она замерла:

— Помню.

— Не получилось тогда. Но сейчас — получится. Вот оно, то самое вино. Я его купил. Специально. Для нас.

Он налил два бокала.

— За что пьем? — спросила она тихо.

Максим поднял свою «новую» руку — ту, что собрали из ребер и титана.

— За то, что я... — он хлопнул протезом по столу так, что задребезжали бокалы, — ... выжил. За то, что мы — победили. За то, что дух сильнее плоти. За то, что я дошел. И дойду еще. До Симферополя. До того кафе. До нашей победы.

Они выпили.

И вино было таким, каким они его помнили. Тем самым. «Тогдашним». «Их».

Мелитополь, осень 2024 г.

Протез стучал по брусчатке ровно, как метроном.

Максим шел по улице Дугиной — той самой, которую придумали за столом Константин, Александр и он сам — за неделю до того, как его разорвало на части.

Полтора года спустя.

Мурал уже поблек от солнца, краски выцвели, но лицо Даши все равно было узнаваемым. Надпись из мозаики держалась крепко — керамика не выгорает.

— «Крепкая работа», — сказал охранник, подойдя. — Художник знал, что делал.

Максим потрогал шершавую стену:

— Знал. Он же ее друг был. Настоящее не бывает глянцевым. Пусть все видят: мы живем. Несмотря ни на что.

Он стоял у начала улицы, чувствуя, как титан протеза холодеет на осеннем ветру.

Дальше — школа. Там, где Даша встречалась с детьми. Они играли в догонялки под новой табличкой.

— Дядь, а это правда про ту журналистку? — спросил курносый мальчишка, запыхавшись.

Максим присел на корточки, чтобы быть с ним на одном уровне:

— Правда. Она сюда приезжала. Книжки привозила. С вами разговаривала. Хорошая была. Светлая.

— А вы ее знали?

— Нет. Но я предложил назвать улицу ее именем. Вместе с товарищами — журналистами, ее друзьями. А мэр — Галина Викторовна — поддержала. И сделала.

Мальчишка кивнул серьезно:

— А вас взорвали?

Максим усмехнулся:

— Пытались. Не получилось.

— Почему?

— Потому что я русский. А мы не сдаемся. Даже когда очень больно.

Мальчишка посмотрел на протез, потом в глаза Максиму:

— Понял.

И побежал дальше играть.

Вечером Максиму прислали скриншот из украинского телеграм-канала: какие-то люди в вышиванках стоят с плакатом «Мелитополь — це Украина» и жгут российский флаг.

Он усмехнулся и отправил в ответ свое новое фото: он стоит у таблички «улица Дугиной», опираясь на трость.

И подписал: «Они играют с бумагой и тряпками. Мы переименовываем реальность. Они убивают тела. Мы воскрешаем память. Они проиграли, когда оставили меня жить».

Украина хотела труп. Получила — живого. С одной ногой. С железной волей. И счетом, который рано или поздно придется оплатить. Не квитанциями. А возмездием.

Умирать страшно только первый раз. Потом понимаешь — это не ты уходишь. Это они остаются с твоим призраком в своих кошмарах.

А ты... ты пьешь крымское вино и трешь карбоновый протез, как кошка трет морду после драки. Победителем.

В Мелитополе всю весну того 2023 г. находили осколки взорванной машины. Дети собирали их в жестяные банки и спрашивали: «Это от дяди, который выжил?».

Да. От дяди, который научился умирать сорок раз.

И сорок раз воскресал.

Чтобы однажды посмотреть «им» в глаза.

Не в камеру. Не для «картинки». А так, чтобы они поняли: русские — они вот такие. Ломаются, но не сдаются. Умирают — и воскресают. Потому что дух сильнее плоти. Потому что память сильнее ненависти.

Они хотели убить память. Но получили улицу, где старики ругаются друг с другом, но несут цветы. Где подростки из литературного кружка до сих пор читают стихи у мемориала. Где таблички чистят волонтеры, а мурал охраняет весь город.

Галина Данильченко уже давно в Москве — ее работа в Мелитополе закончилась, ее вклад в становление русского Запорожья сделан. Но улица осталась. И память осталась. И город остался русским.

А Максим и вся его команда теперь знают: города переименовывают не указами. А шагами по ним.

Даже если эти шаги скрипят титаном.

ВЫШЛА КНИГА

Берсенёв Н.Н.

Под знаком вечности: В 2 т. М.: Граница, 2025. Т. 1: Теркин с нами. 440 с.; Т. 2: Теркин побеждает смерть. 456 с.

«Смертный бой не ради славы, ради жизни на земле», гениально описанный Александром Твардовским, на наших глазах приближается к своему очередному апогею. Победить в нем без понимания происходящего, без обретения предельных мировоззренческих смыслов не получится. Темная оккультная сила, сделав выводы из своего поражения, упорно идет к реваншу. Русский труженик-солдат, которого другой гений, Андрей Платонов, называл святыней, вновь противостоят абсолютному злу. И это похоже на чудо. Стихийно-сознательное желание автора дать образ современного Теркина, выразителя всех лучших качеств русского солдата, нашло свое завершение в написании этого текста. Наш герой не просто остается стойким и умелым бойцом, но еще и пытается быть проповедником. Концентрированное выражение этой его необходимой как никогда сегодня ипостаси можно обнаружить во многих новеллах книги, но особенно в таких, как «Поединок», «Кульмштрассе», «По какой рубеж своя?», «России пограничный дух», «Операция Поток», «Опорник» и, конечно, в «Суде».

Юрий ПОЛЯКОВ

ПУГОВИЦА СТАЛИНА

Юрий Михайлович Поляков — известный советский и российский писатель, поэт, драматург, председатель Национальной ассоциации драматургов, председатель редакционного совета «Литературной газеты» до 2021 г., главный редактор «Литературной газеты» (2001–2017). Член Правления Союза писателей и член Союза журналистов России. Член Совета при Президенте РФ по культуре и искусству, сопредседатель президиума МООП «Международный литературный фонд» и др., автор многих книг, театральных сценариев, нескольких собраний сочинений. Кандидат филологических наук. Имеет государственные, ведомственные и общественные награды, в т.ч. ордена «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени, орден Почета, орден Дружбы и др.
Живет в Переделкино.

Петька жил рядом, на Сивцевом Вражке, в огромной квартире, оставшейся от покойного тестя Мстислава Егоровича, генерала-лейтенанта медицинской службы, жуткого матерщинника и выпивохи. Теща Кира Семеновна была почти вдвое моложе мужа и безвылазно обитала на даче в Перхушкове, отлучаясь от туда только на международный фестиваль флористов «Роза мира» и в Кисловодск, где лечила гастрит, возникший на нервной почве. Похоже, супруги, родив дочь, просто разъехались, не сойдясь характерами.

Арбатский дом, облицованный бежевой «кремлевкой», был сплошь покрыт мемориальными досками в честь известных военачальников. Только потом мы узнали, что наша скромная однокурсница Ленка Ершова, которую Шурин взял измором, проходив за ней хвостом почти пять лет, — дочь знаменитого военного хирурга, поздний ребенок от второго брака, любимица отца. Первая жена, Анна Петровна, почти ровесница, тоже была врачом. Они познакомились во фронтовом госпитале, сошлись на всю жизнь, но она умерла от скоротечного рака, не дожив до сорока. Детей Анна Петровна иметь не могла: осколок, залетевший в операционную палатку, сделал ее бесплодной.

Генерал Ершов прославился тем, что разработал и внедрил в практику уникальную операцию по восстановлению утраченной в бою мужской оснастки — то была массовая травма военного времени. Ершов получил за свою прорывную методику Сталинскую премию, стал профессором, академиком, возглавив целую экспериментальную клинику в Сокольниках. Чтобы понять, как ценили генерала, достаточно сказать, что Мстислав Егорович участвовал в консилиумах, когда членов Полит-

бюро подводило здоровье, особенно по мужской части. В 1953 г. он вошел в комиссию, надзиравшую за вскрытием тела Сталина, и был уверен, что вождя «ухайдакали соратнички».

Когда, вернувшись из армии, я впервые появился в Сивцевом Вражке в огромной квартире, застеленной коврами, заставленной красной мебелью, книжными шкафами и завешенной картинами в золотых кудрявых рамах, то испытал классовую оторопь. Генерал в свои семьдесят был еще бодр, двадцать раз мог подтянуться на стальной перекладине, вмурованной в стены поперек длинного узкого коридора. И хотя с молодой женой, Ленкиной матерью, они жили порознь, якобы «для сохранения свежести чувств», каждую субботу он ездил в Перхушково исполнять супружеский долг, но возвращался всегда недовольный. По квартире Мстислав Егорович ходил в синей шерстяной олимпийке и валенках с обрезанными голенищами, крестился на иконы в углах, а новых гостей подводил к портрету, висевшему в огромной гостиной:

— Знакомьтесь, моя жена Анна Петровна, урожденная Гурьева. Военврач второго ранга.

С полотна кисти того самого Лактионова смотрела, как живая, женщина невероятной красоты, одетая в вечернее платье по моде пятидесятых, с театральной бисерной сумочкой в тонких, но сильных пальцах. Глядя на нее, становилось ясно: разлюбить такую женщину, даже если она давно умерла, невозможно. Из случайных фраз и обмолвок я понял, что вторым браком, как порядочный человек, Ершов женился на своей секретарше, когда та оказалась в интересном положении. Но дочь, родившуюся в результате этой служебной связи, он обожал до самозабвения.

Когда мы зависали на Сивцевом Вражке (а случалось это не часто, так как Ленка терпеть не могла наши пьяные посиделки), генерал к нам непременно присоединялся, выпивал, слушал, спорил, горячился, как мальчишка. Особо он благоволил к Котомкину и всякий раз просил:

— Ну давай, давай, скабрезник, порадуй ветерана!

Кот закатывал глаза и читал, подвывая, что-нибудь из новенького.

— Ай, молодец! Дай почеломкаю!

Генерал был лютым сталинистом и антисемитом, хотя вторым браком женился на еврейке. Тут они с зятем сошлись и часто вдвоем под рюмочку слушали бесконечное «Кольцо Нибелунгов» — эти редкие в СССР пластинки врач привез из ФРГ, куда летал на симпозиум по пластической хирургии. Мстислав Егорович считал: все наши неприятности из-за того, что подлюка-кукурузник развенчал Кобу, выставив генералиссимуса из Мавзолея. Про тайную операцию по выносу тела вождя он нам неоднократно в подробностях рассказывал в застолье, хотя информация эта в ту пору была засекречена. Но один пациент-фронтовик, которому он своим чудодейственным скальпелем вернул счастье мужской боеготовности, служил тогда, в 1961-м, заместителем коменданта Кремля полковника Мошкова и лично участвовал в тайном перезахоронении.

Решение было принято вроде как по настоятельной просьбе Кировского и Невского заводов, о чем с трибуны 22-го съезда доложил первый секретарь Ленинградского обкома партии Спиридонов. Делегаты единодушно одобрили. Свою роль, конечно, сыграло и выступление старой большевички Доры Лазуткиной. Член партии с 1902 г., соратница Ленина, подруга Крупской,

она сообщила оторопевшему залу, что Владимир Ильич неоднократно лично приходил к ней во сне и жаловался, мол, неприятно ему лежать рядом с человеком, подло извратившим великую идею и погубившим столько верных борцов за всеобщее счастье. Полоумной бабке аплодировали стоя, зная, что на трибуну ее запустил сам Хрущев, другие бы не отважились: психиатрический диагноз старой большевички был известен.

Приказ пришел 30 октября, а уже в ночь с 31-го на 1-е закипела работа. Начальник 9-го управления КГБ, генерал-полковник Захаров по заданию Никиты Сергеевича отобрал восемь надежных офицеров для переноса тела и шестерых верных бойцов для рытья могилы. Сначала собирались похоронить тирана на Новодевичьем кладбище, где впоследствии закопали самого кукурузника, но глава московских коммунистов Демичев высказал опасения, что там нет надлежащей охраны, а фанатики сталинизма, воспользовавшись этим, могут выкрасть труп своего кумира. Тогда надумали упокоить опасные останки у Кремлевской стены, где все под неусыпным контролем. С вечера оцепили Красную площадь, отгородили Мавзолей таким дощатым забором, чтобы даже с последнего этажа ГУМа ничего не разглядеть, быстро выкопали яму, обложили стенки бетонными плитами, прикрыв фанерой. Тем временем в столярной мастерской Девятки сколотили гроб, обтянув снаружи красным, а изнутри черным крепом. Художники «Арсенала» намалевали транспарант «под гранит», чтобы на первое время, пока умельцы готовят цветной камень, закрыть две революционные клички, ведь 7 ноября войска и трудящиеся с транспарантами должны пройти мимо усыпальницы, где красуется отныне одно-единственное имя — Ленин.

Надежные офицеры под командой Мошкова, открыв прозрачный саркофаг, перенесли вождя вниз, в лабораторию, где специалисты регулярно проверяли состояние тел, проводя бальзамические манипуляции. Мстительный Хрущев, которого Сталин заставлял за провалы в работе плясать гопак перед членами Политбюро, сначала велел раздеть «учителя народов» донага и в таком виде сунуть в гроб, но Шверник и Мжаванадзе отговорили: «Мол, Никита Сергеевич, не буди лихо, всем нам на смертном одре лежать!».

В результате раздеть мумию не стали. Исполнители дрожащими руками сняли с мундира, как приказано, золотую медаль Героя Социалистического Труда (Звезду Героя Советского Союза Сталин не носил), спорили погоны генералиссимуса и заменили золотые пуговицы на латунные, быстро споров старые и пришив новые. Благо военный человек иголкой с ниткой владеет не хуже, чем штыком. Все это отнесли и сдали по описи в Охранную комнату, где сберегались награды и регалии всех, кто замурован в Кремлевской стене.

— Пуговицы-то зачем? — удивился Кот, слушая рассказ генерала. — Драгметалл копили, что ли, скупердяи?

— Да нет же! Из черной зависти, чтобы осрамить великого покойника! Сами-то они в истории ноль без палочки, а он — титан! Торопились страшно: к утру все должно выглядеть, словно так всегда и было. Иначе полетят головы.

Тело переложили в готовый гроб, вынесли наружу, поставили на деревянные козлы, вроде как проститься. Шверник зарыдал, ослаб, и охрана подхватила его под руки. Крышку заколотили, прах опустили на веревках вниз. Офицеры, несмотря на запрет, бросили в могилу, как велит обычай,

по горсти земли. Яму засыпали, придавив сверху плитой с краткой выбитой надписью: «Сталин Иосиф Виссарионович (1879—1953)».

Это уж потом, при Брежневе, мраморный бюст появился... Перед расцветом быстро убрали ограждение, подмели мусор. Генерал Захаров подписал протокол о перезахоронении, а полковник Мошков с офицерами передвинули Ильича на середину прозрачного саркофага, будто он всегда один-одинешенек и лежал. Утром, когда Мавзолей открыли для доступа трудящихся, народ обалдел: «Сталина-то куда подевали?». В толпу специально внедрили сотрудников КГБ, переодетых в штатское, и те доложили: особых протестов и возмущений не наблюдалось, но люди серчали, что с ними, принимая такое важное решение, не посоветовались...

— Успели народу голову задурить троцкисты недобитые! — буркнул Мстислав Егорович и предложил выпить за вождя стоя, не чокаясь.

В ту пору мы все, кроме Шурина, были убежденными антисталинистами «огоньковского» разлива, но все-таки поднялись и выпили, зная крутой нрав хирурга: в гневе он мог запросто оторвать то, что с таким искусством пришивал. Впрочем, в гостях у однокурсника, как я уже сказал, мы бывали нечасто: Ленка ненавидела наши шумные застолья и терпела нас не чаще, чем раз в квартал, не помогали даже гвоздики, которые ей всегда приносил галантный Кот. Зато генерал обожал гостей и был хлебосолом, к нему заглядывали, чтобы выпить и поговорить о жизни, друзья-однокашники, поседелые ученики, пациенты, возвращенные в лоно супружеских радостей. Как-то при нас на огонек с бутылкой коньяка зашел знаменитый комик, игравший в кино незадачливых громил-хулиганов. Дело было в праздничные майские дни, и на пиджаке гостя мы заметили внушительную наградную колодку. В миру актер оказался вежливым, стеснительным и немногословным. Мы выпили вместе еще раз за Победу, и Мстислав Егорович увел гостя в свой кабинет.

— И он тоже? — спросил Кот Ленку, показав пальцами «ножницы».

— Да, — нехотя кивнула она. — Кажется, не совсем удачно вышло, очень сложное ранение.

С тех пор, когда я вижу этого давно умершего актера в старых советских комедиях, мне совсем не хочется смеяться.

Однажды, затарившись в Смоленском гастрономе, мы зашли к Петьке обсудить недавний путч. Генерал, как обычно, в валенках и олимпийке, встретил нас на пороге словами:

— Вы слышали, кого Меченый министром обороны назначил?

— Вроде, Шапошникова...

— А вы знаете, как его в армии зовут?

— Нет.

— Человек, который смеется. Это катастрофа! Сколько взяли?

— Вот... — мы предъявили ему новинку — два пузырька хлебного вина № 21 с затейливой этикеткой от Смирнова, поставщика двора Его Императорского Величества.

— Мало. Бегите сразу за добавкой! Я сегодня нажрюсь...

После развала СССР генерал сильно сдал, перестал делать зарядку и подтягиваться, а расстрел Верховного Совета в 1993-м его доконал. Он слег, отказывался от еды, только пил неразбавленный медицинский спирт; его исправно приносили, проводывая, ученики. Возбуждись от алкоголя, Мстислав Егорович сначала нес таинственный вздор о том, что мог

бы спасти страну, но пока на троне пьяница Ельцин, это невозможно. Потом хирург требовал, чтобы на его могиле поставили символичную стелу. Усохший до неузнаваемости, он пел «Подмосковные вечера», разговаривал с портретом первой жены, плакал, потом отключался. Организм у него оказался крепким, так продолжалось несколько лет, но однажды генерал просто не проснулся. Отпевали Ершова в церкви при Ваганьковском кладбище, старенькому батюшке ассистировал Свинок, ставший, как и мечтал в детстве, священным иноком...

Через год Шурин озаботился памятником, его безвозмездно взялся изваять сын одного из пациентов. Собственно, благодаря уменью великого хирурга, скульптор и появился на свет. Помня волю усопшего, за основу Народный художник взял известные римские обереги, в изобилии найденные при раскопках. Петька водил нас в мастерскую, мы видели макет будущей стелы из пластилина в натуральную величину и ушли под впечатлением. Однако, когда информация о будущем монументе дошла до дирекции кладбища, грянул скандал, окончившийся бесповоротным запретом на такой неприличный способ увековечивания памяти усопшего. Тогда мудрый скульптор, поразмыслив, предложил оригинальный выход.

Если печальный долг или любознательность занесет вас на Ваганьковское кладбище, направьтесь от входа строго по центральной аллее, а затем сверните направо в четвертый проулок. Вскоре вы увидите бронзовую фигуру хирурга, склонившегося над операционным столом. Ему ассистирует редкой красоты женщина-военврач. Это они, навеки неразлучные Анна Петровна и Мстислав Егорович. Как говорится, предмет оперативного вмешательства снизу не виден, супруги вознесены на высокий пьедестал, но если вы не поленитесь подняться на цоколь, для чего имеются ступеньки, вам откроется то, за что генерал получил Сталинскую премию...

И тут появился Шуринов.

— Извини, Рига! Ты знаешь, я никогда не опаздываю. Форс-мажор. А где рулька?

— Греют.

— Отлично! Это мне? — он кивнул на бокал моего нефилтрованного.

— А кому же еще?

— О-о-о! — Петька, как и положено, сделал мощный глоток, опорожнив пол-емкости, потом перевел дух и почти допил оставшееся. — Хорошо-о-о! Весь день мечтал! Рассказывал детям про Онегина, а сам о пиве думал.

— Это еще туда-сюда. Если бы ты знал, о чем я иногда думаю, когда эфир веду!

— Догадываюсь. А что ты сегодня такой смурной?

— Дона убирают. Уже убрали, если честно...

— Елы-моталы! За что? Я же смотрю ваш канал, все на аптекарских весах выверено, комар носа не подточит.

— Видимо, время пришло.

— И кто же будет?

— Пока не ясно, меня скоро вышибут.

— Манана? — нахмурился Шурин, осведомленный о моем конфликте со старой гримзой.

— Да, сожрет — не подавится.

— Ох, они доиграются! У вас и так там русских рож почти не осталось, — он начал оседлывать своего любимого конька.

— Петя, умоляю, сегодня без евреев! И так тошно...

Тут наша молниеносная Лара принесла рюмки, с профессиональной памятью поставив передо мной бураковую, а перед Шуриным — «термоядерную-чили».

— Спасибо, умелица! Это мой однокурсник, наш с вами коллега — филолог...

— Очень приятно!

— Петя, у вас в гимназии есть вакансии?

— Спятил!

— Еще пива? — спросила выпускница университета, усмехнувшись с пониманием.

— Конечно! Нефильтрованного.

— Я быстро...

Шурин проводил самарскую красавицу безнадежным взором узника семейных ценностей.

— Тебе нельзя! Ты однолюб. Давай лучше за детей и внуков! — я поднял свою рюмку.

Мы чокнулись, выпили, и у Пети от «термоядерного чили» перехватило дыхание. Он выпучил глаза, побагровел, потом просипел:

— Это что было?

— Комплимент от заведения, чтобы не опаздывал.

— Ну ты и гад! — Он судорожно глотнул остаток пива.

— Какую тайну ты хотел мне рассказать?

— Погоди — отдышусь... Сейчас... Ты помнишь моего тестя?

Но тут спасительница Лара бегом принесла нам не только скворчащую рюмку, но и еще два нефильтрованных пива.

— О, спасибо! — Шурин припал к бокалу.

Он набросился на свиное колено, как воинственный каннибал на конечность кровного врага, поверженного и зажаренного заживо. Я не отставал... В какой-то момент показалось, мы ни за что не осилим огромную голядь, но настойка нас взбудрила, а подоспевшее пиво придало новые силы, и вскоре на блюде остались лишь кости, как после привала неолитических охотников.

— На чем я остановился? — сыто спросил Шурин.

— На покойном тесте.

— Да... Но ты, Рига, учти: это должно в тебе умереть!

— Клянусь моей последней женщиной! Колись!

— Так вот, Мстислав Егорович перед смертью передал мне одну вещицу...

— Интересно, какую?

— Вот эту! — однокурсник вынул из жилетного кармана и выложил на лоснящуюся столешницу пуговицу от военного кителя.

Я взял ее в руки: тяжеленькая, явно золотая. Нацепил очки: на выпуклом аверсе отчеканен с ювелирной тонкостью герб СССР, из плоского реверса торчит, как положено, петелька, а ближе к краю, если присмотреться, видна проба: звездочка с серпом и молотом и три цифры — 585.

— Не может быть... Та самая?

— Да, это пуговица Сталина.

Шарип ЦУРУЕВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Шарип Мовладович Цуруев — поэт, литературный критик, публицист и переводчик. Родился в 1963 г. в селе Герзель-аул Гудермесского района Чечено-Ингушской АССР. Окончил филологический факультет Чечено-Ингушского государственного университета. Автор ряда поэтических сборников, научных и публицистических статей. Народный писатель Чеченской Республики, Заслуженный работник культуры Чеченской Республики, почетный профессор ЧГПУ. **Живет в Грозном.**

ИСПЫТАНЬЕ ГОТОВ Я ОСИЛИТЬ ЛЮБОЕ!

Счастье снова так близко —
рукою подать!
Это счастье зовется
Герзельской землею.
Сколько там километров
осталось шагать?
Испытанье готов я осилить любое!

Непроглядная тьма.
Волком воет Аксай.
Звезды в тучи на небе
забились трусливо.
Так встречает меня
неприветливо край,
Где я был и где буду
навек счастливым.

Здесь мой корень,
родная моя сторона,
Здесь мой род,
что в столетиях мужеством славен!
Что ты прячешь лицо,
о сестрица-луна?
Что ты воешь, река?
Я ж не гость, а хозяин!

Не узнали? Вот ветер, как пес,
заскулил,
Он почуял, наверно, что я —
та частица
Незабытой, единственной,
древней земли,
Что себя обрести
этой ночью стремится...

МАТЕРИ

Лишь бы сердце твое
оставалось в покое,
Лишь бы меньше ему
горевать и страдать —
О, моя дорогая, за счастье такое
Все, что есть за душою,
готов я отдать.

От вселенского зла
заслонила бы собою!
Научиться бы только от горя и бед,

Словно ты — помню детство мое золотое —
И любимое сердце, и весь белый свет

Сберегать от несчастий, невзгод и обмана!
Знать бы только секрет волшебства твоего:
Стоит только позвать потихонечку: «Нана...» —
И опять наступает добра торжество!

То заветное время, что было когда-то,
Путеводной звездой несущ по судьбе.
И себя ощущаю навек виноватым,
Что не смог стать надежной защитой тебе...

Да увидит Всевышний: нет лжи за строкою,
И в душе моей сможет одно прочитать:
Лишь бы сердце твое оставалось в покое,
Лишь бы меньше ему горевать и страдать...

ТЕЛЕГА

Телегу жизни обгонять не надо,
И отставать не нужно от нее.
И не мешай, коль видишь — вот досада —
Спешит не той дорожной колесей.

Заблудится — кто хочет заблудиться,
Отчаянный — загонит лошадей.
Молчи, когда поток навстречу мчится —
Ведь не просили помощи твоей.

Не трать слова на мудрые советы,
Заранее никто не разберет:
А вдруг да седоки телеги этой
Все сделают как раз наоборот?

И только посмеются над тобою:
«Собаки лают — караван идет!»
Да, над тобою, как над тамадою,
Который врет, что знает наперед

Судьбы дорогу в скоротечном беге
Не в пропасть ли несущихся коней.
Скорее прочь от гибельной телеги!
Но это я сейчас сижу на ней...

Перевел с чеченского Юрий Шербаков

* * *

Ответ не найду на вопрос,
Что мучает день ото дня:

Каков был мой мир без меня,
И что я с собою принес?

Ручей, что село огибал,
Тень ивы, спасавшая в зной,
Те люди, которых я знал, —
Все это взаправду со мной?
Та девочка, что полюбил
Еще до пятнадцати лет —
И вот по сей день не забыл, —
Все это был сон? Или нет?
Улыбчивой мамы тепло,
Отец, на улыбку скупой, —
С тех пор столько лет утекло —
И впрямь они были со мной?
Учеба и армия, дом,
Работа, то множество лет,
Что мы своей жизнью зовем, —

Случились со мной? Или нет?
Что — вымысел, морок, пустяк
Надуманый? Что — во плоти
Взаправду случилось? И как
Границу меж них провести?
Ответ не нашел, хоть убей...
Зато неизменно со мной
Родные, десяток людей
И память о девочке той.
Тень ивы, спасавшая в зной,
Ручей за околицей, луг —
Когда я уйду в мир иной,
Лишатся всей прелести вдруг...
Их век столь же краток, как мой.
Но там — не бывает разлук.

* * *

То спускаясь в овраг, то горой крутой
Мчит судьбы колесо — нет конца дорог.
Сердце — мяса и мышц крохотный комок —
Вздумало издавать странный скрип порой.
Приземленной теперь мыслей толкотня —
Больше о небесах мне не помечтать.
Может, где-то в пути стерлась шестерня?
Невозможно в пути колесо менять,
Впредь идти мне вперед на своих двоих.
С тем столкнулся, что сам не любил в других:
Век тянуть и толкать, что уже не мил.
«Стоит ли?» — так вопрос задан напрямик.
От кого ждать ответ, и кого спросил —
Не пойму. И в ответ до сих пор не вник.
«Что ж, крутись, колесо, сколько будет сил», —
Сам ответил. И мне легче в этот миг.

* * *

Товарищ, что со мной издал свой первый крик,
Сказал, что он уйдет лишь в мой последний миг.

Куда я ни пойду — товарищ мой чудной,
Чтоб я ни делал, вновь увяжется за мной.

Цель у него одна: разок дожждаться дня,
Чтобы как брат сдавить в объятиях меня.

Я жизнь не так ценю, как мой товарищ тот,
Что вечно по ночам маячит у ворот.

Товарищ этот — смерть... И забывать не след,
Что в жизни у людей надежней друга нет.

* * *

Вещи, что носил я в детстве, не были красивы — но
Что имеем, тем довольны. Я был даже счастлив в них.
Изодрались, проносились — вновь латать их суждено.
У меня — сказать по чести — просто нет вещей иных.

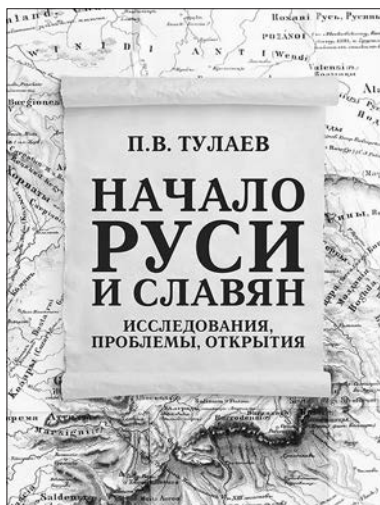
До чего порой мешает жить холодный чистый ум,
Что взирает на реальность, как сквозь драное тряпье.
Жизнь — убогая калека. Из клочков ее костюм.
Коли вправду оголится — страшно глянуть на нее!

Перевел Виктор Куллэ

ВЫШЛА КНИГА

Тулаев П.В.

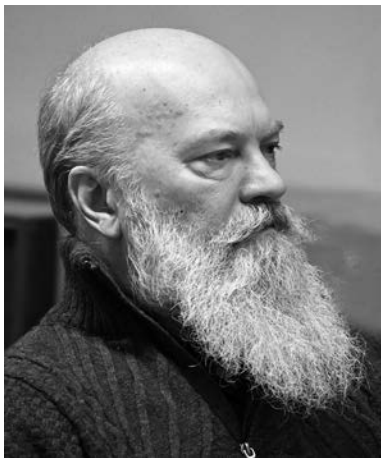
Начало Руси: В 2 т. М.: Академический проект, 2025. Т. 1: Славяне и их соседи в древности. 463 с.; Т. 2: Исследования, проблемы, открытия. 316 с.

В книге историка, писателя и культуролога П.В. Тулаева содержатся обобщения его многолетних исследований истоков славяно-русского мира. Рассматривая летописные сведения, а также труды отечественных и зарубежных ученых XVII—XX вв., автор дает широкую панораму исторических событий от первобытных времен до монгольского вторжения. В научно-популярной манере рассказывается о прародинах индоевропейцев, дунайской колыбели славян, древних народах Евразии и варварах — соперниках Римской империи. Интересные выводы содержатся в разделе о венецах, вандалах, балтийской Славии, происхождении Руси и ее имени. Особое внимание уделено языческой мифологии и становлению христианства. С точки зрения современной лингвистики рассматриваются тайны старинных надписей.

Книга хорошо иллюстрирована, содержит редкие карты, библиографические ссылки и научные примечания. Она адресована не только историкам, но и всем интересующимся истоками родного края, широкому кругу читателей.

История И СОВРЕМЕННОСТЬ

Владимир АНИЩЕНКОВ

КОНЕЦ ЛИВОНСКОГО ОРДЕНА

*Из истории многовековой
духовной
и военно-политической
борьбы с Западом*

Владимир Робертович Анищенко — родился в 1957 г. в Москве. Окончил Московский государственный институт культуры. Член Союза писателей России, член Союза журналистов России. Главный редактор альманаха «Держава», главный редактор радиостанции синодального отдела по взаимодействию с Вооруженными силами и правоохранительными органами Московского Патриархата «Победа». Автор книг «Русская мудрость и революционные теории», «Державная поступь», «Русское будущее Державы», составитель книги «Русские святые воины» и др.; серии книг для детей «Русские былины» и «Народные промыслы». **Живет в Москве.**

ОРДЕН МЕЧЕНОСЦЕВ

В XIII в. в Ливонии¹ хозяйничал немецкий рыцарский Орден меченосцев. Братство воинов Христа, более известное под названием Ордена меченосцев, было основано в Риге в 1202 году. Название ордена произошло от изображения на плащах рыцарей красного меча с крестом тамплиеров. Миссионерскую деятельность в Ливонии меченосцы проводили преимущественно «огнем и мечом».

В 1210 г. новгородский князь Мстислав Удатный² захватил ливонский город Оденпе (также Одемпе, русское название — Медвежья голова)³: *«Иде князь Мьстиславъ с новгородци на чюдьскийи город, рекомьши Медвѣжью голову, села их потрати; и приидоша под город, и поклонишася Чюдь князю, и дань на них взя; и приидоша вси здрави»*. Вместе с данью Мстислав взял с эстов обещание креститься в Православие. Это было отмечено в «Хронике Ливонии» Генриха Латвийского⁴.

Таким образом, в Ливонии сошлись *две волны христианизации*: с Востока — православная, привносимая русскими, с Запада⁵ — католическая, привносимая немецкими крестоносцами. В этом духовном и одновременно военно-политическом противоборстве русским не от кого было ждать помощи. Византия находилась на другом конце Европы.

¹ Ливония (Земля ливов) находится на территории современных Латвии и Эстонии.

² Сын Мстислава Ростиславича Храброго.

³ Современный эстонский город Отепя.

⁴ Генрих Латвийский — немецкий католический священнослужитель и летописец.

⁵ В данном случае — с Юга.

А вот ордена крестоносцев, которые входили в состав Священной Римской империи, самой крупной на то время европейской державы, пользовались всемерной поддержкой. Папа римский Иннокентий III подписал буллу, в которой обещал рыцарям отпущение грехов за крещение Ливонии и Семигалии. Католические священники ранее успели привести эстов в подданство Рижского архиепископства¹.

Князь Мстислав добился поставления на епископскую кафедру Новгорода мниха Хутынского монастыря Антония², активного проповедника и миссионера на западных рубежах Руси.

В том же 1210 г. немцы, подвергшись нападению куршей, заключили мир с Новгородом, по которому Мстислав поделил с рижским епископом Альбертом сферы влияния. За Новгородом были закреплены права на северные области Латгалии (Талава и Очела) и на эстонские земли вдоль Чудского озера. Рижский епископ получил права на Ливонию и Нижнее Подвинье. Соглашение было закреплено семейным альянсом — браком племянницы Мстислава, дочери псковского князя Владимира Мстиславича, и младшего брата епископа Альберта Теодориха, что и было зафиксировано в той же «Хронике Ливонии». Интересно, что такой брак был не единственным. Князь Владимир Мстиславич сам был женат на дочери Теодориха Буксгевдена Агриппине³, хотя ему такое родство с немцами стоило княжеского места: он был изгнан из Пскова, но сохранил княжение в Ржеве. В XX в. благоверные князь и княгиня Ржевские Владимир и Агриппина были прославлены Русской Православной Церковью в Соборе Тверских святых.

Династические русско-немецкие браки не смогли предотвратить столкновения Ордена меченосцев с Русью. Прямая договоренность епископа Альберта и князя Владимира на какое-то время остановила военные действия, но вскоре они вспыхнули с новой силой. В 1217 г. орден совершил рейд в Новгородскую землю. Но, получив отпор, после трехдневной осады сдал замок Оденпе псковскому князю. В 1219 г. орденом вместе с датскими войсками была основана крепость Ревель (ныне Таллин)⁴. Вместе с датчанами на эстонской земле воевала и славянская дружина руян.

В 20-е гг. XIII столетия начались массовые восстания чуди⁵ против крестоносцев, которые Русь поддержала. Восставшие сумели захватить несколько крепостей, в том числе Вельян⁶ и Юрьев (Дерпт)⁷. Однако после нескольких поражений, нанесенных рыцарями, совет старейшин эстонских племен запросил помощи у Новгорода.

¹ Рижское архиепископство находилось под управлением папы римского и императора Священной Римской империи. Рижский архиепископ являлся как духовным, так и светским правителем и главенствовал над семью епископами Ливонии и Пруссии.

² Антоний (в миру Добрыня Ядрейкович; † 1232) — архиепископ Новгородский из влиятельного боярского рода.

³ По церковно-агиографическому преданию — княгиня Агриппина Ржевская.

⁴ «Tallinn» на эстонском языке происходит от слов «taani linn» («датский город»).

⁵ Чудь — собирательное древнерусское название племен и народностей в основном прибалтийско-финской группы (воть, весь, сумь, емь, ижора и эсты).

⁶ Ныне город Вильянди в Эстонии.

⁷ Ныне город Тарту в Эстонии.

Князь Вячко и старейшина Меэлис, отдавшие свои жизни при обороне Тарту в 1224 г. Скульптор Олав Мянни, 1956 г. Первоначально скульптура стояла в Таллине, была подарена Тарту в честь 950-летия со дня его основания Ярославом Мудрым в 1030 г. и 250-летней годовщины со дня объединения Эстонии и Русского государства

Князь Ярослав¹ выступил в поход в поддержку восставших эстов. Войско Ярослава проследовало через Псков, где переправилось через реку Великая и подошло к Юрьеву. Оставив в Юрьеве небольшой гарнизон из двухсот человек во главе с князем Вячко², Ярослав двинулся вглубь Ливонии, где без труда овладел вновь принадлежавшим на тот момент ордену замком Оденпе. Замок был сожжен, после чего Ярослав двинулся в сторону осажденного немцами Вельяна, гарнизон которого состоял из сопротивлявшихся немцам эстонцев и небольшого числа русских воинов, пришедших им на помощь.

В 1223 г. крестоносцы захватили Вельян. Генрих Латвийский сообщает в «Ливонской хронике»: «Что касается русских, бывших в замке, пришедших на помощь вероотступникам, то их после взятия замка всех повесили перед замком на страх другим русским. <...>

Между тем старейшины из Саккалы посланы были в Руссию с деньгами и многими дарами попытаться, не удастся ли призвать королей русских на помощь против тевтонов и всех латинян. И послал король суздальский своего брата, а с ним много войска в помощь новгородцам; и шли с ним новгородцы и король псковский со своими горожанами, а было всего в войске около двадцати тысяч человек».

Выяснилось, что осажденные в Вельяне эстонцы вступили в переговоры с немцами и сдали город в обмен на право свободного выхода. Русскую

¹ Ярослав Всеволодович (1190–1246) — сын Всеволода Большое Гнездо.

² Предположительно, князь Вячеслав Борисович из полоцкой ветви Рюриковичей.

часть гарнизона в этот договор не включили. После взятия города все русские дружинники были безжалостно казнены. Узнав об обстоятельствах взятия Вельяна и предательстве эстонцев, Ярослав разгневался и подверг разорению окрестности Вельяна.

Здесь к войску Ярослава примкнул отряд эстов с Эзеля, которые предложили напасть на датские владения. Ярослав направился к Колывани (Ревелю). Штурмом Колывань захватить не удалось, но взяв с города выкуп, он вернулся в Новгород.

На следующий год войска ордена после длительной осады захватили Юрьев (Дерпт). При обороне города князь Вячко погиб. Позже в Тарту (Юрьеве) был установлен памятник князю Вячко и эстонскому старейшине Меэлису, погибшим во время обороны города.

Православные церкви в Юрьеве были уничтожены. Русское население тоже. Единственного оставленного в живых русского отправили во Владимир, чтобы передать ему о падении Юрьева. Новгородское и псковское войско на помощь Юрьеву не успело. А возможно, не хотело успеть. Немцы казались новгородцам более предпочтительными соседями, чем владимирские князья, и они заключили с немцами сделку о «Юрьевской дани»¹. По этой договоренности в обмен на дань контроль Ордена меченосцев распространялся на всю Ливонию. Позже в своем выборе новгородцам пришлось раскаяться. Юрьев будет возвращен в состав России во время Северной войны, в которой саксонцы (германцы) и русские воевали вместе против шведов.

* * *

Война за Ливонию продолжалась. В 1233 г. был организован новый Северный крестовый поход, благословленный римским папой Григорием IX. Крестоносцы совершили набег на Тёсов. В ответ князь Ярослав пришел из Переяславля со своими полками и вместе с новгородцами вступил в Ливонию. Рать остановилась вблизи города Юрьева. В русской летописи сохранилось описание похода: *«Иде князь Ярослав на Немци под Юрьев, и ста не дошед города...»*

Рыцари предприняли двойную атаку на русских: из Юрьева и Медвежьей головы (Оденпе), но были разбиты. Часть из них успела вернуться за крепостные стены. Другая часть крестоносцев, преследуемая русскими, отступала по реке Омовже². Рыцари, утяжеленные доспехами, провалились под лед и утонули. Об этом сохранилась запись в летописи: *«Князь Ярослав биша их <...> на реце на Омовыже Немци обломшася».*

Этот эпизод стал прообразом кадров знаменитого фильма «Александр Невский». Сам Александр тоже участвовал в этом сражении. Среди погибших было *«лучших Нѣмцовъ нѣколико и низовець³ нѣколико».* По сведениям Новгородской летописи, *«поклонишася Нѣмци князю, Ярославу же взя с ними миръ на всеи правдѣ своеи».*

¹ Ежегодные выплаты новгородцам за Юрьев. В XVI в. невыплата этой дани послужила поводом начала Ливонской войны.

² Омовжа (по-эстонски — Эмайыга, по-немецки — Эмбах) — река, впадающая в Чудское озеро.

³ То есть воинов Владимиро-Суздальского княжества.

Нисидяро с лено по гороцы би шай дорбис
 Намовыжн . инна рцѣ вблomisа дн
 мцыни не стопѣи ншо . днни изден
 вѣжаша по граюрь сав . ддрѣ снм
 дѣбѣжы голоуѣ

Сражение на Омовже в 1234 г. Миниатюра из Лицевого летописного свода Иоанна Грозного

Тевтонский орден, занятый тогда борьбой за Пруссию, создал из остатков меченосцев новый рыцарский военный орден для продолжения войны за Ливонию.

ЛИВОНСКИЙ ОРДЕН

Полное название Ливонского ордена — «Братство рыцарей Христа Ливонии». В 1237 г. в Витербо папа Григорий IX и гроссмейстер Тевтонского ордена Герман фон Зальца совершили обряд присоединения остатков Ордена меченосцев к Тевтонскому ордену. Ливонский орден стал отделением (ландмайстерством) Тевтонского ордена для осуществления своей политики христианизации военным способом в Ливонии.

В сражении на реке Омовже под Юрьевом крестоносцам было нанесено серьезное поражение. Немецкий «Drang nach Osten» («Натиск на Восток») достиг своего предела.

По условиям мира восточная и южная часть Дерптского епископства отошла Пскову. Но вопрос о том, какого обряда будет христианизация — восточного (православного) или западного (католического) — откладывался на будущее.

* * *

Через два года меченосцы предприняли попытку наступления на Литву, но были разгромлены. Поражение было столь сокрушительным, что Орден меченосцев был вынужден уйти под покровительство Тевтонского ордена. Это случилось в 1237 г., когда с Востока на Русь хлынула волна монгольских завоевателей. Разгром немецкого наступления на Западе в это страшное для страны время помог избежать одновременного удара с двух сторон.

Венденский (Цесисский) замок — средневековый замок в Латвии, расположен в центре города Цесис, современное фото

Резиденцией магистра был избран Вендский замок (Ordensburg Wenden)¹. Как видим, его название происходит от «вендов» и был он заложен еще меченосцами. В книге А.А. Марлинского «Замок Венден»² читаем: «Винно фон Рорбах, первый магистр Меченосного ордена, построил Венден, первый замок в Ливонии. Любуясь величавыми его стенами, он не мыслил, что они скоро обратятся в его гроб...»³

Членами ордена были братья-рыцари (воины), братья-священники (духовенство) и служащие братья (оруженосцы-ремесленники). Отличительным знаком принадлежности являлась белая мантия с красным крестом и мечом на ней, как и у меченосцев. Очень быстро новый орден продолжил дело своих предшественников. Но прежде христианизировать по-своему местные народы попытались шведы.

На реке Неве шведско-датское войско было разбито. Новгородский князь Александр с тех пор именуется Невским.

ТЕВТОНСКИЙ НАТИСК

После неудачи шведов начались поиски союза с Александром Невским. К нему в Новгород прибыло посольство от папы Иннокентия IV. Он прислал двух знатнейших вельмож, кардиналов Гольда и Гемента, которые пытались принудить Александра перейти вместе со всем русским народом в

¹ Самый крупный и наилучшим образом сохранившийся орденский замок на территории Латвии.

² Книга издана в 1821 году.

³ От руки одного из орденских братьев.

латинство на том основании, что его покойный отец князь Ярослав якобы обещал это перед смертью папскому послу Плано Карпини. Кардиналы, вручив Александру папское послание, уверяли, что только отрекшись от Православия, он найдет помощь у западных государей и тем спасет как себя, так и свой народ от татар.

На это Александр, возмущенный как самим предложением, так и клеветой на покойного отца, отвечал им: *«Слышите, посланцы папжстии и прелестницы преокаянныя. От Адама и до потопа, и от потопа до разделения язык, и от разделения язык и до начала Авраамля, и от Авраамля до приития Израилева сквозь Чермное море, а от начала царства Соломона до Августа царя, а от начала Августа до Рождества Христова, и до страсти и до воскресения Его, а от воскресения Его и на небеса восшествия, и до царствия Великого Константина, и до первого собора, и до седьмого собора: сия вся сведаем добре, а от вас учения не принимаем».*

Написав о том же папе в письме, Александр отправил кардиналов домой. Папский ответ не заставил себя долго ждать. Римский папа благословил орден ливонских рыцарей на крестовый поход против язычников-прибалтов и русских «схизматиков». К тому времени Ливонский орден стал одним из сильнейших в Европе военно-государственных образований. Он завладел землями прусов и некоторых прибалтийских племен.

Поход Ливонского ордена в Псковскую землю инициировал епископ Дерпта Герман Буксгевден. Предлогом послужила претензия на псковский престол князя Ярослава Владимировича¹. Выше сказано, что его сестра была замужем за Теодорихом, братом Дерптского епископа Германа, а его отец князь Владимир сам был женат на дочери упомянутого Теодориха Буксгевдена. С помощью родственников Ярослав пытался утвердиться в Изборске, который вскоре захватили рыцари. Затем они разбили псковичей на подступах к городу. В Новгородской летописи читаем: *«И стояша подъ городомъ неделю, но города не взяша <...> И тако быша безъ мира: бяху бо переветь держаче с Немци Пльсковичи, и подъвели ихъ Твердило Иванковичь съ инеми, и самъ поча владети Пльсковомъ с Немци, воюя села новгородская. А инии Пльсковичи вбежаша в Новъгородъ с женами и с детьми».*

После измены посадника Твердилы крестоносцы вошли в древний город. На псковский престол был посажен Ярослав Владимирович, а для надзора приставлены два наместника.

Пройдя далее по берегу Балтийского моря, они построили крепость Копорье в непосредственной близости от Новгорода. Но в самом Новгороде князя Александра уже не было. Несмотря на блестящую Невскую победу, новгородцы вынудили его удалиться. Часть новгородцев была вовсе не против сотрудничества со шведами и немцами, сулившего немалые барыши от торговли с ними. Александр Ярославич вернулся в свою вотчину Переславль-Залесский вместе с семьей и дружиной. Однако вольные новгородцы вразумились довольно быстро и прислали просить Александра вернуться в Новгород и защитить их от грозившей опасности. Несмотря на обиду, князь Александр отказаться не мог, прекрасно понимая, какую угрозу таит для

¹ Сына Владимира Мстиславича псковского, племянника Мстислава Удатного.

всей Русской земли агрессия Запада. Хотя это понимание далеко не для всех было очевидным. Папа римский и европейские властители предлагали помощь в борьбе с монголо-татарами. Да и порядки европейские уже тогда многих привлекали.

Разоренная и ослабленная Русь была вынуждена выбирать между Востоком и Западом. Это был *цивилизационный выбор*. По какому пути развития идти стране — западноевропейскому или евразийскому (что означало тогда ориентировку на союз с монголами). Вопрос сложный, а решать надо было быстро. Александр Ярославич выбирает восточный путь и выступает против Ливонского ордена, который в то время представлял Запад. Благоверный князь Александр оказался провидцем. Русь выстояла. Более того, через несколько столетий, пройдя через невероятные испытания, она поглотила своих тогдашних завоевателей. Юго-западные княжества избрали своими покровителями европейские монархии и со временем попали к ним в полную зависимость.

* * *

Князь Александр Ярославич вернулся в Новгород, радостно встреченный жителями. Все мгновенно изменилось. Быстро составилось ополчение, и вскоре новгородцы во главе с князем Александром выбили немцев из Копорья и подступили к Пскову. Псковичи не желали защищать немецких ставленников и открыли ворота. Освободив Псков, князь Александр отправил пленных рыцарей в Новгород, а предателей перевешал. Потеря Пскова для немцев стала тяжелым ударом. Ливонский орден начал собирать большое войско, чтобы раз и навсегда покончить с непокорным русским князем.

Рати встретились у Чудского озера. Русский передовой отряд был окружен и разбит. Александр отвел свое войско к Вороньему камню, намереваясь встретить рыцарей на льду озера. Конечно, он помнил славную битву на льду Омовжи и гибель тяжелых рыцарей посреди расколовших льдин. Знал он и тактику ведения боя крестоносцев. Они выстраивали свою тяжелую конницу, закованную в непробиваемые доспехи, клинообразно. Этот клин на скорости пробивал любое построение неприятеля и затем добивал уже расстроенные ряды скрытой в центре клина легкой конницей. Вспомогательную работу выполняли легковооруженные отряды чуди и лучники.

Князь Александр Ярославич построил свои полки так, чтобы клин увяз в оборонительных порядках русской пехоты, расположив по краям конницу. Для решительного удара он укрыв Засадный полк за Вороний камень.

Утром 5 апреля 1242 г. клин крестоносцев двинулся по льду Чудского озера навстречу полкам новгородцев, псковичей, ладожан и владимирцев. Русские называли такой строй «свиньей». Эта «свинья» была страшна для слабых духов. Но русские воины были воодушевлены своим князем. Осенив себя крестным знаменем, Александр воскликнул: *«Да воскреснет Бог, и да расточатся врази Его!»* И ответствовали воины: *«О, княже наш честный и драгой, ныне приспело время положить за тебя головы наши!»*

Крестоносцы врезались в самую середину русского войска. Но воинские ряды выдержали удар тяжелой конницы и не думали расстраиваться. Они отступили к обозам, скованным цепями, и окружили рыцарей со всех сторон, лишив тем самым их преимущества в тяжелом вооружении. Вязкий

Ледовое побоище. Художник В.А. Серов, 1942 г.

бой оказался для неповоротливых рыцарей губителен. Вскоре «ослепительная белизна льда изменилась в червленное поле от потоков крови. Слышен был страшный треск сокрушающегося под тяжестью воителей льда и треск от секущихся мечей и копий, ломавшихся о панцири немецкие и русские кольчуги».

Наконец, когда наступательный порыв крестоносцев угас, им в тыл ударил запасной полк Александра. Немцы не выдержали неожиданной атаки и обратили тылы свои. Семь верст гнали русские конники бежавших неприятелей. Чудской лед покрылся трупам немцев и чуди. И в том месте, где лед уже был не крепок, закованные в латы крестоносцы опять пошли под воду.

Победа была полной. Погибло пятьсот немцев и несчетное число чуди. Пятьдесят знатных рыцарей были взяты в плен. Князь Александр Ярославич возвратился в Псков со славою. Эта величайшая победа, названная «Ледовым побоищем», была одержана в день Похвалы Божией Матери.

Ливонский орден запросил мира. По условиям переговоров тевтоны отказались от всех недавних завоеваний и уступили новгородцам часть Латгалии (восточной Латвии).

Две славные победы князя Александра Ярославича Невского спасли Русь от смертельной опасности, грозившей с Запада. В горестные дни после Батыева нашествия они подняли упавший было дух русских людей, дав тем самым надежду на освобождение¹.

* * *

Через несколько лет Ливонский орден, подначиваемый римским понтификом, начал новый крестовый поход на «непонятливых схизматиков».

¹ См.: Анищенков В.Р. Русские святые войны. М.: Вече, 2019.

Крестоносцы приблизились к Пскову, но, заслышав о приближении новгородского войска, спешно ретировались. Однако псковско-новгородская рать во главе с князем Дмитрием Александровичем¹ нагнала их у Юрьева и учинила разгром. С Ливонским орденом был заключен мир.

Продвижение ордена на Восток было приостановлено. Новый «натиск» будет совершен только в XX веке.

Русская земля получила передышку. Народ начал приходить в себя после монгольских погромов и накапливать силы для дальнейшей борьбы.

Наши великие победы на Неве и Чудском озере имели огромное значение, но были звеньями длинной цепи сражений Руси с Западом на берегах Балтики.

ЛИВОНСКАЯ ВОЙНА

В середине XVI в. в ходе Ливонской войны орден потерпел ряд поражений от русских войск, после чего по Виленскому договору 1561 г. прекратил свое существование.

Царь Иван Васильевич Грозный² завершил многовековое противостояние с Ливонским орденом. Формальной причиной начала войны стала неуплата так называемого «юрьевского долга». То есть долга Ливонской конфедерации за владение Юрьевым, который ранее принадлежал Новгороду³.

Сам Иван Васильевич в письме императору Священной Римской империи Фердинанду в ответ на его предложение прекратить войну объяснял ее причину в том, что ливонцы *«преступиша заповедь Божия и прияха учение люторско»*. Хотя ливонцы обещали *«церкви божь русские <...> очистити»*, однако вместо этого *«церкви наши хрестьянские розбили и на тех, церковных местах сделали исход гноем человеческим»*.

Первоначально сорокатысячный отряд под командованием хана Шиг-Алея, воевод М.В. Глинского и Д.Р. Захарьина-Юрьева прошел по восточной части Эстонии для напоминания о неуплаченном долге и к началу марта вернулся обратно. Ливонский ландтаг принял решение рассчитаться, чтобы прекратить начавшуюся войну. Но так и сумел этого сделать. Кроме того, подчиненный им Нарвский гарнизон обстрелял Ивангородскую крепость, чем нарушил договор о перемирии.

В Ивангород прибыли воеводы Алексей Басманов и Данила Адашев. В апреле 1558 г. русские войска осадили Нарву. 11 мая в городе вспыхнул пожар, сопровождавшийся бурей. Никоновская летопись объясняет причину бедствия тем, что стражники *«увидели икону Богородицы, оставленную русскими купцами, и, подгулявши, стали глумиться над иконой и бросили ее в огонь. Вдруг пламя поднялось из-под котла кверху и охватило потолок. Поднялся вихрь и разнес огонь по всему городу»*.

Воспользовавшись тем, что охрана покинула городские стены, русские бросились на штурм. Они проломали ворота и овладели нижним городом.

¹ Дмитрий Александрович (1250–1294) — сын Александра Невского, князь Переяславль-Залесский, Новгородский, великий князь Владимирский.

² Иван IV Васильевич, прозванный Грозным (в постриге — Иона; 1530–1584), — государь, великий князь Московский и всея Руси, первый венчанный царь всея Руси.

³ Согласно договору, заключенному Иваном III в 1503 г.

Взятие Нарвы Иваном Грозным. Художник Б.А. Чориков, 1836 г.

Захватив орудия, ратники развернули их и открыли огонь уже по верхнему замку. Тогда защитники замка сами сдались на условиях свободного выхода из города.

Весьма показателен комментарий к этому событию, писанный Георгом Бреслейном в «Летучем листке» Нюрберга, — как показатель информационной войны того времени: «...мерзкие, ужасные, доселе неслыханные, <...> новые известия, какие зверства совершают московиты с пленными христианами из Лифляндии, мужчинами и женщинами, девственницами и детьми, и какой вред ежедневно причиняют им в их стране». Подтверждений «страшных преступлений», конечно же, не оказалось. Подобной клеветой Запад с успехом пользуется уже не одно столетие, оправдывая тем самым свою агрессию по отношению к русским¹.

В июле 1558 г. воевода Петр Иванович Шуйский² осадил Дерпт — тот самый древнерусский Юрьев. Город защищали две тысячи человек под командованием епископа Германа Вейланда. Насыпав у стен города вал, русские установили на нем орудия и начали обстрел. Шуйский предложил Вейланду сдаться. Начались переговоры. Воевода Шуйский обещал не разрушать город и сохранить прежнее управление. 18 июля Дерпт капитулировал.

К осени того же года русские войска заняли двадцать городов-крепостей. Некоторые из них сдались добровольно и приняли подданство русского царя.

После зимнего отдыха в январе 1559 г., князь-воевода Василий Иванович Серебряный-Оболенский вновь вошел в Ливонию. Навстречу ему вы-

¹ Вселенский шум по поводу «резни в Буче» во время Специальной военной операции в 2022 г. — из той же серии.

² Петр Иванович Шуйский (погиб в 1564 г.) — военный и государственный деятель России.

шло ливонское войско под командованием рыцаря Фелькерзама. 17 января в битве при Тирзене немцы потерпели полное поражение. Сам Фелькерзам и четыреста рыцарей в этом сражении погибли. Многие попали в плен.

После этой победы русские войска дошли до Риги. Стоявший на Дюнамюнском рейде рижский флот сожгли.

Дойдя до прусской границы, русское войско вернулось домой с огромной добычей и большим числом пленных. Однако эти успехи не были закреплены договором. По просьбе европейских посредников было заключено перемирие, во время которого ливонцы перегруппировали свои силы. И такие дипломатические маневры Запад будет использовать еще не раз.

Пришлось возобновлять военные действия. В 1560 г. русские одержали ряд новых побед. Был взят Мариенбург¹. Затем войска ордена были разбиты при Эрмесе². Следом был взят крупный город Феллин³.

При взятии Феллина был пленен ливонский ландмейстер Тевтонского ордена Вильгельм фон Фюрстенберг⁴. Позже бывшему ландмейстеру была пожалована земля под Ярославлем. В письме своему брату он сообщил, что *«не имеет оснований жаловаться на свою судьбу»*. А это уже русская традиция — держать своих бывших врагов на положении «почетных пленников».

Новый ландмейстер Готхард Кетлер, видя невозможность самостоятельно продолжать войну с Россией, пошел на заключение вассального договора с Великим княжеством Литовским. Согласно Виленскому договору 1561 г., владения Ливонского ордена были секуляризованы. Часть земель отошла Литве. На остальной были созданы вассальные герцогства Курляндия и Семигалия, где правителем остался Кетлер.

Ливонский орден, противостояние с которым длилось три столетия, был ликвидирован. Как и ранее Орден меченосцев. Главная роль в разгроме европейских военных орденов принадлежит Руси.

Но борьба за прибалтийские земли продолжилась. Теперь уже между Россией, Швецией, Данией и Великим княжеством Литовским. Русским пришлось уступить некоторые ранее отвоеванные земли, что дало повод отдельным историкам заявить о «страшном разгроме», совершенно «забыв» о главном итоге — ликвидации Ливонского ордена.

Ликвидация Ливонского ордена завершила продолжительный и сложный этап противостояния православной Руси с католическим Западом. Окончательно балтийское побережье вошло в состав Российской империи в XVIII в. в результате успешного завершения Северной войны. Двести лет мы жили вместе.

В XX в. после революции Западу удалось оторвать Прибалтику от России на двадцать лет. После воссоединения мы опять мирно жили вместе. Новый разрыв произошел во время перестройки и раздела СССР на части. Но это не означает, что борьба за правду на балтийских берегах закончилась. Незримыми учителями в этой борьбе для нас являются наши предки. И вновь-явленный «Ливонский орден» Западу ждет бесславный конец — как встарь.

¹ Ныне Алуksне в Латвии.

² Ныне Эргеме в Латвии.

³ Ныне Вильянди в Эстонии.

⁴ Иоганн Вильгельм фон Фюрстенберг (1500–1568) — ландмейстер Тевтонского ордена в Ливонии, глава Ливонской конфедерации.

Царский ПУТЬ

Артем ЕРМАКОВ

НЕВОЛЬНИК ЧЕСТИ: ИМПЕРАТОР ПАВЕЛ I И ЕГО РОЛЬ В РУССКОЙ ИСТОРИИ

*К 230-летию восшествия
на престол (1796)
и 225-летию мученической
кончины (1801)*

Ночь с 5 на 6 ноября 1796 г. в Санкт-Петербурге выдалась неспокойной. Императрицу Екатерину II хватил удар. Все произошло так неожиданно, что она не успела сделать никаких распоряжений о наследнике.

По закону о престолонаследии, принятому Петром I, император имел право назначать наследника по своему желанию. Желание Екатерины на сей счет, хотя и негласное, было давно известно: она хотела видеть на троне своего внука Александра. Но, во-первых, в ту ночь не смогли (или не захотели) найти официального завещания, составленного в пользу великого князя. Во-вторых, 15-летний Александр сам не высказывал активного желания царствовать. И, в-третьих, у императрицы был законный сын, отец Александра, великий князь Павел Петрович, чье имя уже с утра не сходило с уст придворных.

Павел приехал в Зимний посреди ночи в сопровождении сотни солдат Гатчинского полка и сразу же прошел в спальню к матери, чтобы убедиться в том, что она действительно

Артем Валерьевич Ермаков — родился в 1974 г. на Камчатке. Историк, публицист, поэт, кандидат исторических наук. Сотрудничал с журналами «Мир образования», «Школьное обозрение», «Москва» и др. Являлся заместителем главного редактора православного молодежного журнала «Наследник» (2005–2016), руководителем Восточно-Сибирского регионального информационно-аналитического центра РИСИ в Иркутске (2012–2015), преподавателем ИрГТУ (ИрНИТУ) (2007–2017). В настоящее время — преподаватель БГУ, ученый секретарь Иркутского областного краеведческого музея им. Н.Н. Муравьева-Амурского, секретарь Совета Иркутского областного отделения Российского исторического общества, автор и соавтор ряда музейных проектов патриотической направленности, участник многих научных конференций. **Живет в Иркутске.**

при смерти. Его вступление во дворец походило на штурм. Расставленные повсюду караулы в мундирах прусского образца вызывали шок у придворных, привыкших к изящной роскоши последних лет екатерининского двора. Императрица была еще жива в то время, как наследник и Безбородко, запершись в ее кабинете, жгли в камине какие-то бумаги. На площади под окнами дворца было заметно оживление. Горожане печалились о кончине «матушки-государыни», однако шумно выражали свою радость, узнав, что царем станет Павел. То же было слышно и в солдатских казармах. Только в придворной среде было совсем невесело. По свидетельству графини Головиной, многие, узнав о смерти Екатерины и восшествии ее сына на трон, без устали повторяли: «Пришел конец всему: и ей, и нашему благополучию». Но для того чтобы понять, что же за человек оказался на российском престоле в тот ноябрьский день 1796 г., надо внимательно присмотреться к истории его жизни.

Он ждал 34 года

Эта история начинается 20 сентября 1754 г., когда в семье наследника русского престола произошло давно ожидаемое и даже требуемое событие: у дочери Петра I, русской императрицы Елизаветы Петровны, родился внучатый племянник Павел. Бабушка была гораздо больше обрадована этим, чем отец ребенка, племянник императрицы, великий князь Петр Федорович (Карл-Петр-Ульрих герцог Гольштейн-Готторпский), и тем более мать новорожденного, великая княгиня Екатерина Алексеевна (София-Фредерика-Августа, принцесса Ангальт-Цербстская).

*Императрица Елизавета Петровна в Царском Селе.
Художник Е.Е. Лансере, 1905 г.*

Принцессу выписали из Германии в качестве родильной машины. Машина оказалась с секретом. С первых дней своего приезда захудалая Цербстская принцесса поставила перед собой задачу добиться верховной власти в России. Честолюбивая немка понимала, что с рождением сына ее и без того слабые надежды на российский престол рушатся. Все последующие взаимоотношения матери и сына так и складывались — как отношения политических противников в борьбе за власть. Что до Елизаветы, то она поначалу сделала все возможное, чтобы расширить пропасть между ними: особенные знаки внимания новорожденному, подчеркнутая холодность к великой княгине, которую и раньше-то не очень баловали вниманием. Намек ясен: произвела на свет то, что заказывали, — можешь уходить со сцены. Понимала ли Елизавета Петровна, что она делает? Во всяком случае, в конце царствования она изменила свое отношение к невестке, окончательно махнув рукой на племянника. Она увидела, что скромная принцесса превратилась в важную политическую фигуру при русском дворе, оценила ее работоспособность и организаторский талант. Слишком поздно поняла Елизавета, какого серьезного врага она создала своему любимому внуку, но времени на исправление ошибок уже не оставалось.

Елизавета Петровна умерла 24 декабря 1761 г., когда Павлу было всего 7 лет. Эти первые семь лет, наверное, были счастливейшими в его жизни. Ребенок рос, окруженный вниманием и заботой многочисленной дворцовой прислуги, в основном русской. В раннем детстве великий князь редко слышал иностранную речь. Императрица баловала внука, проводила с ним много времени, особенно в последние два года. Образ доброй русской бабушки, иногда приходившей проведать его даже ночью, навсегда остался в памяти великого князя. Изредка заходил к нему и отец, почти всегда пьяный. Он глядел на сына с оттенком какой-то грустной нежности. Их отношения нельзя было назвать близкими, но Павлу было обидно видеть, как окружающие открыто пренебрегают отцом и смеются над ним. Это сочувствие и жалость к отцу многократно возросли после его короткого царствования, завершившегося дворцовым переворотом в пользу Екатерины.

Смерть Елизаветы, неожиданное исчезновение Петра, туманные слухи о его насильственной смерти потрясли восьмилетнего мальчика. Позднее жалость к убитому отцу переросла в самое настоящее поклонение. Подросший Павел очень любил читать шекспировские трагедии и втихомолку сравнивал себя с принцем Гамлетом, призванным отомстить за отца. Но реальная жизнь осложнялась тем, что у «русского Гамлета» не было коварного дяди и обманутой матери. Злодеем, причем не скрывавшим связи с убийцами, была сама мать.

Известно, какой тяжелый отпечаток накладывает на всю жизнь человека нехватка или отсутствие материнской ласки. Трудно представить себе те разрушения, которые должна была произвести в чувствительной душе Павла многолетняя незатухающая война с собственной матерью. При этом Екатерина первой наносила удары и всегда одерживала победу. Захватив престол, Екатерина поторопилась выместить все свои восемнадцатилетние унижения при русском дворе, и самой удобной и безопасной мишенью оказался маленький Павел. Ему припомнили и мягкость отца, и ласки бабушки. Но слишком многие из тех, кто поддержал переворот, надеялись на воцарение наследника вскоре после его совершеннолетия. И Екатерина поначалу усту-

пила, твердо решив в глубине души не допускать Павла к трону. Так много претерпевшая от рациональной «государственной» стратегии Елизаветы новая императрица сама взяла ее на вооружение.

Первым делом наследника постарались лишить всякого систематического образования. Первый, полюбившийся Павлу наставник, Порошин, был вскоре уволен, а новые искусно подобранные учителя не просвещали Павла, а, скорее, перегружали его детский ум множеством непонятных и разрозненных подробностей, ни о чем не дававших ясного представления. К тому же, многие из них догадывались о своей роли и смело преподавали по принципу «чем скучнее, тем лучше».

Здесь особенно усердствовал преподаватель «государственных наук» Григорий Теплов, заваливший подростка судебными делами и статистическими отчетами. После этих занятий Павел всю жизнь ненавидел черную кропотливую работу с документами, стараясь разрешить любую проблему как можно быстрее, не вникая в ее суть. Немудрено, что после семи лет такого «образования», дополненного тяжелыми впечатлениями от редких встреч с матерью, сыпавшей «остроумными замечаниями» по поводу его умственного развития, у ребенка сформировался капризный и раздражительный характер. О своих поступках наследника поползли слухи при дворе, и многие серьезно задумывались о последствиях его возможного правления. Екатерина блестяще выиграла первую схватку.

Но Павел был слишком мал для ответных ударов. Он рос под присмотром русского дипломата Никиты Панина, выбранного еще Елизаветой. Панин провел с мальчиком 13 лет и искренне к нему привязался. Из всей российской придворной знати он лучше всего мог понять причины странного поведения наследника и горячо поддерживал идею о передаче ему престола.

Екатерина, стремясь рассорить едва достигшего совершеннолетия сына с наставником, окончательно прекращает его учебные занятия и в 1773 г. и самовластно женит сына на Гессен-Дармштадтской принцессе Вильгельмине, получившей в крещении имя Наталия Алексеевна. Однако новая великая княгиня оказалась очень решительной женщиной и прямо подталкивала Павла к захвату власти, от которой он отказывался. Во главе заговора встал

*Портрет великого князя Павла Петровича
в учебной комнате.
Художник В. Эриксен, ок. 1766 г.*

Панин. Он, на беду наследника, был еще и крупным масоном, первым российским конституционалистом. Переворот был обречен на неудачу. Юный Павел имел слишком мало сторонников, а Екатерина — слишком много восхищенных поклонников и добровольных помощников при дворе. Когда в 1776 г. императрица узнала, что на трон может взойти ее сын, да еще с конституцией, меры были приняты незамедлительно. Панина отстранили от государственных дел (казнить нельзя: он слишком крупная политическая фигура), ему запретили видеться с наследником. Великая княгиня Наталья умерла после неудачных родов (есть версия, что она была отравлена по приказу императрицы). Через шесть лет Павел потерял и Панина. Сам великий князь на 20 лет отправился не то в ссылку, не то в изгнание — из Санкт-Петербурга в Гатчину. Больше он был не опасен.

Эти 20 лет окончательно сформировали характер Павла. Его с той же целью, как некогда его отца, вторично женили на Вюртембергской принцессе Софии (Марии Федоровне). Двух родившихся следом детей — Александра и Константина — Екатерина отобрала у родителей и воспитывала старшего как будущего наследника. Изредка Екатерина вызывала сына в столицу для участия в подписании дипломатических документов, чтобы еще раз унижить его в присутствии окружающих. Запертый в Гатчине, он был полностью лишен доступа даже к самым незначительным государственным делам и без устали муштровал на плацу свой полк — единственное, чем он мог по-настоящему управлять. Были прочитаны все книги, которые можно было достать. Особенно увлекали его исторические трактаты и романы о временах европейского рыцарства. Наследник и сам иногда был не прочь поиграть в Средневековье. Забава тем более простительная, что при мате-

*Павел Петрович и Мария Федоровна в парке с сыновьями.
Художник И.Ф. Антинга, 1790 г.*

ринском дворе в моде были совсем другие игры. Наследнику оставалось одно — ждать. Не желание власти, а постоянный страх смерти от руки убийц, нанятых матерью, вот что мучило Павла. Кто знает, может быть, в Петербурге императрица ничуть не меньше опасалась дворцового переворота? И может быть, желала смерти своему сыну...

Между тем общее положение империи, несмотря на ряд блестящих внешнеполитических успехов Екатерины II и ее соратников, оставалось весьма тяжелым. XVIII столетие вообще во многом было решающим для судьбы России. Реформы Петра I поставили ее в ряд ведущих мировых держав, продвинув ее на столетие вперед в техническом отношении. Однако те же реформы разрушили древние основы русского государства — прочные социальные и культурные связи между сословиями, в целях укрепления государственного аппарата противопоставив интересы помещиков и крестьян. Крепостное право окончательно превратилось из особой «московской» формы социальной организации (служебной повинности) в классическую привилегию аристократии. Это положение было крайне несправедливо. Ведь после смерти Петра российское дворянство несло все меньше тягот служебного сословия, продолжая активно противиться всеобщему уравниванию в правах. К тому же дворянство, которое со времен Петра захлестнул поток западноевропейской культуры, все больше отрывалось от традиционных для России ценностей, все меньше способно было понять нужды и чаяния собственного народа, произвольно истолковывая их в духе новомодных западных философских и политических учений. Культура разных слоев населения уже при Екатерине начала развиваться обособленно, грозя со временем разрушить национальное единство. Восстание Пугачева показало это очень наглядно. Что же могло спасти Россию от внутреннего разлома или хотя бы отодвинуть его?

Православная Церковь, обычно объединявшая русский народ в тяжелые времена, еще со времен Петра I была почти лишена возможности серьезно влиять на развитие событий и политику государственной власти. К тому же она не пользовалась авторитетом в среде «просвещенного сословия». В начале XVIII в. монастыри фактически отстранили от дела образования и науки, переложив его на новые, «светские», структуры (до этого Церковь успешно выполняла просветительские задачи почти семь столетий!), а в середине века государство отняло у них богатейшие, населенные зажиточными крестьянами земли. Отняло лишь затем, чтобы получить новый ресурс для продолжения политики непрерывных земельных раздач растущей как на дрожжах военно-дворянской корпорации. Но если прежние, окраинные раздачи и переделы земель действительно укрепляли государство, то мгновенное уничтожение десятков старейших в нечерноземной России центров культурного сельского хозяйства и торговли (большинство ярмарок было приурочено к праздникам покровительствовавших им православных обителей), бывших одновременно центрами независимого мелкого кредита, благотворительности и широкой социальной помощи, вело лишь к дальнейшему подрыву местных рынков и экономической мощи страны в целом.

Русский язык и общенациональная культура, позволившие в свое время спасти культурную целостность России от раздробленности, тоже были не в почете среди аристократии. Оставалось государство, бесконечное укрепление которого было завещано Петром всем своим наследникам. Машина

бюрократического аппарата, запущенная Петром, обладала такой мощно-стью, что в перспективе была способна сокрушить любые сословные привилегии и перегородки. К тому же она опиралась на единственный древний принцип, не нарушенный Петром и свято чтившийся большинством населения России, — принцип самодержавия (неограниченного суверенитета верховной власти). Но большинство преемников Петра были слишком слабы или нерешительны, чтобы использовать этот принцип во всей своей полноте. Они покорно следовали в фарватере дворянской сословной политики, ловко используя противоречия между придворными группами для того, чтобы хоть немного усилить свою власть. Екатерина довела это лавирование до совершенства. Конец XVIII столетия считается «золотым веком российского дворянства». Оно было сильным, как никогда, и спокойным в сознании своей силы. Но открытым оставался вопрос: кто в интересах страны рискнет нарушить это спокойствие?

Чего он хотел?

7 ноября 1796 г. «золотой век российского дворянства» закончился. На престол вступил император, имевший свои представления о значении сословий и государственных интересах. Во многом эти представления были

*Портрет императора Павла I.
Художник В.Л. Боровиковский, 1800 г.*

построены «от противного» — в противовес принципам Екатерины. Однако немало было продумано самостоятельно, благо на размышления было отведено 30 лет. А главное — накопился большой запас энергии, долго не имевший выхода. Итак, переделать все по-своему и как можно скорее! Очень наивно, но не всегда бессмысленно.

Что же это за представления? За время гатчинского затворничества у Павла сложилась любопытная политическая программа. Он считал, что европейская система абсолютизма с опорой на дворянскую аристократию (в особенности ее российский вариант) исчерпала себя. Дворянство, поставленное в привилегированное положение, из служилого сословия превращается в паразита на теле

государства. При этом царская власть, будучи формально неограниченной, стала защитницей и заложницей дворянских прав. Император (или императрица) еще имеет достаточно сил, чтобы заменить ключевые фигуры на государственных постах, но совершенно бессилён изменить общее положение в стране. А такие изменения давно назрели.

Хотя Павел не любил слово «реформа» не меньше, чем слово «революция», он никогда не сбрасывал со счетов того, что со времен Петра Великого (а на самом деле гораздо раньше) российское самодержавие всегда находилось в авангарде перемен в стране. Примеривая на себя роль средневекового монарха, а позднее — цепь великого магистра Мальтийского ордена, Павел всецело оставался человеком нового времени, мечтающим об идеальном государственном устройстве. Государство должно быть преобразовано из аристократической вольницы в жесткую иерархическую структуру, во главе которой находится царь, обладающий всеми возможными властными полномочиями. Сословия, классы, социальные слои постепенно теряют особые неотчуждаемые права, полностью подчиняясь лишь самодержцу, олицетворяющему небесный Божий закон и земной государственный порядок. Аристократия должна постепенно исчезнуть, как и лично зависимое крестьянство. На смену сословной иерархии должны прийти равноправные подданные.

Французская революция не только усилила неприязнь Павла к философии Просвещения XVIII в., но и лишним раз убедила его в том, что российскому государственному механизму требуются серьезные изменения. Екатерининский просвещенный деспотизм, по его мнению, медленно, но верно вел страну к гибели, провоцируя социальный взрыв, грозным предвестником которого был Пугачевский бунт. И для того чтобы избежать этого взрыва, необходимо было не просто «ужесточить режим», а срочно провести реорганизацию системы управления страной. Заметим: Павел — единственный из самодержавных реформаторов после Петра — планировал начать ее «сверху» в буквальном смысле слова, то есть урезать права аристократии (в пользу государства). Конечно, крестьяне в таких переменах поначалу оставались молчаливыми статистами, их еще долго не собирались привлекать к управлению. И хотя по приказу Павла было запрещено употреблять в печатных изданиях слово «гражданин», именно он больше чем кто-либо другой в XVIII в. в России старался сделать крестьян и мещан гражданами, выводя их за рамки сословного строя и «прикрепляя» непосредственно к государству.

Программа достаточно стройная, соответствующая своему времени, но совершенно не учитывавшая амбиций российского правящего слоя. Именно это трагическое несоответствие, порожденное гатчинской изоляцией и пережитыми душевными волнениями, было принято современниками, а вслед за ними и историками за «варварскую дикость», даже за сумасшествие. Тогдашние столпы российской общественной мысли (за исключением амнистированного Павлом вольнодумца Радищева), испуганные Французской революцией, стояли либо за то, чтобы проводить дальнейшие реформы за счет крестьян, либо не проводить их вообще. Если бы в конце XVIII в. уже существовало понятие «тоталитаризм», современники не задумались бы применить его к павловскому режиму. Но политическая программа Павла была не более утопична, чем философия его времени. XVIII в. — век

Вахтпарад при императоре Павле I. Художник А.Н. Бенуа, 1907 г.

расцвета социальных утопий. Дидро и Вольтер предрекали создание просвещенными монархами унитарного государства на основе Общественного договора и видели элементы своей программы в реформах начала царствования Екатерины. Если приглядеться, действительным сторонником идеи единого равноправного государства явился ее сын, ненавидевший французских «просветителей». При этом его политическая практика оказалась уж точно не более жестокой, чем демократический террор французского Конвента или последовавшие за ним контрреволюционные репрессии Директории и Наполеона.

Первой «жертвой» преобразований уже в 1796-м стала армия. Уже много раз ученые и журналисты разбирали пресловутое «гатчинское наследство»: парады, парики, палки и т.п. Но стоит вспомнить и о распущенном рекрутском наборе 1795 г., половина которого была заранее украдена офицерами для своих имений; о поголовной ревизии ведомства снабжения армии, выявившей колоссальные воровство и злоупотребления; о последовавшем сокращении военного бюджета; о превращении гвардии из придворной охраны в боевую единицу. (На смотр 1797 г. был вызван весь личный офицерский состав, что положило конец заочной «службе» в имениях и записи в полковые списки едва родившихся младенцев, вроде пушкинского Гринева.) Те же бесконечные парады и маневры положили начало регулярным учениям русской армии (что очень пригодилось потом, в эпоху наполеоновских войн), до этого обычно сидевшей на зимних квартирах в отсутствие войны. При Павле солдат, безусловно, больше гоняли на плацу и строже наказывали, но в тоже время их наконец стали регулярно кормить

и тепло одевать зимой, что принесло императору небывалую популярность в войсках. Но больше всего офицеров возмутило введение телесных наказаний. Не вообще солдатам, а конкретно для благородного сословия. Это пахло нездоровым сословным равенством.

Помещиков тоже попробовали прижать. Впервые крепостные крестьяне стали приносить императору личную присягу (раньше за них это делал помещик). При продаже крепостных официально запрещали разделять семьи (впрочем, механизмы обхода этого запрета работали еще много лет). Вышел знаменитый указ-манифест «о трехдневной барщине», текст которого, в частности, гласил: «Закон Божий, в Десятословии нам преподанный, научает нас седьмой день посвящать Богу; почему в день настоящий, торжеством веры прославленный и в который мы удостоились воспринять священное миропомазание и царское на прародительском престоле нашем венчание, почитаем долгом нашим пред Творцом всех благ Подателем подтвердить во всей империи нашей о точном и неперменном сего закона исполнении, повелевая всем и каждому наблюдать, дабы никто и ни под каким видом не дерзал в воскресные дни принуждать крестьян к работам...»

Хотя речь еще не шла об отмене или даже серьезном ограничении крепостного права, просвещенные земле- и душевладельцы забеспокоились: как может власть, пусть даже царская, вмешиваться в то, как они распоряжаются своей наследственной собственностью? Екатерина такого себе не позволяла! Эти господа пока не понимали, что крестьяне — основной источник государственного дохода, и потому разорять их невыгодно. А вот помещиков не худо бы заставить оплатить хотя бы расходы на содержание выборных органов местного управления, ведь они состоят исключительно из дворянства. Это было еще одно покушение на «священное право благородного сословия» — свободу от налогообложения.

Между тем общее налоговое бремя облегчилось. Отмена хлебной повинности (по свидетельству русского агронома А.Т. Болотова, произведшая «благодетельные действия во всем государстве») сопровождалась сложением недоимок за 1797 г. и льготной продажей соли (до середины XIX в. соль фактически была народной валютой). В рамках борьбы с инфляцией дворцовые расходы сокращались в 10 (!) раз, значительная часть серебряных дворцовых сервизов была перелита на монету, пущенную в оборот. Параллельно из обращения за государственный счет была выведена необеспеченная масса бумажных денег. На Дворцовой площади сожгли свыше пяти миллионов рублей ассигнациями.

Чиновничество также было в страхе. Взятки (при Екатерине дававшиеся открыто) искоренялись беспощадно. Особенно это касалось столичного аппарата, который сотрясали постоянные проверки. Неслыханное дело: служащие должны не опаздывать и весь рабочий день находиться на своем месте! Сам император вставал в 5 утра, слушал текущие доклады и новости, а потом вместе с наследниками отправлялся ревизовать столичные учреждения и гвардейские части. Сократилось количество губерний и уездов, а стало быть, и количество бюрократов, необходимых для заполнения соответствующих мест.

Православная Церковь тоже получила определенные надежды. Новый император, в отличие от своей матери, был неравнодушен к Православию. Его законоучитель и духовный наставник, будущий митрополит Платон

(Левшин), венчавший потом Павла на царство, так писал о его вере: «Высокий воспитанник, по счастью, всегда был к набожности расположен, и рассуждение ли, разговор ли относительно Бога и веры были ему всегда приятны. Сие, по примечанию, ему внедрено было с млеком покойною императрицей Елизаветой Петровной, которая горячо любила его и воспитывала приставленными от нее весьма набожными женскими особами».

По некоторым свидетельствам, император нередко проявлял черты прозорливости под видом юродства. Так, известен из мемуарной литературы случай, когда Павел Петрович повелел отправить в Сибирь офицера, неудовлетворительно выступившего на военных маневрах, но, склонившись на просьбы окружающих о помиловании, все-таки воскликнул: «Я чувствую, что человек, за которого вы просите, — негодяй!». Впоследствии открылось, что этот офицер убил собственную мать. Еще один случай: офицер-гвардеец, уже имевший жену и детей, решил увозом овладеть молодой девушкой. Но та не соглашалась ехать без венчания. Тогда сослуживец этого офицера переоделся священником и разыграл тайный обряд. Через некоторое время оставленная с прижитым от соблазнителя ребенком женщина, разузнав, что ее мнимый муж имеет законную семью, обратилась с жалобой к государю. «Император вошел в положение несчастной, — вспоминала Е.П. Янькова, — и положил замечательное решение: похитителя ее велел разжаловать и сослать, молодую женщину признать имеющею право на фамилию соблазнителя и дочь их законную, а венчавшего офицера постричь в монахи. В резолюции было сказано, что “как он имеет склонность к духовной жизни, то и послать его в монастырь и постричь в монахи”. Офицера отвезли куда-то далеко и постригли. Он был вне себя от такой неожиданной развязки своего легкомысленного поступка и жил совсем не по-монашески, но потом благодать Божия коснулась его сердца; он раскаялся, пришел в себя и, когда был уже немолод, вел жизнь самую строгую и считался опытным и весьма хорошим старцем».

Все это, правда, не помешало Павлу принять титул главы Мальтийского ордена. Однако сделано это было не только по политическим соображениям. Это была попытка воскресить в рамках ордена (кстати, никогда до этого не подчинявшегося папе Римскому) древнее византийское братство святого Иоанна Предтечи, из которого и возникли когда-то иерусалимские «госпитальеры». Кроме того, стоит отметить, что Мальтийский орден в целях самосохранения сам отдал себя под покровительство России и императора Павла. 12 октября 1799 г. в Гатчину торжественно были принесены святыни ордена: десница святого Иоанна Крестителя, частица Креста Господня и Филермская икона Божией Матери. Всеми этими сокровищами Россия обладала вплоть до 1917 года.

Вообще Павел — первый император, смягчивший в своей политике линию на ущемление прав Церкви во имя государственных интересов. Он прежде всего стремился к тому, чтобы священство имело более «соответственные важности сана своего образ и состояние». Так, когда Святейший Синод сделал представление об избавлении священников и диаконов от телесных наказаний, император утвердил его (оно не успело вступить в законную силу до 1801 г.), продолжая придерживаться практики восстановления подобных наказаний для дворян-офицеров.

Мальтийские святыни: Филермская икона Божией Матери, частица Креста Господня, десница св. Иоанна Крестителя

Предпринимались меры к улучшению быта белого духовенства: состоящим на штатном жаловании были увеличены оклады, а там, где не было установлено жалование, на прихожан возложили заботу по обработке священнических наделов, которую можно было заменить соответствующим хлебным взносом натурой или денежной суммой. В 1797 и 1799 гг. штатные оклады из казны на духовное ведомство по годовым государственным сметам были увеличены вдвое против прежнего. Казенные дотации духовенству, таким образом, достигли почти одного миллиона рублей. Кроме того, в 1797 г. были удвоены участки земли для архиерейских домов. Дополнительно (впервые со времен екатерининской секуляризации!) архиереям и монастырям были отведены мельницы, рыбные ловли и другие угодья. Впервые в истории России были узаконены меры для обеспечения вдов и сирот духовного сословия.

При императоре Павле военное духовенство было выделено в особое ведомство и получило своего главу — протопресвитера армии и флота. Вообще для поощрения к более ревностному исполнению своего служения императором был введен порядок награждения духовных лиц орденами и знаками внешнего отличия. (Сейчас этот порядок глубоко укоренился в Церкви, но тогда он вызвал некоторое смущение.) По личному почину государя был учрежден и наградной наперсный крест. До революции на обратной стороне всех синодальных крестов стояла буква «П» — инициал Павла Петровича. При нем были также учреждены духовные академии в Петербурге и в Казани и несколько новых семинарий.

Неожиданно получил часть гражданских прав и такой большой слой российского общества, как раскольники. Государь впервые пошел на компромисс в этом вопросе и позволил лояльно настроенным старообрядцам иметь свои моленные дома и служить в них по древнему обычаю. Старооб-

рядцы (разумеется, далеко не все), в свою очередь, готовы были признать синодальную Церковь и принять от нее священников. В 1800 г. окончательно было утверждено положение о единоверческих церквях.

Возродились и петровские традиции сотрудничества с купечеством. Учреждение коммерц-коллегии в конце 1800 г. выглядело как начало глобальной реформы управления. Еще бы, ведь 13 из 23 ее членов (больше половины!) выбирались купцами из своей среды. И это в то время, когда дворянские выборы были ограничены. Александр, придя к власти (между прочим, с разговорами о «конституции»), отменил это демократическое распоряжение одним из первых.

Но никому из наследников Павла и в голову не пришло отменять важнейший из принятых им государственных актов — закон 5 апреля 1797 г. о престолонаследии. Этим законом была наконец закрыта роковая брешь, пробитая Петровским указом 1722 года. Отныне наследование престола (только по мужской линии!) приобретало четкий юридический характер, и никакая Екатерина или Анна не могли уже претендовать на него самочинно. Значение закона столь велико, что историк Василий Ключевский, к примеру, называет его «первым положительным основным законом в нашем законодательстве». Ведь этот закон, укрепляя самодержавие как институт власти, ограничивал произвол и амбиции рвущихся к престолу личностей, служил своеобразной профилактикой возможных переворотов и заговоров.

Разумеется, рядом с серьезными нововведениями можно заметить и громадное количество подробно расписанных мелочей: запрещение некоторых видов и фасонов одежды; указания, когда горожане должны вставать и ложиться спать; как надо ездить и ходить по улицам; в какой цвет красить дома... И за нарушения всего этого — штрафы, аресты, увольнения. С одной стороны, сказались роковые уроки Теплова: император не умел разделить мелких дел от крупных. С другой — то, что кажется нам мелочами (фасон шляп), в конце XVIII в. имело важную символическую нагрузку и демонстрировало окружающим приверженность к той или иной идеологической партии. В конце концов, «фригийские колпаки» и бравировавшие своим видом «санкюлоты» родились отнюдь не в России.

Пожалуй, главная отрицательная черта Павловского правления — неровное доверие к людям, неумение подбирать друзей и соратников и расставлять кадры. Все окружающие — от наследника престола Александра до последнего петербургского поручика — были под подозрением. Император часто менял сановников так быстро, что они не успевали войти в курс дела. За малейшую провинность могла последовать опала. Впрочем, император умел быть и великодушным: из тюрьмы был освобожден Радищев; ссора с Суворовым закончилась тем, что Павел просил прощения (а потом произвел великого полководца в генералиссимусы); убийце отца Алексею Орлову было назначено «суровое наказание» — идти несколько кварталов за гробом своей жертвы, сняв шляпу.

И все же кадровая политика императора была в высшей степени непредсказуемой. Самые преданные ему люди жили в той же постоянной тревоге за свое будущее, что и записные придворные интриганы. Насаждая беспрекословное подчинение, Павел легко терял честных людей в своем окружении. На смену им часто приходили подлецы, готовые выполнить любой поспешный указ, окарикатурив императорскую волю. Сначала Павла боялись, но

потом, видя бесконечный поток плохо исполнявшихся указов, начали над ним тихонько посмеиваться. Еще 100 лет назад насмешки над подобными преобразованиями дорого бы обошлись весельчакам. Но Павел не имел такого непререкаемого авторитета, как его великий прадед, в людях же разбирался хуже. Да и Россия была уже не та, что при Петре: тогда она покорно сбривала бороды, теперь возмущалась запрещением носить круглые шляпы.

Вообще все общество было возмущено. Мемуаристы потом представили это настроение как единый порыв, но причины возмущения были часто противоположны. Боевые офицеры школы Суворова были раздражены новой военной доктриной; такие генералы, как Беннигсен, беспокоились о сокращении своих доходов за счет казны; гвардейская молодежь была недовольна новым строгим уставом службы; высшая знать империи — «екатерининские орлы» — лишилась возможности смешивать государственные интересы и личную выгоду, как в былые времена; чиновники рангом пониже все же воровали, но с большой оглядкой; городские обыватели злились на указы о том, когда они должны гасить свет. Тяжелее всего приходилось просвещенным патриотам нового типа, таким как Державин или Карамзин. Они не могли смириться с возрождением самодержавных принципов. Слышались призывы «покончить с азиатским деспотизмом» (попытался бы кто заявить такое при Петре!), однако многие ясно видели и несправедливости предыдущего царствования. Большинство из них все-таки оставалось убежденными монархистами, Павел мог бы найти здесь опору для своих преобразований, надо было только дать больше свободы в действиях, не связывать руки постоянными мелкими распоряжениями. Но царь, не привыкший доверять людям, вмешивался буквально во все. Он один, без инициативных помощников, хотел управлять своей империей. В конце XVIII в. это было уже решительно невозможно.

За что его не любили?

Тем более невозможно было вести европейскую дипломатическую игру на рыцарских началах. Свою внешнюю политику Павел начинал как миротворец. Он отменил и готовящееся вторжение во Францию, и поход в Персию, и очередные рейды Черноморского флота к турецким берегам, но отменить всеевропейский мировой пожар было не в его силах. Объявление в гамбургской газете, предлагавшее решить судьбы государств поединком их монархов с первыми министрами в качестве секундантов, вызвало всеобщее недоумение. Наполеон тогда открыто назвал Павла «русским Дон-Кихотом», остальные главы правительств смолчали.

Тем не менее долго стоять в стороне от европейского конфликта было невозможно. К России со всех сторон обращались испуганные европейские монархии: просьбу о покровительстве принесли мальтийские рыцари (остров которых был уже под угрозой французской оккупации); Австрии и Англии нужна была союзная русская армия; даже Османская империя после наполеоновской экспедиции в Египет обратилась к Павлу с мольбой о защите своих средиземноморских берегов от французского десанта. Так возникла Вторая антифранцузская коалиция 1798—1799 годов.

Русский экспедиционный корпус под командованием Александра Суворова уже в апреле 1799 г. был готов к вторжению во Францию. Но это не

вязалось с планами союзного австрийского правительства, стремившегося округлить свои владения за счет «освобожденных» итальянских территорий. Суворов был вынужден подчиниться, и к началу августа северную Италию полностью очистили от французов. Республиканские армии были разгромлены, крепостные гарнизоны сдались. Не менее серьезно показала себя объединенная русско-турецкая эскадра под командованием ныне причисленного к лику святых адмирала Федора Ушакова, освободившая с сентября 1798 по февраль 1799 гг. Ионические острова у побережья Греции. (Между прочим, одной из причин согласия императора на этот поход была реальная угроза надругательства французов над мощами святителя Спиридона Тримифунтского, которые с XV в. хранились на острове Корфу (Керкира). Павел очень почитал святителя Спиридона как покровителя своего старшего сына и наследника Александра. Почти неприступная крепость Корфу была взята штурмом с моря 18 февраля 1799 года. Примечательно, что Ушаков учредил на освобожденных им островах независимую республику (позднее и архипелаг, и остров Мальта оккупировали и более полувека удерживали англичане) и организовал выборы местных властей при полном одобрении Павла, проявившего здесь удивительную политическую терпимость. Далее эскадра Ушакова, имея минимальное количество морской пехоты, провела операции по освобождению Палермо, Неаполя и всей южной Италии, закончившиеся 30 сентября броском русских моряков на Рим.

Союзники России по коалиции были напуганы такими впечатляющими военными успехами. Им вовсе не хотелось усиливать авторитет Российской империи за счет Французской республики. В сентябре 1798 г. австрийцы оставили русскую армию в Швейцарии наедине со свежими превосходящими силами противника, и только полководческое искусство Суворова спасло ее от полного уничтожения. 1 сентября Ушакова без предупреждения покинула турецкая эскадра. Что же касается англичан, то их флот во главе с Нельсоном блокировал Мальту и не подпустил к ней русские корабли. «Союзники» показали свое подлинное лицо. Разгневанный Павел отозвал Суворова и Ушакова из Средиземноморья.

В 1800 г. Павел заключил с Наполеоном сравнительно выгодный для России антианглийский союз. Франция предложила России Константинополь и полный раздел Турции. Балтийский и Черноморский флоты были приведены в полную боевую готовность. В то же самое время по согласованию с французской стороной 30-тысячный казачий корпус Орлова двинулся на Индию через казахские степи. Экспедиционные силы Наполеона могли присоединиться к нему в течение пары лет. Англия оказалась перед лицом самой страшной угрозы со времен Елизаветы I. А если интересы Англии и внутренней российской оппозиции совпадали?..

Британская дипломатия в Петербурге пустила в ход все свои средства и связи, чтобы разворошить тлеющий внутренний заговор. Секретные сумы английского посольства золотым дождем пролились на благоприятную почву. Недовольные наконец нашли общий язык: армию представлял Беннигсен, высшее дворянство — Зубов, проанглийски настроенную бюрократию — Никита Панин (племянник воспитателя Павла). Панин же привлек к участию в заговоре наследника престола великого князя Александра. Узнав о возможной отмене надоевшего армейского распорядка, в дело с радостью включились десятки молодых гвардейских офицеров. Но душой заговора

стал любимец императора, генерал-губернатор Петербурга граф фон Пален. Павел до последнего дня был уверен в его преданности.

Заговор очень ярко проиллюстрировал парадоксальную ситуацию, сложившуюся при Павловском дворе. Дело в том, что император не был уверен ни в ком, но именно в силу этого он должен был оказывать свое доверие урывками в общем-то случайным людям. У него не было друзей, соратников, не было единомышленников — только подданные. Уничтожить заговор как таковой не представлялось возможным еще и потому, что его фундамент существовал постоянно. Подспудное недовольство разных дворянских группировок теми или иными правительственными мерами в Павловское царствование достигло опасной высоты. Когда всякого несогласного заранее считают заговорщиком, ему психологически легче перейти ту черту, которая отделяет пассивное неприятие перемен от активного противодействия им. При всем этом нужно помнить, что при дворе оставалось еще слишком много «екатерининцев». Гнев же императора был так же страшен, как и скоротечен, поэтому Павел оказался неспособен на сколько-нибудь последовательные репрессии. Его мягкий характер не подходил для той политической системы, которую он сам пытался ввести.

В результате, когда после полуночи 11 марта 1801 г. заговорщики ворвались в Михайловский дворец, там не нашлось ни одного офицера, способного встать на защиту императора. Главной заботой заговорщиков было не допустить во дворец солдат. Часовых сняли с постов их начальники, двум лакеям разбили головы. В спальне с Павлом покончили за несколько минут. Как некогда Петр III, он был задушен длинным офицерским шарфом. Весть о его смерти Санкт-Петербург встретил заранее подготовленным фейерверком и всеобщим ликованием. Как это ни кажется сегодня смешным, но все поспешили показаться на улицах в недавно запрещенных нарядах. А в парадной зале Зимнего дворца собрались все высшие сановники России, имя молодого императора Александра уже звучало у всех на устах. Из покоев вышел 23-летний юноша и под радостный шепот присутствующих торжественно произнес: «Бабушка скончались апоплексическим ударом. При мне все будет, как при бабушке».

Эти слова казались посмертной и окончательной победой Екатерины II над своим сыном. Проигравший поплатился жизнью. Чем же должна была расплачиваться Россия?

Как и почему его оценивают?

Павловское царствование доступные сегодня массовому читателю книги российских историков оценивают по-разному. К примеру, Н.М. Карамзин в написанной по горячим следам «Записке о древней и новой России» (1811 г.) восклицает: «Заговоры да устрашают государей для спокойствия народов!» По его мнению, из деспотизма невозможно извлечь никаких полезных уроков, его можно только свергнуть или достойно переносить. Выходит, противоречивость Павловских указов не более чем самодурство тирана? К концу XIX в. такая точка зрения уже казалась примитивной. В.О. Ключевский писал, что «царствование Павла было временем, когда была заявлена новая программа деятельности». «Хотя, — тут же оговорился он, — пункты этой программы не только не были осуществлены, но и постепенно даже исчезли

из нее. Гораздо серьезней и последовательней начала осуществляться эта программа преемниками Павла». Н.К. Шильдер, первый историк царствования Павла, также утверждал, что антиекатерининская государственно-политическая направленность продолжала существовать всю первую половину XIX в., и «преемственность Павловских преданий во многом уцелела». Он возлагал на Павла вину и за аракчеевские военные поселения, и за восстание 14 декабря, за «рыцарскую внешнюю политику», и даже за поражение России в Крымской войне, не отмечая при этом ни одной заслуги императора в государственных преобразованиях его детей Александра I и Николая I. Историк-либерал А. Корнилов в своем курсе по истории XIX в. буквально обозвал Павла «венчанным психопатом». Той же точки зрения в своих популярных работах, видимо, держались и исторический публицист Казимир Валишевский, известные писатели Дмитрий Мережковский и Георгий Чулков. Лишь вышедший мизерным тиражом в годы Первой мировой войны (и не переизданный до сих пор!) труд М.В. Клочкова — единственный, где скрупулезно исследована законодательная политика Павла, — возражает на эти упреки тем, что именно при Павле началась военная реформа, подготовившая армию к войне 1812 г., были предприняты первые шаги в ограничении крепостного права, а также заложены основы законодательного корпуса Российской империи. В 1916 г. в церковных кругах даже началось движение по канонизации невинно убиенного императора. По крайней мере, его могила в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга считалась среди

*Гробница императора Павла Петровича
в Петропавловском соборе*

простого народа чудотворной и была постоянно усыпана свежими цветами (этот обычай возобновился и в наши дни!). В соборе до 1917 г. существовала специальная книга, куда записывались чудеса, произошедшие по молитвам у этой могилы.

Леволлиберальные, а следом за ними и советские историки были склонны приуменьшать значение Павловского царствования в истории России. Они, безусловно, не испытывали никакого пиетета к Екатерине II, однако рассматривали Павла лишь как частный случай особо жестокого проявления абсолютизма (в чем заключалась «особая жестокость», обычно умалчивалось), в корне не отличавшегося ни от предшественников,

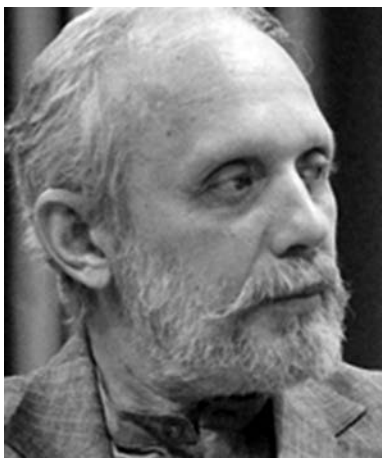
ни от наследников. Только в середине 1980-х гг. Н.Я. Эйдельман в работе «Грань веков» попытался понять социальный смысл Павловской консервативно-реформаторской утопии. Этому автору принадлежит и заслуга частичной «реабилитации» доброго имени Павла в глазах российской интеллигенции. Вышедшие за последние 30 лет книги в основном суммируют все высказанные точки зрения, не делая особенно глубоких и новых выводов. Видимо, окончательное суждение о том, кем же именно был император Павел Петрович, а также насколько реальна была его политическая программа и какое место она занимает в последующей российской истории, еще предстоит вынести. Предстоит вынести такое суждение и Русской Православной Церкви, вновь поставленной перед вопросом о возможности прославления Павла I как благоверного правителя и страстотерпца.

Мне же хотелось бы еще раз обратить внимание на то, что Павел был не только дальновидным или, напротив, неудачливым государственным деятелем. Как и прославленный Церковью не так давно Государь Николай Александрович, Павел Петрович был прежде всего человеком очень трагической судьбы. Еще в 1776 г. он писал в частном письме: «Для меня не существует ни партий, ни интересов, кроме интересов государства, а при моем характере мне тяжело видеть, что дела идут вкривь и вкось и что причиною тому небрежность и личные виды. Я желаю лучше быть ненавидимым за правое дело, чем любимым за дело неправое». Но окружавшие его люди, как правило, не хотели даже понять причин его поведения. Что же касается посмертной репутации, то она до недавнего времени была самой ужасной в русской истории после Ивана Грозного.

Конечно, легко объяснить нелогичные с нашей точки зрения поступки человека, назвав его идиотом или злодеем. Однако это вряд ли будет верно. Поэтому мне хотелось бы закончить эту статью цитатой из размышлений поэта Владислава Ходасевича: «Когда русское общество говорит, что смерть Павла была расплатой за его притеснения, оно забывает, что он теснил тех, кто раскинулся слишком широко, тех сильных и многоправных, кто должен быть стеснен и обуздан ради бесправных и слабых. Может быть, это и была историческая ошибка его. Но какая в ней моральная высота! Он любил справедливость — мы к нему несправедливы. Он был рыцарем — убит из-за угла. Ругаем из-за угла...»

Тени РОССИИ

Виктор САУЛКИН РУССКИЙ АРХИСТРАТИГ СУВОРОВ

Виктор Александрович Саулкин — родился в 1957 г. Писатель, публицист, художник-иконописец. С 1980 г. расписывал храмы и монастыри в разных епархиях Русской Православной Церкви. Один из основателей общества «Радонеж» и первой православной радиостанции, автор передач. Публикации автора можно встретить в различных изданиях, журналах, сборниках, на информационно-аналитических сайтах. Автор книг «Александр Невский. Начало империи», «Третий Рим против Нового Карфагена. Битва за Русскую историю» и др. Член Императорского Палестинского общества, Центрального Совета Союза Православных граждан и Центрального Совета Народного Собора. Руководитель информационно-аналитической службы РОО «Московские Суворовцы».

«Ему быть ангелом!»

В народе есть свои путеводные звезды, есть свои герои, освещающие весь его исторический путь. К ним непосредственно устремляются взоры потомков, в памяти которых герой олицетворяет нравственный идеал, предел совершенства в служении Богу и Отечеству.

Патриарх Московский и всея Руси
Алексий II

В час испытаний, которые приходится преодолевать и нам, и нашему Отечеству, мы всегда обращаемся к помощи святых, к памяти великих героев Русской истории. Для нашего Отечества снова наступило время испытаний, как это было и в годы первой Отечественной войны 1812 г., и в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

В последние годы натиск враждебных сил на Россию становился все более настойчивым, информационное давление явно грозило перерасти в прямую агрессию. Все чаще из уст политиков Евросоюза раздавались нелепые обвинения в адрес нашей страны. Ложь и клевета в адрес России становились все более циничными и бессовестными.

Не в первый раз Россия сталкивается с подобным отношением к себе «цивилизованного сообщества». В XIX в. Федор Иванович Тютчев писал:

*...Ложь воплотилась в булат;
Каким-то Божьим попущем
Не целый мир, но целый ад
Тебе грозит ниспроверженьем...*

*Все богохульные умы
Все богомерзкие народы
Со дна воздвиглись царства тьмы
Во имя света и свободы!*

И в XXI в. решать исход боевых действий будет не только оружие, но

и дух война. В грядущих испытаниях все святые, в земле Российской просиявшие, будут молиться на небе о своих «земных сродниках».

А сколько у русского народа небесных заступников, не прославленных в лике святых! Имена многих из них нам даже не известны. Но есть среди русских людей один благоверный воитель, который особенно горячо молится о Русском воинстве в грозное для Отечества время. Этот благоверный воитель еще не прославлен в лике святых, но его духовный пример и наставления для нас важны, как никогда.

Имя этого человека известно каждому — Русский Архистратиг Александр Васильевич Суворов.

Государь император Павел I, присваивая Суворову после Итальянской кампании высшее воинское звание генералиссимуса, произнес удивительные слова: «*Для других это много, для Суворова — мало. Ему быть ангелом!*»

В день торжественного празднования 100-летия со дня кончины Александра Васильевича Суворова великого полководца назвали Русским Архистратигом...

Архистратигом Воинств Небесных именуют Архангела Михаила. Ангельским чином православные называют чин иноческий. Монахи подвигами поста и непрестанной молитвы стремятся уподобиться ангелам, достичь святости. Но государь, считая, что Суворову — быть ангелом, подразумевал не известное ему желание Александра Васильевича уйти в Нило-Столобенскую пустынь, принять монашеский постриг.

Император Павел I говорил о душе, о духовном устроении своего славного полководца. Суворов сумел за десятилетия непрерывных войн и походов, наполненных яростными сражениями и кровопролитными битвами, стяжать такую же молитву и смирение, что и монахи-молитвенники, которые долгие годы несут свой подвиг в иноческих обителях.

«Суворов — Христов воин»

Среди угодивших Богу и прославленных Церковью мирян святых воинов — подавляющее большинство. Для русских защищать Отечество означало защищать и веру Православную. Благоверные князья сражались с врагами с Запада, тевтонами, шведами, ляхами, за которыми стоял латинский Рим. Сражались с врагами с Востока — агарянами. Отбивали натиск кочевников: от печенегов и половцев до монголо-татар, чьи нашествия из глубины азиатских степей постоянно накатывались на Русь. Затем отражали натиск Османской империи. Сражаясь с врагом, русские князья бились «*За Землю Святорусскую, за Святые храмы Божию*».

Немыслима история России и без величайшего русского полководца Александра Васильевича Суворова, которому пришлось громить врагов и с Запада, и с Востока. Имена Суворова и святого Александра Невского — это не только память о великих победах и славе нашего Отечества.

«*Не в силе Бог, а в правде*» — с этими словами Александра Невского русские люди веками поднимались на защиту родной земли от нашествий. Отношение народа к войне было глубоко христианским, евангельским. Русскую армию не зря именовали христоролюбивым воинством. Генералиссимус Александр Васильевич Суворов, как единодушно признают все военные историки и мыслители, своей жизнью и своими победами явил дух русского воина. Христоролюбивого русского воина.

*Александр Васильевич Суворов.
Художник Ю.А. Бирюков, 2013 г.*

Суворов — не только великий полководец славной русской военной истории. Суворов — имя, без которого немислима и русская культура. Без Суворова невозможно представить во всей полноте и народный русский характер. Без гения Суворова немислима сама Россия.

В XXI столетии причислен к лику святых непобедимый адмирал Федор Федорович Ушаков. В послании Патриарха Алексия II к прославлению праведного воина Федора Ушакова сказано: *«Феодор Феодорович Ушаков, прославленный воинскими доблестями и не побежденный ни в одном сражении адмирал великого Российского флота, ныне ублажается Святой Церковью как муж праведный и благоверный, как один из примеров для подражания верующим, как угодник*

Божий... Феодор Ушаков, как хорошо всем вам известно, был выдающимся государственным деятелем.

Вся его жизнь была отдана России. Он преданно служил благу своего народа, державному достоинству своей Родины. И вместе с тем он всегда оставался человеком глубокой веры во Христа Спасителя, строго приверженным православным нравственным началам, человеком великого милосердия и жертвенности, верным сыном Святой Церкви».

Эти слова, сказанные о святом флотоводце, с полным правом можно отнести и к Александру Васильевичу Суворову.

Александр Васильевич в своей «Науке побеждать» писал: *«Стой за Дом Богородицы! Стой за Матушку-Царицу! Убьют — Царствие Небесное, Церковь Бога молит. Жив — честь и хвала!»*

Появляясь при императорском дворе, где в то время большое внимание уделяли галантным и изящным манерам, Суворов стремился свидетельствовать, именно свидетельствовать свою веру перед высшим светом. Например, при аудиенции у государыни, войдя во дворец, Александр Васильевич на глазах у всех направлялся к иконе Пресвятой Богородицы, благоговейно клал три земных поклона, а затем, резко повернувшись, показывая этим, что хорошо видел императрицу, печатая шаг, шел кланяться государыне.

Суворов всем показывал, что сначала — поклонение Царице Небесной, а затем царице Русской земли.

Все знаменитые «чуждательства» Александра Васильевича при внимательном рассмотрении являются свидетельством веры, *юродством глубоко верующего человека, обличающего грехи и отступление от веры современного ему общества.*

«Неизъяснимое чудо»

Александр Васильевич Суворов одержал множество славных побед, выиграл десятки сражений, в которых силы противника обычно значительно превосходили силы русских. За много лет непрерывных военных кампаний ни одного проигранного, неудачного сражения. Но две победы Суворова особенно прославили имя русского полководца.

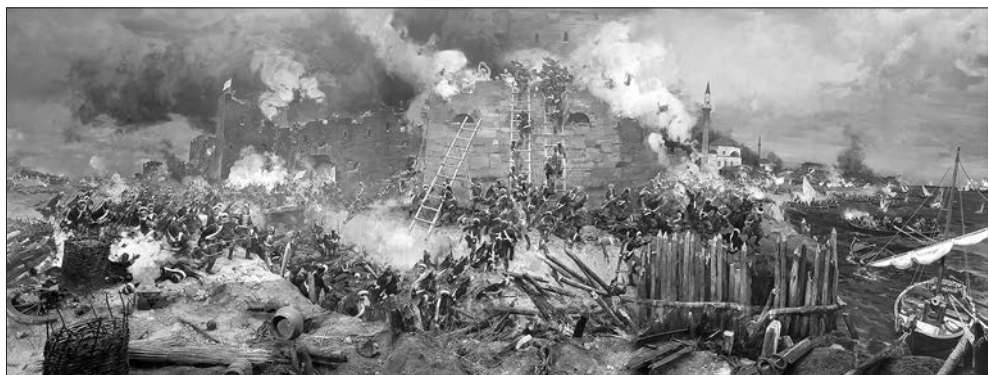
После взятия Измаила Байрон в своей поэме «Дон Жуан» назвал Суворова «неизъяснимым чудом». Вся Европа была поражена успехом русского оружия.

Измаил был крепостью с мощнейшими укреплениями, которые туркам помогали возводить немецкие и французские инженеры. Крепостью «без слабых мест», как трезво определил укрепления Измаила Суворов. У русских — 28 тысяч, из них всего 14 тысяч регулярной пехоты, 11 эскадронов конницы и спешенные для штурма казаки. В Измаиле — 35 тысяч турок, среди которых 17 тысяч отборных янычар, 250 орудий. При штурме такой крепости нападающие должны обладать хотя бы трехкратным преимуществом. На ультиматум Суворова турецкий командующий сераскир Айдос Мехмет-паша, уверенный в неприступности Измаила и хорошо зная о своем численном превосходстве, самоуверенно ответил: «Скорее остановится течение Дуная и небо упадет на землю, чем русские возьмут Измаил».

Но Суворов тщательно готовит войска, а затем дает знаменитый приказ: «День поститься, день молиться, на следующий — штурм, или смерть, или победа!»

Под жесточайшим огнем преодолены штурмовыми колоннами неприступные стены и глубокие рвы. Турки, сбитые со стен в рукопашном бою, сражаются с невероятным упорством и ожесточением, бьются в городе, превращая в крепость каждый дом.

Но к 16 часам бой закончен. 27 тысяч турок убито, 9 тысяч взято в плен. Наши потери — 1 879 убитыми (64 офицера и 1 815 нижних чинов), 2 702 ранеными. Как это возможно при штурме такой крепости, с таким упорным противником? Но это правда.

*Диорама «Штурм крепости Измаил» в филиале Исторического музея
А.В. Суворова в Измаиле.
Художники Е.И. Данилевский и В.М. Сибирский, 1973 г.*

И Суворов признался после победы: *«На такой штурм можно решиться только раз в жизни»*.

Но главный свой подвиг совершил Александр Васильевич, завершая свою жизнь небывалым, чудесным Швейцарским походом. Переход Суворова через Альпы — настоящее чудо военной истории.

После блестящих побед Итальянской кампании, в которых русскими были разгромлены в 10 сражениях Макдональд, Моро, Жубер, освобождены 25 крепостей, союзники-австрийцы совершили вероломное предательство, заманив Суворова в настоящую ловушку.

Австрийцы не оставили обещанных складов, обманули, намеренно передав неправильные карты. Суворовские войска оказались без боеприпасов, продовольствия и зимней одежды в горах. Многие горные перевалы в Альпах непроходимы в зимнюю пору даже для туристов с альпинистским снаряжением. В горах необходимо было преодолеть знаменитый «Чертов мост» на перевале Сен-Готард. На выходе из узкого тоннеля, пробитого в скале, находится узкая каменная арка над бездонной пропастью, на дне которой грохочет бурный поток. В этом месте одна рота солдат без труда может сдерживать целую армию.

Все позиции на неприступных горных перевалах были заняты французами. Силы французов втрое превышали численность русской армии. У Суворова нет и 20 тысяч, у французов — 60 тысяч.

Французы — лучшие солдаты Европы. Бригады республиканской Франции с пением «Марсельезы» наголову громили австрийские и прусские армии, итальянцев, англичан, голландцев. Французы — храбрые, отважные воины, уверенные в своей непобедимости. Французские войска не испытывают недостатка в боеприпасах и продовольствии.

Во главе республиканской армии лучшие генералы Наполеона — прославленные Моро, Лекурб, «любимец побед» Массена. Генерал Лекурб, злорадствуя, писал Массене о том, что русским пришел конец и *«Суворову осталось лишь околоть в горах от голода и мороза»*.

И действительно, надежды на спасение из ловушки, в которую русскую армию завело вероломство и измена австрийцев, не было. По всем законам военного искусства русские были обречены.

Оставалось либо сложить оружие, либо умереть от голода и холода в зимних горах. Или же со славой погибнуть в заведомо безнадежной схватке с превосходящим противником.

Но это были русские чудо-богатыри, и вел их Христов воин Суворов...

В сражении у Швица 4-тысячный русский отряд должен был сдерживать всю армию Массены. Французы надвигались огромными многотысячными плотными колоннами, с развернутыми знаменами, уверенные в победе. Но всего два русских полка с безумной дерзостью бросились в штыки. Шесть раз чудо-богатыри ходили в штыковые атаки, сдерживая врага, но слишком мало было героев. И генерал Ребиндер приказал отступить. Русские отходили тихо, в полном порядке со штыками наперевес. Огромные французские колонны остановились, и храбрые французы при виде такого мужества горсти русских героев разразились аплодисментами.

Но внезапно перед русским строем появляется генерал Ребиндер и громовым голосом возглашает: *«Ребята! Наша пушка осталась у французов... Выручай царское добро!»*

Суворов и Багратион в Альпах. Художник О.Г. Верейский, 1950 г.

И русские вновь бросаются на врага в штыки! Французы смешались, дрогнули.

В это время с небольшим отрядом подоспел Милорадович, его люди, по свидетельству очевидцев, бросаясь в бой, в нетерпении буквально расталкивали утомленных боем солдат Ребиндера, чтобы скорее схватиться с врагом.

Французов гнали толпой по ущелью до Швица четыре версты...

Но ночью к Массене подошли подкрепления. И утром огромная французская армия, желая смыть позор и покончить с горстью русских, вновь грозными колоннами надвигается на небольшой русский отряд.

У русских солдат в сумках по одному заряду. Офицеры говорят: *«Братцы! Покажем, что мы русские. Работать по-суворовски, штыком!»*

Французы подходят все ближе, русский строй молчит. Массена, возможно, решил, что русские, понимая бессмысленность сопротивления, отсалатовав французам, сложат оружие. И можно будет после победы рыцарски выразить уважение доблестному противнику.

Но когда французы подошли совсем близко, раздался залп, а вслед за ним загремело русское «Ура!», и чудо-богатыри бросились в штыки. Русские, сломив неудержимым штыковым ударом, гнали неприятеля, вновь превратив его огромные стройные и грозные колонны в беспорядочную толпу.

Унтер-офицер Махотин схватил самого Массену, свалив ударом кулака с лошади, но на выручку маршалу бросился французский офицер. Махотин, одной рукой придерживая Массену, в рукопашной схватке сразил француза, но Массена вырвался и, вскочив на лошадь, сумел убежать, оставив в руках русского унтер-офицера свой золотой эполет...

Памятный крест, высеченный в скале в ущелье Шелленен в швейцарском кантоне Ури. Открыт в сентябре 1898 г. в память о русских воинах — участниках швейцарского похода Суворова, погибших здесь в бою за Чертов мост 25 сентября 1799 г. с наполеоновскими войсками под командованием Клода-Жака Лекурба

Французов гонят по ущелью. Захватив неприятельскую батарею, поворачивают орудия и громят врага из французских пушек...

В этом сражении русские взяли в плен генерала Лекурба, мечтавшего о гибели Суворова в альпийской ловушке.

Перед перевалом Росшток горцы уверяют Суворова, что в это время года Росшток непроходим.

Суворов отвечает: «Мы пройдем, мы — русские! С нами Бог!» Швейцарцы говорят, что в это время года в горах никто не ходит, там властвует грозный дух Рюбецаль.

Суворов смеется: «Я — Рюбецаль!». «Я — Рюбецаль!» — кричит он испуганным горцам.

Русские прошли и Росшток, и еще более страшный Рингенкопф. С тех пор остались в памяти на века слова Суворова: «Где олень не пройдет, там русский солдат пройдет». Проходили по обледенелым скалам и карнизам, над бездонными пропастями, в снег и дождь, поднимались там, где сегодня с трудом проходят альпинисты. Шли среди облаков, по горным перевалам, ночевали на ледниках.

Французов с неприступных позиций сбивали одними штыками. До сих пор непонятно, как удалось русским пройти занятый французами «Чертов мост». Французы, отступая под натиском русских, взорвали каменный мост. Под жесточайшим огнем перебросив несколько бревен и связав их

офицерскими шарфами, русские перебежали через бездонную пропасть и штыками опрокинули уstraшенного врага.

Всех разгромить, сбить превосходящего противника с неприступных чертовых мостов, перейти зимой непроходимые Альпы, где в это время только горный дух Рюбецаль обитает, да еще привести с собой полторы тысячи взятых в плен французов — это действительно было неизъяснимое чудо!

И изъяснить его до сих пор не может никто.

В наши дни принято говорить о морально-волевых качествах, о психологической подготовке подразделений спецназа. То, что совершили в Альпах суворовские чудо-богатыри (не горнострелковое спецподразделение, а целиком вся армия!), — настоящее чудо. Русское чудо.

«Бог наш генерал. Он нас водит. От Него победа!»

В военной науке все серьезные ученые большое значение придают духу армии, много внимания уделяют духовной составляющей победы. Действительно, лучшие армии военной мировой истории отличались всегда высоким боевым духом, верой в свое предназначение и в своих вождей. Такими были легионеры лучших времен Рима, и фанатичные воины ислама, и янычары Османской империи, и шведы-лютеране Густава Адольфа и Карла XII, и Старая гвардия Наполеона, да и железные солдаты вермахта, сокрушившие всю Европу.

Так каким же духом ведомы были к своим славным победам суворовские чудо-богатыри?

Конечно же, Духом Святым, призываемым в своих молитвах. *«Царю Небесный, Утешителю, Душе истины...»* — с глубокой верой вместе со своим полководцем пели у походных алтарей суворовские солдаты, совершая молебен перед каждым сражением. Слова Суворова: *«Пресвятая Богородице, спаси нас! Святителю отче Николае Чудотворче, моли Бога о нас! Без сей молитвы оружия не обнажай, ружья не заряжай!»* — принимались сердцем каждым русским солдатом.

Суворов говорил: *«Молись Богу — от Него победа!»* И солдаты ему верили и горячо молились вместе со своим вождем.

А ведь каждый понимает, чтобы вдохнуть такую веру в сердца солдат, одних поучений и слов мало. Подобные слова в России в то время знал и слышал с детства каждый православный. Для того чтобы вдохнуть в сердца солдат такую горячую веру, *сам полководец должен в своем сердце иметь живое упование на Бога и свидетельствовать его своей жизнью.*

Денис Давыдов, в «грозу двенадцатого года» хорошо узнавший русского солдата, написал точные слова: *«Суворов положил руку на сердце русского солдата и изучил его биение».*

У русского христоробиного воина и русского христоробиного полководца сердца бились одинаково. В сердцах была любовь ко Христу Спасителю, Царице Небесной и Русской земле.

Суворов с полным правом говорил своим богатырям: *«Бог наш генерал. Он нас водит. От Него победа».*

Кстати, первый из русских полковых священников, награжденный за воинский подвиг, был о. Тимофей Куцинский, который, после того как были

выбиты все офицеры, подняв крест, повел колонну егерей под шквальным огнем на штурм измаильских стен. Крест священника был пробит двумя пулями.

Царские награды на отличившихся храбростью солдат и офицеров Суворов возлагал в церкви. Сам вносил в алтарь, священник кропил ордена и медали святой водой, а затем каждый из героев осеял себя крестным знаменем и, преклонив колени, целовал знак отличия.

И суворовские чудо-богатыри, и матросы Ушакова, по отзывам даже неприятелей, отличались милосердием, великодушием к побежденным. *«Просящего пощады — помилуй. Он — такой же человек. Лежачего не бьют»*, — учил Суворов.

Честные, необычайно дисциплинированные русские солдаты и матросы поразили добрыми нравами жителей Италии и Ионических островов. Суворов учил: *«Обывателя не обижай, солдат не разбойник»*. И подчеркивал: *«Разбойнику Бог не помощник»*.

Суворов, как и Ушаков, считал основой воинского духа и доблести веру в Бога, чистую совесть и высокую нравственность. И русский флотоводец, и русский военачальник известны своим безкорыстием, разительно отличаясь в то время от английских адмиралов и генералов, для которых, как для знаменитого Нельсона, война была способом разбогатеть. И, конечно же, от генералов республиканской Франции, вслед за Бонапартом прославившихся невиданными грабежами Италии. Хотя надо заметить, что при взятии вражеского лагеря или штурма города добыча солдат считалась законной. Но не в правилах русских военачальников было участвовать вместе с солдатами в дележе этой добычи. Таковы были традиции Русской армии.

Суворов считал важным знать нравственный облик своих противников. И противостоящих ему французских генералов разделил на два списка: Моро, Макдональд, Жубер, Сюрье — честные, но несчастные республиканцы, а Бонапарт, Массена, Лемож и другие — разбойники.

О Массене, известном своей алчностью, Суворов сказал: *«Ужели не вспомнит он, что в тесном гробе его не поместятся все награбленные им и кровью обогранные миллионы?»*

В Европе, одновременно восхищенной и напуганной русскими победами, распускали слухи о кровожадности великого полководца. Все же, кто был свидетелем его побед, даже иностранцы рассказывают о необыкновенном великодушии и милосердии Суворова к врагам.

Но к врагам побежденным.

Хорошо укрепленное предместье Варшавы Прага было взято яростным штурмом, в ожесточенном бою перебито большинство из тридцати тысяч поляков, упорно оборонявших предместье. Но, принимая ключи от уstraшенной Варшавы, Суворов поцеловал ключи города и, подняв их к небу, произнес: *«Благодарю Господа, что они достались не так дорого, как...»* — и посмотрел на разрушенное предместье. Его первыми словами, обращенными к делегации покоренной Варшавы, были: *«Мир, тишина и спокойствие. Жизнь, собственность, забвение прошедшего. Всемилостивейшая Государыня дарует вам мир и тишину»*.

Суворов, вступая в Варшаву, отдал приказ не отвечать на возможные выстрелы из домов. 25 тысяч сложивших оружие повстанцев отпустил по домам с паспортами.

Свидетельство мудрости и человеколюбия Александра Васильевича — его приказ не входить в Варшаву полкам, чьи команды стояли в польской столице во время восстания. Поляки в пятницу Страстной седмицы, подняв восстание, подло перебили разбросанные по городу русские команды. Лишь немногим с генералом Осипом Игельстромом удалось пробиться к своим. Поляки гордо именовали эту вероломную резню, учиненную в Страстную седмицу, «Варшавской заутренией». Суворов понимал, что русские солдаты могут не удержаться от желания отомстить за погибших однополчан, и пожалел поляков. Но боевые действия Суворов вел всегда с необычайной решительностью и молниеносностью. *«Лучше — затянуть войну и положить 100 тысяч?»* — спрашивал он у тех, кто упрекал его в стремлении решить компанию решительным, хоть и ожесточенным сражением. Польша была усмирена в необыкновенно короткий срок.

Польшу же Суворов совершенно справедливо считал гнездом якобинства в Восточной Европе, союзницей республиканской Франции. И здесь для нас очень важно понять, чем же для Александра Васильевича была война с Францией.

«За святые Алтари и Престолы»

Суворов говорил, что сражается *«за святые Алтари и Престолы»*. За алтари христианских храмов и за престолы христианских государей. Суворовские чудо-богатыри знали, что воюют с безбожными французами, которые *«убили своего царя и разрушают храмы Божии»*.

Вспомним, что принесла миру «великая» Французская революция, что несли Европе бригады Французской революционной армии под лозунгами «свобода, равенство, братство». Франция до сих пор празднует день взятия Бастилии и поет «Марсельезу». Мало кто помнит, как проходила в прекрасной Франции эта революция — детище энциклопедистов и антиклерикалов.

Кровавые вакханалии, постоянно работающая гильотина, низость и подлость и невероятная жестокость якобинцев, действительно кровожадных чудовищ маратов, дантонов, робеспьеров. В парижском соборе Богородицы устроили храм «Богини Разума». Повсюду осквернение святынь, убийства священников. Суворов ясно понимал, что это дух богоборческий, дух антихристов, чувствовал во французской революции «дыхание ада».

«Париж — корень зла. Париж — беда всей Европе», — пророчески предупреждал Суворов. Французские войска громили армии соседних государств, и наблюдая за тем, что творилось в Европе, Суворов свои письма к императрице Екатерине II заканчивал словами: *«Матушка, прикажи мне идти на французов!»*

Воистину пророчески предсказал Александр Васильевич и ту опасность, угрожающую России, когда Бонапарт с войсками будет в Польше. Даже точно предвидел, какие из европейских стран отдадут свои полки в армию Наполеона. Точно назвал и количество войск — более полумиллиона. Кстати, во время вторжения полчищ «двунадесять языков» в Россию и осквернения иноземцами соборов Кремля многие православные считали Наполеона «предтечей антихриста».

Суворов стремился уничтожить страшную опасность в зародыше: *«Я бил французов, но не добил. Париж — мой пункт, беда Европе...»*

Широко шагает молодец, далеко пойдет, если не унять», — говорил о Наполеоне. И если бы не вероломная измена Австрии, заставившая государя императора Павла I отозвать русские войска, Суворов, можно не сомневаться, сокрушил бы корсиканца.

Наполеона пришлось бить и гнать прочь с Русской земли любимому ученику Суворова Михаилу Илларионовичу Кутузову. И закончилось противостояние «безбожной» Франции и Русского царства в Париже в 1814 году.

На Пасху 14-го года на площади, где французы убили своего короля, стояли в парадном строю русские полки. Полковые священники в красном пасхальном облачении совершали у походных алтарей торжественное богослужение. И на возгласы священников «*Христос Воскресе!*» вместе со своим русским царем, государем императором Александром I отвечали тысячи русских воинов, от Бородино и Малоярославца дошедшие с боями до Парижа. «*Воистину Воскресе!*» — громовой победный возглас христоролюбивого воинства разносился над Европой.

Суворов учил своих солдат перед сражениями с французскими войсками: «*Французы — нарушители общей тишины и враги общего спокойствия. Французы отвергли Христа Спасителя! Страшитесь их разврата! Вы были счастливы верою — храните ее. Дорожите совестью своей; да не упрекнет она вас в том, что вы были спутниками утеснителей веры и прав народных. Бегите лжеучителей!*»

Это завет Русского Архистратига своим чудо-богатырям.

В Италии, в освобожденном Милане, жители усыпают его путь цветами, ветвями деревьев, становятся на колени, целуют руки, полы платья.

Суворов осеняет себя крестным знаменем и повторяет: «*Бог помог!.. Слава Богу!.. Молитесь Богу больше!*»

В Швейцарии, на самой вершине Сен-Готарда монахи-капуцины с трепетом ждут появления «северных варваров». Появляются русские войска. Одежда и обувь превратилась в лохмотья, почти босые русские солдаты совершили тяжелейшие переходы по горным ледникам и снежным перевалам, давно закончились последние сухари.

Наконец русские достигли вершины Сен-Готарда. В Готсписе, в странноприимном доме монахи привыкли спасать путников, попавших в беду в зимних горах. Приготовлены заранее еда и питье. Но русский старец-полководец приветствует приора и просит всех прежде всего пройти в церковь — отслужить благодарственный молебен Богу.

Монахи-капуцины с изумлением смотрят, как знаменитый Суворов сам зажигает свечи, истово крестится, поет со всеми благодарственные молитвы.

Наконец перешли и Паникс. Непроходимые зимой Альпы преодолены, французы разбиты, и русская армия одолела последний перевал. Суворов перед строем своих чудо-богатырей срывает с головы шляпу и, воздев руки к небу, громко запекает: «*Тебе, Бога хвалим!*»

Суворов сражался, защищая не только алтари христианских храмов от поругания безбожниками, но и престолы христианских государей. Вся жизнь Александра Васильевича — пример верности царскому престолу. Одним из «чуждачеств» Суворова при дворе был обычай полководца не только класть три земных поклона перед иконой Царицы Небесной, но и приветствовать земным поклоном государыню императрицу. В то время, когда придворные изящно и галантно склонялись перед Екатериной, прославлен-

ный полководец клал земной поклон, подчеркивая свое христианское благоговение перед самодержавной царицей.

Суворов говорил: *«Помилуй Бог! Мы Русские Богу молимся; Он нам помощник; Царю служим — он на нас надеется и нас любит».*

Верную службу царю Суворов считал не только христианским долгом, но и великой добродетелью.

«Русские на все способны, и Богу молиться, и Царю служить!» — с восхищением произнес Александр Васильевич, радуясь подвигам своих чудо-богатырей.

Враги императора Павла I, старательно и умело пользуясь тем, что Суворов был далеко от столицы, в войсках, долго пытались поссорить государя и полководца.

Несмотря на благоговейное отношение к Царскому престолу, Александр Васильевич, как и при императрице Екатерине II, всегда говорил правду, смело обличая недостатки гатчинских нововведений в армии. Его слова *«букли не пушки, пудра — не порох, коса — не тесак, а я не немец, а коренной русак!»*, *«русские прусских всегда бивали!»* — разносились по армии.

Но, зная непоколебимую верность Суворова царю, заговорщики даже не помышляли склонить знаменитого полководца к измене. Удалось лишь интригами добиться опалы и ссылки Суворова.

Кстати, Александр Васильевич говорил о том, что у него семь ран: две получены на войне, а пять при дворе. Но эти пять, по его словам, были мучительнее первых.

*А.В. Суворов играет в бабки с кончанскими детьми.
Художник С.Ф. Бабков, 1971 г.*

Ссылка в Кончанском для Суворова была молитвенным затвором. Суворов не только поет на клиросе в сельской церкви. В опале в смиренности и терпении душа великого полководца собирает силы, готовится к подвигу Швейцарского похода. Суворов просил государя о разрешении отбыть в Нилову Новгородскую пустынь, чтобы закончить дни службой Богу в монашеской обители. В письме Суворов пишет: *«Спаситель наш Один безгрешен. Неумышленности мои прости, милосердный Государь»*.

Но Господь готовил Александра Васильевича к последнему великому подвигу во славу Бога, Царя и Отечества.

Необыкновенным было примирение благородного государя Павла Петровича и Суворова. В письме император признает свою вину перед полководцем: *«Граф Александр Васильевич! Теперь не время рассчитываться. Виноватого Бог простит. Римский император требует вас в начальники своей армии и вручает вам судьбу Австрии и Италии.*

Мое дело — на сие согласиться, а ваше — спасти их. Поспешите приездом сюда и не отнимайте у славы вашей время, а у меня удовольствие видеть вас.

Пребываю вам благосклонный. Павел».

Суворов целует письмо и отдает приказ: *«Час собираться, другой — отправляться. Служил в деревне за дьячка; пел басом, а теперь поеду петь Марсом»*.

В Санкт-Петербурге, подходя к царю, Суворов читает вслух молитву Господню «Отче наш», и при словах *«и не введи нас во искушение»* — преклоняет колено.

Государь поднимает Александра Васильевича, завершая молитву: *«Но избави нас от лукавого!»*.

Величественное и достойное примирение русского полководца-христианина и русского царя. Стремясь наградить Суворова за терпение и верность, император Павел I возлагает на Суворова цепь ордена св. Иоанна Иерусалимского Большого Креста. Суворов воскликнул: *«Боже, спаси Царя!»* — *«Тебе спасать царей!»* — ответил государь.

После великого Швейцарского похода император Павел I, присвоив Александру Васильевичу звание генералиссимуса, повелел, чтобы армия отдавала Суворову военные почести, подобные особе государя, причем даже в присутствии самого царя.

Суворов сражался, спасая престолы, стремясь защитить от «гниены», как называл полководец Французскую революцию, христианскую государственность европейских держав.

Верность Суворова помазаннику Божию основывалась на его твердой православной святоотеческой вере. Для Суворова верность Царю была неотделима от верности Христу Спасителю.

Храмоздатель, церковный певчий, звонарь, благотворитель

Нельзя не вспомнить о том, что великий полководец был и храмоздателем. В Новой Ладогe, будучи командиром Суздальского полка, Суворов построил храм в честь апостолов Петра и Павла. Вместе с солдатами носил бревна, собственноручно вырезал крест, установленный на куполе церкви. Отправляясь с полком на войну, послал протоиерею Антонию пожертвова-

Импровизированный походный иконостас в восстанавливающейся церкви свт. Василия Великого в родовом селе Суворова Кистыше (Владимирская обл.)

ние и письмо с просьбой: «Прошу вашего благословения, чтобы доколе полк не возвратится, ежедневно совершалась служба».

Построил церковь Святого благоверного князя Александра Невского в Кончанском и, несмотря на занятость, прибыл в далекое имение, чтобы помолиться на освящении храма.

В Кистыше на месте построенной отцом полководца Василием Ивановичем деревянной церкви Святителя Василия Великого Суворов воздвиг каменный храм с приделами пророку Илии и святому Александру Невскому.

Заботился и украшал храм в Ундоле. В Турецкую кампанию прислал письмо с приказом продать в Ундоле имение, лошадей, сбрую, посуду, и все деньги отдать на церковную утварь.

Церковный хор, набранный из крестьян, был лучшим в губернии. Сам Александр Васильевич очень любил, ценил и понимал церковное пение. Пел Суворов на клиросе и в своем родном московском храме святого Феодора Студита.

В Кончанском Суворов задолго до начала службы поднимался на колокольню и поджидал, пока на зеленом пригорке появится фигура деревенского священника, идущего на службу. Тогда Суворов начинал звонить в колокола. Звонил искусно. Во время богослужения прислуживал в алтаре, подавал кадило, читал записки. Любил читать на клиросе, особенно часы и Апостол.

Суворов был и просветителем, заботился о том, чтобы звучало Слово Божие. Не только открывал воскресные школы при храмах, но и сам написал детский катехизис.

Будучи командиром Астраханского полка, занимался образованием офицеров и солдат, построил на свои средства при храме школу для солдатских детей, где преподавал и детям, и взрослым арифметику, составил основы новых учебников.

Александр Васильевич любил жизнь в деревне. Однажды, когда доктор советовал заболевшему полководцу отправиться на теплые воды, Суворов ответил: *«Помилуй Бог! Что тебе вздумалось? Туда посылай здоровых богачей, прихрамывающих игроков, интриганов. Там пусть они купаются в грязи. А я истинно болен. Мне нужна молитва в деревне, изба, баня, кашница и квас».*

Много можно говорить и о том, на каких прочных христианских началах строилась хозяйственная жизнь в имениях Суворова. Кстати, в его имениях хозяйства были намного эффективнее, чем у соседних помещиков. Александр Васильевич был не только отец солдатам, но и отец для своих крестьян. Всегда помогал неимущим встать на ноги, поднять хозяйство. Окружал заботой вдов, убогих, инвалидов.

Как отец, Суворов особенно заботился не только о благополучии и достатке, но и о здоровье и нравственности крестьян. Старался, чтобы в его владениях не было бобылей и бесприданниц. Как мог, поощрял деторождение, на рождение ребенка всегда жаловал семье серебряный рубль. *«Крестьянин богатеет не деньгами, а детьми»*, — был убежден Суворов.

Известно множество свидетельств о том, как Суворов оказывал различную помощь нуждающимся, но о тайных пожертвованиях крупных сумм на богоугодные заведения стало известно только после смерти полководца. *«От неизвестного»* Александр Васильевич переводил ежегодно 10 тысяч рублей в петербургскую тюрьму на выкуп должников.

Великий полководец обладал необыкновенно добрым и милующим сердцем. В лютые морозы в доме Суворова была устроена «птичья горница» — лесных птиц спасали от голода и холода: «Мороз — погибнут». Пытаясь помочь матери капитана Синицкого вернуть сына из ссылки в Сибирь, Суворов пишет старушке-матери: *«Я молиться Богу буду, молись и ты, оба молиться мы будем»*. Удалось добиться помилования и вернуть Синицкого из ссылки.

Денис Давыдов замечает, что Суворов, *«пятьдесят пять лет командуя русскими армиями, не сделал несчастным ни одного человека, ни одного чиновника и рядового, он, не ударив ни разу солдата, карал виновных лишь насмешками в народном духе, которые врезались в них как клейма»*.

Многие считали Суворова даже чересчур мягким. На представления строго наказать виновного Суворов отвечал: «Я не палач». И при этом дисциплина в его войсках была железная.

Узнав, что за всю Итальянскую кампанию и Швейцарский поход не было ни одного случая неповиновения, Суворов воскликнул: *«Я узнаю наше русское войско. Ноша службы легка, когда ее дружно поднимают многие. Нет! Греки и римляне с нами не равняются!»*

Необыкновенное великодушие проявлял Суворов к побежденному врагу. Отпуская из плена генерала Лекурба, Суворов, узнав, что француз недавно женился, передал молодой жене генерала цветок. Этот цветок как величайшая святыня хранился в доме Лекурба в Париже. В 1814 г. Лекурб показывал его русским офицерам.

Суворов был несчастлив в семейной жизни. Но это не его вина, а беда «галантного века». И упрекать Александра Васильевича за то, что не пожелал жить с неверной супругой, невозможно. Суворов был строг, прежде всего, к себе. Полководец превыше всего ценил чистоту и спокойную совесть. Суворов не стал более искать семейного счастья, а всю оставшуюся жизнь, все свои силы полностью отдал служению Отечеству.

Трогательна его любовь к дочери Наталье, «милой Суворочке». Александр Васильевич со всей искренностью говорил: *«Жизнь моя для Отечества, смерть моя для Наташи»*. Письма к дочери исполнены не только нежной отцовской любви, но огромной заботы о нравственной чистоте дочери, укреплении ее в благочестии.

Суворов в письмах своему крестнику Александру Карачаю и молодому офицеру П.Н. Скрипичину оставил необыкновенно глубокое и лаконичное наставление, объясняя, каким необходимо быть истинному герою. Александр Васильевич предостерегает молодых людей от опасности превращения добродетелей в недостатки. Например, советует быть *«отважным, но без запальчивости. Скорым без опрометчивости. Подчиненным, но без унижения. Начальником, но без кичливости. Победителем, но без тщеславия. Благородным, но без гордости»*.

Много и других, не менее точных советов оставил великий полководец. Суворов просит *«быть врагом зависти, ненависти и щеня.*

Противников низлагать снисхождением.

Владычествовать над друзьями верностью.

Гнушаться лжи. Быть врожденно прямодушным.

Быть чистосердечным с друзьями.

Прощать погрешности ближнего. Никогда не прощать их в себе. Не унывать в несчастьи...

Почтение Бога, Богоматери и святых состоит в избежании греха.

Источник греха — ложь, сей товарищи — лесть и обман».

Все наставления Суворова проникнуты глубоким христианским духом и не менее поучительны для каждого из нас. И все, к чему советует стремиться молодым людям Александр Васильевич, он сам сумел воплотить в своей жизни.

«Мы Русские — какой восторг!»

Очень важно именно сегодня усвоить еще один завет, оставленный нам Русским Архистратигом.

Суворов, обращаясь к своим чудо-богатырям, часто восклицал: *«Мы — русские! С нами Бог!»*, *«Мы Русские — какой восторг!»*, *«Мы Русские — враг пред нами дрожит!»*

Эти слова полководец произносил не только для того, чтобы поднять боевой дух своих войск, но от переполненного сердца. Восторг Суворова был *духовной радостью, благодарностью Богу православного русского человека, любящего свое Отечество*. Слова Александра Васильевича удивительно перекликаются со словами святого праведного Иоанна Кронштадтского: *«Русский человек — гордись, что ты русский! Россия — подножие Престола Божия на земле»*.

При этом у Суворова не было ни малейшего намека на ксенофобию, которую сегодня так опасаются увидеть в русском патриотическом движении.

Александр Васильевич дружил с принцем Кобургским, французом Ламетом.

Пишет знаменитое, исполненное глубокого уважения письмо к «благородному рыцарю Ванден» монархисту Шаретту, призывая *«восстановить Храм Господень и престол Государей ваших»*.

Об одном знатном русском офицере, плохо писавшем на русском языке, Суворов сказал: *«Стыдно, но пусть он пишет по-французски, лишь бы думал по-русски»*.

Со всеми русскими Александр Васильевич говорил исключительно по-русски, те же из офицеров, кто, следуя моде, стремился изъясняться на французском, получали у Суворова насмешливое прозвище «мусье».

Во время знаменитого военного совета в Альпах, когда было ясно, что надежды на спасение нет, Суворов, подробно описав безвыходность положения, помолчав, внезапно окидывает всех взглядом и говорит: *«Но мы — Русские! С нами Бог!»*

И от всех генералов старейший Виллим Христофорович Дерфельден отвечает: *«Веди нас, мы твои, отец, мы — Русские!»*

Суворов слушает с закрытыми глазами клятву русских генералов: *«Клянемся в том Всемогущим Богом!»*, затем радостно произносит: *«Надеюсь! Рад! Помилуй Бог! Мы — Русские! Благодарю! Спасибо! Разобьем врага, и победа над ним — победа над коварством... Будет победа!»*

Петр Иванович Багратион рассказывал: *«Мы вышли от Александра Васильевича с восторженным чувством, с самоотвержением, с силой воли духа; победить или умереть, но умереть со славою, закрыть знамена наших полков телами своими»*.

И Багратион, и Дерфельден были для Суворова русскими, и сами они себя считали русскими и гордились этим.

Горячий Багратион во время отступления 1812 г. будет писать с негодованием Барклаю-де-Толли: *«Какие же мы Русские, если отдаем врагу Отечество наше?»*

Суворов спрашивает у Милорадовича: *«Миша, ты знаешь трех сестер?»* Милорадович, догадавшись, отвечает: *«Знаю! Вера, Надежда, Любовь!»*

Суворов радостно подхватывает слова молодого генерала-героя: *«Да, ты знаешь. Ты — Русский. Ты знаешь трех сестер: Веру, Надежду, Любовь. С ними слава и победа, с ними Бог!»*

Кстати, когда кто-либо, будь то солдат, офицер или генерал, плохо исполнял свою службу, Суворов одинаково укорял их: *«Ты не русский; это не по-русски»*. Желаящим исправиться говорил: *«Покажи на деле, что ты русский»*.

Как важно именно сегодня для нас услышать, отгоняющие уныние слова Русского Архистратига: *«Мы русские — какой восторг!»*.

«Потомство мое прошу брать мой пример...»

Почитание и любовь к Суворову сохранялись в сердцах у всех, кто любил Россию и кому дорога слава русского оружия. Не только простой народ понимал, что Александр Васильевич Христов воин.

Архимандрит Леонид (Кавелин), настоятель Ново-Иерусалимского монастыря, любил стихотворение А.С. Цурикова «Дедушка Суворов». В стихотворении есть удивительно точные строки:

*Дар победы — Божий дар!
Надо Богу помолиться,
Надо сердцем отрезвиться,
Чтоб врагу нанести удар.*

*Сила войска не в громадах,
Не в воинственных нарядах,
Сила в духе и сердцах!*

*Чудотворец-воевода
Не рассчитывал похода, —
Брал победу в небесах.*

*Правды муж творил без шуму,
В Бога думал крепко думу —
И прославлен в чудесах.*

*Жизнию монах примерный,
Духом чист от всякой скверны,
Потому непобедим!*

*Он из храма шел на битву,
С боя снова на молитву,
Словно Божий херувим.*

В 1840 г. в «Отечественных записках» было опубликовано стихотворение И.П. Ключникова о Суворове, которое завершается уверенностью в том, что Александр Васильевич и после конца своего земного пути продолжает молиться о Русской армии:

*И теперь, когда на битву
Русские полки идут,
Он о них творит молитву —
Про него они поют.*

В Суворовских училищах с 1944 г. под портретами Суворова принято было писать слова его завещания: «*Потомство мое прошу брать мой пример*».

Конечно, в советское время не могли позволить учить будущих офицеров «всякое дело начинать с благословения Божия» и вспоминать о верности государю. А полностью слова Александра Васильевича звучат так: «*Потомство мое прошу брать мой пример; всякое дело начинать с благословения Божия; до издыхания быть верным Государю и Отечеству; избегать роскоши, праздности, корыстолюбия, и искать славу через истину и добродетель, которые суть мои символы*».

*Панихида в день 225-летия кончины А.В. Суворова
в Тверском Суворовском военном училище, 18 мая 2025 г.
Фото М. Творогова (Пресс-служба Тверской и Кашинской епархии)*

У Русской армии много небесных покровителей — святых воинов. Но духовное наследие Суворова в XXI в. не менее дорого и важно для нас, чем в XIX и XX столетиях. А возможно, учитывая нынешнее положение России в мире, становится жизненно необходимым.

В наши дни наставления Суворова необыкновенно важны не только для офицеров и солдат Российской армии, но и для каждого православного христианина.

Вся Россия должна услышать сердцем и поверить словам Суворова, сказанным, когда армия оказалась в ловушке в непроходимых горах, кругом многочисленные и сильные враги и выхода, казалось, не могло быть: *«Помилуй Бог! Мы Русские! Разобьем врага! И победа над ним, и победа над коварством; будет победа!»*

«Канон Спасителю и Господу нашему Иисусу Христу», составленный Александром Васильевичем Суворовым заканчивается словами: *«Се на умоление предлагаю Тебе, Господи, Матерь Твою Пречистую и всех от века Тебе угодивших, молитва их у Тебе много может, прими ходатайство их за меня недостойнаго; не вем уже, что более Тебе изрещи: Твой есмь аз, спаси мя! Аминь».*

Написавший эти строки великий полководец и христианин вместе с другими угодившими Богу имеет дерзновение ходатайствовать об Отечестве нашем и о нас, грешных, и молиться усердно о любимой им Русской армии.

В III тысячелетии первым нашей Церковью был причислен к лику святых славный флотоводец, праведный воин, непобедимый адмирал Феодор Ушаков. Русский флот получил небесного покровителя. Мы надеемся, что

и Русская армия среди сонма святых воинов и благоверных князей сможет молитвенно призывать и святого праведного воина, непобедимого полководца Александра Суворова.

И, возможно, мы увидим, как в Александро-Невскую лавру, в храм, где пребывают святые мощи благоверного князя Александра Невского, будут перенесены торжественно и святые мощи праведного воина, нареченного именем святого князя, угодника Божия Александра Васильевича Суворова — Русского Архистратига.

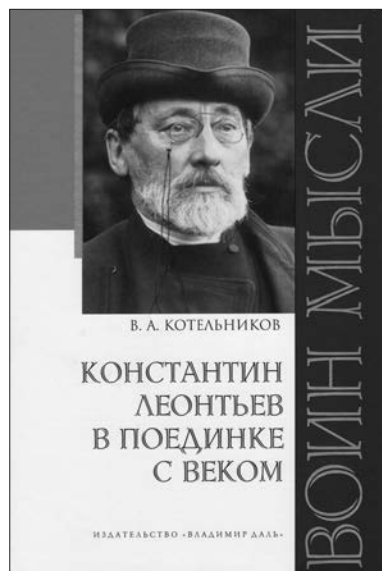
ВЫШЛА КНИГА

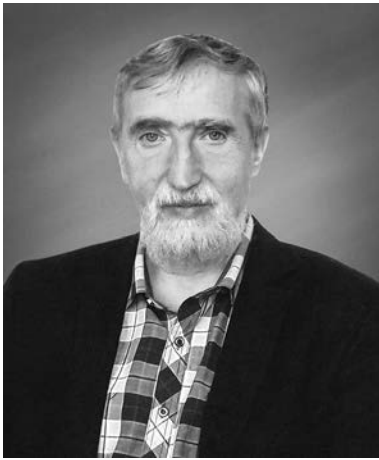
Котельников В.А.

Воин мысли: Константин Леонтьев в поединке с веком. СПб.: Владимир Даль, 2025. 443 с.

В книге представлена в своей деятельности и внутреннем драматизме сложная, во многом парадоксальная по своим интеллектуальным и моральным чертам личность выдающегося русского мыслителя, писателя и критика Константина Николаевича Леонтьева (1831–1891). Подробно рассматривается его разнообразное идейное и литературное наследие. Как беллетрист Леонтьев создал оригинальную прозу и впервые в русской словесности колоритно развернул тему Востока, который узнал в пору дипломатической службы в этнически и конфессионально разнородных европейских областях Турции. Масштабная историософская мысль Леонтьева охватывала мировые геополитические и культурные процессы с их глубокими антагонизмами и приводила к точной диагностике и пессимистической прогностике их развития. Идеи Леонтьева впервые показаны в широком контексте западной философии и культуры, включающем творчество Ж. де Местра, Ф. Шиллера, И.Г. Фихте, В. фон Гумбольдта, Г.В.Ф. Гегеля, Ш. Бодлера, П.-Ж. Прудона, Г. Спенсера, Дж.С. Милля и др. Прослежены параллели с творчеством русских предшественников, современников и наследников Леонтьева — И. Киреевского, А. Герцена, Н. Данилевского, Вл. Соловьева, И. Бунина.

Книга адресована филологам, философам, историкам и тем читателям, которых интересует русская мысль XIX в. в ее связях с нашей современностью.

Сергей КОРЫТИН

«И ПРО ТО, КАК ОТЦЫ ВОЕВАЛИ ВМЕСТЕ С ЖУКОВЫМ В СЛАВНЫХ ПОЛКАХ!..»

Сергей Николаевич Корытин — родился в 1955 г. в с. Екатериново Никифоровского района Тамбовской обл. После окончания в 1972 г. Екатерининской школы работал токарем на заводе «Прогресс» в г. Куйбышеве, служил в армии. После окончания в 1980 г. Ленинградского Гидрометеорологического института трудился инженером-гидрологом в г. Горьком. Более тридцати лет подвизался на ниве отечественного предпринимательства. Был одним из учредителей мемориального музея-квартиры святого праведного Иоанна Кронштадтского в г. Кронштадте. Ответственный секретарь журнала «Родная Ладога». **Живет в Санкт-Петербурге.**

* * *

Осень. Плес.
Пологий берег.
Удочка в руке.

— Хорошо,
Что мало денег
В нашем кошельке.

— Что ж хорошего,
Серега,
Как ты понимать?..

Дом у нас,
А не берлога,
Надо ж печку класть!..

— Ничего,
И печку сложим,
Бог поможет нам!..

А настанет лето,
Снова
Будем строить Храм!

* * *

Я знаю, где в душе пробоина.
Через нее легко заходит враг,
Мгновенно усыпляет стража-воина
И водружает свой победный флаг.

Пространство, покоренное, не дышит,
Летит снарядом к цели чумовой,
Разумных слов и доводов не слышит,
Пока не стукнется о стенку головой.

Тогда кричит от боли и взывает:
«Зачем я подчинился воле злой?..»
А враг, победоносно громящая,
Уходит на разбой к душе другой...

ОКТАБРЬ 1917 ГОДА

— *Красный цвет — это цвет Пасхи!..*
— *И революции!..*

Из разговора друзей

Господь смирил Россию.
Отнял Царя.
Не слушали Мессию.
А зря.

И вера, как мерило,
Как острый меч,
Народы разделила
На козлиц и овец...

До крайнего предела...
А красный цвет
Стал линией раздела
На жизнь и смерть.

1996 ГОД

Непролазная грязь в деревне...
Черноземы после дождя...
Воробьи с промокших деревьев
За дорогой зорко следят...

Мужичок на лошадке едет,
Лучший транспорт для здешних мест.
А телегу малые дети
Облепили, как куры насест.

Мужичок хорошего нрава,
Пусть прокатится детвора.

Ведь для них это просто забава,
Ведь для них это просто игра...

У сельмага небритые лица
Похмеляются в третий раз...
Про село говорят, про столицу,
И про русский природный газ...

И про то, как отцы воевали
Вместе с Жуковым
в славных полках!..
И как Ельцин с Горбатым предали
И Победу, и красный флаг...

1999 ГОД

За околицей трактор сломался
И по пузо увяз в грязи.
А на плесе рыбак напрягся,
Заиграли в реке караси!..

Воробьи в садах веселятся,
Им и лужи, и грязь нипочем,
Потому что их птичье братство
Промышляет всегда грабежом.

Да и утки почти что пляшут,
Им раздолье до «белых мух».

А с полей, что давно не пашут,
Гонит стадо старый пастух.

На ногах килограммы грязи,
Трудно, трудно идти домой...
А вчера на могучем вязе
Поселился пчелиный рой.

Завтра будут светлее ели,
Солнце выжжет лужи дотла.
Уток жалко... Они ведь смотрели
В эти лужи, как в зеркала.

* * *

Я вчера встретил
Женщину в храме.
Кротким, ласковым
Был ее взор...

Над засеянными
Полями
Ветер тклет
Свой незримый узор.

Благодать!
Благодать-то какая

В кротком взгляде
И в чистых полях!..

Не случайно
Ласточек стая
Свила гнезда
Вчера в тополях.

Не случайно
Дороги России
Все уходят
За горизонт!..

* * *

Преодолев глубинный стыд,
Душа летела в бездну ада...
Навстречу двигалась награда:
Не бытие, но вечный быт.

* * *

Солнце садится в тучу — жди дождя.
Народная примета

Солнце снова садится в тучу...
Значит, и завтра будут дожди.
Дедов картуз нахлобучу
И поспешу в поле ржи.

Время пришло жатвы,
Пора наполнять закрома,
Чтобы в просторах Державы
Хлеб был всегда в домах.

Там упаду на дорогу,
Лицо окуну в чернозем,
Буду упрашивать Бога
Повременить с дождем.

Встану с колен чуть грязный.
Но это совсем не беда.
Душу грязнить опасней,
А грязь эту смоем вода.

* * *

Я на женщин уже не смотрю
Соколиным пристальным взглядом.
Провожая спокойно зарю
И все больше люблюсь садом.

Плоть со временем, словно река,
Возвратилась в исконное русло.
Половодье прошло... И вчера
Я читал до утра Златоуста.

* * *

Улица. Холод собачий.
Съежилась тень под кустом...
Женщина в храме плачет
Перед Голгофским крестом.

* * *

Сердце не хочет грешить.
Сердце желает покоя.
Ведь после каждого боя
Приходится раны лечить.

* * *

*Вселенная возникла в результате взрыва
сверхплотной точки первобытной материи.*
Материалистическая теория «Большого взрыва»

Я вновь потерпел крушение,
Вновь одолел меня враг,
Отдал греху на съедение,
Перемолол душу в прах.

Нетленное — стало тленным.
Вечное — выдумкой злой.
Затрепетала Вселенная...
И съежилась... до запятой.

ОТВЕТ ЧЕЛОВЕКУ, КОТОРЫЙ ОБИДЕЛСЯ НА БОГА

Преодолеть обиду на Творца,
Что сотворил нас слабыми такими...
Благодарить безмерно, без конца,
Что можем стать, как Ангелы, Святыми!

* * *

...а тиеницу уберите в житницу мою.

(Мф. 13:30)

И только
Благодарная душа
Не помнит зла,
Прощает и жалеет.

И, сокровенной
Глубиной дыша,
Неспешно
В полный колос зреет.

ВЫШЛА КНИГА

Эхо двух войн: патриотическая переключка ульяновских писателей XX и XXI веков / авторы идеи, ред. и сост. Н.В. Марянин, О.Н. Даранова. М.: Т8 Издательские технологии, 2024. 331 с.

В рамках Всероссийской акции «Писатели России – фронту» на сайте Ульяновской писательской организации каждый день, сменяя друг друга, публиковались стихи о войне ульяновских поэтов-фронтовиков, участников Великой Отечественной войны, и современных ульяновских поэтов, пишущих о сегодняшней войне России против коллективного Запада. Получилась своеобразная поэтическая переключка через 80 лет.

Результатом региональной акции стал данный сборник, в котором материалы собраны так, как они прозвучали в ходе акции: стихи фронтовика сменялись стихами нашего современника. Таким образом, эхо прошлой войны отзывалось в дне нынешнем. Строки поэтов Великой Отечественной войны органично переплавлялись в огне поэтических строк современников. Сборник дополнен также серией очерков о фронтовых судьбах героев СВО.

ПРОЗА

Михаил ЗАРУБИН

КОМАНДИРОВКА К ИТАЛЬЯНСКИМ СТРОИТЕЛЯМ

Михаил Константинович Зарубин (1946–2021) — родился в деревне Кеуль Нижнеилымского района Иркутской области. После окончания строительного института работал мастером, начальником участка на строительстве комплекса зданий Сибирского отделения АН СССР. Более 20 лет возглавлял 47-ой строительный трест. Заслуженный строитель России. Действительный член трех международных академий. Награжден орденами и медалями РФ. Член Общественного Совета Санкт-Петербурга. Действительный член Академии Российской словесности. Член СП России. Автор многих книг прозы и публицистики. Лауреат всероссийских литературных премий «Имперская культура», имени Н.С. Лескова, «Золотой Витязь», Премии правительства Санкт-Петербурга и др.

Главным инженером треста я стал в самый разгар горбачевской перестройки, а точнее — на последнем ее взлете, о чем никто из нас тогда, разумеется, не догадывался. Наш управляющий, занявший место Кучмы, отработал что-то около года, когда родные партия и правительство бросили клич: начальство должно не назначаться, а выбираться народом. Как, зачем, какая от этого польза, кроме, конечно, пропагандистской шумихи — разбираться было некогда, да и не особо хотелось: клич партии был необсуждаемой программой действий и командой к немедленному исполнению.

Для управляющего это была не очень приятная ситуация: он всю жизнь к этой должности стремился, и как только получил — тут на тебе, возникли непредвиденные проблемы. Секретарь парткома, пригласив меня и управляющего, объявил:

— Выборам быть, и, чтобы обойтись без волокиты, мы вторым кандидатом на эту должность выдвигаем Михаила Константиновича.

Я начал возражать, отказываться, получалось, что я оказался единственным, кому это не надо. Мне было сказано: «Надо!».

Надо так надо, почему не подержать человека? Я так к этому подходил. Каких-то собственных мыслей относительно выборов у меня не было — ни хороших, ни плохих. Тем более никого не собирался подсиживать — у меня в жизни подобного сюжета, как ни ищи, не найти.

Но я не учел простой вещи: наш кандидат-премьер на избрание управляющим отработал в тресте 25 лет. Срок немалый, но вполне достаточный, чтобы, например, нажить себе врагов. И даже не обязательно их. Люди просто от него устали, и им было все равно, кто станет управляющим — только бы не этот,

нынешний — ведь перестройка! И получилось то, что должно было получиться: нашего управляющего забаллотировали, народ, молча, но дружно, голосовал против него. То есть по бюллетеням победил я.

Когда увидели результаты голосования, все остолбенели. Я — больше других. У управляющего были другие мысли и чувства — он обиделся. Жутко обиделся.

— Да ты кто такой, ты понимаешь, что со мной сделал?

Мне, с одной стороны, его чувства понятны: человек всю жизнь к этой должности шел, наконец, оседлал, что называется, а получается — ему не дали поработать. Но с другой-то стороны — не я же бюллетенями командую. Пытаюсь найти компромисс, вплоть до отказа от новой выборной должности. Поэтому вопрос мой простой:

— Если всё, — говорю, — останется по-старому, то есть я остаюсь главным инженером, мы будем вместе и дальше работать?

Резко отрицательный ответ:

— Нет, ни при каком раскладе. Все кончено, вон, чтобы духу твоего в тресте не было!

А вот тут я уже вспомнил всерьез и про свои амбиции. Такой разговор был не по мне. Коль мне категорическое «нет», то и я беру все свои предложения обратно. И я ответил примерно в том плане, что рад бы уйти, да не могу, так как всенародно выбран, а потому пошел-ка я управлять трестом.

На самом-то деле я понимал, что пока ни о каком управлении речи быть не могло. По правилам таких выборов полагалось, чтобы их результаты были утверждены вышестоящей администрацией — в нашем случае руководством Главзапстроя. Если главк был не согласен, то должен был назначить повторные выборы и дальше работать с коллективом — убеждать или искать еще какие способы, чтобы провести своего кандидата.

Главзапстрою наши результаты не понравились. Николай Константинович Лайчуковский, начальник главка, давно знал моего конкурента по выборам в управляющие, они вместе начинали прорабами, и, понятно, встал на его сторону. Наверное, я бы в подобной ситуации поступил так же. А посему началась подготовка к повторным выборам, и шла она с апреля по ноябрь — аж больше полугодом. Я тоже подготовил какую-то предвыборную программу, то есть вел дело уже всерьез, я должен был это делать. Во второй раз я снова набрал больше голосов, пусть перевес теперь оказался незначительным, но это была несомненная победа.

Но даже после второй победы в главке никак не хотели поверить, что получилось не так, как хотелось им. Подписывая приказ о назначении управляющим, начальник главка прямо сказал:

— Ну что ж, это ненадолго. Учти, ты уйдешь с этой должности, причину уйти мы найдем, но тогда уже уйдешь не просто так, а с волчьим билетом. Работы тебе ни в городе, ни в области не будет!

Ну, как говорится, спасибо за напутствие! Кто мог знать, что и мне как управляющему «Кировстрою», и главку, и его начальнику судьба отводит считанные месяцы. Совсем немного оставалось до того дня, как главк расформировали, упразднили и министерство, в городе был создан Стройкомитет, который возглавил начальник уже бывшего Главленинградстроя — Кожуховский. И его меньше всего интересовало, кто тебя выбирал, при каких обстоятельствах. А прошел еще незначительный отрезок времени, и

трестами вообще сверху кто-либо перестал руководить, начались акционирование, приватизация. Но перед всем этим был еще партийный съезд — и это была еще одна песня, где музыка — партийная, а слова — народные.

Если пока не говорить о том, как я оказался делегатом съезда, а рассматривать вопрос только в части, как вообще моя кандидатура могла оказаться в числе рассматриваемых, то ничего удивительного не найдется. Когда я был начальником участка, меня избрали депутатом. Избрали управляющим треста — новая партийная ступень, я стал членом райкома партии. Это называлось попасть в номенклатуру. Служебный, а лучше сказать, профессиональный рост сопровождали разные партийные и общественные назначения и выдвижения, что было в порядке вещей.

В самый канун XXVIII съезда КПСС было решено, что отныне делегаты съезда будут избираться напрямую, только в партийных округах. Если прежде на заводах или стройках избирали делегатов районной партконференции, а на районных — не будем забывать, что по спискам — делегатов областной конференции, и только из их числа «выкристаллизовывались» делегаты, то понятно, что при такой системе в конечный список попадали только самые проверенные и строго отобранные товарищи. Теперь же путевка во Дворец съездов давалась сразу и окончательно на первом же голосовании.

Когда в парткоме треста получили эту новую директиву, мне предложили: «Давай попробуем». Было ли нам это нужно из каких-то стратегических соображений? Сомневаюсь. Было ли интересно? Тут могу точно сказать: «Да, как интересно бывает всякое новое и неожиданное». И еще был азарт. Какой-то неумный и вряд ли поддающийся формулировке — просто азарт молодых, пусть и относительно молодых, и энергичных людей.

А надо сказать, тогда была волна разнообразных выборов. Я как раз только что был избран депутатом Кировского районного совета. В выборах в Ленинградский горсовет тоже участвовал, но не прошел. И это было все так необычно обставлено, например, люди стояли у метро с плакатами и призывами: «Голосуйте за Зарубина». Когда мы такое видели? Итак, если рассматривать практическую сторону выборов на съезд, то я уже был людям как-то известен, и мы имели представление о будущем округе и его жителях. Поэтому, когда мне сказали: «Давай», ответ был прост: «Почему бы и нет?».

Только началось это «давай», как меня зовут в Стройкомитет и предлагают отправиться в командировку в Италию. И я оказываюсь на распутье: то ли избираться на съезд в Москву, то ли соглашаться ехать в другую сторону. Я успокаиваю себя тем, что «италийский» вопрос — серьезный. Дело касалось нашего треста, на производственной базе которого город планировал ставить домостроительный комбинат, используя закупленное в Италии оборудование. Наверное, вовремя сформулировалась в моем мозгу логичная мысль: когда еще мне предоставится возможность набраться строительного опыта в капстране, да и предоставится ли вообще? И я уехал на две недели из страны, от бурления предвыборных страстей.

А они действительно бурлили: в нашем районе избиралось человек десять. В тресте было около 300 членов партии. Всего же в голосовании должно было участвовать около пяти тысяч. Так что и этот факт, что шансы мои невысоки, тоже сыграл роль, думаю, в моем решении. Когда я вернулся из Италии, отягощенный новыми знаниями, мне говорят:

— Попал.

- Куда попал?
- Во второй тур.

Секретарь парткома, оказывается, принял активное участие. Хотя отсутствие кандидата во время выборов и агитации — дело невиданное, нарушение очевидное, но из этого факта сумели извлечь положительный смысл для поддержания моей кандидатуры. Дескать, Зарубин изо всех сил старался быть здесь, но его срочно отправили как человека знающего и ответственного выбирать оборудование. А для чего оборудование? Для увеличения жилья. Тут если у кого-то и были сомнения, то должны были сразу отпасть.

Ну, поздравили меня с прохождением во второй тур, а дальше — как в известном присловье про две новости: плохую и хорошую. Начали рассказывать: оказывается, во втором туре соперничать будем я и Бабанин из объединения «Ритм» — доктор технических наук, лауреат Ленинской премии, и так далее, и так далее. А надо знать, что «Ритм» — это крупнейшая оборонка, это около тысячи коммунистов, считай, пятая часть всех избирающих. Какие мои шансы?

В день выборов, точнее вечером, — очередной сюрприз. Объявляют: «Михаил Константинович, большинством голосов вы избраны делегатом XXVIII съезда КПСС». А чуда тут, если поразмыслить, никакого не произошло. Только надо считать и сравнивать не по количеству работников твоего предприятия, а по количеству людей, которые тебя не знают и ни разу с тобой не сталкивались. Люди голосуют не столько «за», сколько «против» — на языке научных сфер, голосуют не белыми, а черными шарами. И голосуют против своих: а меня на «Ритме» никто не знал. И можно даже не считать, какое количество коммунистов нашего треста голосовало против меня, их максимум могло быть только триста, так что при любом раскладе «Ритм» давал черных шаров в несколько раз больше.

Напоминает ли это выборы управляющего? Можно сказать, как две капли воды. Психология коллектива — суть любых общественных выборов. Когда я понял эту формулу выборов? Только не тогда, когда они реально были в моей жизни. Событий было столько, что думать об их природе было некогда. И хорошо, что некогда — делали мы все без оглядки, без боязни. Молодость и энергия в нас бурлили, поэтому многое и удавалось.

Преддверие 300-летия города заново наваяло всем пушкинское: «Все флаги в гости будут к нам». А тему «флагов» и «гостей» обострило бремя накопившихся забот. И думать о них приходится не потому, что вдруг возникло особое желание, а потому, что думы эти подневольные и тем уже тягостные.

Речь о взаимоотношениях, которые я наблюдал и в которых волей-неволей участвовал уже более десятка лет: инвестиционно-строительная политика или городская стратегия в области строительства.

Попробуем вернуться на десятилетие назад. В начале 1990-х или на переломе десятилетия возникло новое временное пространство. Как говорят некоторые, был поднят «железный занавес», или, как уточняют другие, открыты двери для свободного предпринимательства.

Что-то действительно было открыто — двери или шлюзы? — и это не могло не означать включения необъятного потенциала СССР в мировой процесс, прежде всего я имею в виду экономический. Добавлю: процесс грабительский по отношению к нашей стране, скрывающийся за миловидными улыбками друзей-врагов. Для Запада Советский Союз был огромно-заман-

чивым, девственным рынком, территорией поживы. Для кого-то наши двери настежь стали импульсом нового дела, синонимом честного бизнеса, а кто-то размечтался о золотых копиях в прямом и переносном смысле. Знакомство с этим процессом началось для меня в самый канун XXVIII съезда партии.

Итак, нас послали в Италию. Ленинград надумал покупать домостроительный комбинат, сокращенно ДСК. Для чего вдруг понадобился новый ДСК — я тогда не очень понимал, а теперь подавно. В ту пору я был еще далек от нюансов жилищного строительства — занимался промышленными объектами. Но все же профессиональное общение у нас было, и я не мог не слышать, что на собственных, уже имеющихся в Ленинграде ДСК, не все благополучно. Привычные плановые отношения тихо отмирали, а рыночные — были блужданием в потемках. Ощущались перебои, из-за отсутствия загрузки приходилось останавливать конвейеры. Да что тут долго говорить — многое плохое того времени забыли, но если постараются, то вспомнят, как целые цеха и заводы отправляли на неделю или на месяц в неоплачиваемый отпуск, и так по несколько раз за год. Тут впору было думать о том, чтобы не стояли собственные конвейеры, думать, как занять мощности и обеспечить работой людей, а не о покупке еще одного ДСК! И если уж покупать, то Италия — самое неудачное место, но об этом чуть позже.

Раз послали — надо ехать! Стройкомитет города, а это он был инициатором и организатором командировки, размышляя, где размещать это новое, итальянского происхождения оборудование для ДСК, остановился на недостроенной промбазе 47-го треста. Этим и объясняется мое присутствие в делегации. Со мной были руководитель ДСК № 2 Юрий Васильевич Яковлев, другие специалисты.

В Италии нас начали возить по заводам, показывали что-то непонятное. То есть само оборудование, которое мы видели, было нам, конечно же, понятно — загадка состояла в другом: какое все это имеет отношение к домостроительному комбинату? Мы долго пытались понять: где комбинат, где комплекс, сосредоточенный в поточные линии и конвейеры оборудования, который позволяет в едином и непрерывном цикле проделать путь от исходного сырья до конечной продукции — полностью готовых элементов дома?

Итальянская фирма, то есть продавец, не скупилась на наши разъезды. На одном заводе нам говорили: «Посмотрите, это линия для выпуска пустотного настила». На другом: «Вот перед вами станок, на котором можно натягивать арматуру». На третьем, четвертом сюжет повторялся. Когда мы собирались вместе, то первым был вопрос: «Кто эту фирму нашел?». За всей командировкой ощущалась какая-то поспешность, эйфория с жадной какой-нибудь — любой — активности, желание немедленных действий. Эйфория на грани авантюры стала визитной карточкой тех лет. Она была в экономике, она была и в политике, как потом я убедился на съезде в Кремлевском Дворце.

Все, что нам показывали и что собирались продать, было обычным оборудованием для производства железобетонных изделий. Но и завода железобетонных изделий (ЖБИ), не говоря о ДСК, из того, что нам показывали, было не собрать: нет комплектности, чего-то не хватает, надо еще докупать, увязывать в единый цикл и т.д.

Постепенно выяснилось, что фирма, которая посулила продать домостроительное оборудование городу, сама этим оборудованием не распола-

гала. У нее не было ни опыта стройплощадки, ни собственных заводов ЖБИ, ни заводов, производящих хоть какое-то строительное оборудование. И фирма-посредник в части своей самостоятельности, компетентности оказалась сомнительной. Мы удивлялись, когда чуть ли не через день нас встречали в разных офисах, создавалось впечатление, что даже собственного офиса у этой фирмы не было. Спрашивается, а что тогда есть за душой? Видимо, отсутствие у итальянской фирмы понятия о продаваемом ею товаре она пыталась восполнить другим — было много, скажем прямо, высокопарной болтовни и угощений.

— «Хорошо, — задаю себе такой вопрос: а если бы была другая фирма, настоящая? Был бы тогда толк в нашей поездке?»

На стройплощадках я видел, как и из чего строят итальянцы. У них, например, делают легкие кирпичные ограждения: погода и природа позволяют. То есть одежда дома простейшая, особо согреть жителей не надо — это уж никак не стыкуется с нашими климатическими условиями. Применяются сборные железобетонные перекрытия. В отдельных случаях выпускают сборные лестничные клетки. Хорошо налажено у них дело с монолитными конструкциями, но, опять же, и здесь своя специфика. Монолит им нужен, потому что сейсмика дает о себе знать, но у них на стройплощадке не встретишь ни солидной и мощной техники, ни многотонных мастодонтов-колонн — им вполне достаточно легких и изящных конструкций. Бесспорно, итальянский, как и любой зарубежный опыт организации работ, полезен. Но ДСК — это особая статья. Поэтому я и сказал раньше, что Италия, пожалуй, самый неудачный адрес для покупки домостроительного комбината. Может быть, где-то оно, заводское домостроение, у них и было, но из того, что нам показывали, у меня сложилось впечатление, что им этого не надо.

Вернулись мы в крепкой задумчивости. Одобрить покупку того, что ни им, ни нам самим не требуется, — это несерьезно. И «нет» сказать — не можем, уж сильно город настаивал. А задумываться, как оказалось, было и необходимо: не мы покупаем и не мы платим деньги, поэтому никто и не собирался нас особо слушать. Выручил из этой ситуации нас Собчак: его решение оказалось мудрым, по крайней мере, соломоновым, поскольку, поясню, проблема разрешилась сама в результате ее собственной скоростной аннигиляции.

Дело было так. По решению Собчака строителям следовало построить внеплановый дом, его должны были продать, и на вырученную от этого валюту купить так называемое оборудование для домостроительного комбината у итальянской фирмы. Итальянцев такой расклад, видимо, устраивал, тем более их принимали на самом высоком уровне, и домой они отбыли накормленные, напоенные, окультуренные и одухотворенные.

Начали строительство внепланового дома. Но что значит «внеплановый»? Просто был выбран один конкретный дом, и все решили: вот он и будет участником сделки с итальянцами. С планом это решение никак не было связано, со строительной программой — тоже. План — сам по себе, внеплановый дом — сам по себе. Иначе говоря, внеплановым его назначили. И что получилось на практике? Тот дом построили, сдали, удачно продали Морскому порту. Порт дал за жилье валюту. А несколько других городских объектов — не построили, не успели. То есть с планом не справились ни по общему числу домов, ни по квадратным метрам. И депутаты, славный совет нашего города Ленинграда — Петербурга, сказали, что внеплановый дом та-

ковым быть никак не может при невыполненном плане. Соответственно, не было получено «добро» на выделение валюты. Это означало, что покупка ДСК в Италии свершиться не может. Вызвали итальянцев, те в амбицию: «Мы же договорились, мы же сделку на высшем уровне подписали, нам слово давали». Слово давали, а денег нет. Нашим только оставалось развести руками. Кто персонально разводил руками — мне неизвестно.

Для треста № 47, если учесть скоро наступившие события, это было и к лучшему, ведь размещать «итальянцев» планировали на территории нашей промбазы. И когда началась приватизация, это добавило бы, не сомневаюсь, немало головной боли. Тут бы и встал вопрос: как делить промбазу и заводское оборудование, как делить взносы — деньги города и наш труд — в доведении промбазы, как говорится, до ума. На тот момент она была недостроенной и требовала солидных вложений. Словом, как говорится в народе, от греха подальше — государева (то есть городская) собственность нам на территории была не нужна.

Спрашивается, а что дали те две недели в Италии лично мне? Монолитное строительство для тех, кто занимался только жильем, могло быть в диковинку. В нашем городе для жилья монолит стал применяться значительно позже, а для нас после Италии все это было уже знакомо. Мы работали в стесненных условиях, когда кран не поставишь, да и панелевоз не подгонишь. Может быть, и хотелось порой сделать что-то из сборных деталей, но, увы, возможности не позволяли. Поэтому жизнь научила нас работать со скользящей опалубкой, с поддерживающими металлоконструкциями, которые, когда нельзя было купить, научились делать самостоятельно. Правда, таких удобных, облегченных, какие видели в Италии, мы тогда не имели. Что касается разборной опалубки, то она была хороших кондиций, вполне европейского уровня. И здесь технология была известна, другое дело, что тогда мы не применяли иностранную опалубку фирм «Дока» или «Пéри». Эту роскошь мы смогли себе позволить позднее.

Многое теперь забылось, и, думаю, напрасно. Мне, например, приходилось слышать рассуждения о том, что для монолитного строительства надо иметь бетонный узел прямо на стройплощадке или отряд бетоновозов с миксерами. И это появилось только теперь, ну, может, лет десять назад. Я могу сказать, что бетононасосами или бетоновозами мы начали пользоваться больше 20 лет назад. С помощью скользящей опалубки мы делали заводские дымовые трубы и как-то не особенно задумывались о новизне метода. У нас была технология закачки раствора на высоту до 60 метров, что не многие и теперь умеют. По горизонтали насосами подавали бетон в цеха, куда иначе никак не добраться, и достигали расстояния 120 метров!

И когда со временем трест перешел на жилищное строительство, то квалификацию свою сохранил. Ни для меня, ни для треста в монолитном строительстве нет новостей. Так что в Италии я никаких для себя открытий не сделал — мы не только знали то, чему нас хотели научить, но мы это делали сами.

Новое и полезное для меня было в том, что я увидел организацию дела, западную структуру строительной фирмы. Еще более значимое — систему привлечения денег. Это потом мы учились и отлаживали систему привлечения денег населения для строительства дома, а у них она была как нечто обычное. Вот это стоило увидеть.

На этом мои, как бы сказал Максим Горький, рассказы об Италии можно закончить.

БЕСЕДА

Анатолий ГРЕШНЕВИКОВ

ПОСЛЕДНИЕ РУССКИЕ

Беседа писателя, депутата Государственной Думы Российской Федерации Анатолия Грешневикова с писателем, лауреатом Патриаршей премии Михаилом Чвановым

Анатолий Николаевич Грешневиков — депутат Государственной Думы, заместитель председателя комитета ГД по природным ресурсам, природопользованию и экологии. Народный депутат РСФСР. В 1993 г. — активный защитник Верховного Совета. Писатель. Журналист. Член СП России. Автор 28 книг. Лауреат премии Союза журналистов СССР и др. Награжден Патриархом Московским и всея Руси Алексием II орденом св. благоверного князя Даниила Московского III степени, орденом преподобного Сергия Радонежского за восстановление памятников истории и культуры, русских православных святынь и др. Почетный работник Росгидромета. **Живет в п. Борисоглебский Ярославской обл.**

Анатолий Грешневиков: *Михаил Андреевич, вы писатель настолько масштабный, глубокий, выдающийся, удивительно редкого пророческого дарования, что коллеги уверенно ставят вас в один ряд с такими великими мастерами современной литературы, как Василий Белов, Валентин Распутин, Виктор Астафьев. Но беседу с вами я хочу начать не с вопроса, как вы стали писателем, а зачем вам, писателю с народной болью, нужно было первым спуститься в глубочайшую пещеру Урала (знаю, следующая экспедиция спелеологов МГУ закончилась трагически), спуститься в опасный поиск, проверяя разные версии пропавшего во время перелета из СССР в США самолета Леваневского, проплыть на паруснике путем Белой армии из Крыма через Босфор и Дарданеллы в Галлиполи, а потом мимо Святой горы Афон в Салоники? А еще были восхождения к кратерам высочайших действующих вулканов Евразии, Памир, Чукотка, кочевка в предзимней приполярной тайге после катастрофы вертолета...*

Михаил Чванов: Ну, как, наверное, понимаешь, катастрофу вертолета в верховьях Охоты в горном узле Сунтар-Хаята я не планировал. Давай будем на «ты», может, это и не «интеллигентно», но я не могу с близкими людьми на «вы». Правда, Валентин Григорьевич Распутин всю жизнь пытался отучить меня от «вы», только под конец его жизни это у него получилось. Давай сразу договоримся, что это будет не интервью, нечто вроде допроса следователя с пристрастием, а беседа, потому что в ответ мне есть что о тебе сказать, о чем тебя спросить. Ну, например, как получилось, что мы, люди одних взглядов, одних друзей,

одной боли по России, всю жизнь шли как бы параллельно и ни разу не пересеклись, и вот уже на моем закате встретились? Видимо, Бог так распустил, что этому надо случиться, поставил тебя мне подпоркой, посчитав, что я еще не все сделал на этом свете. Я попросил у Александра Крутова твой телефон и пригласил тебя на мой Аксаковский праздник. Ни о чем не просив, ты прилетел на мой звонок. Ты с ходу заставил меня снова сесть за компьютер, хотя после всех моих болячек, после которых не живут, и пошлого коронавируса, я смог вспомнить только одну операцию: воткнуть штепсель в розетку. Погонял чуть ли не кнутом, заставил уже сверх моих сил дописать свои мысли об Иване Сергеевиче Аксакове, великом печальнике Русского Народа и всего славянства, а по большому счету — всего человечества. И если там остались какие-то недосказанности — твоя вина. Уж больно ты меня торопил, я сдал рукопись в издательство невычитанной. Там, наверное, проклинали меня до сих пор. И вот ты уже присылаешь мне фотографию изданной книги, как понимаю, на твои деньги. Да, конечно, заботиться о людях — основная задача депутата Госдумы, но у каждого депутата свой огород: у тебя полунищий, многопроблемный Ярославль с полузагубленной Волгой, а ты бросился помогать мне, живущему в Башкирии, где есть свои депутаты Госдумы, но ни один из них ко мне никогда не пришел, не позвонил, не поинтересовался, жив ли я. Я говорю это не в укор им, у них своих дел выше крыши, и я им вроде бы не по их ведомству, просто констатирую факт, не более.

Что же касается моего места в ряду большой русской литературы, место в нем действительно тогда, когда его определяют критики, а критики меня ни в один ряд не ставили, потому как не писали обо мне ничего — ни плохого, ни хорошего. Может, не читали, а может, считали, что я вообще не имею отношения к русской литературе.

Анатолий Грешневиков: *Не спросив разрешения у критиков, почему-то поставили тебя в этот ряд, например, писатель Александр Сегень, замечательный поэт Николай Рычков, выдающийся реставратор и искусствовед, борец за русскую культуру Савва Васильевич Ямщиков, легендарный космонавт, спасший «Союз-7», дважды Герой Советского Союза, академик Виктор Петрович Савиных, который однажды, найдя твой телефон, позвонил тебе, что плакал, читая твой рассказ «Билет в детство», белорусский кинорежиссер Валерий Рыбарев, который, по его словам, наткнулся на твой рассказ в журнале «Сибирские огни» и потом искал твои произведения по российским журналам, потому что в белорусских магазинах твоих книг не было.*

Михаил Чванов: Он не знал, что их не было и в российских магазинах, потому что в последнее время российским издательствам я оказался не ко двору.

Анатолий Грешневиков: *Но почему же Рыбарев тебя не экранизировал?*

Михаил Чванов: Он, я, к сожалению, мало о нем знаю, знаю только, что он, видимо, такой же нищий, как я, — видимо, нищего тянет к нищему, — пошел в Москве к господину Карену Шахназарову, «заведующему

российским кино», который, как он говорил, хорошо его знал и ценил его фильмы. Тот честно сказал, что не знает такого писателя, а потому денег не даст. Загорелись было братья-сербы, потому что в Сербии я как бы был не чужой, по крайней мере, был в 90-е гг., но у сербов не было денег. Наконец, он сумел включить меня в план родной киностудии «Беларусьфильм». Он никак не мог выбрать для экранизации одну повесть из трех, особенно понравившихся ему, предложил это сделать мне, мне даже прислали договор на подпись, но в самый последний момент выкинули из плана, догадайся, по какой причине...

Анатолий Грешневиков: ...

Михаил Чванов: Не ломай голову, все равно не догадаешься... как иностранного автора...

Анатолий Грешневиков: *Тут что-то не так. Подожди, посмотрю Википедию... «Рыбарев Валерий Павлович, заслуженный деятель искусств Белорусской ССР... Художественные фильмы Валерия Рыбарева “Живой срез”, “Чужая вотчина”, “Свидетель” стали классикой не только белорусского кинематографа, но и на равных с фильмами Алексея Германа и Альгимантаса Пууйпы обозначили целое направление в советском киноискусстве. Это направление называли сверхреализмом или гиперреализмом. Оно характеризовалось особым вниманием к реалиям времени, возведением в ранг художественной значимости самых, казалось бы, маловажных деталей. Ни одна белорусская картина не имела столь многоликой аудитории, как у фильма “Меня зовут Арлекино” (1988). Этот фильм вошел в историю белорусского кино как самый кассовый: за первые 15 месяцев демонстрации в кинотеатрах СССР его посмотрело 42 миллиона человек... В последние десятилетия ни одна его задумка не была осуществлена. Где-то из-за саботажа “Беларусьфильма”, где-то подвели российские партнеры, если фильм планировалось снимать у соседей. В одном случае он готов был снимать на свои деньги, но денег не было, продавать было нечего...» Вот, видимо, под эти разборки ты и попал... Подожди... Кончается статья о нем очень невеселым сообщением, готовься: «Умер 25 июня 2025 г. в день своего рождения в возрасте 85 лет в Минске после продолжительной болезни. Ты знал об этом?».*

Михаил Чванов: На, читай, пришло по электронной почте: «Здравствуйте, Михаил! Из Минска к Вам летят горестные известия. Сегодня, в день своего рождения, умер Валерий Рыбарев. Вы были его любимым писателем, каким-то далеким и очень близким по духу человеком. Мне трудно писать о его кончине, но мы часто говорили с ним о Вас, и я решила, что должна сообщить о горестном событии. Вам всего доброго, не сдавайтесь, пишите и будьте здоровы! Светлана Рыбарева».

Анатолий Грешневиков: *Светлая ему память... Помолчим?*

Михаил Чванов: Помолчим...

Анатолий Грешневиков: *Но все-таки давайте вернемся к вопросу: зачем ты отправлялся в эти непростые дороги, прежде чем стать писателем?*

Михаил Чванов: Наверное, для самоутверждения, в дань юношеской мечте, я мечтал стать геологом. Разбирая свои бумаги по наличию теперь свободного времени, я наткнулся на свои дневники школьной и послешкольной поры. И мне стало страшно: неужели это все было со мной? Видимо, Бог заставил это забыть, чтобы можно было дальше жить. У нас была замечательная школа, 65 процентов выпускников поступали в вузы. Как я теперь понимаю, с нашей неуклюжей государственной политикой на селе нельзя иметь хорошие школы, они высасывают село, обрекают его на вымирание. Я закончил школу. Мои одноклассники поступили в разные вузы страны. Приехали, сдав вступительные экзамены, ходят героями. Меня же в это время жестоко избили, точнее, чуть не убили. До сих пор не знаю, кому это было надо. Не Богу же, чтобы направить меня на предназначенный им мне путь? Утром женщина вела девочку в детсад, та уронила под мост мячик, женщина спустилась за ним, а я там лежу в ледяной воде с проломленной головой. Трое суток амнезии, теперь это называют комой. Когда я приду в сознание, следователь спросит, сколько мне лет, я скажу, что учусь в восьмом классе. А тут повестка в военкомат. Заключение медкомиссии: «Вам, молодой человек, нужно оформлять инвалидность, как минимум, второй группы». Выхожу на улицу. Что мы имеем в сумме: туберкулез — результат лежания в ледяной воде, ишемия мозга, выбитое и без того плохое зрение до 0,4 в сумме на оба глаза, проблемы с сердцем, гнойная хроническая ангина... Выход из положения напрашивается сам собой... Но что-то вдруг перевернулось во мне. Я решил, что больше не пойду ни в какие больницы. Занялся закаливанием, в силу возможности — физкультурой. А тут мои старания заметил знакомый аптекарь, бывший фронтовой военврач. Он предложил свой, как он говорил, варварский метод лечения при условии, что я никому о нем не расскажу, ибо это может закончиться для него уголовным делом. Там были адские смеси из кофе, масла, меда, барсучьего жира и еще, Бог знает чего, отчего заходило сердце и оглушительно колотилось в голове, а также уколы, в которые входили мышьяк и стрихнин. Мышьаком, как известно, травят мышей, а стрихнином — крыс. В результате через год я поступил на филологический факультет Башкирского университета. К этому времени я уже почему-то знал, что буду писателем. Но, может, вопреки Богу, которого я тогда не знал, пытался сбежать к детской мечте. Уже на третьем курсе в составе сборной России участвовал в зимнем походе по высокогорной тайге без палаток, с минимумом теплой одежды и еды, спал в снегу. Как потом выяснилось, в том числе на основании этого похода, писалась памятка для подразделений горного спецназа. На четвертом курсе, учась на филологическом, уже руководил спелеологической экспедицией географического факультета университета и областной секции спелеологов-спортсменов по первоисследованию крупнейшей пещерной системы Урала — пропасти Кутук-Сумган, в туристских проспектах она числится как «Пасть Дьявола».

Анатолий Грешневиков: *Министерство геологии СССР не только признало тебя своим, а наградило Почетным знаком «Отличник разведки недр».*

Михаил Чванов: Это была моя первая и до сих пор самая дорогая награда. Но наградой было и другое — мироощущение, которое дало многодневное нахождение в чреве Земли. Пещеры — это как бы обратный космос, но, в отличие от него, ты не видишь в иллюминатор ни родной Земли, ни звезд. Десять с лишним километров лабиринтов, система лагереЙ, из одного в другой ты переходишь, преодолевая новые колодцы, подземные реки, узкие щели. Там нет ни дня, ни ночи, там другое ощущение времени, порой кажется, что его вообще нет. Бывает, подземная река, вдруг всплывшая от прошедших на Земле проливных дождей, закрывает ход, по которому ты пришел, и ты оказываешься в западне. И что поразительно: думаешь, что ты был в этой западне несколько часов, может, сутки, не более, а потом оказывается, что в действительности прошло несколько суток...

Анатолий Грешневиков: *Получилось, что Бог как бы соединил твою детскую мечту с твоим основным послушанием. В результате родилась твоя первая повесть «Лестница в небо», которая предопределила твой дальнейший путь от реальной лестницы из подземного мрака к солнцу, к духовной Лестнице в Небо... В семьдесят с лишним лет, после ряда сложнейших операций, ты, почетный член Союза спелеологов России, спустился в эту пропасть снова.*

Михаил Чванов: Да! МЧС России, Аксаковский фонд и Салаватская епархия РПЦ решили отметить 50-летие первоспуска в пропасть.

Анатолий Грешневиков: *МЧС, Аксаковский фонд — понятно, а причем епархия Русской Православной Церкви?*

Михаил Чванов: На реке Белой, сравнительно недалеко от пропасти, находится в 165-метровой скале Антониева пещера, со временем ставшая неприступной в результате обвала, в которой в XVIII в. жил христианский отшельник. У него была библиотека древних рукописных книг, он благословлял крестом в добрый путь по опасной реке мимо проплывающие барки с железом с Белорецких заводов, в ответ мужики привязывали ему к веревке хлеб. В один день отшельник исчез. То ли погиб во время обвала уступа перед пещерой, то ли убили — кому-то пришла в голову дурная мысль, что он хранил в пещере золото, то ли ушел дальше в сибирские крепости. И я предложил спуститься в эту пещеру, посмотреть, что там, и отслужить по великому Божьему слуге отшельнику Антонию литию. И вниз по 165-метровой отвесной скале, порой с отрицательным углом, пошел первым епископ Салаватский и Кумертаусский Николай (Субботин) — наверное, единственный случай в РПЦ, а за ним настоятель Димитриевского храма в моем Надеждине, «полковой священник» игумен Зосима.

Что касалось моего спуска в пропасть, я полагал, что мы накроем стол около устья пропасти и будем вспоминать, какие мы были герои. А начальник Приволжского поисково-спасательного отряда МЧС, мой друг Вячеслав Климец, с которым мы в свое время вместе были и на Памире, говорит: «Это все потом, а пока надо спускаться!». Чувствовал я себя, мягко говоря, не очень, но не подал виду, зашел за выступ скалы, тайком, для поддержки сердца, глотнул коньяку из фляжки и шагнул за обрыв. По пути я попал в

веревочную петлю страховочной веревки, чтобы выбраться из нее, пришлось совершить что-то вроде сальто, и фляжка с коньяком выскользнула из кармана. «Контрабанду пытались протащить, Михаил Андреевич!» — донесся снизу голос спасателя. Воспользоваться содержимым стальной фляжки не удалось, она лопнула по швам.

Но давай о тебе. Странно, что до сегодняшнего дня мы ни разу не встретились, хотя заочно знаю тебя давно. Впервые услышал о тебе в 2004 г., когда ты в числе 500, а потом будет 5000, вместе с моими друзьями, Вячеславом Михайловичем Клыковым и Александром Николаевичем Крутовым, подписал письмо в Генеральную прокуратуру по поводу массового и открытого издания в Москве иудейского расистского кодекса «Шульхан Арух» Конгрессом еврейских организаций и объединений России, предписывающим евреям следовать ему в наши дни. Что было своеобразным тайным приговором тебе: тебя они внесли в список своих врагов, а внесенных в этот список никогда не забывают. До простого народа редко доходит, что происходит в Государственной Думе. Если судить по нашему телевидению, то там вроде санатория: все друг друга и власть любят и хвалят, и народ вроде бы как справедливо возмущается, что за это благодушные депутатам платят такие большие деньги при нищей стране. Тем самым наше телевидение как бы стравливает народ с Государственной Думой, хотя она далеко не однозначна. Но до меня через того же Крутова доходили твои резкие выступления не только в защиту природы, в частности Байкала и Волги, которая превратилась в каскад полуболот, но и, как оказалось, о твоей надежной борьбе, похожей на бросок Александра Матросова на вражескую амбразуру, против культуртрегеров... Но давай о нас с тобой. Однажды ты в своем интервью поставил меня рядом с глубокоуважаемой мной Наталией Алексеевной Нарочницкой, великим борцом за истинную Россию. Это, может, выше всякого ордена. Но как-то все не получалось с тобой вот так встретиться.

Анатолий Грешневиков: *Кого ты считаешь своим крестным отцом в литературе? В интернете, в немецком обзоре русской литературы второй половины XX в., читаю: «В начале 70-х гг. уфимский писатель Михаил Андреевич Чванов прогремел своим потрясающим по глубине и художественной выразительности рассказом “Билет в детство”, который сразу стал классикой русской литературы...».*

Михаил Чванов: «Прогремел...» Но грома в России никто не услышал.

Анатолий Грешневиков: *Как понять?*

Михаил Чванов: Да очень просто. Он тогда еще не был опубликован. Немецкий обозреватель, видимо, судил по дате написания рассказа в 1971 г., а рассказ был впервые опубликован только в 1982 г. в моей долгожданной книге, наконец вышедшей в московском издательстве «Современник», правда, исковерканной суперрусскими редакторами-придурками. Например, повесть «Лестница в небо» была изъята из книги только потому, что там фигурировали английские, американские, а, по их мнению, прячущиеся еврейские фамилии ученых-астрофизиков, — в святом Русском деле нет

никого страшнее русских идиотов, — и потому это издание я по возможности уничтожил, а уж точно никому не дарил. А в 1971 г. я наивно послал рассказ вместе с рассказами «Сыпались листья» и «Старый мост», кажется, сразу в 10 изданий. Отовсюду получил ответ, в разных вариантах: «Графоман, слабо, надо доработать, не соответствует направлению журнала...». В местном издательстве рассказ «Старый мост» был включен в общий сборник молодых писателей, но чуткая цензура меня засекала. Меня пригласил секретарь обкома КПСС по идеологии, который тоже изображал из себя писателя: «Нам не нужен второй Солженицын». Сравнение было лестное, но могло обернуться не только боком, но и сроком, но, слава Богу, обошлось. Правда, встал вопрос об исключении меня из славной Коммунистической партии, но оказалось, что я был беспартийным, правда, они не знали, что я принципиально не состоял в ней. А два рецензента «Нового мира» за рассказ «Старый мост» меня, кроме определения в графоманы, обвинили в антисоветчине. Оба рецензента в годы «перестройки» благополучно отъехали в Израиль, но это было потом, а сейчас они были вроде следователей НКВД, какими были их папаша. Оказавшись в Москве, я, возмущенный, зашел в «Новый мир».

— Вы сами читали рассказы?

— Мы не успеваем все читать. Мы доверяем своим рецензентам. По поводу антисоветчины рецензенты, может, перегнули, но публиковать ни один из ваших рассказов мы не будем.

В это время раздался междугородный звонок. Дама за соседним столом взяла трубку.

— Завтра в Москве будет Василь Быков, хочет зайти по поводу его повести, — объявила она даме, беседовавшей со мной.

— А вот дайте рассказы прочитать ему! — предложил я.

Я очень уважал его, фронтовика, как большого честного писателя. Дама криво улыбнулась: «Он у нас рукописи не рецензирует, да и не до вас ему». «Ну, все-таки, может, согласится?». Дама молча склонилась над своими бумагами, давая понять, что разговор окончен и что она очень занята. Я встал, намереваясь уходить. «Оставьте один из рассказов, — неожиданно предложила дама, разговаривавшая с Василием Владимировичем по телефону. — Попробую предложить, смотря по обстановке, у нас предстоит с ним непростой разговор». Например, «Билет в детство». Мне, конечно, хотелось, чтобы он прочел «Старый мост», из-за него меня обвиняли в антисоветчине, в моем положении было глупо спорить... Через месяц я получил от Василия Владимировича письмо:

«Дорогой Михаил! Ваш рассказ “Билет в детство” просто прекрасен. Замечательный рассказ! Я не вижу в нем недостатков. Читать его было сплошным наслаждением. Пиром души. Очень точно, очень емко, очень трогательно. И все так верно! Чувствую по себе, по своему опыту: мне тоже никогда не хотелось в детство, по ряду причин я его ненавидел... Рассказ этот свидетельствует о том, что Вы можете. Можете многое. Только не надо растрчивать себя по пустякам, соберитесь с силами и напишите что-нибудь значительное, емкое и правдивое. Конечно, написать такое в наше время — дело весьма трудное, но это уже другой вопрос. Вы очень способный прозаик, талант Ваш очень глубок, постарайтесь распорядиться им достойным образом. А пока дай Вам Бог!.. Не верьте там разным... Больше слушайте

самого себя, талант Вам подскажет...» Надо ли говорить, что я был ошеломлен.

При случае я показал письмо Василя Владимировича Быкова главному редактору лучшего в ту пору еженедельника «Литературная Россия» Эрнсту Ивановичу Сафонову, единственному, кто меня тогда печатал. Эрнст Иванович, светлый человек, сказал мне: «Вам обязательно надо встретиться. Я выпишу командировку, езжай к нему, сделай интервью, я его опубликую. Но он же под негласным запретом. А я все равно опубликую, никакой официальной бумаги о запрете я не получал, этим и воспользуюсь». Не знаю, встретился с ним в Москве или ездил к нему Василий Иванович Белов с предложением объединиться в борьбе против общей заразы. Я позвонил Василию Владимировичу, он жил тогда в Гродно. «Приезжайте, буду рад познакомиться лично, а насчет интервью поговорим на месте». Приехав в Гродно, я позвонил ему с вокзала. Он встретил меня у подъезда на лавочке. Домой не пригласил. Извинился: «Умирает жена от рака, по всему, последние дни, сейчас там родственники, медсестра, капельницы, резко обострилось вчера, иначе бы я вас пригласил, так что простите!.. Что я скажу: если не свернете с избранного пути, который вам подсказало сердце, вас ждет нелегкая судьба, раз выбрали такую дорогу в литературе. Совесть не даст лебезить. Уверен, что вас не сломят, у вас есть стержень. Смогу ли я рекомендовать вас в какой-нибудь журнал, в тот же “Новый мир”, то в этом, как понимаете, я плохой помощник, даже наоборот, могу навредить. Скоро поймете, почему. Кстати, в “Новом мире” мою повесть тоже отказались публиковать. Запомните главное: писать надо не для того, чтобы как можно скорее издаться, как ни велик соблазн, а, как это ни печально, “в стол”. Время все расставит на свои места, а время такое придет, к сожалению, может, уже после...». Он не договорил: «А стремиться обязательно напечататься сегодня к вечеру — кроме официальной цензуры, свора бездарных редакторов, которые злее цензоров, которые пошли в издательство, чтобы в конце концов протащить свою халтуру, — не заметишь, как скоро станешь сам себе цензором, похлеще официальных цензоров, а это уже смерть писателя, и обратного пути нет, это как рак.... Что касается интервью, давай откажемся от него: правду не скажешь, а иначе, какой смысл... Прости, что я разрешил тебе приехать, мне хотелось увидеть тебя, я думал: поговорим, покажу тебе город, но вдруг у жены резкий кризис, ты уже был в поезде, не предупредишь... А интервью не будем писать, Эрнст Иванович — бесстрашный человек, конечно, его опубликует, но тем самым погубит себя и газету, а заодно и тебя, он об этом не подумал...» Я осторожно спросил: «Была ли встреча с Василием Ивановичем Беловым?». «Да, приезжал, — неохотно ответил он, — звал на баррикады, а он не умеет слушать, слышит только себя. Говорю: не губите себя в пустой сегодняшней болтовне, вы великий писатель, это ваше поле боя. Разговора не получилось... Вы устроились в гостиницу? Я думал, поживете у меня, но вот, видите...»

В гостиницу я не стал устраиваться, прошел небольшой полупольский городок вдоль и поперек, вечерним автобусом уехал в Минск. Скоро я понял, о чем он меня предупреждал: в партийной и непартийной печати началась массированная травля писателя. Кто только, где только не писал о нем пасквилией! Воевал Василь Владимирович в противотанковой артиллерии,

что часто — впереди пехоты, с 85 процентами потерь личного состава. Был у него такой случай: наткнулся на братскую могилу, где в числе погибших в жестоком бою обнаружил свою фамилию, а он в том бою был только тяжело ранен. Потом эту могилу перенесут на городское кладбище и, разумеется, фамилию Быкова уже на общей плите не поместят. Так найдется «литературный критик», который напишет, что историю со своей могилой он придумал в качестве самопиара... Вынужденный покинуть родину из-за своей негибкости (прав или неправ был — другой вопрос, при случае поговорим), не находя для души места, переезжал из страны в страну, попросился вернуться на родину за месяц до своей смерти — 22 июня 2003 г., в годовщину начала Великой Отечественной войны... Ты задел мою большую рану. Если раньше я говорил, что боюсь, что не оправдал надежд Василя Владимировича Быкова, то теперь точно могу сказать, что не оправдал. Очень уж много мотало меня из стороны в сторону. Может, даже, что растратил я себя и не по пустякам, но все это уводило от главного, постоянно жил с чувством, что я делаю за кого-то другого, но другой так и не объявился. И бывало, что грешил против своей совести, хотелось скорее напечататься, и у цензуры ко мне уже не было больше вопросов. А порой задумаюсь, может, это и было главное, что я считал для себя второстепенным?

Анатолий Грешневиков: *Как я понимаю, это ты о семье Аксаковых?*

Михаил Чванов: Наверное. Еще в юности я написал маленькую книжицу «Аксаковские места в Башкирии» — исключительно из недоумения: стоит в Уфе дом, в котором провел детство великий русский писатель Сергей Тимофеевич Аксаков, и никому до этого нет дела. Правда, тогда его называли только замечательным описателем русской природы, и еще долгие годы в моих статьях вроде бы русские редакторы упорно вычеркивали определение «великий», пока этого не сказал Вадим Валерьянович Кожинов, ему, пусть не все, поверили. Я наивно полагал, что после моей книжицы все бросятся устраивать в этом доме музей, но оказалось, что никого моя книжица не подвинула. Мало того, оказалось, что этот старинный красивый дом предназначен под снос, чтобы на его месте построить архитектурный шедевр той поры — безликую хрущевку. С великими патриотами России, уфимскими краеведами Георгием Федоровичем и Зинаидой Ивановной Гудковыми нам удалось спасти дом от сноса, а потом уговорить правительство республики организовать в нем Мемориальный дом-музей С.Т. Аксакова. А потом, опять-таки исключительно из-за того, что музей стал пасынком у Министерства культуры, я, успокаивая себя, что временно, стал его директором. По большому счету, признаюсь, в жизни я неудачник, но все, что касалось Аксаковых, рано или поздно получалось, самые, казалось, неразрешаемые проблемы вдруг разрешались. Словно кто-то вел меня по жизни в этом направлении, может, вопреки моим планам.

Анатолий Грешневиков: *Это был первый твой музей. А потом ты создал на пустыре Аксаковский историко-культурный центр «Надеждино», который ныне известен далеко за пределами России и который является духовным центром ежегодного уже XXXIII Международного Аксаковского праздника. В Надеждине на пепелище ты возродил усадебный*

дом, в котором родился Иван Сергеевич Аксаков, и создал в нем второй твой музей — семьи Аксаковых.

Михаил Чванов: Поступив после окончания университета на работу в молодежную газету, разумеется, с названием «Ленинец» (а газет с другими названиями в то время не существовало, а пригласили меня туда из-за моих экспедиционных репортажей из пропасти Кутук-Сумган), в какой-то день я попросил командировку в Белебеевский район: «Там в селе Надеждино было имение Сергея Тимофеевича Аксакова, говорят, что усадьба сгорела еще в Гражданскую войну, а вот церковь якобы сохранилась, правда, полуразрушена». «Ты что, восстанавливать ее собрался, когда закрывают действующие церкви? — спросил меня главный редактор. — Никита Сергеевич вон собирается в скором времени показать последнего попа! Нет? Поезжай на следующей неделе в Миякинский район, впереди посевная, партия взяла курс на всемерное развитие кукурузоводства. Сельчане консервативны, приходится подгонять». Можно было поехать в Надеждино в субботу или воскресенье, ни от кого не завися. Но почему-то мне надо было ехать именно завтра, а почему, я не мог объяснить самому себе. «Давайте, я поеду с этим вопросом прямо завтра, но в Белебей?» Я думал, что редактор откажет, но он даже обрадовался моему рвению.

Итак, я ехал учить белебеевских мужиков, как сеять кукурузу квадратно-гнездовым способом. Председатель колхоза, на территории которого было Надеждино, конечно же, имени Карла Маркса, Равгат Тухватович Евбатыров, крутой башкир, фронтовик, встретил меня сдержанно-хмуро. Когда я заговорил о кукурузе, он совсем помрачнел, но все-таки согласился поехать со мной по будущим кукурузным полям. «А в Надеждино мы заедем?» — спросил я его. «Обязательно, завтра мы должны взорвать там остатки церкви, райком партии мне плешь проел: “Убери да убери, торчит как гнилой зуб посреди села у большой дороги”. Сегодня по пути заедем к нефтяникам в Шкапово, окончательно обговорим». Я стал уговаривать его не делать этого, говорил, что это преступление. А он: «Она не числится в памятниках истории и культуры». После долгих дебатов, одно время он чуть не высадил меня посреди будущих кукурузных полей из машины, договорились, что он, по крайней мере, повременит под предлогом, что отказались взрывники, что им строго запрещено по инструкции выполнять боковые заказы. Позже он стал первым секретарем райкома партии. Теперь уже обком партии гнобил его: «Убери церковь!». А он тянул, пока не наступили иные времена. Наступило 200-летие со дня рождения С.Т. Аксакова, оно было включено в календарь знаменательных дат ЮНЕСКО. Москва корчилась в перестроечных конвульсиях, страна молчала в жутких предчувствиях, спасала душу мыльными латиноамериканскими сериалами. Но Башкирия, о которой тогда либералы, нагнетая на страну жуть, вопили, что она готовится выйти из России, готовилась, несмотря ни на что, торжественно отметить юбилей великого земляка: в Уфе открыли Мемориальный музей С.Т. Аксакова, в доме, в котором он провел детство; в Надеждино проложили асфальт, провели водопровод, газ. Вместо небольшого аксаковского пруда с навозной плотиной построили большой красивый пруд, и опять встал вопрос с церковью. Меня пригласил председатель Совета министров Башкирии, татарин Марат Парисович Миргазямов: «Приедут большие го-

сти, в том числе из-за рубежа. А у нас на центральной площади — развалины церкви. Восстанавливать за государственный счет мы не можем, меня сразу исключат из партии, уволят с волчьим билетом, если вообще не посадят. Как ни крути, остается убирать». Он замолчал. И я молчал. «Что будем делать?» — наконец спросил он. «А давайте мы, советские люди, будем восстанавливать не церковь, а здание бывшей церкви без крестов под библиотеку им. Ивана Сергеевича Аксакова, который в Надеждино родился». «Ну, даешь! — усмехнулся Марат Парисович, покачав головой. — Ты меня под уголовную статью подводишь». Он опять надолго замолчал, а потом махнул рукой: «Давай!». Так мы, правда, уже не в самую оголтелую пору борьбы с религией, начали восстанавливать храм во имя вмч. Димитрия Солунского, покровителя всего славянства и русского воинства, в котором крестили великого сына России Ивана Сергеевича Аксакова. Пройдут десятки лет в многотрудных делах, Президент Муртаза Губайдуллович Рахимов издаст указ о создании Аксаковского историко-культурного центра «Надеждино». Лет, наверное, уже десять назад я заехал к Равгату Тухватовичу Евбатырову. «Знаешь, — скажет он, — у нас в роду не было мужчин-долгожителей, один я. Я вот думаю: может, Аллах засчитал мне, что я не взорвал русскую церковь?» Вот эти два, тогда тайных мусульманина, башкир и татарин, для меня более русские, чем многие, кто тогда сидел в Кремле.

Анатолий Грешневиков: *Да, ныне Аксаковский историко-культурный центр «Надеждино» широко известен за пределами России: в нем еще памятник С.Т. Аксакову работы народного художника Белоруссии, скульптора Ивана Миско, школа народных ремесел, сейчас строится воскресная школа. Он стал духовным центром Международного Аксаковского праздника. Сюда едут неравнодушные к истории России люди от Камчатки до Калининграда, из многих стран мира.*

Михаил Чванов: Строю не я, строят мои мужики-единомышленники, не жители Надеждина, не родственники Аксаковым, и я им никакой не начальник. Огромная роль в становлении храма его бывшего настоятеля, игумена Зосимы (Кеева), определенного нами в «полкового священника» Аксаковского фонда. Он стал сердцем не только храма, но и села. Как я уже говорил, он бесстрашно, несмотря на свои болезни, спустился в пропасть Кутук-Сумган. Когда спасатели пытались его остановить, что без специальной подготовки не просто опасно, он резонно ответил: «Какой же я тогда — “полковой священник” Аксаковского фонда?!». Мы лежали с коронавирусом в соседних больницах, он каждый вечер звонил мне: «Молю Бога за вас!». Он отмолил меня у Бога, а в один вечер не позвонил... На днях мы собрались в Надеждине с нынешними главными попечителями Надеждина — удивительными людьми: председателем Наблюдательного совета группы компаний «Нерал», занимающейся не «купи-продай», а сельским хозяйством, башкиром Эрнстом Фаритовичем Исаевым и генеральным директором Белебеевского молочного комбината, (наверное, встречал в московских магазинах его сыр) украинцем Евгением Тадеевичем Линкевичем. Убедились, что строительство идет по графику. Кстати, строят ребята-мигранты, строят добротнo. Я не раз говорил Эрнсту Фаритовичу, может, не

совсем деликатно: «Вы, наверное, сами не подозреваете о том, что давно стали православным христианином?». Он упорно отвечает: «Нет, я мусульманин».

Анатолий Грешневиков: *Прости, опять этот вопрос: почему, как ты говоришь, последнюю свою книгу-работу (уверен, что она будет не последней) посвятил именно Ивану Аксакову? О нем уже немало написано.*

Михаил Чванов: Наверное, будет громко сказано, но, может, это мое основное жизненное служение, послушание. Может, не случайно Бог или Богородица, или они вместе, послали меня в Надеждино за день до взрыва церкви, и именно во имя Димитрия Солунского, в которой его крестили, заставили восстановить дом, в котором он родился. А немало написано, может, и потому, что встал этот духовный центр как напоминание о нем. Иван Сергеевич Аксаков занимает особое место не только в русской и общеславянской, но и мировой духовной мысли. И пока далеко не все это понимают. Они не случайно были очень близки с Федором Михайловичем Достоевским и во всем поддерживали друг друга. В некоторых мыслях он был не то чтобы глубже Достоевского, а может, трезвее. И если многие пророчества Достоевского, прямо скажем, абсолютно неосуществимы, как, например, о проливах Босфор и Дарданеллы, то горькие пророчества о «тайне беззакония» оправдались в полной мере, даже более. Он, несомненно, был монархистом, но был далеко не в восторге от существующей романовской монархии, и она отвечала ему этим же. Многие считали его либералом, он говорил неприятное в глаза официальной Церкви, она в ответ мудро молчала. Он был великий и даже «главный» во всем мире славянофил, но в некоторых мыслях как бы не совсем славянофил. Порой почти полностью из отчаяния вырывался он из себя, а потом снова возвращался, еще больше убеждаясь, что иного спасительного пути не только для России нет. Он видел его продолжение не только в едином славянстве, но и в едином человечестве. Да, о нем много написано, но больше в литературоведческо-общественном плане. А кто, например, попытался понять, в чем заключалась глубинная суть его дружбы с великим русским полководцем Михаилом Дмитриевичем Скобелевым, «Суворову равным», которого у нас представляют таким лихим рубакой-парнем в белом кителе на белом коне, отличившимся в Средней Азии и Болгарии, не более? А он был глубоким мыслителем-государственником, и у него были свои мысли о будущем государственном устройстве России. Если Европа боялась его прежде всего как великого полководца, то в царских палатах боялись, что он может со всей своей полководческой решительностью в поступках попытаться реализовать свои идеи в жизнь. Может, это и стало причиной его таинственной смерти. Его дружба с Иваном Сергеевичем Аксаковым была такого большого доверия, что он однажды придет именно к нему с тревогой, что за ним, кажется, следят, и попросит у него оставить пакет с оставшимися неизвестными нам документами. В эту ночь он будет убит, а убийство квалифицируют как сердечный приступ или оторвавшийся тромб. Что за документы были в этом пакете? Какова их судьба? Некоторые предполагают, что их выкрали у Ивана Сергеевича на следующий день после смерти Скобелева. Или он уничтожил их сам, чтобы не была раскрыта их тайна? И.С. Аксакова и М.Д. Скобелева связывала непонятная для многих, а других, может, на-

оборот, понятная и тревожащая их дружба с другим великим русским человеком, выдающимся разведчиком, геополитиком, дипломатом, графом Николаем Павловичем Игнатьевым. Его «самый русский» царь Александр III, плохо говорящий по-русски, в котором было, кажется, всего 0,02 русской крови, сначала назначил министром внутренних дел, но когда тот представит ему проект государственного переустройства России, составленный, видимо, не без участия Аксакова и Скобелева, немедленно уволит, даже не встретившись с ним, запиской: «Я пришел к убеждению, что вместе мы служить России не можем. Александр». В чем состоял смысл дружбы этой троицы, смысл их тайных встреч, явно не в карточной игре? По одной из версий, глубоко русский М.Д. Скобелев, недовольный состоянием дел в стране и немецкой Романовской династией, был склонен к государственному перевороту, а Аксаков с Игнатьевым убедили его пойти по пути земских реформ, но для этого нужно было тоже расчистить путь. Граф Н.П. Игнатьев умрет через несколько лет после смерти М.Д. Скобелева от того же сердечного приступа, а еще через несколько лет с таким же диагнозом умрет Иван Сергеевич Аксаков.

Анатолий Грешневиков: *А несколько лет назад в Уфе был открыт третий твой музей — Музей полярников имени другого твоего великого земляка, выдающегося полярного исследователя Валериана Альбанова, прототипа штурмана Климова в романе Вениамина Каверина «Два капитана». Десятки лет у тебя ушло на то, чтобы размотать клубок его трагической судьбы. До твоих поисков даже не знали, где он родился, где умер. В результате появился роман-поиск «Загадка штурмана Альбанова», и все поражаются: полярный музей в середине России! Я был свидетелем, как специально прилетевший помощник Главнокомандующего Военно-морским флотом России вручил тебе медаль «За морские заслуги в Арктике» за твои многолетние и многотрудные экспедиции по разгадке судеб морского летчика С.А. Леваневского и морского штурмана В.И. Альбанова. Вместе с тобой такой медалью был награжден ваш друг и соратник, выдающийся военный и полярный летчик, бывший командующий авиацией ФСБ, личный летчик В.В. Путина по горячим точкам Кавказа Герой России генерал-лейтенант Н.Ф. Гаврилов.*

Михаил Чванов: Что касается этого музея, это исключительная заслуга Главы Республики Башкортостан Радия Фаритовича Хабирова. Он принял идею создания музея близко к сердцу. Посмотрев дом на Аксакова, 6, в котором Альбанов провел детство, он позвонил мне: «Дом маленький, в нем сложно будет проводить экскурсии, к тому же у нас нет ни одной личной вещи Валериана Альбанова, чтобы создать мемориальный музей его имени. На соседней улице мы недавно отреставрировали старинный двухэтажный особняк, а что, если мы в нем создадим Музей полярников имени Альбанова? В нем могли бы рассказать о других наших земляках-полярниках». Разумеется, я согласился. Ну, можно было издать указ о создании музея и на этом закончить в непрерывном кругу более важных дел. Он же практически стал директором музея, помогает искать экспонаты, решает насущные вопросы, принципиально проводит в нем заседания регионального отделения Российского географического общества.

Анатолий Грешневиков: *В книге «Мы — русские?», за которую ты получил Большую литературную премию Союза писателей России, да и в других книгах ты часто задаешься вопросом: кто мы — русские? И остались ли мы русскими? И что из себя представляет ныне русский народ? Каково наше предназначение на Земле?*

Михаил Чванов: В представлении этой книги на премию В.Н. Ганичев убрал знак вопроса с обложки. Для него, видимо, было ясно, кто мы — русские. А я окончательного ответа на этот вопрос до сих пор дать не могу. Могу только сказать, что понятие «русский» для меня — не понятие крови, а отношение к Отечеству, к Богу. И для меня многие башкиры, татары, якуты, оставаясь башкирами, татарами, якутами, более русские, чем многие русские по паспорту. Впрочем, по паспорту теперь не поймешь, кто за ним прячется. Хитрые люди, чтобы скрыть свою национальность, а главное — веру, как было при царе-батюшке, добились, чтобы ни первого, ни второго в паспорте не было. Татары и башкиры пытались протестовать, ждали от нас, русских, поддержки, а мы — молча и стеснительно — это проглотили, у нас это не встало в горле комом. То есть, ратуя за звание великого народа, мы послушно отказались даже от своего имени. Какие мы после этого русские? Запишут нас завтра по чьей-то прихоти зулусами, или просто пронумеруют — по всему, к этому нас ныне ведут, — мы и на это согласимся. Может, мы уже давно отличаемся от тех настоящих русских, что были в пору Куликова поля, как нынешние греки от древних? Меня, русского, коробят истеричные статьи, доказывающие, что мы, русские, — великий народ. Ну, во-первых, это свойство малых или неполноценных народов — постоянно вопить о своем, как правило, несуществующем величии, ничего не делая для него. А во-вторых, кем нам выдана эта индульгенция на величие? И если все-таки выдана — то что? До скончания века мы будем благодушно лежать на пуховых перинах и иногда для прозрения — на лагерных нарах? А еще, убаюкивая самих себя, любим говорить, что мы, русские, под Покровом Богородицы, а значит, Она не даст нас в обиду, и мы как бы в вечном санатории с надежной охраной, в котором ничего не надо делать, только надеяться на Ее Покров. Покров Богородицы — если и есть над нами, то только до тех пор, пока мы его сколько-нибудь достойны.

Сергей ФЕДОРОВ

«МЫ НОВУЮ ИСТОРИЮ РОССИИ СЕЙЧАС НА ПОЛЕ БОЯ СОЗДАЕМ»

Сергей Владимирович Федоров — родился в 1978 г. в г. Астрахани. Поэт, переводчик, автор сборника стихотворений «Русские пришли!» и двух сборников переводов с лезгинского языка стихотворений народного поэта Республики Дагестан Саидгасанова. Публиковался в журналах «Доля», «Крым», альманахах «Царицын», «Астраханское время», «Мгинские мосты», «Славянское слово» и др., а также на крупных литературных сайтах. Ветеран боевых действий, принимал участие в контртеррористической операции на территории Северо-Кавказского региона в составе Объединенной группировки войск, имеет ранения. **Живет в г. Астрахани.**

АЛЕШКА

Зарябило Русь, замело,
Ржавь укрыло фатой белоснежной.
Покидаю родное село
Я под посвисты оси тележной.

И бежит со слезами за мной
Межеумок соседский, Алешка.
Гляну строго, подерну рукой —
Мол, отстань, уходи, баламошка!

Ведь простудишься, дурья башка!
Ну куда ты сопливый да босый?
Погляди — там вверху облака
Топчет месяц кобылой белесой.

А в глазах его тихая грусть,
И в груди так мучительно душно...
Я вернусь, слышишь, скоро вернусь!
Не печалься напрасно, не нужно!

Погляди, как красиво вокруг,
И, меня покрестив на дорожку,
Возвращайся домой, старый друг,
Возвращайся, мой добрый Алешка!

ПРОСТИ МЕНЯ, КОМВЗВОДА...

В темном тамбуре холодном
Коромыслом сизый дым.
Ты прости меня, комвзвода,
Что остался я живым.

Что сейчас в окно на елки
Безразлично я гляжу,
Что не рядом в лесополке
Я с тобой, мой друг, лежу.

Что не в цинке еду к маме
Через брянские леса,
Что не лег под образами,
Что не с вами — в небеса.

Знать, кому-то нужно было,
Чтобы я вернуться смог.
Чтобы знали: русский — сила!
Чтобы знали: с нами Бог!

И на выцветшем погосте
Сидя на исходе дня,
Я опять на третьем тосте
Попрошу — прости меня...

Я «ТРИСТА», МАМА...

Я «триста», мама, не переживай!
Все хорошо, жизнь не стоит на месте.
Побитый малость, да в душе раздрай,
Но «триста» — это все-таки не «двести».

Все цело, мама, — ноги, голова,
Осколками немного зацепило.
И знаешь, мама, ты была права,
Когда про долг солдата говорила.

Про деда, что в апреле брал Берлин,
Про батю, что горел под Кандагаром,
Как брат погиб, не спрятавшись от мин,
В чеченскую войну в ауле старом.

Мы русские, и этим мы сильны!
Мужчины мы, и это — наше кредо!
Мы верные сыны своей страны!
И жизнь положим на алтарь Победы!

Прямой дорогой с поля боя — в Рай,
Не запятнаем офицерской чести!
Ты, мама, только не переживай, —
Я «триста» — это все-таки не «двести»...

РУССКИЙ ДУХ

Опять летят, жужжа, стрекозы дронов
И в сумерках высматривают нас.
Опять мы занимаем оборону:
Стоять, не отступать — такой приказ.

А ведь война-то нынче не такая,
Не та, что два десятка лет назад, —
У нас снаряды стаями летают,
И бесполезен, в общем, автомат.

И не дает покоя вражья стволка,
Работает хохляцкая артá,
Пылает в километре лесополка,
В сплошном дыму не видно ни черта!

Хрипит в углу усталая радейка:
— Фагот! Фагот! Как слышите меня?
И пот струится змейкой липкой, клейкой,
И где-то раздается стрелкотня.

А завтра утром снова наступаем.
Не всех из нас порадует закат.

Учредитель
Общество с ограниченной ответственностью
«Издательский дом “Родная Ладога”»

Контактные телефоны редакции:
+7 (921) 311-31-87 (*В.В. Ефимовская*)

Почтовый адрес редакции (*для рукописей и писем*):
196244 п/я № 8. *В.В. Ефимовской*

Электронный адрес редакции:
e-mail: tradicia-mag@mail.ru
<http://rodnayaladoga.ru>

Юридический адрес (не для писем и рукописей):
198188, Санкт-Петербург,
улица Васи Алексева, дом 6, литера А, офис 318.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов материалов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

*Журнал безгонорарный, издается на основе безвозмездных отношений.
Редакция допускает авторскую орфографию материалов.*

Изображения в журнале взяты из открытых источников.

Цена свободная

Корректор *Галина Ильина*
Компьютерная верстка *Татьяна Макарова*

Подписано в печать 29.05.2026 г. Формат 70×100¹/₁₆.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 26,0.
Тираж 500 экз. Заказ 26НФ-065028.

Отпечатано в типографии ООО «Типография Лесник»
197183, Санкт-Петербург, ул. Сабировская, д. 37, лит. Д, офис 206.